

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.Н. ДОБРОХОТОВ

Джордж Кеннан:

**ПЕЧАЛЬНЫЙ ПРОРОК
ТРАГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ**

Проект «Аргументы истины»

Москва ◆ 2014

Доброхотов Л.Н. Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 319 с.

Авторы идеи и концепции проекта
«Аргументы истины»:
академик Г.В.ОСИПОВ
и доктор философских наук А.С.КАПТО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
С.Н.БАБУРИН, С.Ю.ГЛАЗЬБЕВ, Н.К.ГОРШКОВ,
А.С.КАПТО (председатель),
В.С.СТЕПИН, А.П.ТОРШИН, Ж.Э.ТОЩЕНКО

Редакционная коллегия:
О.В.Дейниченко, А.С.Капто (председатель), С.В.Рогачев,
А.А.Сазонов, В.В.Суходеев

Нынешнее резкое обострение отношений России с США после дела Сноудэна, кризиса в Сирии и особенно конфронтации вокруг Крыма и Украины заставило говорить о новой «холодной войне». А ведь ее окончание было отпраздновано на Западе и в России уже четверть века назад! Отсюда интерес к тому, как все это начиналось. А начиналось давно: еще до того, как советские и американские войска встретились на Эльбе, в Вашингтоне начали планировать разгром того послевоенного мира и той победоносной мировой державы, которые возникли на месте разгромленного рейха ценой великих подвигов и жертв нашего народа. Как планировалась и как осуществлялась американская контратака против России, лучше всего знал главный архитектор и идеолог той «холодной войны» Джордж Кеннан. И то, что в конце жизни он разочаровался и чуть ли не покаялся, ничуть не меняет его роли и ответственности. Тем более, что новая «холодная война» явно кроится по лекалам старой. Об этом говорится в книге.

ISBN 978-5-7556-0521-2

© ИСПИ РАН, 2014
© Л.Н.Доброхотов, 2014

Джордж Кеннан:

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПРОРОК ТРАГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Вступление

Склонность видеть себя центром политического просвещения и учителями большей части мира поражает меня непродуманностью, хвастливостью и несуразностью. Если вы считаете, что наша жизнь здесь имеет похвальные стороны, заслуживающие подражания людьми по всему свету, лучшим способом им это рекомендовать является, как это утверждал Джон Куинси Адамс, не поучать других и не читать им проповеди, а убеждать своим примером. Лучше и не скажешь.

Джордж Фрост Кеннан¹

У кого-то может сложиться впечатление, что вышесказанное – прямой отклик на события наших дней – второго десятилетия XXI века, когда большинству людей не только в нашей стране, но и в США, и в мире стало очевидным, что триумфализм американцев по поводу распада СССР и перехода его союзников в противоположный стан, декларации о «конце истории» (т.е. окончательной, «навсегда» победе идей либерализма и окончательном крахе левых, прежде всего социалистических идей), их претензии на глобальное лидерство, якобы ниспосланное им свыше, оказались неподтвержденными, более того, опровергнутыми исторической практикой. А сама Америка очутилась в глубоком, системном, прежде всего ценностном омуте.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году и бушующий до сих пор, подтвердил ключевой тезис марксизма о неминуемости таких кризисов как родовой болезни капитализма. Уже в ходе событий 90-х годов и позднее стало окончательно ясным, что титанические усилия, потраченные США и Западом в целом на подрыв СССР и слом существовавшего в нашей стране строя, были не только и не столько идеологической борьбой с коммунистическими идеями (хотя преуменьшать эту цель западников нельзя ни в коем случае). Это была реинкарнация древней, как

¹ «Время новостей». 2005, 21 марта.

мир, борьбы Запада против России, западной «иудейско-христианской» (Дж.Буш-младший) цивилизации против восточной православной цивилизации, очередная и, как казалось на Западе, особенно в США, победоносная, окончательная битва, нацеленная на уничтожение России как противостоящего ему геополитического гиганта, сердца Евразии.

Через четверть века выяснилось, пользуясь афоризмом Марка Твена, что слухи о кончине России как великой державы и евразийской культурно-политической альтернативы Западу оказались сильно преувеличенными. Нас здорово потрянуло за эти 25 лет, мы понесли тяжелые утраты, но Россия жива и не только не собирается сдаваться, но и переходит в контратаку, намерена вернуть то, что было завоевано и завещано нам предками, принадлежит по праву. Мы наконец-то поняли, что мы не иваны, не помнящие родства.

С другой стороны, те же годы показали, как медленно, но верно, именно после конца СССР, стал оседать и рушиться американский «хрустальный храм на вершине холма». Речь не только об экономике и социальной сфере, набравших свою мощь и привлекательность именно вследствие сопоставимости с СССР и социалистической моделью, страха проиграть в сравнении с ними и в мировом масштабе, и в глазах собственного населения, а теперь – в отсутствие альтернативы – отброшенных в тех же Штатах и во многих странах Европы к описанным еще Чарльзом Диккенсом временам дикого капитализма. В этой связи парадоксальным выглядит обвинение политического обозревателя «Нью-Йорк таймс» Билла Келлера в том, что Путин, отстаивая альтернативную цивилизационную модель, якобы планирует утянуть мир в прошлое².

Одновременно американцы и их союзники начали терпеть одно поражение за другим в реализации планов мирового господства в условиях существования «единственной сверхдержавы» посредством прямых военных интервенций и использования «мягкой силы». Первоначально преуспев в расчленении Югославии, а затем подчинении воле НАТО и ЕС Сербии, США фактически потерпели затем серию жестоких поражений в случаях с Афганистаном, Ираком, Ливией, Сирией и приблизились к грозящей как минимум региональной, а как максимум мировой катастрофой агрессии против Сирии и Ирана. Предотвращены они были (надеемся, навсегда) благодаря списанной Западом со всех геополитических счетов России. Но не только поэтому.

Конфликт вокруг Сирии, переросший в США в острейший внутривосточный конфликт, продемонстрировал еще недавно казавшееся немислимым: подавляющее число граждан страны (и реагирующих на их настроения законодателей) высказались категорически против военного удара по этой стране, что заставило президента Обаму отказаться от запланированной

² См. *Keller B. Russia vs. Europe* // “The New York Times”. December 15, 2013.

и подготовленной агрессии и пойти на фактически навязанный Россией мирный компромисс. Но конфликт выявил и еще более интересный феномен – появление в стране набирающих все большую популярность изоляционистских настроений, напоминающих страницы американской истории после Первой мировой войны. Смысл этих настроений был все тем же: не надо лезть в конфликты в других странах, нападать на них и тем более воевать там, тем более, что все это оборачивается большими бедами не только для них, но и для самих американцев. У Америки полон рот своих бед и проблем, чтобы навязывать другим странам свою волю и свою модель развития.

Именно в те критические для США и всего мира дни сентября 2013 года в «Нью-Йорк таймс» появилась статья Президента Путина с изложением российской позиции по данному вопросу. Главным, вызвавшим в Штатах огромную и крайне противоречивую реакцию, был следующий путинский абзац, по его собственному признанию, собственноручно вписанный в текст перед отсылкой его в редакцию газеты: «Президент США предпринял... попытку обосновать исключительность американской нации. Проводимая США политика, по словам Президента США, «отличает Америку от других». «Вот что делает нас исключительными, – прямо заявил он. – Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными»³.

Если читатель этой книги вновь взглянет в свете этого на предпосланное ей высказывание американского дипломата и ученого Джорджа Кеннана, относившееся к 1999 году, то увидит разительные совпадения в этих отстоящих друг от друга на 14 лет декларациях принципов. Разумеется, для всех нас, а не только биографов Путина важно понимание значительной эволюции взглядов самого российского президента за этот период и особенно причин этой эволюции.

Но тема этой книги – Кеннан. Причем мы избрали данную тему не только и не столько из-за интереса к самой этой незаурядной личности, ибо она сама по себе стала бы предметом внимания лишь избранного круга читателей. И не только из-за интереса к американской истории. А потому, что вследствие сочетания множества обстоятельств объективного и субъективного толка этому человеку суждено было оказать большое, а в ряде вопросов решающее воздействие на мировую политику, советско-американские отношения и даже судьбу нашей собственной страны в решающе важный исторический период, получивший название «холодной войны».

³ См. официальный сайт Президента России Kremlin.ru. 2013, 12 сентября.

Мы попытаемся доказать читателю обоснованность этой заявки. Сразу же хотим заметить, что, как известно, историю создают живые люди во всем множестве присущих им противоречий. А уж Кеннан этими противоречиями был наделен как никто другой. И его биография играет в понимании его мыслей и действий очень большую роль. Поэтому мы подробно ею займемся, тем более, что Кеннан был яркой, нервной, артистической натурой, прожившей всю свою жизнь на высоком интеллектуальном накале, поэтому писать об этом нам было интересно.

Теперь об актуальности избранной темы. Мы в ней не сомневаемся. Как на Западе в очередной раз ошиблись с «закатом России» и окончательным триумфом Америки, так же там (да и у нас тоже) опрометчиво провозгласили окончание «холодной войны» (да чуть ли не вообще окончание эпохи войн) после ликвидации СССР. На самом деле сейчас всем ясно, что «холодная война» то ли вообще не прекращалась, то ли сегодня мы имеем дело с новой «холодной войной», несущей на себе все родовые пятна и пороки старой. Противоборство с постсоветской Россией в XXI веке продолжается в США и в целом на Западе в полном соответствии с «классикой» «холодной войны», разработанной Кеннаном, Ачесоном, Даллесом и К° еще в конце 40-х–начале 50-х годов века XX. Как писал Э.Лозанский в газете «Вашингтон таймс» в декабре 2013 года, политика Америки и сегодня нацелена на то, чтобы загнать Россию в геополитический угол. Путин при этом рассматривается как «самая большая угроза для демократии», даже несмотря на то, что пользуется широкой внутренней поддержкой и провозглашен ведущим американским журналом «Форбс» наиболее влиятельным политиком в мире⁴. Кеннан был ведущим теоретиком и одним из отцов-основателей «холодной войны». Поэтому хорошо разобраться в особенностях нынешней ее фазы и ее опасностях без изучения «фактора Кеннана» очень сложно. Тем более, что вся его многолетняя и неутомимая борьба с СССР фактически была борьбой с Россией. Осознание ее ошибочности, вредности и опасности (в том числе и для Америки) все же пришло к нему, но слишком поздно.

И последнее. В работе показано, что Кеннан был наделен даром мрачного пророка. Применительно к нашей Родине – СССР его пророчества, к великому несчастью, сбылись. Очень важно разобраться, почему. Но, как уже отмечалось, когда он писал об СССР, то имел в виду прежде всего Россию. А потому его пророчества могут иметь значение и для нашей страны сегодня. Поэтому важно очень внимательно вчитаться и вдуматься в его предсказания, понять их основания и логику с тем, чтобы не допустить нового, не дай бог, их воплощения в жизнь. Цитированное выше высказывание Кеннана о США, относящееся к последним годам его длинной жизни, захватившей практически весь XX век, характерно последовательностью и в то же время двойственностью, которая отличает особенности мышления и деятельности этого видного ученого и дипломата.

⁴ “Washington Times”. December 1, 2013.

С одной стороны, это редкий для американцев аристократизм в стиле XVIII–XIX веков, открытая нелюбовь к демократической риторике и вытекающей из нее идеализированной картине собственной страны, так часто диктующей дипломатии США ошибочные действия в политике. Отсюда его приверженность принципу политической стабильности, основанному на консерватизме и реализме. «В истеблишменте США меня всегда считали “чужим”, и я действительно представляю собой странную смесь реакционера и либерала, – говорил в конце 70-х годов Кеннан. – В философском смысле я считаю себя одиноким человеком. Совершенно верно, что для моего отношения к происходящему в США и в западной цивилизации, частью которых я являюсь, характерны беспокойство и глубокий пессимизм... Я делаю все, что мне приходится делать, больше из убеждения, чем из расчета, что это пригодится для решения более широких задач»⁵. С другой стороны, – это преданность демократической практике и, прежде всего, способности принимать и признавать права оппонентов, необходимости реальной внутренней и внешней оппозиции как формы обеспечения устойчивого существования государства. Вроде бы, видимое противоречие. А на самом деле, выверенная богатой исторической практикой западных стран формула. Впрочем, был убежден Джордж Кеннан, к России она неприменима по определению. Эта его политическая философия с учетом биографии и временных рамок деятельности оказала настолько решающее влияние на отношения наших стран и в целом на этап международных отношений, вошедших в историю как «холодная война», что имеет смысл коснуться особенностей этого этапа через призму личности данного человека.

Одной из ее отличительных черт является внешнее противоречие взглядов и на Россию. На мемориальной сессии в Вашингтоне, посвященной памяти незадолго до того скончавшегося на 102-м году жизни Кеннана, его давний конфидент Б.Рубл привел отрывок из дневника этого тогда американского дипломата в Москве, летом 1945 года совершившего путешествие в Сибирь.

Пересекая огромную страну, Кеннан задавался вопросом: «Способен ли путешественник испытать более сильные чувства, видя своими собственными глазами лишения русского народа и его героизм... и в то же время, при всей печали, надежду, неумную веру в будущее». Как полагал Рубл, Кеннан «пытался тогда наилучшим способом понять величавую красоту этого «одаренного, привлекательного народа», жить которому предназначено на земле, способной кого угодно повергнуть в отчаяние». Много позднее в своих мемуарах, признаваясь в глубине испытанных им тогда эмоций, он писал: «С видами и звуками Сибири, все еще живыми в моей памяти, я должен был придти к выводу, что в тех обстоятельствах самым мудрым с нашей стороны было бы постараться и не помогать, и не мешать, ...позволив русскому народу, – не обремененному ни зарубежной сентиментальностью, ни зарубежным антаго-

⁵ «Независимая газета». 2000, 14 июня.

низмом, – самому решать свою судьбу своим собственным, присущим только ему одному, путем»⁶.

Факты показывают, что пришедшая ему тогда идея хотя бы «не мешать» нашей стране, мало соответствовала тому, что он практически делал на своем дипломатическом посту, и легла в основу его философии лишь много позднее, в период отрешения от практического участия в американской внешней политике. А тогда – до, во время и после войны – решающее влияние оказывали на него не эмоции, а идеи и представления о России/ СССР, полученные от его учителей и наставников в более ранний период и значительно им упроченные и развитые.

Опубликованные в 1967 и в 1973 годах Кеннаном два тома мемуаров дают нам возможность взглянуть не только на его своеобразный внутренний мир, но и познать те основы политической философии и психологии, которые сложились у него в детстве и в юности, в значительной мере определив мышление этого незаурядного человека, оказавшего столь значительное влияние на мировую, американскую и советскую политику в XX веке, отношения наших двух стран. С одной стороны, это была типичная американская философия и психология, настолько резко, диаметрально противоположно отличающаяся от русской и советской философии и психологии, что уже одно это объясняло полное неприятие и отвержение Кеннаном и советской действительности и политики, и русских исторических традиций, оказавших на них решающее влияние. То же относилось и к марксизму, идее и практике социализма вообще, особенно к русскому, советскому социализму сталинской эпохи. Повторяю, тут Кеннан – типичный американец. Причем, скорее, не либеральных, а правоконсервативных убеждений. Такие в гражданскую войну в США поддерживали конфедератов. Думаю, что нам это очень важно еще раз познать и понять хотя бы для того, чтобы отрешиться, наконец, от наивной легенды о некоей похожести русских и американцев, их предопределенности жить в мире и дружбе. И понять, что Кеннан был прав, указывая как раз на противоположное – нашу взаимную предопределенность почти всегда (за исключением отдельных, хотя и важных исторических эпизодов) соперничать, подозревать и тотально не понимать друг друга. С другой стороны, личность и особенности характера и взглядов Кеннана настолько своеобразны, что они на протяжении всей жизни делали его очень нетипичным, непохожим на большинство окружавших соплеменников, если не изгоем, то, как минимум, одиночкой, гордившимся и лелеявшим свое одиночество, отстраненность, непохожесть и даже некую странность. Тут он скорее был не американцем, а англичанином, джентльменом викторианской эпохи. Кстати, человеком с явными художественными, в частности, литературными склонностями и интересами, что опять же сильно отличало его от большинства американских политиков и дипломатов и того, и особенно нашего времени.

⁶ Remarks of *Blair A. Ruble* at Memorial Service for George F. Kennan. Director, Kennan Institute. Washington D.C. April 6, 2005. Johnson Russian List.

ФИЛОСОФИЯ И ДИПЛОМАТИЯ КЕННАНА – НАЧАЛО ПУТИ

В своих воспоминаниях Кеннан делает особый акцент на тех особенностях его происхождения и юности, которые объясняют вышеуказанные черты его характера и мировоззрения. Он пишет о том, что его предки из Ирландии «всегда стремились освободиться от любого общества, которое могло бы ограничить их индивидуальную свободу... От правительства они требовали только, чтобы оно оставило их в покое» (от себя лично могу засвидетельствовать, что во время моей работы в Америке в 90-е годы глубоко мною уважаемый президент одного из колледжей в штате Вирджиния, убежденный республиканец, рассказывал мне о своем фермерском детстве в 30–40-е годы практически теми же самыми словами. Он говорил о том, что мечтой его родителей было полное отсутствие всякого правительства и его влияния на их жизнь, не говоря уж о свободе от налогов. Они не нуждались в помощи и защите, и не желали никакого вмешательства и контроля. Состояние их хозяйства и его доходность определяли эту позицию).

Помнится, я тогда подумал о радикальных отличиях такого подхода от интересов и чаяний большинства русских крестьян до и после революции, да и после конца советской власти тоже. Подумал и о том, что при всем при том, существование большинства американских фермеров и тогда, и теперь полностью зависело и зависит от субсидий, льгот и других видов помощи государства. (Это только одно из бесчисленных жизненных противоречий, наложивших отпечаток на философию и политическое сознание Кеннана.)

Он пишет, что его предки «были не богатыми, и не бедными. Не имея капиталов, никогда не сожалели об этом, не завидовали богатым. Не обращались с упреками к властям. Главным для них была страсть к самостоятельности» (опять же радикальное отличие от нас, русских, с нашим многократно описанным в литературе патернализмом, завистью и часто ненавистью к более богатым и просто более удачливым).

«Человек, произошедший из такой семьи, – писал Кеннан далее, – должен быть лишен как чувства превосходства, так и чувства неполноценности, **свободен от социального недовольства**» (выделенные мною слова, уверен, не случайно написаны Кеннаном, и являются фундаментальным объяснением его полного, абсолютного неприятия и социализма, и классовой борьбы, и тем более того и другого в образе России и русской революции. – *Авт.*).

То же касалось и марксизма вообще, и его важнейшего постулата о социальной несправедливости и эксплуатации, лежащих в основе капиталистического общества. Кеннан же считал его не более, чем «трагическим недоразумением данной эпохи индустриального развития». Однако жить-то

ему пришлось в основном именно в это время! Поэтому-то, вмещая в себя подобные традиции и философию, он открыто признавал, что «чувствовал себя не очень уютно» в качестве человека XX века. Более того, в тех же мемуарах он полностью отдавал себе отчет в том, что отсутствие в его биографии периода хотя бы кратковременного увлечения марксизмом и интереса к этому учению всю жизнь мешало ему разобраться в хитросплетениях русской (советской) истории и политики, в мышлении русского (советского) народа и его вождей. Впрочем, это признание можно понять и в том смысле, что его антикоммунизм после неизбежного для него неприятия марксизма и личного знакомства с «советским экспериментом», как и следовало ожидать, принял еще более жесткий характер, что произошло и со многими его в прошлом левыми и даже просоветски настроенными западными коллегами.

При этом жить и работать Кеннану приходилось не только в эпоху феноменального расцвета марксистских идей по всему миру (включая Америку), но и триумфального успеха практического социализма (прежде всего в СССР), но далеко не только в СССР. Впрочем, на протяжении своей долгой жизни он стал свидетелем предсказанного им упадка этой идеологии и распада самого Советского государства. Хотя, если бы жизнь подарила ему еще лет тридцать, он бы увидел ренессанс марксизма и социализма на фоне общемирового кризиса капитализма. Думаю, что с учетом эволюции его взглядов и настроений в конце прошедшего века, он бы, возможно, воспринял это как должное или, как минимум, неизбежное явление.

Возвращаясь в начало этого века, интересно отметить, что, возможно, не осознавая этого, Кеннан в воспоминаниях не раз отмечает свои столкновения (или, как минимум, знакомство) именно с теми отрицаемыми им классовыми противоречиями и в Америке, и в других западных странах, где ему пришлось побывать, в основе которых лежали неравенство и нищета масс. Так, он рассказывает о первой своей работе почтальоном в годы студенчества в Принстонском университете в близлежащем городке Трентон в 1921 году, когда ему пришлось разносить письма жителям трущоб. Впрочем, его ощущения по поводу увиденного носили тогда, скорее, характер физиологического отвращения, а не социального осознания. Он пишет о том, как содрогался от запахов, исходящих от жилищ его нищих сограждан и зрелищ их жалкого существования.

Покончив с описанием одной фундаментальной особенности его политической философии, Кеннан уделяет немало внимания и другой – также основанной на семейных традициях – черте своей личности. По его признанию, эта традиция определила решение посвятить себя изучению России, причем с позиции изначального неприятия тех особенностей российского и советского общества и организации всей внутренней и внешней политики России «при царях и комиссарах», которые, по его убеждению, несут на себе вековые родимые пятна отсталости, азиатчины и авторитаризма.

Дело в том, что у будущего дипломата и ученого был знаменитый родственник – кузен его деда и полный тезка Джордж Фрост Кеннан, ставший известным прежде всего из-за своих путешествий в Россию в конце XIX века и разоблачений системы царских тюрем и ссылок в Сибири. Системы, которую он в своих книгах и статьях экстраполировал в целом на всю организацию политической и общественной жизни в дореволюционной России. Кеннан-младший в этой связи всегда отмечал известное сходство своего жизненного пути с биографией знаменитого двоюродного деда, дававшее ему основание считать, что между ними существовала некая общность, более глубокая, чем дальнейшее родство.

Как он писал в своих мемуарах, «оба мы бывали в России, оба занимались ее проблемами и оба были высланы российскими правителями – каждый в свою эпоху». На самом деле, Кеннан, особенно в молодые годы, при выборе своего жизненного пути, совершенно очевидно ориентировался на пример знаменитого родственника, которым очень гордился, и стремился почти буквально ему следовать. В результате, так же, как он, и со всей очевидностью повторяя его путь, Кеннан-младший спустя десятилетия после деда также окончил Принстонский университет, также стал дипломатом и ученым, также известным специалистом по России и также оказал существенное, если не сказать определяющее, влияние на политику США и состояние общественного мнения в Америке в отношении нашей страны. Понятно, что мнения в основном отрицательного.

Более того, в 1973 году он вместе с директором Библиотеки конгресса США, известным специалистом по древней Руси Джеймсом Биллингтоном и советологом Фредериком Старром создал в центре Вашингтона в здании псевдовизантийской архитектуры названный в честь его двоюродного деда Кеннановский институт перспективных советских – ныне российских – исследований, являющийся частью структуры государственного Смитсоновского института – международного научного центра имени Вудро Вильсона. Тут связь с Вильсоном тоже носит символический характер – как известно, именно при этом профессоре либеральных взглядов в качестве президента США Америка в 1918–1920 годах участвовала в военной интервенции против молодой Советской республики, о чем Кеннан опубликовал отдельный том научных трудов.

Пытаясь разобраться в глубинных философско-психологических корнях взглядов Кеннана на Россию и СССР, Америку, Германию, общие принципы миропорядка и внутреннего устройства разных стран, мы должны здесь сразу же оговориться, что за свою невероятно длинную жизнь в политике и науке он модифицировал и менял их неоднократно, вплоть до полной противоположности. Причем не видел в этом ничего предосудительного. И чем больше сегодня, уже после его смерти, открывается и публикуется ранее неизвестных документов этого человека, тем больше в этом убеждаешься. Разоб-

раться в этом помогают наиболее дотошные в своих исследовательских поисках американские и российские ученые. К последним надо в первую очередь отнести выдающегося советского/российского американиста В.Л.Малькова. В своем великолепном исследовании «Неизвестный Кеннан» (2003) он пишет о морфологии и гносеологии отношения этого американца к ключевым проблемам истории нашей и его страны:

«Стремительная революция «сверху», затеянная Сталиным, свидетелем которой стал Кеннан, не вызвала у него никаких положительных эмоций, если не считать любопытства пополам с возмущением по поводу ее социальных последствий, сделавших хозяевами жизни детей кухарок, вчерашних малограмотных рабочих, крестьян, нарождающийся слой «красной» интеллигенции.

По-своему прочитав историю падения самодержавия и кризиса русского либерализма, Кеннан оплакивал воображаемое очарование старого мира, вложив в эту боль всю силу своего убеждения в том, что Россия была сбита со столбовой дороги преодоления отсталости роковым сочетанием злосчастных обстоятельств, не давших развернуться в полную силу неспешной работе обновленной монархии последнего Романова. Уже в пору разгара горбачевской «перестройки», как бы подводя итог своим размышлениям о превратностях российского эксперимента, Кеннан в знаковой для почитающей его нью-йоркской образованной публики статье писал о «незаконченном деле царского режима, чьи совсем немаловажные позитивные усилия – внедрение в российскую политическую жизнь элементов подлинной парламентской системы, аграрные преобразования и модернизация российского общества в целом – были грубейшим образом остановлены войной и революцией 1917 года». В какой мере любимый писатель Кеннана А.П.Чехов мог бы подписаться под этими словами, сказать трудно, поскольку творчество последнего было подчинено раскрытию бессмыслицы, абсурда современной ему российской жизни. Но в Америке многие авторы, говоря о миропонимании Кеннана, всерьез отмечают, что он воображал себя американским Чеховым.

По его собственным словам, Кеннан интеллектуально ассоциировал себя с консерватизмом старых привилегированных классов Центральной и Восточной Европы. Он с недоверием и скептицизмом отнесся к переменам, принесенным Америке октябрем 1929 года (крах на нью-йоркской бирже и начало погружения страны в пучину Великой депрессии), – активизацией массовых движений социального протеста, реформами «нового курса» Рузвельта и акцентами, которые 32-й президент США расставил, провозглашая свою программу борьбы с национальным бедствием.

Таким образом, если судить по многочисленным высказываниям Кеннана, сделанным им в частной переписке, лекциях и в набросках к будущим книгам, относящихся к 30-м годам, «сталинский социализм в одной стране» и левоцентристский либерализм Рузвельта оказались отнесенными им, в

сущности, к одному классу трансформационных процессов»⁷. Далее мы покажем, что и к сталинским, и к рузвельтовским реформам он относился резко отрицательно. Хотя в обоих случаях именно благодаря этим, при всей их огромной разнице, проведенным в одном историческом тренде реформам обе страны были спасены от казавшегося неминуемым краха.

Из сказанного В.Л.Мальковым, можно сделать два основных вывода: во-первых, Кеннан, исходя из «задач дня», как он их понимал, а также развития своих исторических поисков, менял оценки русского царизма и России при царе – от уничижительных до положительных. Во-вторых, присущий ему политический аристократизм и фундаментальный консерватизм априори делали его абсолютным противником лево ориентированных социальных преобразований не только в России, но и в Америке. И если подобную точку зрения на СССР он не менял до конца жизни, то революция «новых левых» в США в конце 60-х–начале 70-х годов, которую он частично поддерживал из-за своей оппозиции войне во Вьетнаме, заставила его и тут изменить свои взгляды.

Но вернемся к биографии нашего героя. Четко следуя по стопам деда, по окончании Принстона Кеннан поступает на работу в незадолго до этого образованный государственный департамент США (1925), перед этим проведя лето у родственников, живущих в Германии, освоив там немецкий язык и, насколько можно понять из его мемуаров, навсегда проникнувшись интересом и симпатией к этому государству, его народу и культуре. Что потом определяющим подчас образом влияло на его политические взгляды и подходы, в том числе в отношении нашей страны.

Первой дипломатической работой Кеннана была некая функция в генконсульстве США в Женеве. Там он приобрел соответствующую практику во французском языке. Тем не менее немецкое начало пересилило, и Кеннан был переведен в американское консульство в Гамбурге, который, по его собственному признанию, был в то время «социал-демократическим городом, где проводился (и, как он признает, к сожалению, провалился. – *Авт.*) великий эксперимент по реализации гуманного социализма». Там же, по его словам, как и в Берлине, на его глазах проявилась «моральная и интеллектуальная агония Веймарской республики». Что произвело на Кеннана «очень сильное впечатление» (он не уточняет, какое именно и какие выводы из краха Веймарской модели и «гуманного социализма» он тогда для себя сделал, хотя его симпатия к начавшемуся в Германии в 1933 году новому «эксперименту» говорит о многом).

Тем не менее он вспоминает о первой в его жизни коммунистической демонстрации (в Гамбурге), которую тогда увидел: это была «колонна бедно

⁷ Мальков В.Л. Неизвестный Кеннан. Заметки о морфологии мышления дипломата // «Россия XXI». 2003.

одетых людей с угрюмыми лицами». Кеннан, однако, пишет, что зрелище его тронуло: он «почувствовал торжественную серьезность этих людей» – это был «их день», и они были полны решимости заставить себя услышать». Впрочем, дальнейшая практика показала, что никакого влияния на мировоззрение дипломата этот ограниченный эпизод его знакомства с протестной деятельностью коммунистов не оказал.

Как бы то ни было, после 6 месяцев в Гамбурге Кеннан решил, что полученного им образования явно не хватает для понимания действительности, и решает углубить его, уволившись для этого из госдепа. Однако один из старших коллег смог его переубедить и более того – дал толчок к решению, определившему всю его последующую жизнь: оставаясь в штате госдепартамента, начать изучать русский язык. Аргументами в пользу принятого решения стали относительная редкость знания русского языка американскими дипломатами того времени (что давало определенные карьерные перспективы), но главное, конечно же – пример деда, желание продолжить родовую традицию изучения России.

Летом 1928 года Кеннан начал подготовительную и академическую работу на избранном им пути. Во время службы вице-консулом в Эстонии (стране, которая его, по собственному признанию, не очень-то и интересовала), Кеннан всерьез увлекся «великим русским языком», любовь к которому, как он писал в своих воспоминаниях, не раз помогала ему в трудные моменты жизни. В 1929 году дипломат был переведен в Ригу, где латыши, по его признанию, в последний период их независимости «все больше становились шовинистами», в значительной мере лишив их столицу прежнего «космополитического очарования».

Летом 1929 года Кеннан становится аспирантом так называемого Восточного семинара Берлинского университета. Частными преподавателями русского языка, по собственному признанию, у него там были «культурные русские эмигранты» (у тех же или подобных им людей он и квартировался два года). Сам Кеннан не уточняет, какого именно периода эмиграции они были, какие взгляды исповедовали в отношении СССР, но есть серьезные основания полагать, что они являлись противниками советского строя, оказавшись за кордоном вследствие революции и гражданской войны. А если это так, то понятно, какое влияние на формирование взглядов американского юноши на Советскую Россию могло оказать интенсивное общение с ними.

Современный российский специалист В.Т.Юнгблюд, со своей стороны, справедливо замечает, что специальная подготовка для работы в России, которую Кеннан получил в рамках Восточного семинара по программе главы отдела восточноевропейской политики госдепартамента Р.Келли (которого сам Кеннан в своих мемуарах характеризует исключительно высоко), также оказала большое влияние на формирование его политических взглядов и подходов к СССР и России на длительную перспективу. Под его руководством Кеннан изучал русскую литературу, историю и экономическую географию.

Юнгблюд указывает на то, что в Восточном семинаре «содержание учебных программ было выдержано в духе последовательного антикоммунизма»⁸, что отражало настроения и убеждения самого Келли. К этому прибавим наше глубокое убеждение в том, что на эту программу и общий дух обсуждений не могла не оказать влияния обстановка в Германии накануне прихода нацистов к власти (то, как это отразилось на позднейших взглядах и высказываниях Кеннана, мы вскоре увидим).

Кроме того, можно легко предположить, что как минимум не меньшее влияние оказали на него и другие русские эмигранты монархического и белогвардейского направления мыслей, которыми в то время был переполнен Берлин. По крайней мере, явные отголоски идеологии Ивана Ильина, в 1923–1934 годах бывшего деканом и профессором Русского научного института в Берлине (долгое время финансировавшегося Министерством иностранных дел Германии), присутствовали в высказываниях Кеннана постоянно.

Ильин, как известно, до войны отличался не только лютым антибольшевизмом, но и явной симпатией к идеологии режима, пришедшего к власти в Германии в 1933 году. Так, широко известно его высказывание тех лет о том, что заслугой Гитлера является прекращение «большевизации в Германии», чем он оказал «величайшую услугу всей Европе». Тогда же он заявлял что, будучи реакцией на большевизм, фашизм был «явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в древнем Риме, так было в новой Европе, так будет и впредь». Фашизм Ильин оправдывал тогда закономерной реакцией на наступление «левого тоталитаризма»⁹.

Тем не менее Ильин считается у нас сегодня выдающимся русским националистом и антизападником, ибо после войны и разгрома гитлеризма заговорил совсем по-другому. Он стал утверждать, что «цель Германии была совсем не в том, чтобы «освободить мир от коммунистов», и даже не в том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы обезлюдить важнейшие области России и заселить их немцами»¹⁰. По его мнению, высказанному в 1948 году, то же касалось и остальных западных стран: «Мы

⁸ Юнгблюд В.Т. Джордж Ф.Кеннан об устойчивых факторах советской внешней политики (1931–1941). Интернет-издание «Россия и Америка в XXI веке». 2007, №1. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=19>.

⁹ Ильин И. Национал-социализм. Новый дух. 1933. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_%D0%98_%D0%90.

¹⁰ Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1993. Германия – главный национальный враг России. Статьи 1948–1954 гг. Т. 2. Кн. 1. С.11.

должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению»¹¹. На этот раз Ильин был прав. Чуть ниже мы узнаем, что именно такого рода ненавистные в отношении к России и русским взгляды и намерения в 30-е годы высказывал в США, к примеру, адмирал Й.Стерлинг, у которого, без сомнения, были в стране единомышленники.

Мы так подробно излагаем здесь противоречия во взглядах Ильина лишь потому, что не менее острыми они являлись в период до и после Второй мировой войны у Кеннана, что в отличие от мало на что в практической политике влиявшего русского эмигранта в случае с американским дипломатом имело самые радикальные политические последствия.

В.Л.Мальков в своем основанном на найденных им ранее неизвестных бумагах Кеннана исследовании справедливо замечает, что в начале своей дипломатической карьеры он «оставался германофилом и убежденным противником каких-либо компромиссов с советским режимом, в котором... видел могильщика аристократической культуры России, губительный источник плебейской социализации мировой политики, ее дегуманизации»¹².

В.Мальков прозорливо отмечает взаимосвязь в мировоззрении Кеннана той поры всех этих настроений. Как уже отмечалось ранее, по словам Малькова, революцию в России он считал результатом не хода исторического развития нашего государства, а лишь «стечением несчастных обстоятельств», помешавших неспешному развитию позитивных тенденций, якобы сложившихся в царствование последнего Романова. Аналогично негативно воспринял он и свержение монархии в Германии. Подобной же консервативно-охранительской идеологии Кеннан придерживался и при оценке событий у себя на родине – ставшие ответом на мировой экономической кризис 1929 года реформы «нового курса» Рузвельта с его упором на социализацию политики, смену правящих элит путем массового выдвижения людей из низов и из глубинки, соответствующие изменения в культуре и в идеологии вызывали у него не менее активное неприятие. При подобного рода взглядах понятно, что большевизм и СССР вообще выглядели в его глазах исчадием ада.

Однако наиболее шокирующим, безусловно, является кеннановское германофильство, выходящее далеко за рамки культурологических и личных симпатий американского дипломата, переросшее в открытую поддержку идеологии и практики нацистов, вначале претендовавших на власть, а потом и пришедших к власти в Германии в 1933 году. Как пишет Мальков, «германофильство Кеннана получило дополнительную санкцию. Нацизм в его гла-

¹¹ Там же. С.62.

¹² Там же.

зах в сравнении с большевизмом выглядел, по крайней мере, более цивилизованным, а возрождение Германии – более желанным в качестве средства восстановления в Европе системы сдержек и противовесов по мере усиления военной и экономической мощи Советского Союза и активизации его внешней политики на фоне кризиса в капиталистическом мире. С точки зрения Кеннана, различие следовало видеть в природе власти нацистов и большевиков: Сталин был продуктом революции, Гитлер – результатом легитимного процесса, принявшего эстафету у недалёковидных творцов Версаля и тех его критиков, кто настаивал на «разумной» его ревизии.

Джон Л.Харпер, касаясь этой темы, прибегает к следующей формулировке: «Кеннан изучал Россию с точки зрения Берлина...». Американский историк Уолтер Хиксон, тщательно исследовавший письменные источники, относящиеся к этому периоду дипломатической карьеры Кеннана, приходит к аналогичному выводу: «По мере того, как события в Европе по нарастающей шли ко Второй мировой войне, комбинация кеннановского антисоветизма и германофилии вела к драматической недооценке Гитлера и нацизма. Кеннан не был фашистом, но он высоко ставил авторитарность и полагал, что немцы смогут установить стабильный, антикоммунистический порядок в Центральной и Восточной Европе. Этой позиции он придерживался вплоть до окончания Второй мировой войны. Кеннан совершенствовался в немецком языке и подолгу жил в Берлине, где он повстречал свою жену, и в Гамбурге, удобном месте для наблюдения за развитием в 1927–1928 годах той картины, которую он потом назвал «потрясающей агонией Веймарской республики, разворачивающейся перед глазами повседневно как театральное представление». В 1931 году он заявил, что немцы были «последней надеждой... а сейчас являют собой пример того, перед какой пропастью стоит западноевропейская цивилизация».

Эмоциональная привязанность Кеннана к Германии сделала его незрячим в отношении нацистского фанатизма. В 1935 году он заявил, что территориальные амбиции Гитлера отражают законное желание воссоединить германоязычные регионы Европы и что требуется «особая игра воображения», чтобы заподозрить Гитлера в стремлении к экспансии за счет России. Приписывая фюреру рациональные цели, он утверждал, что Советы, будучи «революционными коммунистами», были «самыми последовательными оппонентами прочного мира на Западе», и предсказывал, что Москва будет избегать прямого вовлечения в войну с тем, чтобы предстать «в качестве поедającego падаль грифа» после того, как конфликт будет завершен.

РОССИЯ КАК СУДЬБА?
СНАЧАЛА НЕ ПРИЗНАВАТЬ, ПОТОМ ВРЕДИТЬ

Но вернемся к биографии Кеннана. Летом 1931 года он знакомится с юной норвежкой Аннелизой Соренсен, на которой вскоре женится и возвращается на работу в Ригу. К тому времени экономический кризис в Штатах (характерно, что о причинах и последствиях этого грандиозного события в американской и мировой истории Кеннан в своих мемуарах не упоминает вообще) сильно ударил по материальному положению молодой семьи. Тем не менее в конце лета 1933 года, оставив родившуюся дочь Грейс в Норвегии, Кеннан с женой отправляется в отпуск в Штаты. По возвращении в Европу он вновь оказывается в Риге, где начинает работать в «русском отделе» американской дипломатической миссии, который до осени 1933 года за отсутствием дипломатических отношений с Москвой, по его словам, представлял собой «небольшой исследовательский центр» по наблюдению за СССР. Центр получал основные советские издания для подготовки докладов в Вашингтон о положении дел в нашей стране и, особенно, о состоянии советской экономики, что в условиях разраставшегося мирового кризиса представляло для администрации Франклина Рузвельта особую значимость (о чем будет сказано ниже).

Характерно, что в своих мемуарах Кеннан с жаром опровергает мнение о том, что на деле этот американский «пост» занимался экономическим шпионажем против СССР. Так ли это было на самом деле, судить теперь трудно, однако нельзя не согласиться с его утверждением о том, что системный анализ легальной информации из газет и других открытых источников (чем он в то время и в последующем в основном и занимался применительно к России) может дать больше ценных сведений об изучаемой стране, чем усилия разведки.

Интерес представляет в этой связи его замечание о том, что в своих докладах о состоянии экономики России ему доставляло «большое удовольствие» на основе фактов показывать нелепость мрачных сообщений об экономических условиях в России, получаемых западными правительствами именно от своих разведывательных служб. Хотя с другой стороны, зная особенности американской политической культуры, легко можно утверждать, что не меньшее, если не большее впечатление на правительство, конгресс и общественное мнение оказывали и оказывают сообщения местной прессы. В этой связи в фундаментальной монографии В.О.Рукавишникова указывается: в американской массовой печати в 20–30-е годы публиковались в основном негативные материалы о темных сторонах жизни в СССР, вплоть

до утверждений о том, что наша страна якобы находилась тогда на грани краха. Что же касается американских правых (контролировавших большую часть СМИ и широко представленных в конгрессе), то они и вовсе называли «большевистской ложью» любую информацию о том, что жизнь в Советской России хотя бы в чем-то стала тогда лучше, чем при царе¹³.

Уже в это время Кеннан постепенно становится одним из немногих западных аналитиков, специально занимавшихся СССР. Он недаром отмечает в мемуарах, что до войны на Западе существовали всего три центра такого рода: бюро исследований русской экономики в Бирмингемском университете (Великобритания), Институт экономики России и стран Восточной Европы в Кенигсберге и Институт русской экономики в Праге (так называемый экономический кабинет), руководимый эмигрантом Сергеем Прокоповичем. Позднее к этим учреждениям под фактическим руководством Кеннана стал относиться и американский «пост» в Риге.

Правда, от плодотворных занятий на данном направлении его отвлекала неустроенность быта и значительное снижение поступавшего из госдепа жалования. Впрочем, эти проблемы, по его воспоминаниям, скрашивало, как это отмечал В.Л.Мальков, увлечение творчеством А.П.Чехова (Кеннан тогда собирал материалы для биографии писателя, которую ему так и не случилось создать). От себя добавим, что изучение 30-томного чеховского собрания сочинений, возможно, и продвинуло Кеннана в осознании особенностей русской культуры, но никак не способствовало лучшему пониманию им жизни и политики как в дореволюционной России, так и тем более в СССР, формированию позитивного мнения о нашей стране и об отношениях двух государств. Кроме того, общепринято и у нас, и на Западе, что многие русские классики, в том числе Антон Чехов и не менее любимый Кеннаном Лев Толстой не только отражали в своих произведениях нарастающий духовный кризис и развал царизма, но и приближали этот развал. Однако, судя по всему, Кеннан читал наших классиков под каким-то иным углом зрения и делал из прочитанного другие выводы.

Отсылаемые в то время в Вашингтон доклады положили начало длительной истории противодействия со стороны Кеннана всем значимым шагам по установлению конструктивных отношений между нашими государствами. Так, в своих воспоминаниях он признается, что в докладе, направленном в Вашингтон из Риги в апреле 1933 года (когда вопрос об установлении дипломатических отношений между США и Советским Союзом был, по сути, предрешен), на основе изучения договоров, заключенных незадолго перед этим между СССР и Германией о защите торговых интересов немецких компаний в нашей стране, Кеннан счел необходимым предупредить свое

¹³ *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С.25.

правительство, что на самом деле эти интересы с правовой точки зрения не обеспечиваются и зависят от произвольной воли советских учреждений, что ждет и американский бизнес в России.

Другим примером стало для Кеннана «Шахтинское дело» 1928 года. Ссылаясь на участие в судебном процессе нескольких немецких инженеров, обвиненных во вредительстве, он сообщал в Вашингтон об отсутствии правовой базы для защиты американских торговых и экономических представителей «в случае чего». Его по-прежнему особо волновал вопрос о возможном обвинении американцев в экономическом шпионаже.

В подтверждение своих доводов Кеннан приводил официальные разъяснения советской стороны на торговых переговорах с Германией:

«Распространенное мнение, будто получение экономической информации о Союзе Советских Социалистических Республик разрешается лишь постольку, поскольку такая информация публикуется в газетах и журналах, ошибочно. Право получения экономической информации в СССР, так же, как и в других странах, ограничено только в случаях, составляющих коммерческую и промышленную тайну, или в случаях применения запрещенных методов получения такой информации (подкуп, кража, мошенничество и т.п.). В категорию коммерческих и промышленных тайн, естественно, входят общегосударственные экономические планы, поскольку они не являются опубликованными, но не сообщения, касающиеся экономических условий по отдельным предприятиям.

Союз Советских Социалистических Республик не имеет оснований создавать препятствия критической оценке своей экономической системы. Отсюда следует, что каждый имеет право обсуждать экономические вопросы и получать экономическую информацию, кроме той, которая, на основе специальных указаний ответственных лиц или на основании соответствующего статуса предприятий, не может быть сообщена иностранцам».

Вроде бы, исчерпывающе ясная позиция. Ан, нет. Кеннан пишет: «Обратив внимание Вашингтона на формулировку указанного положения, я дал понять, что оно не гарантирует защиту от преследований иностранных граждан по обвинению в экономическом шпионаже».

И тут же сетует на то, что администрация и госдеп, исходя из общей политической заинтересованности в установлении отношений с Советским Союзом, эти его предостережения проигнорировали. Впрочем, здесь же он признает, что на практике американскому предпринимательству в СССР не угрожала никакая реальная опасность, ни один бизнесмен из США ни разу за весь предвоенный период не испытал у нас ни малейших притеснений.

Тем не менее из вышеприведенного анализа несбывшихся опасностей Кеннан сделал для себя фундаментальный вывод, которым руководствовался далее всю жизнь: американские государственные деятели делают те или иные реальные шаги, исходя не из их предполагаемых последствий для междуна-

родного положения США, а из реакции на эти шаги конгресса и в целом общественного мнения (впоследствии, как мы увидим, он имел возможность не раз в этом убедиться, в том числе занимая в 50-е годы последнюю в его жизни высокую дипломатическую должность – посла США в Югославии).

Надо признать, что в новой и новейшей истории США, включая и первые десятилетия XXI века, именно таких фактов из внутренней и внешней политики разных администраций и разных созывов конгресса более, чем достаточно. Однако президенту Франклину Делано Рузвельту подобных упреков можно предъявить менее всего. В вопросе об отношениях с Россией, как и по большинству других, он действовал исходя из долгосрочных национальных интересов США (хотя и о конгрессе и об общественном мнении не забывая). Именно этим объясняется тот факт, что и сегодня в рейтинге доверия американцы изо всех своих президентов ставят Ф.Д.Р. на первое место. Впрочем, Кеннан никогда не относил себя к этому проружвельтовскому большинству.

Уже в 70-х годах прошлого века, во втором периоде своей жизни, отмеченном очень существенными подвижками в его политической философии, связанными с несравненно более реалистическим пониманием СССР и необходимости выстраивания отношений с нашей страной на основе этих не зависящих от желания США реальностей, он продолжал сохранять свое фундаменталистское неприятие идеологии и политики Рузвельта, в том числе в области международных отношений.

Кеннан тогда писал: «Правда состоит в том, – и от этого никак не убежишь, – что Франклин Рузвельт, при всем его обаянии политического руководителя, был в сфере внешней политики очень поверхностным, несведущим дилетантом, с ограниченным кругозором»¹⁴.

А тогда, в 30-е годы, «с удивлением» обнаружил он в газетах, что после переговоров народного комиссара по иностранным делам М.М.Литвинова в ноябре 1933 года в Вашингтоне о предварительных условиях дипломатического признания США Советского Союза, оба «спорных» с его точки зрения положения советско-германских договоров были фактически повторены в подписанных Литвиновым протоколах: Рузвельт и госдепартамент кеннановские предупреждения или не прочитали, или проигнорировали (впоследствии, чаще всего со стороны Рузвельта, это повторялось неоднократно, что до конца жизни оставило у более, чем амбициозного Кеннана соответствующий осадок).

Впрочем, касаясь заверений советского Наркоминдела, в своих мемуарах Кеннан признает: «К счастью, политические интересы советских лидеров в тот период не предполагали каких-то преследований американских граждан

¹⁴ “Comment” // Journal of East and West Studies 21 (winter–spring 1975). P.31.

в России. Настоящие американцы, приезжавшие в Россию на таких легальных неидеологических основаниях, как туризм или работа по контракту, редко (если вообще) сталкивались с этим».

И, тем не менее, отрицательное отношение Кеннана к идее установления дипломатических отношений с Советским Союзом было очевидным. Из его воспоминаний видно, как упорно он напоминал тогда Вашингтону: три республиканских администрации воздерживались от этого шага (он еще не напомнил о том, что президент-демократ Вудро Вильсон в 1918–1920 годах вообще организовал военную интервенцию США в Советскую Россию). Но тогда приводил известные доводы непризнания советского государства: поддержка со стороны СССР (если не по государственным, то по партийным каналам) революционной деятельности в разных странах, в том числе и в США; нежелание платить по долгам царского и временного правительств; отказ выплачивать компенсацию за национализированную во время и после революции американскую собственность в России. Из всей совокупности известных нам фактов становится очевидным, что сам дипломат указанные претензии не просто разделял; именно он их формулировал, оттачивал и отстаивал.

Так, по данным В.Рукавишникова, именно миссией США в Риге при президенте Г.Гувере был подготовлен 260-страничный документ «Московские агентства ведения пропаганды в странах за пределами России», в котором содержался анализ деятельности 24 советских организаций и сотрудничавших с ними американских организаций, связанных с Коминтерном. А главное, в нем были сформулированы так называемые рижские аксиомы – принципы, которыми, по мнению современных исследователей, американская дипломатия руководствовалась в своем неприятии СССР еще с 20-х годов (см. выше). Советская Россия рассматривалась в «аксиомах» как государство, представлявшее крайнюю опасность для США и всего западного мира. Авторство документа, разумеется, приписывается сегодня Кеннану¹⁵.

Исходя из этого факта, можно сделать вывод о том, что с тех пор и на протяжении как минимум трех десятилетий именно он являлся ведущим автором политических и идеологических концепций противостояния двух государств. В.Рукавишников и мы вместе с ним не беремся утверждать, что фактически исключавшие какие-либо переговоры с советской Россией кеннановские «аксиомы» дошли из Риги лично до Гувера, хотя достаточно и того, что они полностью отражали его позицию, так же, как и платформу республиканской партии, всех правых и ультраправых в США.

Кеннан пишет, что незадолго до визита Литвинова в Вашингтон глава миссии США в Риге Роберт Скиннер попросил его, как и других сотрудников русского отдела, выразить свое мнение относительно признания СССР.

¹⁵ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.79.

Из того, что он пишет, легко понять отрицательный ответ на данный вопрос. По убеждению Кеннана того времени, русские не пойдут ни на какие принципиальные уступки ни в качестве условия признания, ни после него. Но Рузвельт никак не отреагировал на это суждение. По словам Кеннана, «президент дорожил восстановлением отношений с Советским Союзом ради отрезвления немецких нацистов и японских милитаристов», а интерес госдепартамента на переговорах с Литвиновым к поднятым Кеннаном и другими вопросам был лишь желанием сыграть на публику и конгресс. «Я не знаю, насколько были верны расчеты президента», – писал он в 70-е годы, касаясь этого эпизода.

Интересно, однако, что в воспоминаниях Кеннан не упоминает содержание подписанных Литвиновым в Вашингтоне протоколов с обязательствами со стороны СССР, которые были направлены на удовлетворение большинства требований американцев. Тогда ведь обе стороны обменялись нотами о пропаганде, т.е. о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о правовой защите граждан, о пользовании религиозной свободой для американских граждан, проживающих на территории СССР, о судебных делах, согласно которым СССР отказывался от всех исковых прав и претензий к американским гражданам, включая суммы, которые могли причитаться ему по решению американских судов. Как известно, впоследствии правительство Сталина пошло значительно дальше, согласившись на ликвидацию в 1943 году Коминтерна – главного раздражителя для американского правительства и конгресса, особенно в условиях роста авторитета и популярности в Америке СССР и собственной компартии в 30–40-е годы, а также на восстановление патриаршества и усиление роли православной церкви в Советском Союзе. В ходе переговоров Литвинову удалось установить прекрасные личные отношения с президентом Ф.Рузвельтом, рядом его сотрудников и министров¹⁶.

Тем не менее в своих мемуарах Кеннан записал: «Что касается меня, то я был настроен скептически. Никогда, ни в то время, ни позднее, я не считал Советский Союз подходящим реальным или потенциальным союзником для нашей страны. Особенно опасной казалась мне идея опереться на советскую мощь, вместо того чтобы развивать или мобилизовать наши собственные ресурсы».

Как указывает Кеннан, в момент установления дипломатических отношений двух стран («к которому я не имел никакого отношения», заверяет он читателя, забывая о своих истовых попытках сорвать это историческое событие), дипломат оказался в отпуске в Вашингтоне. Именно оттуда 16 ноября 1933 года президент США направил М.Литвинову следующую ноту:

¹⁶ <http://www.pseudology.org/Slonim/LitvinovMM.htm>.

«НОТА ПРЕЗИДЕНТА США
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М.М.ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон 16 ноября 1933 года

Уважаемый Господин Литвинов,

Я крайне счастлив уведомить Вас, что в качестве результата наших переговоров Правительство Соединенных Штатов решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик и обменяться Послами.

Я верю, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира.

Я остаюсь, уважаемый Господин Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д.Рузвельт».

В ответ Литвинов написал президенту:

«НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон, 16 ноября 1933 года

Уважаемый Господин Президент,

Я крайне счастлив уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических республик радо установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Соединенных Штатов и обменяться Послами.

Я также разделяю надежду, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира.

Я остаюсь, уважаемый Господин Президент, весьма искренне Ваш.

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делах
Союза Советских Социалистических республик»¹⁷

По словам Кеннана, через два дня после завершения переговоров М.М.Литвинова в США, один из друзей представил его Уильяму Буллитту – в то время советнику Рузвельта по отношениям с СССР, вскорости назна-

¹⁷ <http://farsiiran.narod.ru/diplomacy/dipprotokol.htm>.

ченному первым американским послом в Советском Союзе. Убедившись в знании Кеннаном русского языка и советской экономики, тот приглашает его с собой в Москву в качестве помощника и переводчика.

Он впервые прибыл в Москву в конце 1933 года в должности 3-го секретаря помогать послу открывать и разворачивать деятельность представительства его страны (и ассистировал Буллиту при вручении им верительных грамот М.И.Калинину) уже со сложившимися взглядами на нашу страну и особенности отношений с ней Америки, причем эти взгляды радикально противоречили самой поставленной цели: как мы уже отмечали, Кеннан в принципе был против установления дипломатических отношений, заявляя об этом открыто¹⁸. Считаясь одним из теоретиков идеологизации внешней политики США, он при этом отстаивал точку зрения, во-первых, о том, что эта идеология должна исходить из твердого понимания органического несоответствия и противоположности интересов СССР и США, а во-вторых, из того, что это было связано не только с особенностями Советского Союза как коммунистического государства, но главным образом из того, что СССР являлся естественным преемником тех особенностей, которые были присущи и дореволюционной России.

Думается, что подобная философия подхода к нашей стране (ставшая позднее альфой и омегой «советской политики» США на протяжении всей «холодной войны», а ныне и американской постсоветской политики) была результатом не только участия Кеннана в семинаре Келли, но и его предшествовавшей дипломатической практики в Швейцарии, Гамбурге, Таллине и Риге. Можно не сомневаться, что в указанных странах с учетом особенностей их предвоенной политики не только антисоветские, но и русофобские идеи еще в большей степени могли стать частью его мышления. А его неминуемое общение с кишевшими там в этот период русскими монархистами и белогвардейцами этому только способствовало.

Вот примеры его взглядов тех лет. Так, исследователи подчеркивают, что эксперты госдепартамента в предвоенный период считали внешней – как они считали, экспансионистскую – политику СССР, прямым производным от господствовавшей в стране коммунистической идеологии с ее курсом на мировую революцию. Однако Кеннан брал значительно глубже, выводя «теорию российской враждебности» в отношении окружающего мира из геополитического фактора. Из него он выводил формулу непреодолимых «системных противоречий» двух держав.

Причем интересно, что с одной стороны, Кеннан вроде бы видел корень зла в советской системе и даже (в 1931 году) предлагал возвести вокруг СССР на несколько десятилетий экономический кордон «до тех пор, пока или Россия не станет капиталистической страной, или у нас не победит

¹⁸ Юнглод В.Т. Указ. соч.

коммунизм» (вот когда начал строиться теоретический фундамент «железной стены» периода «холодной войны», если не считать, конечно, призывов Антанты к созданию «санитарного кордона» вокруг Советской России после революции!). Он утверждал, что существовавший в СССР строй настолько противоречил американской системе ценностей, что не видел никаких шансов на нахождение совместных интересов и даже просто сосуществования двух держав, что с его точки зрения, делало бесперспективной идею установления дипломатических отношений¹⁹.

«Я всегда чувствовал глубокую неприязнь к русскому марксизму», — много позже писал Кеннан в своих мемуарах (характерно и очень важно у него это подчеркивание: особая неприязнь именно к русскому, а не просто к марксизму. — *Авт.*). Не менее важно то, что при этом Кеннан признавал: «Многие стороны советской жизни вызывали у меня уважение и восхищение... Я уважал советских лидеров за мужество, решительность, политическую серьезность...».

Однако тут же он подчеркивал, что всегда отвергал советскую идеологию в целом. А в советских руководителях того времени ему «были глубоко неприятны другие их политические качества — фанатическая ненависть к значительной части человечества, чрезмерная жестокость, уверенность в своей непогрешимости, неразборчивость в средствах, излишнее пристрастие к секретности, властолюбие, скрывавшееся за идеологическими установками... Из-за этих моих политических взглядов, сформировавшихся в 1933–1937 годах, у меня возникли разногласия с официальными установками Вашингтона»²⁰. Не вступая здесь в полемику с Кеннаном по существу этих обвинений в адрес советской системы власти 30-х годов, обратим внимание читателя на то, что все они в полной мере могут быть отнесены к политике самих США на протяжении большей части истории этой страны, что позднее он же и признавал.

Однако тогда, в 30-е годы, Кеннан уточнял, что дело было не только и не столько в коммунистической идеологии. По его мнению, Советская Россия принадлежала к иному миру, иной цивилизации, находясь как бы в ином измерении, что исключало возможность нахождения общего языка и компромиссных решений. В полном соответствии с догмами классической русофобии Кеннан был убежден в том, что в то время, как США являются продолжателем римской цивилизации и западной культурной традиции, русское национальное сознание определялось присущими Византии, по его мнению, «варварством, жестокостью, отсталостью и полным отсутствием цивилизованного духа». А тут еще и отбросившие Россию в развитии последствия монголо-татарского ига, в результате чего Россия вошла в XX век «типичной восточной деспотией».

¹⁹ Там же.

²⁰ Гольдберг А.М. Американско-советская дипломатическая дуэль в лицах. Посол США в СССР Фрост Кеннан (03.14.52–09.19.52). http://www.olegold.com/pages/rad_001_005_009.shtml.

Подобные подходы, основанные на радикализации непреодолимых цивилизационных отличий и противоречий между Востоком и Западом, неминуемо привели Кеннана к идее о том, что предвоенная Германия, как часть общей западной цивилизации, в отличие от России являлась естественным партнером США в Европе. И даже в 1941–1942 годах, когда вроде бы и слепому стало ясно, как на самом деле распорядилась история, а СССР и США стали военно-политическими союзниками в войне с Германией, Кеннан продолжал заявлять, что Советский Союз – это воскрешение древней Московии, что проявлялось в отказе Москвы от вестернизации и в изоляционизме²¹.

Перед войной же он доказывал, что не нацистская Германия, а СССР якобы угрожал западной цивилизации, и спасение Запада было в сплочении Европы и США, залогом чего, по его мнению, была именно сильная Германия. Удивительное соответствие взглядов Кеннана тех лет и ранее нами процитированных высказываний русского белогвардейца Ивана Ильина! Как и Ильин, Кеннан полагал, что сильная авторитарная Германия, будучи производным от хаоса Веймарской демократии, являлась благом для немцев. Более того, существование такой Германии он считал спасением Европы от коммунизма. Не удивительно что, пребывая на подобных позициях, он, как минимум, не возражал против Мюнхенских соглашений и заклеил договоры СССР и Германии 1939 года²². Справедливости ради надо отметить, что такого рода взгляды были тогда скорее правилом, а не исключением в американском истеблишменте, да и вообще в общественном мнении в Штатах и в целом на Западе

Так, посол США в Лондоне и отец будущего президента Джозеф Кеннеди также полагал, что Советский Союз, а не нацистская Германия представляет наибольшую потенциальную угрозу для Америки. В.Рукавишников справедливо указывает, что в США, как и вообще на Западе, перед войной имелись люди, восхищавшиеся Гитлером и полагавшие, что его «новый порядок» мог бы наилучшим образом защитить их интересы, особенно от «угрозы коммунизма» и СССР. Как уже знает читатель, среди таких людей в Штатах были влиятельные члены правящей элиты. Ф.Рузвельт был вынужден сделать выговор действовавшему адмиралу Й.Стерлингу-младшему за публичную поддержку Антикоминтерновского пакта Германии, Италии и Японии. Стерлинг открыто призывал США к сотрудничеству с Гитлером и участию Америки «в великом крестовом походе.., возглавляемом Германией.., с тем, чтобы не только навсегда покончить с призраком большевизма, но **открыть плодородные земли России перенаселенной и индустриально голодной Европе**» (выделено мною – *Авт.*)²³.

²¹ Юнгблуд В.Т. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.38–39.

Отнюдь не уникальное для США совпадение терминологии и целей с тем же «крестовым походом против коммунизма» республиканца Р.Рейгана десятилетия спустя, или – еще позднее – с демократкой, госсекретарем Мадлен Олбрайт, призывавшей в отношении уже посткоммунистической России практически к тому же – аннексии ее территории и природных богатств. А еще позднее – с затеянной США и ЕС титанической битвой за отрыв Украины от России и ее утягивание на Запад, вплотную подбираясь тем самым к границам той самой Московии.

Но тогда, в отличие от позднеперестроечных и постсоветских, особенно ельцинских времен, власти нашей страны немедленно и остро реагировали на наглые заявления из-за океана. Так, по инициативе М.М.Литвинова и с согласия Сталина в июне 1935 года госдепартаменту был заявлен протест посла СССР в США.

Документ № 194

ПИСЬМО НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ СССР
М.М.ЛИТВИНОВА ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) И.В.СТАЛИНУ
С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ЗАЯВИТЬ ПРОТЕСТ
ПРОТИВ АНТИСОВЕТСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ АДМИРАЛА СТЕРЛИНГА

16.06.1935

Секретно

Размечено:

Крестинскому
Стомонякову

Вы, вероятно, читали в газетах о недавней статье американского адмирала Стерлинга, в которой проповедуется всеобщий крестовый поход против СССР с целью «уничтожить призрак большевизма и открыть плодородные земли России для перенаселенной и индустриально голодной Европы».

Так как адмирал находится на действительной службе, то это дает нам основание заявить протест американскому правительству. Такой протест придаст новую силу поднятой уже самими американцами кампании против адмирала. Я предлагаю поручить тов. Трояновскому заявить устный протест. Сам тов. Трояновский также считает желательным такой протест.

Литвинов

АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 5. Копия.

Приложение к документу № 194

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Поручить тов. Трояновскому заявить Госдепартаменту протест против анти-советской статьи адмирала Стерлинга.

АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 5. Копия.

17 июня 1935 года А.А.Трояновскому была направлена телеграмма М.М.Литвинова с поручением заявить Госдепартаменту устный протест по поводу статьи адмирала Стерлинга²⁴. 19 июня 1935 года Трояновский заявил заместителю госсекретаря США Р.Муру протест²⁵.

В.Рукавишников на основании анализа американских опросов общественного мнения 30-х годов верно пишет и о том, что симпатии к Германии или, как минимум, предпочтение гитлеровской Германии сталинской России даже при растущих опасениях в отношении первой были тогда присущи и значительно более широким слоям населения США. Так, даже через четыре года после установления дипотношений между нашими странами, в 1937 году, согласно опросам, 59% американцев предпочитали нацистскую Германию социалистическому Советскому Союзу²⁶.

В этой связи следует заметить, что, как это будет отмечаться далее, когда мы будем анализировать предельно критические взгляды Кеннана на СССР как союзника во время Второй мировой войны, он отнюдь не был гордым одиночкой, а тем более идейным диссидентом в своей стране, а наоборот, представлял влиятельный мейнстрим в общественном мнении.

Германский вариант в принципе отвергаемого американцами тоталитаризма все же казался многим из них более приемлемым прежде всего потому, что «коричневые» в отличие от «красных» не призывали к ликвидации капитализма и бесценного для них права на частную собственность на средства производства. Они знали, что в 30-е годы при Гитлере крупный, средний и мелкий бизнес процветал. Кроме того, американская пресса была переполнена рассказами о выходе Германии под руководством Гитлера из кризиса, ликвидации массовой безработицы, неограниченных карьерных возможностях для молодежи и т.д. (чего в США еще долгое время не происходило). А в то же время любая объективная информация о советских фантастических экономических и социальных результатах за тот же период в значительной мере перекрывалась валом массовой антикоммунистической, антисоветской, русофобской пропаганды или просто замалчивалась²⁷.

Антикоммунистическая и антисоветская истерия, почти не переставая (за частичным исключением периода Великой Отечественной войны), бушевала в Америке начиная с октября 1917 года и до крушения СССР включительно. В конце 30-х годов произошло ее очередное обострение – во время обсуждения в конгрессе законопроекта Вурхиса, направленного против Компартии США.

²⁴ ДВП СССР. Т. XVIII. Док. №275. С.400.

²⁵ Там же. Док. №280. С.404; Советско-американские отношения 1934–1939. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/70424>.

²⁶ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.37.

²⁷ Там же. С.38–39.

Но В.О.Рукавишников делает более важный, фундаментальный вывод, касающийся базовой философии в отношении России/СССР, которой руководствовался (и которую активно развивал) Кеннан, мало отличаясь при этом от общей установки большинства западного, в том числе американского общественного мнения. «Между восприятием коммунизма как идеологии и практики и отношением к России и русским существовала тесная связь... – пишет он. – Русофобы всегда были врагами страны Советов и антикоммунистами, а антикоммунисты – антисоветчиками, и при этом, как правило, русофобами. Русофобия, конечно же, родилась раньше и антисоветизма, и коммунистической идеологии, но... важно подчеркнуть то, что она никуда не исчезла после победы большевиков в России. Более того, русофобия усилилась за счет антикоммунизма и антисоветизма – произошло то, что инженеры называют мультипликационным эффектом»²⁸.

От себя добавим, что, как показала практика последних 20 с лишним лет, русофобия на Западе никуда не делась и после уничтожения Советского Союза, чем объясняются сильно огорчающие нынешнюю праволиберальную элиту России большие проблемы в наших отношениях с Западом, особенно с США. Ее страшно удивляет сегодня то, что русофобия никуда не исчезает и после того, как они уже два десятилетия с лишним клеймят СССР, социализм и Советскую власть, одновременно пытаясь внедрить в России ультралиберальную модель капитализма, по рабски копировать американский опыт. Думается, главное объяснение этого удивления одно: нынешняя российская власть плохо знает и отечественную, и мировую историю (о страшном вреде исторического невежества политиков много десятилетий спустя справедливо писал тот же Кеннан). Попыткой внести в это незнание некий просвещенческий момент и является данная книга, посвященная одному из патриархов и русофобии, и антисоветизма.

Таким образом, проблема Кеннана в 30-е годы и во время войны состояла не в том, что его взгляды и высказывания того времени казались в Америке ересью (наоборот, множество высших официальных лиц, как и многие представители истеблишмента, значительная часть населения их вполне разделяла), но пришлось тогда как бы не ко времени. А время было такое, что на фоне катастрофических последствий мирового кризиса для экономики и социальной сферы США пример бурно развивающегося Советского Союза для многих других, даже упертых в своем антикоммунизме и русофобстве, но более информированных американцев оказался как минимум заслуживающим уважительного внимания. Такую информацию все же можно было тогда получить, причем не только из журнала «Нейшн» и других леволиберальных, левых и коммунистических изданий, но даже из газеты «Нью-

²⁸ Там же. С.77.

Йорк таймс». Заведующий ее московским бюро Уолтер Дюранти в 1933 году даже получил высшую журналистскую награду в США – Пулитцеровскую премию – за в целом позитивно описывавшую советские достижения книгу о первой сталинской пятилетке.

А тем временем в США в условиях Великой депрессии разорилось 85 тыс. предприятий, без работы и средств к существованию к 1932 году осталось более 13 млн американцев или 23,6% трудоспособного населения. При этом ВВП страны сократился с 1929 года на 31%. В то же время в СССР за этот период, т.е. в годы той самой первой пятилетки, рост промышленной продукции увеличился в 2,3 раза, безработица к 1930 году была вообще ликвидирована...

Еще одним важнейшим фактором стали огромные заказы из СССР на американскую готовую продукцию, прежде всего на машины и оборудование, что спасало американские компании и миллионы американцев от разорения. По оценке журнала «Бизнес уик», «именно Советский Союз, а не кто-нибудь иной, пришел на выручку американской индустрии в эпоху кризиса». В первые годы депрессии из США в СССР уходило до двух третей американского экспорта оборудования для сельского хозяйства и металлообрабатывающей промышленности. Даже при отсутствии дипломатических отношений, в конце 20-х–начале 30-х годов наша страна занимала седьмое место в американской внешней торговле²⁹. В то время в советское торговое представительство в Нью-Йорке (Амторг) поступило более 100000 писем от американцев, просивших предоставить им работу в СССР³⁰.

Советские успехи не могли остаться незамеченными президентом США.

Остается малоизвестным факт, что Франклин Делано Рузвельт, создавая «мозговой трест» из ведущих либеральных ученых-экономистов для подготовки программы «нового курса», включил в него в качестве своего советника профессора Колумбийского университета Р.Тагуэлла, незадолго до того посетившего СССР с группой американских экономистов. Профессор был поражен увиденным, особенно нашими успехами в области экономического планирования. Как позднее отмечалось в американской литературе, «под комбинированным воздействием советского пятилетнего плана и экономического кризиса» в США возник острый интерес к советскому эксперименту. Как писал Тагуэлл, «Возможно, не за горами то время, когда мы, несмотря на существующие идеологические различия, спросим себя, нельзя ли извлечь из русского опыта некоторые уроки для нас самих, всесильных американцев»³¹.

²⁹ Там же. С.25–26.

³⁰ Юнгблюд В.Т. Указ. соч.

³¹ Мальков В.Л. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика». М., 1973. С.171.

В результате, в работах американских либеральных экономистов, включая Тагуэлла, появляются пассажи о позитивном «русском опыте строительства социализма» для США. К середине 30-х годов достижения СССР в экономике становятся неременной частью дискуссии о путях выхода Америки из депрессии. Уже в качестве заместителя министра земледелия США Р.Тагуэлл в 1934 году писал, что с каждым шагом «русская система» настигает американскую экономику и возникает реальная возможность скорого уравнивания промышленного потенциала двух стран. В результате он делал вывод о том, что только путем заимствования у русских «идеи планирования и целеустремленного, разумного контроля государства над экономической деятельностью» в Соединенных Штатах можно избежать революции³².

Кстати, уже работая в посольстве США в Москве, Дж.Кеннан в декабре 1935 года в беседах с сотрудниками Народного Комиссариата Иностранных Дел (НКВД) отмечал, что занимается такой «исключительно полезной и интересной работой», как информирование Госдепартамента о важных тенденциях экономического развития СССР, и в частности, о недооцененном, по его мнению, прессой США и западными дипломатами в Москве стахановском движении. Кстати, в конце 40-х годов сторонники доктрины Даллеса по насильственному «освобождению народов России» (а на самом деле свержению существовавшего государственного строя в СССР), требовали начать с запрета именно стахановского движения!

Одновременно в американских политических кругах – особенно во влиятельной еврейской общине – на фоне растущей тревоги по поводу происходящих в Германии после прихода к власти нацистов процессов и усложнения отношений США с Японией начинает все более активно кристаллизоваться идея о необходимости сближения с СССР как геополитическим противовесом возникшей опасности.

Разумеется, подобные взгляды далеко не у всех в США встречали в то время позитивную реакцию, а у многих – особенно правого крыла республиканцев – вызвали крайне резкие возражения. Так, несмотря на то, что американский большой бизнес оказывал сильнейшее давление на предшествовавшее кабинету Рузвельта республиканское правительство Герберта Гувера, требуя нормализации дипотношений с СССР с учетом высокой доходности торговли с нашей страной, Гувер был категорически против этого. Более того, в августе 1931 года в интервью газете «Сан-Франциско Ньюс» он заявил, что «надеется на разрушение Советского Союза». Позднее американский автор отмечал, что это неприкрыто враждебное высказывание было едва ли не «самым ошеломляющим откровением, когда-либо сделанным американским президентом публично»³³. Впрочем, по степени своей реакцион-

³² Там же. С.169.

³³ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.26.

ности эта его политика мало отличалась от гуверовского безумного курса в области экономики, который и привел Америку к катастрофе 1929 года. Позиция Кеннана состояла, однако, в том, что хотя он и не заявлял тогда о своих партийных симпатиях, на самом деле курс Гувера в отношении Москвы был ему, несомненно, ближе того, что делал на этом направлении Рузвельт.

Проблема Кеннана и других недоброжелателей установления хороших отношений с Советской Россией состояла прежде всего в том, что сам Рузвельт и его ближайшее окружение склонялись в то время к либеральной точке зрения на данный вопрос (отражавший эту позицию влиятельный среди левых интеллектуалов нью-йоркский журнал «Нейшн» в статье Луи Фишера под заголовком «Признайте Россию!» писал о том, что «признание уже означает больше для Соединенных Штатов, чем для Советского Союза»). В результате, в ходе «яростных дискуссий» преодолев сопротивление жестко антисоветски настроенной части политического истеблишмента и госдепартамента, Рузвельт в конце 1933 года все же настоял на признании Америкой Советского Союза³⁴.

Характерным проявлением особенностей американской политики и традиций явился при этом тот факт, что вопреки хорошо известному руководителям американской дипломатии и послу У.Буллиту отрицательному отношению Кеннана к СССР и к самому решению об установлении дипломатических отношений с Россией, он, тем не менее, был взят на работу в посольство и получил возможность докладывать из него в Вашингтон собственные аналитические выкладки и предложения. Думается, это связано с несколькими причинами. Во-первых, с присущим демократической стране духом толерантности к инакомыслию (в рамках системы, разумеется). Во-вторых, с тем, что его взгляды на самом деле разделялись очень многими в американской элите, в том числе в руководстве Госдепартамента. И, в-третьих, Кеннана уже в то время ценили как одного из немногих в 30-е годы специалистов по России.

В свою очередь, молодой дипломат вел себя по-умному. Не скрывая своих в то время диссидентских в отношении России взглядов на закрытых совещаниях и в дипломатических депешах в Вашингтон, официально для внешнего мира он был вполне лоялен к линии Вашингтона на налаживание отношений с Москвой и скрупулезно выполнял все возлагаемые на него в этой связи обязанности, включая анализ того же стахановского движения.

В конце 70-х годов он изложил это свое кредо в том смысле, что «дипломатическому представителю следует терпеливо мириться с противоречиями между своими взглядами и позицией своего правительства...»³⁵.

³⁴ Там же. С.29.

³⁵ Мальков В.В. Указ. соч. С.172–173.

При этом он считал необходимым тщательно изучать политического и идеологического противника, каковым считал Советский Союз, и в этом смысле старался использовать свой пост в посольстве с наибольшей эффективностью (ниже мы увидим, что при этом умышленно или нет упуская из виду важнейшие документы и факторы изменений советской внутренней и внешней политики). Однако, как уже подчеркивалось, до поры до времени его односторонне антисоветские аналитические выкладки, направляемые в Вашингтон, оказывались там не ко двору. Так, например, Кеннан упорно доказывал в 30-е годы, что рост экономической мощи СССР с учетом идеологии коммунизма и наследия царизма неминуемо ведут нашу страну к внешней экспансии, причем именно против западных цивилизаций.

При этом этот ученый и дипломат под влиянием усвоенных им ранее идеологических стереотипов тогда явно не понимал тех радикальных изменений, которые претерпевала советская внутренняя и внешняя политика под руководством И.В.Сталина. К середине 30-х годов, после окончательного поражения троцкистов, идеи мировой революции в этой политике потеряли всякий практический смысл. Не менее чужд советский лидер был и к приписываемому царизму завоевательному инстинкту. Он исходил из того, что если такой инстинкт у царей и был, то он отражал общую захватническую идеологию европейских держав.

Так, в опубликованном в 1934 году ключевом по важности письме членам Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин, критикуя взгляды Ф.Энгельса в работе последнего «Внешняя политика русского царизма», подчеркивал, что «завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью не составляла монополю русских царей. Всякому известно, что она была присуща – не в меньшей, если не в большей степени, – королям и дипломатам всех стран Европы...». В этой связи он обращал особое внимание на то, что Энгельс упустил в своей статье важнейший момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, который возглавляла отнюдь не Россия, а Англия и Германия, противоречия между которыми сыграли впоследствии определяющую роль в развязывании Первой мировой войны.

В письме Сталина содержался и еще один, наиболее актуальный в контексте европейской политики середины 30-х годов момент. Он указывал: «Если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, – то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной вой-

ной, а войной освободительной или почти освободительной?»³⁶. Как, по видимому, ясно читателю, здесь Сталин нащупывает главное звено западной русофобии и антисоветизма на длительную перспективу.

Вспомним при этом приведенные выше данные о германофильских взглядах Кеннана, включая его высказывания о пользе сильной Германии – части единой западной цивилизации – как факторе сдерживания коммунизма и варварской «Московии»... Одновременно поймем, что Сталин, конечно же, не случайно в момент назревания новой мировой войны с участием Германии высказался по поводу старой идеи «освободительного» характера западных войн против России. И тогда неминуемо приходим к выводу, что американский дипломат также не случайно тогда проигнорировал эти сталинские высказывания – уж слишком «неудобными» они для него были, подрывая всю тщательно выстроенную Кеннаном идеологическую и политическую конструкцию. Думаю, что дело именно в этом, а не в том, что взявший на себя задачу отслеживать и анализировать все детали советской политики дипломат просто «прошляпил» ключевую статью русского лидера в ведущем журнале «Большевик» и другие подобные же факты, характеризовавшие реальность политического мышления Москвы того времени.

Лишь значительно позднее, уже после смерти Сталина, Кеннан хотя бы частично осознал свою ошибку. Лишь тогда он признал, что советские лидеры «занимались вопросами государственной власти. Они унаследовали ответственность правительства за судьбу великого государства – одного из крупнейших традиционных союзов в современной международной семье – с его народом, его историей, его традициями, его чаяниями, его предрассудками и его противниками»³⁷. И начал доказывать собственному правительству и общественному мнению, что агрессия против Запада вообще не входила в планы вождей СССР.

Уже тогда, в 30-е годы, советский руководитель и его окружение более всего были озабочены преодолением экономической, военной и культурной отсталости России, видя главную угрозу существования страны в неминуемой агрессии Германии и в целом «Антикоминтерновского пакта». Именно с учетом кровной заинтересованности России, не готовой к тому времени к успешному отражению этой агрессии, в длительном периоде мирного развития, советская дипломатия активно предлагала идею пакта о европейской безопасности стран Европы и США против фашистской оси.

Предложения СССР вызывали в Вашингтоне, как минимум, доброжелательный интерес. Американскую политическую элиту – ее решающее большинство – усиление силы и влияния России, в отличие от растущих опасе-

³⁶ Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Письмо членам Политбюро ЦК ВКП (б) 19 июля 1934 года. Соч. В 16 т. Т. 14.

³⁷ Юнгблуд В.Т. Указ. соч.

ний по поводу Германии и Японии, тогда не пугало. Время востребованности на противоположные этому взгляды Кеннана пришло в США позднее. Но и в период с 1933 по 1937 годы он упрямо повторял в своих посланиях в госдепартамент мнение о неперспективности конструктивного сотрудничества со сталинским руководством, выступал сторонником жесткой линии в отношении Москвы и даже осуждал президента Рузвельта за терпимость к советским вождям³⁸. Его шифровки в госдепартаменте читали, но реального влияния на политику США в отношении СССР они тогда не оказывали. Дипломат, чувствуя себя аутсайдером, переживал нечто вроде стресса, и чуть ли не собирался вообще покинуть службу.

Тем не менее после первой командировки в 1933 году, Кеннан побывал в СССР еще несколько раз, в частности в качестве второго секретаря посольства в 1935–1936 годах. Но и в этом качестве он продолжал гнуть все ту же линию. Так, в 1936 году в своем аналитическом докладе дипломат рекомендовал Вашингтону: «В экономической сфере следует учитывать сходство географического положения обеих стран». Однако в отличие от сторонников сближения с СССР делал из этого прямо противоположный вывод: по его мнению, в результате этого сходства наши страны «во многих отношениях будут скорее соперничать, чем дополнять друг друга». Там же он вновь отмечал дух соперничества и ненадежность, якобы свойственные политике лидеров России, по его мнению, отличавшихся подозрительностью, бюрократизмом и приверженностью к восточным приемам в своей деятельности, а также стремлением не допускать иностранного влияния на свой народ. По его убеждению, эти качества русских, само собой, были вызваны историческими традициями, продолжительными контактами с «восточными ордами» и влиянием Византии³⁹.

В своих воспоминаниях Кеннан этими и другими причинами объясняет продолжавшие грызть его в Москве сомнения по поводу правильности нового курса его страны в отношении России, проводимого Рузвельтом. «Я не знаю, насколько были верны расчеты президента. Что касается меня, то я был настроен скептически», – писал он.

Именно с этих позиций «скептицизма» вкупе с замешанной на русофобии антисоветской философии, Кеннан оценивал и события, начавшиеся в нашей стране с убийства С.М.Кирова в Ленинграде 1 декабря 1934 года. Не приводя, разумеется, никаких фактов в обоснование, он излагает в своих мемуарах избитую и ничем никогда не подтвержденную версию об этом убийстве как следствии борьбы Сталина за единоличную власть в партии и государстве, помехой чему был, якобы, его ближайший друг и соратник Киров. Именно с этого покушения и начавшихся вслед за ним «больших чис-

³⁸ Цит. по: *Stephanson A.* The X-Files. Obituary – George Kennan // “The Nation”. April 25, 2005.

³⁹ *Гольдберг А.М.* Указ. соч.

ток» Кеннан исчисляет конец «медового месяца» в советско-американских отношениях.

Правда, сам дипломат через три дня после событий в Ленинграде занемог от так и не названной им болезни и в январе 1935 года был направлен на лечение в Вену, по окончании которого остался работать там в американском посольстве. Однако уже в том же году он продолжил свою аналитическую миссию в посольстве в Москве. По его словам, в его обязанности входило, в частности, следить за ходом политических чисток в Москве, «исходя из советской прессы и слухов, распространявшихся в столице» (интерес представляет способ собирания этих слухов американским дипломатом, постоянно жаловавшимся на ограничения в контактах с населением, установленные для западных представителей советским режимом. Впрочем, в мемуарах Кеннан сам же подробно описывает, как легко он обходил эти ограничения, постоянно разъезжая по Москве и пригородам, выезжая в Ленинград и на Кавказ под предлогом своих культурологических, в частности, чеховских изысканий).

По мнению ряда исследователей, негативные оценки Кеннаном советской действительности и политики постепенно начали оказывать воздействие на взгляды и настроения посла У.Буллита, первоначально прибывшего в СССР со значительно более оптимистическими взглядами (в 1923–1930 годах он был женат на вдове Джона Рида и в свое время энтузиастке Октябрьской революции журналистке Луизе Брайант). На это изменение настроений посла, разумеется, оказали влияние и другие факторы, в частности, его интенсивное общение с советскими партийными и интеллектуальными оппозиционерами, в том числе с любившими посещать американское посольство Н.Бухариным и К.Радеком, о чем в мемуарах пишет тот же Кеннан⁴⁰. Судя по всему, коммулятивное воздействие на Буллита бесед с этими людьми, чисток, «московских процессов» и антисоветской агитации Кеннана, в конце концов, оказалось губительным для психологии этого впечатлительного и способного к радикальной перемене настроений и взглядов человека.

В мемуарах Кеннан пишет, что «противоречия с советским правительством... привели к тому, что Буллит стал сторонником жесткой линии по отношению к Москве. Все мы охотно поддерживали эту линию, однако она не отвечала общему направлению политики Рузвельта, который не только не оказал послу поддержки, но вскоре перестал прислушиваться к его советам по русским делам». Президента можно было понять. Так, позднее стало известно, что начавший крайне негативно относиться к Сталину Буллит признавался послу США в Германии Уильяму Додду в том, что одобряет союз фашистских государств, направленный против России и мирового комму-

⁴⁰ Там же.

низма⁴¹. А в конце 40-х годов он вообще стал сторонником свержения советского правительства с применением ядерного оружия (что, кстати, привело его тогда к конфликту с Кеннаном, уже изменившим к тому времени свой взгляд и на ядерное оружие, и на целесообразность «свержения»).

В результате Рузвельт, по-прежнему остро заинтересованный в улучшении отношений с Советами, пришел к выводу, что именно Буллит с его негативными применительно к стране пребывания убеждениями, плюс недостатком такта и выдержки, стал одной из причин ухудшения этих отношений в 1935–1936 годах. Он был отозван в Вашингтон с последующим назначением послом в Париж, а на его место назначен Джозеф Дэвис. Неудивительно, что эту кадровую замену Кеннан воспринял крайне болезненно. Ведь ранее ему, и не без оснований, казалось, что наконец-то его взгляды на Россию начали влиять на главу дипломатической миссии, а значит, и на политику США (в своих мемуарах Кеннан пишет, что в Москве его объединяла с Буллитом «интеллектуальная дружба» и что они оба там «духовно породнились»).

Я не уверен, что отмеченное выше временное ухудшение отношений двух стран произошло не без его участия или вызвало у него огорчение. Что действительно его крайне огорчило (видимо, став крахом соответствующих планов и надежд), так это кадровое решение Рузвельта. Позднее он писал: «Президент не мог придумать ничего более оскорбительного для нас, чем подобное назначение»⁴². Кеннан не скрывал, что Дэвис «с самого начала вызвал у него неприязнь, не столько в личном плане, сколько в плане профессионального соответствия своей миссии». Позднее он долго рассуждал в своих мемуарах на тему о том, каким непрофессионалом был новый посол, каким выскочкой и политическим назначенцем, не знающим ничего о стране, в которую был направлен. В словах Кеннана была и лютая обида на то, что его, «профессионала», не оценили и оттеснили и, конечно же, абсолютное несогласие с политической линией Белого дома.

И действительно: Дэвис прибыл в Москву с «месседжем» от Рузвельта совершенно определенного содержания: улучшать отношения с русскими на всех направлениях. Как отмечает американский автор, новый посланник Рузвельта отличался радикально иными, позитивными в отношении СССР, сталинского руководства и связей двух стран взглядами, что проявилось в том числе и в его подходе к московским процессам, отличном от освещения в большинстве американских газет (за значимым исключением статей уже упоминавшегося нами московского корреспондента «Нью-Йорк таймс», пулитцеровского лауреата Уолтера Дюранти) и сложившегося под воздействием этого освещения общественного мнения в Америке.

⁴¹ Цит. по: *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С.39.

⁴² *Гольдберг А.М.* Указ. соч.

Дэвис, как и Дюранти, многие другие западные наблюдатели, лично присутствовавший на судебных заседаниях в Доме Союзов, писал в своих шифровках в Вашингтон, что «проведенные процессы, по мнению большинства членов дипломатического корпуса, указывают на существование (в СССР) политического заговора с целью свергнуть правительство». В связи с этим новый посол считал, что, организовав показательные процессы, И.В.Сталин преследовал четыре цели: разгромить заговорщиков, дискредитировать своего врага Троцкого, мобилизовать нацию, поднять волну патриотизма и гнева, направленную против Германии и Японии (в связях именно с ними и обвиняли подсудимых. – *Авт.*), и через публичные покаяния показать, что обвинения в измене обоснованны.

В связи с этим Дэвис убеждал Рузвельта из-за противоречивой оценки московских процессов в США не подвергать угрозе американо-советские отношения, поскольку «если Япония пойдет на нас, то Россия, стоящая за ее спиной, может оказаться полезной. Советский Союз настроен к США более дружески, чем любая иная иностранная держава... Дружеские отношения с СССР в будущем могут иметь огромное значение». Он же полагал, что пока «коммунизм не представляет серьезной угрозы для Соединенных Штатов»⁴³.

Понятно, что для Кеннана, специализировавшегося на докладах в Вашингтон именно по чисткам и процессам, причем с известной читателю точки зрения, и придерживавшегося диаметрально иных взглядов по поводу состояния и перспектив мировой, европейской политики и отношений двух стран, подобная позиция посла была как нож в горле. В мемуарах он пишет, что его аналитические записки на эту и другие темы стали забраковываться, а на тему процессов посол предпочитал советоваться не с ним (хотя он переводил ему на процессах), а с американскими корреспондентами, аккредитованными в Москве. На самом деле и Дэвису, и Рузвельту было понятно, что Кеннан с его взглядами новой миссии посла абсолютно не соответствовал, и он был отозван госдепартаментом в Вашингтон.

Кстати, русский отдел в то время возглавлял в госдепе тот самый Р.Келли, так полюбившийся Кеннану по Восточному семинару в Берлине (понятно, в связи с общими для них русофобскими и антисоветскими взглядами). Кеннан пишет, что этот отдел, как и он в Москве, «весьма критически оценивал советскую политику и придерживался жесткой линии в отношениях с Кремлем по многим спорным вопросам, не боясь открытых разногласий». Не удивительно, что через пять месяцев после назначения Дэвиса послом, русский отдел был ликвидирован, Келли отправлен посланником в Анкару, а в отделе европейской политики была создана «русская группа», куда после возвращения в Вашингтон и попал Кеннан.

⁴³ Цит. по: *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С.33.

В данной группе он опять почувствовал себя не востребовавшимся и недооцененным, в том числе в буквальном смысле, направив руководству госдепа прошение о повышении ему зарплаты. В результате через год Кеннан был отправлен в отставку и из этого отдела, а затем отправлен на более тучные хлеба уже не в Россию, а в Прагу. Главной причиной своей недооцененности он по-прежнему считал политические разногласия с официальной линией Вашингтона: «Мои взгляды на русскую политику расходились со взглядами новой администрации», – вспоминал дипломат.

И действительно, по словам В.Л.Малькова, «в лекции, прочитанной весной 1938 года, Кеннан, как будто бы намеренно, излагает российскую историю в предельно упрощенном виде, стремясь донести в качестве императива постулат о невозможности для Запада иметь с советским режимом нормальные дипломатические отношения. Все это повторяло инвективы из донесений патрона Кеннана в первом составе американского посольства в Москве посла У.Буллита, но чисто вербально воспроизводило лексику еще одного из почитаемых Кеннаном авторов – маркиза де Кюстина, не жалевшего красок и фантазии для передачи своего личного, очень субъективного и нелестного впечатления о России 30-х годов XIX века. Главное, разумеется, в другом: в лекцию переключал (если воспользоваться справедливой оценкой, данной еще Н.Я.Данилевским в 1871 году, всем сочинениям западных путешественников, подобным книгам де Кюстина) «дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения». Впрочем, десятилетия спустя в работе, специально посвященной опусу де Кюстина, Кеннан дает маркизу несколько более критическую оценку именно за его заведомую и неприкрытую враждебность России, хотя считает его взгляды полностью пригодными для понимания сталинского СССР.

В то же время в мемуарах он попытался проанализировать свои собственные слабости, которые перед войной не позволяли ему с полнотой и объективностью оценить ситуацию в новой России. Одну из причин этого он видел в непонимании процессов индустриализации, коллективизации и политических чисток, которое он относил к недостаточному своему знакомству с историей русского революционного движения (так оно и было на самом деле, что особенно печально, учитывая, что Кеннан в посольстве считал себя единственным специалистом именно по данной проблематике). Однако характерно, что причины своего незнания Кеннан в мемуарах видел не в том, что никогда всерьез не изучал Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Сталина или хотя бы тех же Троцкого или Бухарина, а в том, что не читал антикоммунистически и антисоветски настроенных западных советологов типа Леонардо Шапиро, Исаака Дейчера, Франко Вентури и др.

Другая причина непонимания процессов в советской России у Кеннана не менее одиозна. Он ее видит в том, что в отличие от большинства профес-

сиональных советологов сам никогда не проходил через хотя бы кратковременный «роман с марксизмом», в то время как, по его позднему убеждению, именно разочарование в своих ранних марксистских идеалах и в прежнем увлечении советским опытом создавало по-настоящему твердокаменных борцов с социализмом и с СССР (впрочем, критикуя потом маккартизм, он справедливо признает, что самыми яростными «политическими чистильщиками» в это время в Америке были как раз предатели и перебежчики из коммунистов и левых).

КЕННАН И ВОЙНА

В мемуарах Кеннан приводит представляющие сегодня немалый интерес отрывки из своих аналитических докладов, которые он направлял в 1936–1937 годах в Вашингтон. В них он писал о «постоянной враждебности советского режима к некоммунистическим правительствам, которых он рассматривает как врагов, а на мирные отношения с ними смотрит только как на временное перемирие или «мирную передышку» в перерыве между конфликтами». В докладах говорилось о «советском плане милитаризации, частью которого были и коллективизация, и пятилетние планы». Кеннан утверждал, что советское правительство хотело лишь отсрочить враждебные действия до того времени, когда его военные приготовления будут завершены. По мнению автора докладов, именно поэтому Сталин заключал договоры с разными странами и готов был признать обязательства, связанные с участием СССР в Лиге Наций, но это делалось не столько ради предотвращения новой мировой войны, «сколько для того, чтобы войну вели другие, чтобы не было прочного мира между западноевропейскими державами» (разумеется, с участием Германии). Признавая серьезность японской угрозы советскому Дальнему Востоку, дипломат пытался убедить Вашингтон в том, что якобы сама советская политика в Азии способствовала появлению этой угрозы.

В то же время Кеннан скептически оценивал нацистскую угрозу СССР. Исходя из своих уже известных читателю убеждений, он рассматривал политику Гитлера как «пангерманистскую по преимуществу» с претензией на воцарение рейха лишь на территориях, прежде населенных или контролируемых немцами. А это, по Кеннану, означало, что угроза вторжения могла существовать для соседних с Россией государств того времени, но не для СССР в границах 1936 года. Кроме того, по его мнению, было трудно

предположить, что русскому правительству, занимавшемуся прежде всего собственными делами, в ближайшее время могла угрожать «опасность агрессии с Запада». Из этого анализа Кеннан делал тогда вывод о том, что настойчивость, с которой советское правительство заявляло об угрозе нацистской агрессии, объяснялась исключительно его «неискренностью».

Однако дипломат не видел никакого противоречия в своем анализе, когда тут же признавал, что в то время ситуация, при которой Советский Союз вообще мог не подвергнуться «ничьей агрессии», была «маловероятной». А это давало ему основание заявлять, что якобы присущие руководству СССР «социальный фанатизм и шовинизм, циничная политика балансирования на грани войны в отношениях с соседями могут отсрочить войну, но не помогут ее избежать» (вскоре мы увидим, что эта формулировка надолго засела в сознание Кеннана и была им затем использована в радикально изменившихся исторических условиях). Более того, Кеннан писал тогда, что «в случае начала войны, когда ее участники ослабят друг друга, Россия едва ли удержится от вмешательства, «скорее всего, в качестве хищника».

В мемуарах Кеннан признал, что позднее ему стала очевидна слабость собственного анализа того времени и то, что он «недооценил» возможность нацистской агрессии против СССР. Правда, при этом он так и не попытался понять, в чем же была причина этой его «слабости». А заключалась она, помимо полного непонимания реальных движущих причин советской политики, в том числе и внешней (хотя частично он к этому пониманию подходил, заявляя, что Советский Союз был занят в то время прежде всего задачами внутреннего строительства), еще и в устойчивых германофильских настроениях дипломата.

При этом тут же Кеннан написал, что на решение Гитлера напасть на Россию оказало, якобы, влияние «упорство советской дипломатии в отношении Болгарии и Финляндии (что проявилось во время переговоров с Молотовым в 1940 году), а также огромная численность армии, которую Сталин сосредоточил на западной границе. Гитлер не решился смириться с подобной концентрацией войск на своем фланге...». В последнем случае американский дипломат практически буквально повторяет тезис Риббентропа из скандальной ноты МИД Германии Советскому правительству от 22 июня 1941 года с обоснованием причин вторжения нацистов в СССР, а также определяет «ударные» тезисы антисоветской пропаганды на десятилетия вперед, включая и наше время.

А, кроме того, ему просто в голову не приходит простая мысль о том, что причиной, вынуждавшей советское руководство держать большое количество войск и техники на западной границе, был поступающий в Москву бесконечный поток открытой и разведывательной информации о приготовлениях гитлеровской Германии к агрессии против СССР. Информации, в том числе по дипломатическим каналам, в том числе и от британского пре-

мьера Уинстона Черчилля. Кстати, позднее тот же Черчилль признавал, что концентрация советских войск на западной границе СССР в 1940–1941 годах объективно помогала сражавшейся Англии⁴⁴.

Одновременно Кеннан утверждал, что и его предположение, что Сталин попытается извлечь выгоду из войны между другими странами, тоже якобы подтвердилось, в качестве примеров приведя советско-финскую войну 1939–1940 годов, а также то, что «он организовал агрессию против Болгарии и Японии в последнюю минуту перед крахом этих держав». Грамотный русский читатель, разумеется, знает, что причина финской войны была совершенно иной, что Болгария была освобождена Красной Армией от фашистского режима при горячей поддержке народа и даже перешедшего в последний момент на его сторону царя этой страны. Утверждение Кеннана о так называемой агрессии СССР против Японии, учитывая личное обращение Рузвельта к Сталину с просьбой об участии нашей страны в военных действиях против этого государства – союзника нацистской Германии, решения об этом Ялтинской конференции и Акт о капитуляции Японии, подписанный 2 сентября 1945 года от имени Объединенных наций представителями союзных государств, включая СССР и США, оставляем, что называется, без комментариев.

В целом же для нас важно иметь в виду, что десятилетия спустя, подводя итоги своей аналитической деятельности в Москве в 30-е годы, Кеннан писал: «Я не проявлял энтузиазма ни в том, что касалось развития советско-американских отношений, ни в отношении советской политики в целом». При этом он признавал, что эта его позиция «очень отличалась от взглядов самого Франклина Рузвельта, а особенно тех, кого он выбрал в качестве советников в своей политике по отношению к СССР».

В 1937–1938 годах дипломат работал в посольстве в Праге, став свидетелем поддержанного им позорного мюнхенского сговора и активно после оккупации нацистами Судет развивая в своих аналитических записках мысль о том, что заявления советского руководства о готовности встать на защиту Чехословакии в случае новой агрессии Берлина являются блефом. Так, в своих мемуарах он признал, что в то время его интерпретация «мюнхенского кризиса значительно отличалась от интерпретации большинства западных либералов. Кроме того, я не верил в готовность СССР прийти на помощь Чехословакии, даже если бы это сделала Франция». Более того, он, по собственному признанию, питал в то время надежду, что у этих событий могут быть даже «некоторые положительные последствия».

Что же касается оккупации Гитлером Богемии и Моравии шесть недель спустя после Мюнхена, то Кеннан счел эту акцию «одной из величайших

⁴⁴ Там же. С.76.

исторических ошибок» в основном из-за того, что она разрушила дорогое его сердцу «мюнхенское урегулирование» и дискредитировала западных союзников, прежде всего – Невилля Чемберлена, после чего «Англии ничего не оставалось, как дать гарантии Польше...». Судя по всему, эти вынужденные гарантии не вызвали у него никакого энтузиазма. Интересно также, что описывая нацистскую оккупацию Праги, свидетелем которой он оказался, Кеннан не скрывает, что американское посольство, где он работал, фактически отказалось помогать просившим у него убежища чешским патриотам и просто гражданам, и даже выставило охрану перед входом, ограждая себя от пытавшихся спастись чешских и еврейских семей. Никаких особых угрызений совести дипломат, судя по тексту его воспоминаний, не испытывал по данному поводу даже десятилетия спустя.

Тогда же, в том числе из-за нежелания западных держав сотрудничать с СССР в отпоре агрессору, началась Вторая мировая война, и в 1939 году Кеннан оказался опять в Берлине, куда посольство США в Праге переехало после падения Чехословакии. Там он занял пост первого секретаря посольства в Германии.

Возможно, в Вашингтоне решили, что его более ранний опыт пребывания в этой стране, соответствующие контакты и известные германофильские взгляды будут полезны в попытке удержать отношения двух стран от сползания к военному конфликту. И действительно, хотя в своих мемуарах он и описывает собственные трудности жизни и передвижения по затемненному и безлюдному военному Берлину в вечернее время, в целом же отмечает, что он чувствовал себя тогда в нацистской столице «вполне нормально» и даже в полном противоречии со всеми известными данными заявляет, что рядовые немцы тогда якобы «не чувствовали особой общности с режимом и его целями». Из одного этого понятна общая установка германофила Кеннана в те времена.

Особый интерес представляет в этой связи следующий пассаж из его воспоминаний: «Мне трудно было согласиться с демонизацией своего политического противника в американском общественном мнении, когда в американской прессе немцев изображали чудовищами, сплоченными вокруг Гитлера и одержимыми страстью разрушить или поработить остальную Европу». Позже у читателя будет возможность убедиться в том, как Кеннан демонизировал политического противника в лице СССР и советского народа, закладывая основы ведшейся правительством США десятилетиями стратегии психологической войны, насаждения вражды и ненависти в отношении нашего государства.

Впрочем, в своих официальных докладах о положении в Германии, передаваемых тогда в Вашингтон, он, зная настрой президента и его окружения, а также влиятельной еврейской общины в США, был значительно более осторожен и политкорректен. В полном противоречии с вышеописан-

ными личными благостными впечатлениями, он «предупреждал, что в вопросах войны и мира не надо слишком полагаться на различия между Гитлером и немецким народом, поскольку этот человек прекрасно играет на традициях немецкого национализма, а его представления о собственной миссии могут быть яснее, чем у его предшественников, потому что он не отягощен чувством ответственности за европейскую культуру в целом... Он полон решимости завоевать Европу или разрушить все до основания».

Более того, далее Кеннан провидчески писал о том, что агрессия Гитлера в Европе неминуема и, исследуя возможности англичан и французов в этих обстоятельствах, предупреждал, что пытаясь избежать нападения, «они, быть может, смогут заключить перемирие с Гитлером». Так оно и произошло, когда сразу после Мюнхена Англия и Франция подписали с гитлеровской Германией декларации, по сути, являвшиеся пактами о ненападении. Кеннан тогда же предсказывал, что это не остановит фюрера в его желании разгромить оба государства. Однако для него характерно, что не найдя ни слова осуждения в адрес этих западных союзников США и за Мюнхен, и за их пакты с Гитлером, позднее он с остервенением обрушится на СССР и Сталина за аналогичные и заключенные по тем же причинам московские соглашения с Германией.

Так, характерен следующий факт. Вашингтон был настолько озабочен последствиями конфликта вокруг Чехословакии для всей системы международной безопасности и настолько неуверен в своих союзниках Англии и Франции (возможно, тут сказались и предупреждения Кеннана из Праги), что подготовил и 28 сентября 1938 года – за два дня до заключения ими мюнхенских соглашений с Гитлером – направил в Москву специальное обращение к советскому руководству по данному поводу. Оно отличалось беззубостью, наивностью и полным отсутствием политической воли. Американцы призывали Сталина присоединиться к президенту Рузвельту, уже направившему лидерам Германии, Англии, Франции и Чехословакии, собравшимся в Мюнхене, соответствующее послание с призывом жить дружно. В послании, которое советский руководитель должен был направить тем же адресатам, ему следовало «обратить их внимание на чрезвычайную важность отказа от применения силы». В обращении, переданном временным поверенным в делах США в СССР Александром Керком заместителю народного комиссара иностранных дел В.Потемкину содержалась потрясающая фраза о том, что, призывая Сталина к подобного рода благоглупостям, «Правительство Соединенных Штатов отнюдь не формулирует тем самым своего мнения по существу возникшего спора». Разумеется, в Москве, получив такой документ, лишь развели руками.

Что же касается Кеннана, то он в Праге активно продолжал аналитическую работу. Все с той же свойственной ему двойственностью в своих докладах дипломат предупреждал правительство США в связи с растущей на-

цистской угрозой не делать ставку на немецких «консерваторов» типа Шахта и Папена, собиравшихся, якобы, свергнуть Гитлера (это в 1938-то году!) и не возлагать надежды на разногласия в армейском руководстве. Однако в воспоминаниях он писал о том, что впоследствии сожалел как раз о том, что западные союзники «пустили шанс на сотрудничество с германскими консерваторами и армейскими лидерами». Более того, Кеннан признавался: «года через два-три я покинул Германию с чувством более глубокого понимания исторической судьбы немцев, чьи положительные качества, такие, как мужество или гуманизм, не были нейтрализованы общим деструктивным процессом».

Там, в Берлине, Кеннан встретил оккупацию нацистами Польши, нападение немцев на Данию и Норвегию, падение Франции и других европейских стран. С учетом того факта, что посольству США в Берлине пришлось в 1939–1941 годах взять на себя обязанности представлять интересы страны на всех оккупированных к тому времени территориях, он много разъезжал в этот период и собственными глазами видел горе и разрушение Европы. Но вот какое сделал дипломат заключение в своих мемуарах: «Все эти путешествия произвели на меня тяжелое впечатление. Нацистские войска почти беспрепятственно продвигались все дальше, и при этом не было оснований рассчитывать на военный конфликт между Германией и Россией, а наш конгресс по-прежнему жестко придерживался нейтралитета. Поэтому трудно было не поверить в перспективу полной победы Германии».

Сказано более чем откровенно. Кеннан открыто уповал на войну между СССР и Германией как путь к предотвращению войны между Германией и США, возможно, падения Англии и без сомнения, как на способ избавиться от СССР. Однако, поскольку не видел в то время реальных шансов на столкновение Москвы и Берлина, испытывал явные пораженческие настроения. Весной 1941 года он все еще продолжал предаваться этим настроениям, отмечая в мемуарах, что тогда «мы еще едва ли смели надеяться на развитие германо-советского конфликта».

Однако уже к концу той же весны, пишет он, наконец-то появились долгожданные признаки подготовки Гитлером кампании на Востоке. «Мы послали эти сведения в Вашингтон, а там тщетно пытались предупредить об этом Сталина», – сообщает Кеннан (интересно, что сам он, видимо, не видел никакого противоречия между этими предупреждениями, к которым сам был причастен, и вынужденными шагами Сталина по усилению концентрации наших войск на западной границе СССР, которые были вызваны, в том числе и этими предупреждениями из Вашингтона. Читатель помнит, что ранее Кеннан обвинял Сталина в провоцировании Гитлера на нападение именно под предлогом укрепления советским руководством границы страны на Западе).

В Берлине дипломат узнал и о нападении Германии на Советский Союз. Его реакция на это событие, с одной стороны, была как бы ожидаемой, вы-

текая из всей совокупности ранее изложенных взглядов и убеждений. Позднее он написал, что оно привело к коренному изменению мировой политической ситуации, что, разумеется, верно. Но с другой, казалось бы, так долго ожидая этого нападения, Кеннан должен бы возрадоваться, полагая, что тем самым отведена угроза от Британии и самих США, рассчитывая на взаимное изматывание и подрыв двух тоталитарных держав, поражение коммунизма и т.п. Ничего подобного! Кеннан счел, что после 22 июня 1941 года стала необходимой выработка новой стратегии в отношении Восточной и Центральной Европы. Причем этот его вывод объяснялся тем, что в отличие от большинства американских военных и политиков, включая в тот момент и Рузвельта, первоначально сильно сомневавшихся в шансах Сталина на выживание в противодействии Гитлеру, Кеннан, судя по всему, сомнений в конечной победе СССР в начавшейся войне тогда не испытывал. Что само по себе и важно, и интересно.

Но эта перспектива его не просто не радовала. Уже тогда, в июне 1941 года он считал задачей приоритетного стратегического планирования определение, кого США хотели бы видеть в качестве руководящей державы в Восточной Европе в послевоенный период (т.е. после поражения Германии, победы СССР и его превращения в ведущую мировую величину). Верный своей глубоко враждебной в отношении России/СССР позиции, Кеннан уже тогда начал опасаться, что имидж жертвы нацистской агрессии вызовет «некритические симпатии» к нашей стране в американском обществе (что частично и произошло). Однако он предупреждал: это сейчас СССР жертва агрессии и его задачи чисто оборонительные, но в случае его победы ситуация изменится, и не придется ли тогда Америке сожалеть о содействии советской политике в Восточной Европе? (и это произошло, вспомним продолжающиеся по сей день проклятия в Штатах по адресу «ялтинской системы»).

Ниже мы подробно изложим его аргументацию. Однако предварительно считаем важным подчеркнуть, что Кеннан, судя по всему, стал одним из первых, если вообще не первым западным аналитиком, на столь раннем этапе сумевшим спрогнозировать ход событий, определивших курс мировой политики в последовавшие десятилетия. Да, предложенный им и активно разрабатывавшийся в 40–50-е годы анализ и стратегия США были глубоко реакционными и враждебными интересам нашего Отечества. Однако это не должно мешать признанию его выдающихся креативных, прогностических способностей, места и роли в новейшей истории, политике и политологии. Кстати, его решающее влияние на американскую дипломатию в указанные годы опротестовывается сегодня рядом американских историков (С.Е.Натансоном, С.Дэлби, В.Харли)⁴⁵, но автор этой книги, как это будет

⁴⁵ Там же. С.134.

видно дальше, является сторонником ключевой роли этого человека, в том числе и в истории американской дипломатии. Правда, со знаком «минус», а не «плюс».

Перечисленные авторы правы в том смысле, что жизнь Кеннана складывалась таким образом, что он длительный период своей дипломатической карьеры не входил в круг или выпадал из числа людей, влиявших на курс госдепартамента и Белого дома. Множество его дипломатических депеш долгое время никто толком в Вашингтоне не читал, или же заключающиеся в них идеи там отвергались, так что нам теперь приходится восстанавливать историю развития его политической мысли по архивным материалам, мемуарам и письмам того времени.

Одно из них, написанное из Берлина некоему другу по фамилии Хендерсон через два дня после нападения фашистов на нашу Родину, 24 июня 1941 года, и воспроизведенное в мемуарах Кеннана, имеет для понимания особенностей его мышления настолько ключевое значение, что мы приводим его достаточно подробно. «Я уверен, – писал он, – что нам у себя в стране никоим образом не нужно следовать за курсом Черчилля, который расширяет кампанию по моральной поддержке русского дела в нынешнем русско-германском конфликте. Мне кажется, что поддержка России как союзника в деле защиты демократии вызовет непонимание нашей собственной позиции и придаст Германии желанную для нее ауру нравственности ее действий. Я не понимаю, как, следуя подобному курсу, мы сможем не отождествить своей позиции с разрушением независимости балтийских стран, нападением на Финляндию или разделом Польши, с разрушением религии в Восточной Европе или с внутренней политикой режима, методы которого далеки от демократических. Не будет преувеличением сказать, что и в Норвегии, и в Швеции, и в Прибалтике Россию обычно боятся больше, чем Германию...

Очевидно, что вступление России в борьбу не связано с принципами, лежащими в основе дела союзников, и что, несмотря на участие в войне, Россия едва ли реально желает победы Англии. Россия безуспешно пыталась обеспечить свою безопасность за счет компромиссов с Германией и направить немецкие военные поползновения на Запад. Во время войны Москва проводила политику исключительно в собственных интересах и не пыталась помочь ни одной из воюющих стран. Я не вижу, почему у нас в стране не должны настоящее положение России оценивать реалистически, как положение тех, кто вел опасную игру и должен в одиночку принять моральные последствия этого. Подобный взгляд не помешает материальной помощи, поскольку этого потребуют наши собственные интересы, но не позволит нам отождествлять себя с воюющей Россией политически и идеологически. Поэтому более правильно расценивать Россию как «попутчика», пользуясь принятым в Москве термином, но не как политического союзника».

Совершенно очевидно, что на самом деле перед нами декларация не путчика, а убежденного недруга нашей страны, не скрывающего своей враждебности даже в час нападения противника на страну, в которой он провел годы, имел множество знакомых и изучению которой посвятил столько лет. При этом, претендуя на глубокое знание советской политики, Кеннан грубо искажает факты. На «компромисс», т.е. договора с Германией 1939 года СССР был вынужден пойти только потому, что Англия, Франция и их подголосок Польша при пассивной позиции США не согласились на настойчиво предлагаемые Москвой меры совместного отпора нацизму. При этом у самих Франции и Англии в это время уже существовали договора о ненападении с Германией.

Ни одного факта, подтверждавшего желание советского руководства направить агрессию Гитлера на Запад, не существовало тогда и не обнаружено сегодня. В отличие от утверждений Кеннана, Москва активно пыталась помочь в отпоре агрессорам Польше и Чехословакии, но эти предложения были проигнорированы. Еще более возмутительны его заявления, что нападение Германии Россия должна отражать в одиночку (якобы неся за что-то моральные последствия) и предостережение не заключать с СССР никаких политических соглашений и союзов и не отождествлять себя с Россией идеологически (т.е. по одну сторону баррикады в борьбе с нацизмом).

А что же касается его обвинения в наш адрес, что Москва проводила политику исключительно в собственных интересах, то было бы интересно попросить тогда Кеннана указать на какую-нибудь другую страну мира, которая бы проводила политику не в своих интересах (в этом смысле единственная в своем роде ельцинская Россия появилась полвека спустя). Хотелось бы его спросить, как он оценивал тогдашнюю политику США, делавших все от них зависящее, чтобы вообще избежать участия в войне.

В этой связи нельзя не упомянуть печально знаменитое интервью в то время сенатора, а в будущем вице-президента и президента США Гарри Трумэна газете «Нью-Йорк таймс» от 24 июня 1941 года, в котором он заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях». Бывший президент Герберт Гувер 29 июня 1941 года подчеркивал «нецелесообразность спешки со вступлением в войну». По его словам, «выгоднее подождать ее окончания, когда другие нации будут достаточно истощены, чтобы уступить военной, экономической и моральной мощи США». Еще более откровенен в своих чувствах был тогда сын Уинстона Черчилля Рандольф: «Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом»⁴⁶.

⁴⁶ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%9E%D0%92>.

Надо отметить, что госдепартамент в то время придерживался взглядов, во многом соответствовавших линии поведения, настойчиво рекомендовавшей Джорджем Кеннаном из Берлина. В предварительном варианте директивы госсекретаря Хэлла от 14 июня 1941 года США предписывалось «не предпринимать никаких попыток сближения с советским правительством» и «сдержанно относиться к любым шагам, которые может предпринять навстречу нам советское правительство». В тот же день **Вашингтон так информировал британское правительство о политике США по отношению к СССР в случае нападения на него гитлеровской Германии: «Наша политика заключается в том, чтобы не идти на уступки Советской России, которые она может предложить с целью улучшения американо-советских отношений. Если же мы пойдем на них, то потребуем компенсаций в полном объеме»⁴⁷.**

Накануне нападения немцев на СССР 21 июня директива госдепартамента была утверждена в следующем виде: «Мы не должны давать обещаний и избегать брать на себя обязательства в части нашей будущей политики в отношении Советского Союза или России. Прежде всего, мы не должны идти ни на какие договоренности, которые позднее могли бы вызвать впечатление, что мы действовали не лучшим способом, если в случае поражения советское правительство было бы вынуждено покинуть страну, а мы не признали бы советского правительства в изгнании или отказались признавать советского посла в Вашингтоне представителем России»⁴⁸.

Даже после получения известий о нападении Германии на СССР (21 июня по вашингтонскому времени) государственный департамент докладывал правительству: «Мы должны твердо придерживаться следующего политического курса: тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает защиту им, борьбу за или согласие с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы. Мы не должны заранее давать Советскому Союзу никаких обещаний в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей помощи Советскому Союзу или Германии».

23 июня на официальной пресс-конференции и.о. госсекретаря С.Уоллес заявлял: «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры»⁴⁹.

Таким образом, и в этот момент взгляды Кеннана и госдепартамента в своей открытой враждебности к СССР фактически совпадали.

⁴⁷ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000025/st027.shtml>.

⁴⁸ WWII: Война против СССР.

⁴⁹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000025/st027.shtml>.

Тем не менее после 22 июня, по крайней мере, в публичной политике (а во многом и по существу), правительства Великобритании и США были вынуждены начать менять свои подходы и оценки. На той же пресс-конференции тот же Уоллес после ранее высказанных инвектив, в которых, по сути, ставились на одну доску Советский Союз и фашистская Германия, вынужден был заявить: **«По мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит конец нынешних гитлеровских руководителей и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня – главная опасность для американского континента».**

Как известно, в этот день в своей знаменитой речи по радио Би-би-си У.Черчилль заявил: «На протяжении последних 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, ошибками и трагедиями отступает в сторону... Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара... Мы окажем России и русскому народу всю возможную помощь, какую только сможем»⁵⁰.

24 июня Ф.Рузвельт также выступил с заявлением об оказании СССР всей возможной помощи. Для этого, в частности, он разрешил использовать советские счета в американских банках, ранее замороженные им же в знак «наказания» СССР за военные действия против Финляндии, чтобы дать возможность Москве за свои же деньги приобретать необходимые ей для сопротивления немцам товары⁵¹ (щедрость, прямо скажем, необыкновенная).

9 июля в послании на имя М.И.Калинина он писал: «Американский народ ненавидит вооруженную агрессию. Американцы связаны тесными узами исторической дружбы с русским народом. Поэтому естественно, что они с симпатией и восхищением наблюдают за титанической оборонительной борьбой, которую ведет сейчас русский народ»⁵².

12 июля СССР подписал соглашение с Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. 24 сентября 1941 года Советский Союз присоединился к Атлантической хартии, подписанной 14 августа Рузвельтом и Черчиллем, высказав при этом своё особое мнение по некоторым пунктам этой хартии. 29 сентября–1 октября 1941 года в Москве состоя-

⁵⁰ <http://thefireofthewar.ru/1418/index.php/1941/iyun-1941/22-06-1941/iz-vystupleniya-cherchillya>.

⁵¹ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.89–90.

⁵² <http://www.sovross.ru/images/pdf/uliki27.pdf>.

лось совещание представителей СССР, США и Великобритании, закончившееся подписанием протокола о взаимных поставках⁵³.

Все это время Кеннан сидел в Берлине, по-прежнему не изменяя своим германофильским и русофобским взглядам и занимаясь тем, чтобы обеспечить «собственный интерес» Америки, который он тогда видел в невмешательстве в мировую войну до последней возможности.

Однако, как известно, в декабре 1941 года Япония напала на Пирл-Харбор, конгресс был вынужден дать согласие на вступление США в войну и после разрыва дипломатических отношений с Германией вместе со 125 другими американцами Кеннан был интернирован немцами в одном из отелей. В его мемуарах все это описывается как трудное время – дипломаты были полностью лишены связи с Вашингтоном. Лишь через семь месяцев их посадили на поезд и отправили в Лиссабон, где обменяли на равное число граждан Германии.

Однако ближайшее будущее показало, что и данный печальный опыт в отношениях с Германией тогда не привел Кеннана к изменению его взглядов на Россию и отношения с нашей страной. Тем не менее весной 1944 года он, – побывав перед тем временным поверенным в Португалии (где у него сложились неплохие отношения с диктатором Салазаром, что в свою очередь дало ему шанс впервые встретиться в Вашингтоне с президентом Рузвельтом), а затем советником посольства в Лондоне (в рамках этой миссии он встретился с Рузвельтом во второй раз), – получил уже третье назначение в Москву, куда прибыл в июле. Теперь в качестве второго по рангу дипломата – советника-посланника при знаменитом после и личном друге президента Рузвельта У.Аверелле Гарримане.

В то время после всех сомнений и колебаний американцы и англичане поняли, что СССР не только не терпит поражения в войне (а в этом случае, как мы помним, они были готовы отказаться от признания советского правительства), но и побеждает, причем может сделать это, освободив свою страну и всю Европу и без открытия западными союзниками второго фронта.

На фоне, с одной стороны, искреннего восхищения американцев и англичан беспрецедентными успехами русских, а с другой – растущих опасений элит этих стран по поводу будущих геополитических и идеологических последствий данных побед с точки зрения интересов Запада – Кеннан в Москве продолжил гнуть свою прежнюю линию, которую он проводил и на предшествующем посту в Лондоне, оценивая политику США в послевоенной Германии в свете советского фактора. Тогда в своей памятной записке в Вашингтон он уже проводил открыто враждебные интересам нашей страны идеи против полной денацификации в Германии, которые в 1944 году ока-

⁵³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%9E%D0%92>.

зались преждевременными, но как он с удовлетворением пишет в мемуарах, были полностью востребованы в 1947 году и позднее.

В записке Кеннан отмечал, что идея полного устранения бывших нацистов от восстановления Германии и управления ею нереалистична, непрактична и в принципе нереализуема (как известно, очень многие из них – от промышленников до военных и разведчиков – несколько позднее стали активно привлекаться и использоваться американцами и жили припеваючи). Он активно оппонировал идее международного суда над нацистскими преступниками (позднее – Нюрнбергского трибунала), проводя скользкую мысль о том, что раз уж американцы «приняли в союзники» такую страну, как Россия, то им, с учетом принятых на Востоке форм и методов ведения военных действий, следовало бы пересмотреть и вопрос о том, что считать военными преступлениями гитлеровского режима, а что нет.

«Из этих аналитических положений видно, – писал Кеннан в мемуарах, – почему я в последний период войны не очень верил в наши планы относительно послевоенного будущего Германии, поскольку они были основаны на предполагаемом сотрудничестве с русскими. Я сам считал, что подобное сотрудничество не могло быть успешным, а вместе с тем ради этой химеры мы могли пренебречь созданием конструктивных планов для западных зон Германии». Откровеннее не скажешь!

Кстати, в мемуарах Кеннан описывает свое путешествие в Москву после нового назначения, куда он добирался из Лиссабона через Италию, Каир, Багдад и Тегеран. По прибытии в СССР первым пунктом его транзита стал Сталинград. Разумеется, дипломат не мог не понимать того, куда он попал, с учетом великой, поворотной, исторической роли, сыгранной битвой за этот город в истории Второй мировой войны и в мировой истории, огромных жертв, принесенных нашей армией и народом во имя общей Победы, о чем не раз эмоционально говорили и писали тогда лидеры США и Великобритании. Но вот его впечатления, описанные в путевых заметках: «В Сталинграде оказалось разрушенным все, кроме здания аэровокзала, отстроенного заново. Вокруг аэродрома повсюду видны были обломки уничтоженных самолетов и танков. Мы пообедали в столовой, где был всего один стакан и не хватало стульев. Но все окружающие, настроенные доброжелательно, готовы были помочь. К русским начинаешь относиться с симпатией, когда забываешь о пропаганде их правительства». И это все.

В том же духе Кеннан описывает далее свои впечатления от Москвы после возвращения на работу в посольство (кстати, он не забывает указать: «Назначение состоялось, хотя я знал, что мои взгляды на политику Советского Союза во многом не совпадают со взглядами администрации»).

В советской столице он почувствовал себя «человеком из потустороннего мира». И не только потому, что к тому времени в посольстве сменились почти все дипломаты, с которыми он взаимодействовал во время его пре-

дыдущей работы в этом городе. Главное, «за пределами нашего дипломатического оазиса начиналась огромная и во многом загадочная страна Россия... интересная для меня как ни для кого другого в мире. Я сам не мог участвовать в жизни этой страны. Несмотря на военный союз США и СССР, как я понял, американские дипломаты по-прежнему жили в изоляции».

И далее идет фактический повтор того, о чем Кеннан уже писал о прежней своей у нас работе в 30-е годы: хотя «тайная полиция» за ним неуспешно следила, несмотря на «изоляцию» он активно путешествовал по городу и его окрестностям, посещал церковные службы, активно общался с жителями Москвы и Подмосковья. И хотя Москва и Московская битва 1941–1942 годов сыграли не менее поворотную роль в совместной войне, чем Сталинград, об этом опять ни слова. Правда, в мемуарах говорится: «Мы искренне сочувствовали страданиям русских людей в военное время и ценили их героизм. Мы желали им только добра. Поэтому особенно тяжело было видеть, что на нас смотрели как на носителей какой-то инфекции». Кто именно смотрел, не ясно. А по поводу того, как Кеннан «желал нам добра» до войны и после нее, мы уже писали и еще напишем.

Характерным для него движением души, наряду с критикой политики денацификации Германии, стало описание прохождения колонн пленных немцев через Москву летом 1944 года. По своему символическому значению для советских людей, испытавших страшные муки от гитлеровской оккупации и зверств, эта акция была не менее значимой и символической, чем парад на Красной площади 7 ноября 1941 года или парад Победы. Однако ставший ее свидетелем Кеннан пишет об этом с отвращением. По его словам, «у пленных был изможденный вид», и он им явно сочувствовал.

В посольстве Кеннан занялся привычной для него аналитической работой, причем с тем же настроением и целями, что и ранее. Первым предметом его забот стала так называемая польская проблема, становившаяся одним из главных раздражителей в отношениях между Сталиным и западными партнерами. Для автора этих строк абсолютно оправданным являлось желание и требование советского лидера иметь, наконец, в Польше лояльный и дружественный нам режим после всего, через что прошла Россия в отношениях с поляками на протяжении столетий и в XX веке, и с учетом того положения, которое СССР стал занимать, выходя победителем из войны, являясь освободителем Восточной Европы.

Однако западники упорно не хотели этого понимать, навязывая Москве открыто враждебное интересам России польское эмигрантское правительство в Лондоне, разыгрывая, в частности, долгоиграющую антисоветскую пластинку с геббельсовской интерпретацией событий в Катыни. Зная позицию Кеннана, понятно, что и как он писал в Вашингтон из Москвы по этому поводу. Упомянем только его возмущение по поводу «нежелания Сталина освободить оккупированные им в 1939 году восточные польские территории»

и предупреждение о том, что передача Польше западных земель по Одеру–Нейсе будет не менее ужасным событием, так как поставит все будущие польские власти в полную зависимость от России, которая эти земли будет защищать от неминуемого, с его точки зрения, немецкого реванша.

Кеннановский анализ действительно сложного польского вопроса сводился тогда к довольно примитивной мысли о том, что «Кремль в соседях России видит либо вассалов, либо врагов, и те, кто не желает быть первым, должны смириться с тем, что они будут играть роль последних» (изучая поведение самих американцев в тот же период и позднее в контролируемой ими Западной Европе, в частности, по отношению к Франции, Италии и Греции, где они всеми средствами, включая угрозу гражданской войны и применения военной силы, добились удаления из правительств пользовавшихся тогда огромной народной поддержкой коммунистов, задаешься вопросом о все том же знаменитом двойном стандарте, которым так активно пользовался и Кеннан, и в целом политики его страны – последние это делают до сих пор).

Естественно, что тогда он оказался в авангарде западных деятелей, поддержавших еще одну провокацию эмигрантского правительства Польши – Варшавское восстание с обвинениями по адресу Красной Армии в нежелании его поддержать. Это событие дало дипломату повод поставить вопрос об отношениях с советскими властями в еще более радикальной форме.

«Я полагал, – писал он позднее, – что именно тогда Запад должен был поставить советских руководителей перед выбором: либо изменить свою политику и согласиться на сотрудничество в обеспечении реальной независимости стран Восточной Европы, либо лишиться поддержки и помощи западных союзников до конца войны. Мы ничем уже не были обязаны советскому правительству, если вообще когда-нибудь были ему обязаны. Второй фронт уже открыли, союзники воевали на Европейском континенте, территория СССР была уже полностью освобождена. Отказ советской стороны от поддержки Варшавского восстания давал Западу полное право отказаться от всякой ответственности за исход советских военных операций».

В данном случае интерес представляет полное отсутствие у Кеннана желания взглянуть на описываемую им ситуацию глазами советской стороны с точки зрения ее национальных интересов (хотя именно у американцев при ведении деловых переговоров есть даже специальное неписаное правило: хочешь понять позицию партнера – встань на его место). А ведь это – основа любого серьезного анализа! Кстати, чуть позднее в своих рекомендациях госдепартаменту о том, как вести любые переговоры с русскими, Кеннан призывал американскую сторону вынуждать советских партнеров учитывать и признавать интересы США. Снова двойной стандарт.

А ведь если бы Кеннан взглянул тогда на ситуацию советскими глазами, то понял бы, как его в то время союзники отнеслись к заявлению, что Запад

им «ничем не обязан» (это после Москвы, Сталинграда и Курска, где были перемолоты миллионные германские армии, которые иначе убивали бы миллионы англичан и американцев). Он бы понял, как в СССР относились к отсрочкам открытия второго фронта, обещанного нашей истекавшей тогда кровью стране сначала в 1942 году, потом в 1943 году и реализовавшегося лишь в июне 1944 года, когда Красная Армия вполне могла бы уже обойтись без него, самостоятельно освободив от нацистов и собственную территорию, и Восточную, и Центральную, и Западную Европу (по большому счету, именно из-за этой «советской угрозы» второй фронт и был открыт). А чем был, по Кеннану, предлагаемый им отказ Запада «от всякой ответственности за исход советских военных операций»? Прекращением военных поставок по ленд-лизу еще до завершения войны? Дальше мы увидим, что именно это он имел в виду, не понимая, что в 1944 году военно-промышленный комплекс СССР достиг такого количественного и качественного уровня, что наша страна в это время вполне могла обойтись и собственными силами. Это если не говорить о скандальности самого такого решения, способного взорвать отношения между союзниками еще до завершения разгрома общего врага.

«Надо ли говорить, что я с крайним скептицизмом и горечью следил за дальнейшим развитием советско-американских отношений в аспекте польской проблемы в 1944–1945 годах», – написал Кеннан в своих мемуарах. Этим скептицизмом и этой горечью пронизано практически все, написанное им в последовавшие месяцы и годы работы в Москве.

Следующим предметом его анализа стала активно прорабатываемая тогда госдепартаментом идея создания Организации Объединенных наций. И этот проект ничего, кроме глубоких сомнений и подозрений в отношении СССР как основного бенефициария от его реализации у Кеннана не вызывал. «На мой взгляд, – писал он в мемуарах, – такая политика была лишена истинной мудрости и даже, по-моему, достойна сожаления, поскольку усиливала впечатление, будто это нам нужны были сотрудничество и дружба советской стороны, будто мы почему-то не можем решать послевоенные проблемы без демонстрации нашему общественному мнению сотрудничества Большой тройки (Сталина, Рузвельта и Черчилля). Это могло только усилить позиции русских на переговорах и повысить уровень их требований. Но мои размышления не имели в ту пору особой ценности в глазах моих руководителей в Вашингтоне».

Тем не менее в феврале 1945 года он направляет в Ялту записку американской делегации на встрече Рузвельта, Черчилля и Сталина, в которой писал: «Я вполне осознаю реальности этой войны, а также тот факт, что мы слишком слабы, чтобы выиграть ее без сотрудничества с Россией. Я признаю, что военные усилия России блестящи, эффективны и должны быть в определенной мере вознаграждены... Но наряду с этим я не вижу необходимости связывать нас с политической программой, столь враждебной ин-

тересам атлантического сообщества в целом, столь опасной для всего, что мы хотим сохранить в Европе».

Из этих посылок Кеннан делал радикальный вывод – рузвельтовскую идею создания Организации Объединенных Наций он предлагал «похоронить как можно скорее», так как единственным практическим следствием членства США в ООН стало бы якобы обязательство Америки защищать расширившуюся русскую сферу влияния в Европе. Далее Кеннан настаивал на том, что США должны оставить за собой право решать самостоятельно, где им использовать свои вооруженные силы (надо полагать, он опасался того, что СССР на встрече «тройки» будет диктовать американцам порядок ходов в этом вопросе). Более того, он призывал делегацию США проявить волю и «идти до конца» в отстаивании своих интересов, сопротивляться всеми своими физическими и дипломатическими ресурсами установлению влияния России в Восточной и Юго-Восточной Европе, иначе Штатам придется «списать» этот регион со своих геополитических карт⁵⁴. Как известно, Рузвельт и его ближайшее окружение в то время совершенно не разделяли подобных взглядов, к которым был более склонен Черчилль. В любом случае, рекомендации Кеннана в Ялте были проигнорированы.

Любопытно, что в полном противоречии с вышеприведенной депешей в Ялту, в мемуарах Кеннан пишет, что он не был «совершенно против создания новой всемирной организации». Однако тут же подчеркивает, что, по его убеждению, создавать ее Западу можно было только в том случае, если бы она «смягчила последствия подчинения советскому влиянию Восточной и отчасти Центральной Европы, смогла бы скорректировать дисбаланс, сложившийся в Европе по окончании войны». То есть и в важнейшем вопросе создания нового послевоенного мирового порядка и мировой системы безопасности Кеннан опять хотел видеть исключительно антисоветское начало. Для него было очевидно тогда, как и до, и после этого, что «Сталин не ценил мир сам по себе. Если мир больше соответствовал его интересам, нежели война, то он ему был и нужен. Но яростная политическая борьба при этом продолжалась, и если бы его целям лучше служило насилие, а не мир, особенно насилие между другими странами, от которого Россия бы осталась в стороне, тогда существование международной организации не помешало бы ему вести поджигательскую политику как таковую...». Все эти инвективы особенно интересно смотрятся на фоне последовавшей американской политики, включая ядерное уничтожение Хиросимы и Нагасаки, войн в Корее и во Вьетнаме, и т.д.

С учетом подобных взглядов Кеннана понятно, что итоги исторической ялтинской конференции глав трех великих держав не вызвали у него ниче-

⁵⁴ Гольдберг А.М. Указ. соч.

го, кроме «скептицизма и горечи». Более того, в мемуарах он сознался, что тогда надеялся на провал конференции, но его предупреждения по этому поводу не были учтены, в чем он винил госдепартамент и лично госсекретаря Хэлла, даже десятилетия спустя воздерживаясь, однако, от критики Рузвельта (Кеннан понимал, что с учетом огромной популярности президента среди американцев, это не принесет ему никаких лавров).

Тогда же, летом 1945 года, он продолжил свою аналитическую работу. В своих воспоминаниях в чисто полемическом плане Кеннан упоминает надежды, которые его коллеги – «оптимисты» из американского посольства в Москве – возлагали тогда на то, что опыт войны, сотрудничества с западными союзниками принесли советским лидерам понимание «нереальности марксистской доктрины о социальных антагонизмах и того обстоятельства, что возможно сотрудничество и доверие между странами, которые называют себя коммунистическими, и странами, которые себя так не называют». Сам я не очень надеялся, что нечто подобное имело место. За время пребывания в Москве я понял, что изменений... там не произошло. Мне вскоре стало ясно, что наши планы дальнейшего сотрудничества с Россией в послевоенный период основаны на непонимании идеологических и политических особенностей, свойственных советскому руководству».

И хотя, как он пишет, опыт уже научил его, что в Вашингтоне никогда не проявляли «должного интереса» к его оценкам и рекомендациям, все же в сентябре 1944 года подготовил «очерк» под названием «Россия семь лет спустя». В нем он решил «предоставить американским политикам свои обширные знания, касающиеся России вообще и сталинской России в особенности» (довольно смелое заявление с учетом ранее приведенного нами самокритичного мнения Кеннана о том, что, не пройдя марксистской школы, коммунистической, т.е. как раз сталинской России он никогда толком не понимал). «Очерк» с точки зрения принятых в дипломатической практике стандартов посольских документов представлял собою огромный по объему текст, написанный скорее в научно-популярном жанре. Это был некий поток сознания автора, в котором он подробно и с большим количеством деталей анализировал самые разные стороны СССР/России и русских: внутреннюю и внешнюю политику, экономику, дореволюционную и советскую историю и культурную жизнь, особенности русского национального характера и т.д.

Текст написан с большим апломбом и очевидным желанием продемонстрировать эрудицию и глубокие познания автора в отношении нашей страны. Возможно, если бы кто-нибудь в госдепартаменте или Белом доме (где о ней очень мало или ничего не знали) прочитал бы тогда этот материал, он действительно произвел бы на этого человека именно такое впечатление. Однако «очерк» был впервые обнародован Кеннаном десятилетия спустя как приложение к его мемуарам. Знакомясь с ним сегодня, к сожалению, обнаруживаешь в «очерке» помимо действительно интересных мыслей и

наблюдений, немалое число ошибок и неточностей и в обобщениях, и в деталях.

К примеру, в «очерке» утверждается, что в культурной жизни СССР в довоенный и в военный период не было создано ничего ценного и значимого, хотя общеизвестно, что именно в это время в нашей стране появились шедевры отечественной и мировой культуры практически во всех направлениях художественного творчества. Или делается критическое замечание Сталину, что он во время войны редко бывал в театре при том, что из всех мировых лидеров того времени именно Сталин, несмотря на огромную занятость, регулярно, чаще всех посещал театр и оперу, регулярно просматривал новые советские и западные кинокартины, читал классику и новинки литературы, встречался с писателями, режиссерами, артистами и другими деятелями культуры, прекрасно разбираясь в отечественной и мировой культуре.

Кеннан в «очерке» в целом банален, имея в виду занудное повторение русофобских и антисоветских штампов и стереотипов, которыми переполнена западная литература и массовое сознание. И интересен для нашего исследования прежде всего нескрываемо недружественным, если не сказать, враждебным изначальным подходом автора (психологи называют это установкой). А ведь писался текст в 1944 году – во время наибольшего сближения наших стран и народов и наивысших симпатий американцев к нашей стране за всю историю. Видимо, это-то Кеннана и пугало, и именно этому он пытался противодействовать.

Тем не менее в его материале содержится ряд важных и сегодня положений. Более того, хотя и в форме оговорок, в качестве балансировок оценок в попытке придать им объективный характер, в нем имеются ценные признания, противоречащие многому из того, что он писал о нас и нашей стране и до, и после этого.

Так, например, Кеннан отмечает, что «жизнь в Советском Союзе в августе 1937 года не была беспечной и веселой. Правда, в материальном отношении условия были вполне сносными – гораздо лучше конца 1920-х годов». О «сносных» экономических условиях жизни в СССР в предвоенный период (хотя тогда они действительно для большинства нашего народа значительно улучшились), он больше не упоминал никогда. А сегодня это вообще явится откровением не только для американцев, но и для большинства русских (к ним не относился один из ведущих отечественных американистов В.М.Бережков – в своих мемуарах он чуть ли не единственный из всех наших интеллектуалов и демократов пишет о значительном улучшении жизни народа перед войной).

В другом месте, характеризуя главные факторы грядущей Победы советского народа, он признает, что «в результате ошибок противника, используя территориальные и погодные особенности своей страны, успехи недавно проведенной индустриализации, помощь западных держав, собст-

венный небывалый героизм и выдержку и проведя ряд выдающихся военных операций, значительно превысивших по своему размаху и результативности все, что знала до того военная история, русскому народу удалось изгнать захватчиков, снова завладеть потерянной территорией...».

Далее, описывая то, что ранее у нас называлось «морально-политическим состоянием советского общества» в военные годы, Кеннан признавал: «В жизни молодых, любознательных и весьма впечатлительных людей война стала мерилom, оказавшим огромное влияние на целое поколение, войдя в подсознание нации, получив отражение в легендах, фольклоре и традициях, определив сознание еще не родившихся младенцев. Эффективность всего этого в настоящее время просто абсолютна. Война объединила режим и народ, внесла ясность в некоторые загадки революции и укрепив веру в будущее. В душе каждого русского человека воскресла надежда, что широкий ум и отвага русских людей однажды превзойдут достижения высокомерного и консервативного Запада. Вместе с тем были рассеяны опасения, латентные большинству русских, что все дела, предпринимаемые ими, обречены, мол, на провал, что такое понятие, как “Россия”, не подразумевает якобы национального сообщества, обладающего силой и величием, а только неискоренимую бедность, страдания, неспособность к делам и отсталость. Короче говоря, русский народ, доведенный до обнищания (но закаленный бедностью), до уничтожения (но привыкший к лишениям), до звероподобного состояния постоянными жестокостями, объединенный и сплоченный ныне решительным руководством, являвшийся хозяином своей территории и имевший собственную философию, никому ничем не обязанный, жаждавший процветания, власти и славы, смотрел в будущее столь далеко, насколько это позволяло его состояние, с гордостью, уверенностью и новым чувством национальной солидарности... Фактически людские потери Советского Союза в войне 1941–1945 годов нивелированы приобретением новых территорий и дальнейшим расширением советского влияния. В итоге в настоящее время мы имели дело с советским населением, численность которого грубо соответствовала прежней, будто бы и не было никакой войны в Восточной Европе... В результате присоединения ряда территорий к России соотношение численности населения в ней и остальной Европе (исключая британские острова) изменилось. В Европе насчитывалось 300 млн человек... Население в 300 млн человек – цифра вполне впечатляющая, поэтому рано было говорить о «конце» Европы и опасаться распространения советского влияния на весь континент. Но и 200 млн человек, объединенных сильным и целеустремленным руководством Москвы и проживавших в одной из крупнейших индустриальных держав мира, представляли собой внушительную силу, недооценивать которую было бы глупо...».

К тому же в национальном доходе произошли значительные структурные изменения. Поступления от сельского хозяйства сократились на 35–

40%, но все же они значительно больше, чем от промышленности и других форм экономики. Упадок в промышленности за счет эвакуации предприятий и оборудования на Восток, а также ускоренного строительства новых заводов относительно меньше. Вместе с тем роль индустрии значительно возросла...

Средний русский человек зрелого возраста мог ныне испытывать моральное удовлетворение, видя успехи правительства в достижении небывалой мощи на огромной территории Азии и Европы. Но вряд ли он прочувствовал комфорт и удобства в жилищных условиях, одежде и других предметах цивилизованной жизни, которые имели жители западных стран. Такое самоотречение – плата за лучшее будущее его детей или за рост военного могущества России...

В условиях войны и мира, при наличии драмы, переживаний и страданий, в России все же развивалась духовная жизнь народа. И это, пожалуй, наиболее важное и загадочное из всего того, что происходило в Советском государстве. А важно это потому, что уже в ближайшее время определило силу и характер национальных достижений и влияния России на остальной мир. Загадка же в том, что происходило оно по своим собственным законам, которые подчас непонятны даже в Кремле...»

Из того, что читатель уже знает о написанном Кеннаном до войны о нашей стране и ее народе, и из того, что он прочитает чуть ниже из написанного и направленного им после этого в Вашингтон из Москвы, а потом опубликованного уже в Вашингтоне, да и из этого же самого «очерка» видны разительные, диаметрально противоположные оценки того же самого автора по одному и тому же важнейшему вопросу. Допустив в своем тексте важнейшие признания русского триумфа, Кеннан сознается в том, что он для него – загадка. Что и неудивительно, поскольку вся его философия в отношении России/СССР такого триумфа не допускала в принципе. Он признает, что достижение русскими победы происходило «по своим собственным законам» непонятным ему и, как он утверждает, «непонятным даже в Кремле».

Но в том-то и дело, что и в Кремле, и в стране, и далеко за ее пределами причина Победы была тогда абсолютно ясна, хотя этого не понимал, не хотел понять и не мог себе допустить понять американский дипломат. Состояла она в сочетании духовных качеств и патриотизма нашего народа, советской власти и сталинского руководства армией и страной.

Эту «загадку» Кеннан разгадать так никогда и не смог. Но такова была природа и судьба этого дипломата и ученого.

В «очерке» Кеннан верно спрогнозировал, что целью послевоенной экономической политики СССР будет «увеличение мощи и престижа Российского государства в мире в целом», добиваясь ее прежде всего форсированным развитием тяжелой промышленности. А что касается внешней торговли, то здесь советское руководство сделает все для того, чтобы избежать зависи-

мости от нее, и уж тем более не будет ради интересов своих внешнеторговых операций и партнеров отказываться от того, что считает жизненно важным с точки зрения безопасности и прогресса России. То же касается и отношения Советов к иностранным кредитам (опять точный анализ сталинской политики, радикально отличной от того, что творится с внешней торговлей и кредитной политикой нашей страны начиная с Горбачева и по сию пору).

Главное внимание в этом документе Кеннан уделил анализу внешней политики нашей страны. Тут он сразу же отмечает, что «заботы о безопасности всегда доминировали в психологии советских официальных властей» (причем, делается это с явно обвинительным уклоном, хотя со времен египетских пирамид и ранее именно это было главной целью внешней политики любого государства). Причем если раньше, утверждал Кеннан, Сталин пытался делать это посредством расширения революционных движений в различных странах, потом пытался столкнуть западные страны с Германией опять-таки с целью обезопасить свою страну (а Кеннан не надеялся на нападение Германии на Россию в тех же целях?), то когда выяснилось, что Запад не собирался противостоять походу Гитлера на Восток, Сталин разработал «программу территориальной и политической экспансии, основанной во многом на опыте царизма, которая должна была бы обеспечить России защитную зону против нападения с Запада. Эта программа... вдохновила заключение пакта о ненападении с Гитлером. Она же лежит в основе советских планов на первый послевоенный период. Если этого можно достичь путем сотрудничества с западными державами, тем лучше; если же нет, то для этой цели могут быть использованы другие средства».

В своем «очерке» дипломат признавал, что с учетом военных успехов СССР последнего периода, наша страна располагала средствами обеспечения своей безопасности, нравилось это Западу, или нет. И делал стратегического характера вывод: политика Советского Союза в Восточной Европе преследует в качестве приоритета ту же цель обеспечения своей безопасности. И для стран, освобождаемых войсками Красной армии, главным является не вопрос о том, какой строй – социализм или капитализм – там будет существовать, а вопрос прямой или косвенной зависимости от России. Думается, что и в этом своем выводе Кеннан оказался в основном прав. И доказала его правоту последовавшая история. После «перестройки» и развала СССР, так называемых демократических революций в странах Восточной Европы и в Прибалтике, в них не просто ликвидировали социалистический строй. Все эти страны вступили в НАТО и стали проводить в той или иной степени антироссийскую политику.

Между прочим, по свидетельству Чарльза Болен, рекомендовавшего Кеннана к третьему назначению в Москву и бывшего переводчиком Рузвельта в Ялте, членами американской делегации там мотивы действий Сталина в отношении Восточной Европы понимались в том же духе. В окруже-

нии президента США считали, что «основная цель большевиков – защитить советскую систему прежде всего в России, и уже затем в странах-«сателлитах»». Распространение коммунизма на другие регионы земли, по их мнению, было для Сталина теоретической, вторичной целью⁵⁵.

В своем «очерке», исходя из той же концепции ориентированности политики России прежде всего на защиту ее национальных интересов, Кеннан давал также немаловажную оценку Сталину и его окружению. Он выдвинул тогда положение о том, что никто из этих людей не отождествлял свои цели и цели их страны с сотрудничеством с Западом. «Для них международная жизнь имеет значение лишь постольку, поскольку она связана с безопасностью России или с ее внутренними проблемами», – явно претендуя на разоблачение коварства русских, писал он, на самом же деле делая советскому вождю весомый комплимент.

Но тут же добавлял: «Они едва ли имеют реальные представления о самой природе международной жизни и международных отношений». Можно предположить, что избавившись к концу своей карьеры дипломата и ученого от множества собственных заблуждений и ошибок, связанных с незнанием прошлого и настоящего России во всей их полноте и навязанных самому себе ложных стереотипов, Кеннан так возможно и не осознал, что Сталин, помимо всего прочего, всю жизнь изучал историю и теорию международных отношений и был выдающимся теоретиком и практиком в этой области. Что и сделало его одним из величайших в мире государственных деятелей XX века и всего второго тысячелетия.

Подход Кеннана к России и русским как к заслуживающим уважения противникам в полной мере отразился в его характеристике И.В.Сталина, личные впечатления о котором он имел возможность составить не только анализируя документы и прессу, но во время частых отлучек посла в Москве сопровождая к лидеру СССР делегации американских сенаторов.

Позднее он писал о советском вожде: «Великое умение притворяться – часть его великого искусства управлять... Он был удивительно наблюдательным и, в той мере, в какой это соответствовало его целям, удивительно восприимчивым. Дьявольское искусство тактика производило большое впечатление на собеседников. Пожалуй, наш век не знал более великого тактика, чем он. Его хорошо разыгранные хладнокровие и неприязнательность были только ходом в его тактической игре, продуманной, как у настоящего шахматного гроссмейстера... Я не сомневался, что передо мной один из самых удивительных людей в мире, что он жесток, беспощаден, циничен, коварен, чрезвычайно опасен и, вместе с тем, один из подлинно великих людей своего века»⁵⁶.

⁵⁵ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.110.

⁵⁶ Гольдберг А.М. Указ. соч.

Из этого короткого эссе вытекает вывод не только о несомненном литературном таланте и наблюдательности автора. Очевидно здесь и то, что над ним буквально довлеет воспринятая им доктрина византийства, якобы органично свойственного русским и их лидерам, и все свои впечатления и выводы он формулирует на основании прежде всего этой доктрины, априори подталкивающей западников к негативному восприятию у нас происходящего. И в то же время как умный и впечатлительный, способный к искусству анализа человек, Кеннан не мог не дать характеристики Сталину как исторической личности первой величины. А значит, и противника первой величины.

В отличие от многочисленной рати западных советологов, открыто признававшихся в своей ненависти к Сталину (таким был, к примеру, один из крупнейших и считающийся на Западе одним из самых объективных из них – Роберт Такер)⁵⁷, Кеннан стремился давать взвешенные оценки этому деятелю. Так, в «очерке» он писал: «Иосиф Виссарионович Сталин... в историю вошел как одна из великих русских личностей... Смелый и в то же время осторожный, недоверчивый и быстро приходивший в гнев, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей, способный действовать, принимая на себя ответственность за решения, или же выжидать, умышленно не затрагивая те или иные проблемы, прояснения обстановки, внешне благопристойный и простой, но ревниво оберегавший престиж и достоинство государства, им возглавляемого. Он не получил систематического образования, но был пронырливым и умным человеком, безжалостным реалистом, придирчиво требовательным к вопросам соблюдения лояльности, уважения и послушания, знатоком людей, не признававшим сентиментальности. Он мог быть – подобно грузинским героям – хорошим и надежным другом или же опасным и непримиримым врагом. Быть чем-то средним он не мог...» (выделено мною – *Авт.*).

К чести Кеннана надо сказать, что он отдавал себе отчет в невероятной сложности и ответственности взятой на себя миссии постичь Россию и истолковать ее поведение руководителям своей страны, и Западу в целом. Свой очерк он завершил «некоторыми философскими соображениями по поводу того, как трудно для американцев по-настоящему постичь реалии русской жизни и особенности русского мышления. Эта задача не менее трудна, чем восхождение на горную вершину, она требует больших усилий, и осуществить ее способны немногие» (себя он, разумеется, относил к числу этих посвященных).

Вряд ли, находясь почти всю войну за границей, в том числе в Москве, Кеннан имел возможность следить за состоянием общественного мнения у

⁵⁷ «Washington Post». July 31, 2010.

себя на родине. А оно могли бы дать ему интересную пищу для размышлений. Так, в январе 1943 года влиятельный политический еженедельник «Тайм» назвал И.В.Сталина «человеком года», представив его американцам как отважного борца с нацизмом. Аналогичным образом в том же году представил своим читателям Сталина массовый популярный журнал «Лайф», разместив его портрет на обложке номера, полностью посвященного военным усилиям, героизму армии и народа нашей страны. По опросам, в 1943 году был зафиксирован наивысший уровень симпатий американцев к Советскому Союзу за весь период 30–40-х годов. Победный май 1945 года стал вторым пиком симпатий в Штатах по отношению к СССР. Однако, как видно, Кеннан не относился к большинству своего народа – симпатизантов главного военного союзника США. Впрочем, как мы знаем, он всегда был индивидуалистом и гордым одиночкой, на все имея собственный взгляд, отличный в том числе и от взглядов его коллег и правительства.

Кроме того, вот на что всегда обращали и до сих пор обращают внимание американцы, пишущие о Кеннана: на его высказывания и поступки огромное воздействие – и в большинстве случаев с негативным результатом – оказывало внутреннее эмоциональное состояние, часто переходившее в раздражение и депрессию (коллеги вообще считали его «эмоционально неустойчивым человеком... которому было трудно воспринимать неприятности»).

Умом он, конечно же, не мог не понимать, что 1945 год был временем триумфа советского народа, Красной армии, партии и, разумеется, Сталина. Он не мог не видеть вокруг себя великую радость народа, видевшего в Сталине символ своей великой победы. Но как мы знаем, он эти чувства не разделял и нашу победу не мог не воспринимать иначе как неприятность. Эмоции лютого антисоветчика и ненавистника советского вождя его захлестывали. Позже мы еще вернемся к этому, но здесь хочется привести слова работавшего с ним тогда в посольстве Исаяи Берлина. Тот вспоминал, что в 1945 году Кеннан был «почему-то жутко отягощен – лично вовлечен в страшную природу (сталинского) режима...»⁵⁸. Природа никаких других режимов его не волновала.

Указанный «очерк» был передан послу Авереллу Гарриману, и у Кеннана возникло впечатление, что вряд ли тот его вообще прочитал. Конечно, это сильно расстраивало дипломата, хотя ему следовало бы уже привыкнуть к игнорированию своего эпистолярного творчества начальством в Москве и в Вашингтоне (кстати, это не помешало дипломату дать в целом высокую оценку Гарриману как политику и человеку). Тем не менее в его воспоминаниях появилась проникнутая горькой иронией фраза о том, что ему было

⁵⁸ *Costigliola F.* Is This George Kennan? // “The New York Review of Books”. December 8, 2011.

бы интересно узнать мнение посла о том, как написан этот очерк. А в результате «сложилось впечатление, что я достиг технических и стилистических успехов в странном искусстве сочинительства для самого себя».

Тем не менее он не успокоился. Тем же летом 1945 года Кеннан бил тревогу и жаловался Гарриману («Я суетился и надоедал послу», – писал он), а также в Вашингтон на русских, якобы экспроприровавших в Румынии американское нефтяное оборудование. Реакции посла и госдепа не последовало. Анализируя в шифровке в Вашингтон развитие ситуации в Германии, он выражал уверенность в невозможности какого-либо сотрудничества с советскими оккупационными войсками в управлении этой страной.

Дружеский тон, установившийся в общении советских и американских лидеров и дипломатов во время и сразу по окончании войны, волновал и возмущал его чрезвычайно. И в своем очередном послании в госдепартамент Кеннан наставляет коллег: «Не ведите себя с русскими дружелюбно; не говорите с ними об общности целей, которых в действительности не существует; не поощряйте обмена мнениями с русскими на высшем уровне и требуйте, чтобы они несли полную ответственность за свои действия на всех уровнях; не бойтесь публично обсуждать серьезные разногласия и использовать «тяжелое вооружение» при обсуждении проблем даже, казалось бы, незначительной важности...»⁵⁹.

Читатель, надеюсь, согласится со мною в том, что данный текст Кеннана является классикой жанра, который стал основой мышления и поведения в США и вообще на Западе во время «холодной войны». Но тогда, в победном для обеих наших стран 1945 году, сам Кеннан, я уверен, не мог не испытывать отчуждения не только от ликующих русских, но и от работавших в Москве американцев, также счастливых от победы и радовавшихся вместе с русскими союзниками. У Кеннана настроение в это время было совсем другим. Окна его квартиры в посольстве на Моховой выходили на Красную площадь, где в 1944–1945 годах регулярно гремели праздничные салюты в честь все новых побед Красной армии. В мемуарах он признавался, что для него уже само «приближение победы в 1944–1945 годах означало появление новых проблем». **Касаясь уже мая 1945 года, он писал о том, что не помнит, чтобы «испытывал восторг по поводу окончания войны в Европе** (выделено мною – *Авт.*). Как все, я радовался прекращению кровопролития и разрушений на полях битв. Но я абсолютно не верил в возможность трехстороннего сотрудничества в управлении послевоенной Германией».

Мне кажется, что читателю для понимания особенностей самой личности и психологии героя этой книги небезынтересно будет ознакомиться с его впечатлениями от величайшего для всех нас дня Победы в Москве, свидетелем которого он оказался. В мемуарах он описывает радостную толпу

⁵⁹ Гольдберг А.М. Указ. соч.

москвичей, утром 9 мая (он заведомо путает дату и называет в мемуарах западный День Победы – 8 мая) заполнившую нынешнюю Манежную площадь, где тогда находилось посольство США, с энтузиазмом приветствовавшую американских союзников, и даже приводит свою как временного поверенного в делах (посол отсутствовал в Москве) приветственную речь перед собравшимися: «Поздравляю с Днем Победы. Слава советским союзникам!» (интересно, что на одном из плакатов, вывешенных в этот день праздновавшими советскими гражданами у здания посольства, была надпись: «Ура Рузвельту!»). Разумеется, они знали, что Рузвельт незадолго до этого великого дня умер, но отдавали долг симпатии и уважения этому великому деятелю. Они и не подозревали, что приветствовавший их американский дипломат придерживался на этот счет совершенно иной точки зрения).

Однако из его описания у читателей возникает ложное впечатление о том, что огромное количество советских людей (он специально подчеркивает, что это были по преимуществу студенты) специально пришло в этот день (8 мая) приветствовать именно американцев, хотя любому русскому понятно, что они пришли 9 мая на находившуюся рядом Красную площадь, где после объявления утром по радио сообщения о подписании накануне ночью в Карлхорсте Акта о безоговорочной капитуляции Германии и произошла знаменитая многотысячная спонтанная манифестация в честь Победы Красной Армии и советского народа, а американцев как союзников приветствовали по пути, что называется, от полноты чувств (об этом как свидетель и участник событий очень хорошо пишет в своих мемуарах В.М.Бережков).

Советским властям подобное поведение людей в тот день, разумеется, должно было представляться естественным и нормальным. Но не Кеннану.

В мемуарах он утверждает, что «конечно, советские власти не были довольны такой демонстрацией дружеских чувств москвичей по отношению к представительству страны, которая в Советском Союзе считалась буржуазной. Не трудно вообразить, какое неприятное впечатление все это должно было произвести на партийные власти. Специально, чтобы отвлечь внимание людей от общения с нами, на другой стороне площади вскоре соорудили помост, на котором начал выступать духовой оркестр, однако это не принесло ожидаемых результатов. Люди продолжали нас приветствовать...». Вымысел Кеннана про специально приглашенный оркестр для отвлечения москвичей от американского посольства – типичный пример паранойи «холодной войны», мастером по раздуванию которой он вскоре стал. Как известно из многочисленных описаний этого дня очевидцами, по всему центру Москвы 9 мая играли оркестры (в том числе на Театральной площади, наискосок от посольства, знаменитый джаз Леонида Утесова), народ самозабвенно пел и танцевал. Можно себе представить, как отреагировали бы эти люди, если бы им сказали, что таким образом власти якобы отвлекают их от проявлений симпатий к диппредставительству США.

Не менее показателен другой фрагмент его мемуаров про тот же день Победы. Кеннан описывает, как к нему в квартиру, расположенную в здании посольства и с видом на Красную площадь, зашел известный ему, придерживавшийся левых взглядов корреспондент «Нью-Йорк таймс» Ральф Паркер, попросивший разрешения посмотреть на народное торжество. «Замечательно, не правда ли?», – говоря об увиденном, спросил журналист дипломата. На что Кеннан, по его собственным воспоминаниям, ответил, что «это действительно хорошо, но в то же время печально. Он (Паркер. – *Авт.*) попросил меня объяснить. Я ответил, что эти люди на улице уже много перенесли в своей жизни и теперь надеются, что победа принесет улучшение жизни, хотя в мире все еще нет безопасности, в России предстоит трудное восстановление хозяйства, а мирное время едва ли будет похоже на мечты этих людей о нем». Понятно, что подобное суждение должно было войти в диссонанс с настроением корреспондента и его впечатлениями от этого великого дня народного торжества.

Но далее Кеннан упоминает книгу Паркера, изданную в переводе в Москве через несколько лет. В ней, описывая ту же победную манифестацию, увиденную им из квартиры американского дипломата, журналист писал, что он «заметил на лице Кеннана, наблюдавшего эту волнующую сцену, странно-недовольное и раздраженное выражение. Потом, бросив последний взгляд на толпу, он отошел от окна, злобно сказав: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается». Показательно, что «уличив» Паркера в своих мемуарах в искажении неких деталей интерьера посольства и прочих частностей, Кеннан не внес никаких корректив в приводимые журналистом собственные слова. Но изучив его подходы к нашей стране, я например, верю, что он высказался именно так, как об этом написал корреспондент.

Здесь важно и то, в каких выражениях, в каком духе Кеннан разносил Паркера – в классическом стиле «холодной войны»: «Его книга, представлявшая собой неприятнейший образец сталинской пропаганды, полна злобных нападок на американское правительство и особенно на наше посольство в Москве», – писал он. И продолжал: «Подобное искажение действительности было вообще характерно для советской официальной партийной пропаганды. Изобразив таким образом события, которые будто бы происходили в Москве в День Победы в Европе, Паркер просто выступил как функционер и агент партии в создании официально принятой версии, соответствующей образцам, культивируемым партийными пропагандистами, которые не имели ничего общего с реальностью».

В любом случае, подводя итог впечатлениям Кеннана от этого дня, читатель, видимо, согласится: они у него были очень далеки от удовлетворения и радости по случаю великой совместной победы военно-политических союзников США и СССР над общим врагом.

Впрочем, это событие не отвлекло дипломата от главного призвания – создания бесконечной череды аналитических докладов. Его новый, создан-

ный уже в мае 1945 года «очерк» назывался «Международное положение России при завершении войны с Германией»⁶⁰. Документ начинался в собственном ему стиле литературно-журналистского эссе: «Мир, как и весна, наконец-то пришли в Россию, и иностранцу, утомленному русскими зимами и русскими войнами, остается лишь надеяться, что приближающийся политический сезон не будет слишком похож на русское лето, чересчур скоротечное и слабо выраженное» (вот оно, реальное чувство, которое Кеннан испытывал от той, «русской» войны, – утомление). А заканчивался «очерк» более ярким образом «громадного советского волка.., сидящего у дверей западного дома и готового туда ворваться». Любопытна была бы реакция советских людей, измученных страшными последствиями войны и счастливых от только что обретенного мира, если бы указанная фраза была тогда, в мае 1945 года, опубликована в наших газетах...

Далее Кеннан счел необходимым отметить, что «относительное усиление мощи России произошло не за счет внутренних источников (ее демографический и промышленный потенциал не очень сильно изменился по сравнению с послевоенным временем – после Первой мировой войны. – *Авт.*), а за счет «разрушения мощи соседних стран». Это заявление полностью дезинформировало начальников Кеннана в Москве и в Вашингтоне. Хорошо известно, что, несмотря на огромные жертвы и разрушения, военно-промышленный и научно-технический потенциал нашей страны в результате героических усилий советского руководства и народа за предвоенные 10 лет и за годы Великой Отечественной войны резко, в разы возрос, причем именно за счет внутренних источников. Кстати, это частично признавал и сам Кеннан в своем предыдущем «очерке».

В то же время нельзя не согласиться с автором, писавшим, что «когда закончится война на Дальнем Востоке.., Россия впервые в своей истории не будет иметь в Евразии ни одного соперника из числа великих держав и будет контролировать огромные территории за ее пределами, в том числе такие, на которые ее власть прежде не распространялась. Для России это значительное расширение ее мощи... означает и новые проблемы, и новые преимущества».

С учетом этого Кеннан акцентировал внимание на нескольких своих выводах.

1. Русские не смогут успешно сохранять гегемонию на всех территориях Восточной Европы, попавших под их контроль, без помощи Запада. Не имея ее, они утратят часть своих политических позиций.

2. Полноценное сотрудничество с Россией, которого ожидают американцы, вовсе не является существенным условием сохранения мира во всем мире, поскольку существует реальное соотношение сил и раздел сфер влияния.

⁶⁰ См. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. Приложение.

3. У Москвы нет оснований для дальнейшей военной экспансии вглубь Европы. Опасность для Запада представляет не угроза русского приближения, а коммунистические партии в самих западных странах, а также иллюзорные надежды и страхи, присущие западному общественному мнению.

Текст показывает: Дж.Кеннан уже в мае 1945 года сформулировал идеи, легшие в основу идеологии и практики «холодной войны», которые при его активнейшем даже не участии, а лидерстве начали активно претворяться в жизнь и завоевывать умы на Западе два года спустя. Тогда эта очередная записка была вновь возвращена ему послом без комментариев, и он был даже не уверен, что она была прочитана им или хотя бы кем-нибудь в Вашингтоне. Однако известные нам теперь факты показывают, что время востребованности его идей наступало. Хотя бы потому, верно отмечает В.Рукавишников, что на протяжении всей войны Советский Союз воспринимался американской элитой и значительной частью населения в целом как временный союзник, как ненадежный партнер и как вероятный соперник, а не как государство, с которым в послевоенном будущем придется дружить⁶¹.

Сразу же за днем Победы Кеннан обрушил на свое руководство бурлящий водопад аналитики и предложений, смысл которых сводился к его выводу о том, что правители СССР неминуемо попытаются воспользоваться сложившимся в Европе положением, захватив на континенте максимум власти и влияния в свою пользу и в ущерб Западу, чему необходимо, безусловно, воспрепятствовать. «Я досаждал всем, кто готов был меня выслушать – прежде всего послу, – разного рода призывами, протестами и обращениями, – вспоминал он в мемуарах. Количество документов, вышедших из-под моего пера в этот период, слишком велико, чтобы включить их в эту книгу...»

Смысл части предложений Кеннана в это время исходил из его абсолютной уверенности в практической нереальности и невозможности сотрудничества России и Запада в послевоенной Европе. Фактически уже в 1945 году он исходил из психологии и политики «холодной войны» и «железной стены», фактически сложившихся двумя годами позднее. В частности, это касалось его идеи разграничения влияния в Европе. Кеннан утверждал, что любые попытки Запада вмешаться в процессы внутреннего устройства стран Восточной Европы, оказавшихся под советским контролем, повлиять на их государственное устройство, состав правительств и т.п. обречены на неудачу (что называется, что упало, то пропало). И тут он был недалек от истины. Взамен этого Кеннан предлагал сосредоточить все усилия на том, чтобы не потерять и Западную Европу, оккупированную западными союзниками, имея в виду угрозу прихода к власти и там коммунистических и просоветских сил с учетом их огромной популярности после войны.

⁶¹ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.102.

«Мне казалось, – писал он, – что если мы теперь упустим время, то коммунистические партии в западной части континента, теперь страшно усилившиеся благодаря недавнему участию в движении Сопротивления, извлекут для себя выгоду из этой ситуации».

Ту же линию, с одной стороны, «реализма», а с другой, открыто направленную на расхождение и противоборство с советским союзником, Кеннан предлагал и применительно к Германии. Сохранившиеся у него наброски идей, относящихся к лету 1945 года, исходили тогда из убеждения, что надежды на совместное с Советами управление Германией «есть химера», и задача Запада оставалась лишь в том, чтобы обеспечить на подконтрольной ему части территории соответствующие его представлениям и интересам порядки и защитить ее от «угрозы с Востока» (т.е. от СССР). При этом Кеннан призывал не бояться обвинений в расчленении этой страны, ибо, мол, лучше такая, разделенная Германия, но с контролируемой западной частью, чем единая страна, «которая снова воссоздаст свои силы». А в целом дипломат исходил из убеждения, что «русские – наши основные конкуренты в Германии».

Здесь важно отметить, что указанная позиция (которую и в Вашингтоне, и в Лондоне тогда уже разделял далеко не один только Кеннан) – еще одно подтверждение того, что именно Запад несет ответственность за раздел Германии после войны, причем дипломат открыто говорит о том, что было для Запада базовой причиной этого. А ведь раздел данной страны стал фундаментальным фактором раздела Европы, возникновения «железного занавеса» и «холодной войны».

И еще одно. Уже в наше время стало известно, что после смерти Сталина Л.П.Берия активно продвигал позицию о том, что с точки зрения безопасности СССР нам была более выгодна объединенная, пусть даже капиталистическая Германия, но с экономикой и правительством, находящимися под влиянием и контролем СССР, чем легшее на нас бремя в одиночестве помогать Восточной Германии и защищать ее, в то же время имея абсолютно неподконтрольную, враждебную нам и контролируемую США, Британией и Францией Германию Западную. Как известно, эта позиция Берии была в числе прочего использована для его дискредитации и уничтожения Хрущевым и компанией, хотя сегодня, в том числе изучая Кеннана, возникает вопрос, насколько Лаврентий Павлович был тут не прав.

Решения Потсдамской конференции, несмотря на то, что на ней уже явно проявилось отчуждение Черчилля и Трумэна от Сталина, а разногласия западных союзников с СССР – особенно после успешного испытания американской атомной бомбы как средства давления на Москву – стали очевидны, вызвали у Кеннана такое же разочарование, как и Ялта. Позицию американцев в Потсдаме он считал легкомысленной (в смысле податливой воле Москвы), а твердое поведение русских в отстаивании своих отличных

от Вашингтона интересов, наоборот, вызвало у него уважение, которое можно испытывать к сильному противнику.

Во-первых, Кеннана не устраивало то, как на конференции был решен вопрос о репарациях. Суть не раз им ранее высказанной позиции состояла в том, что каждая из стран-победителей должна была забирать все, что ей было нужно, только из своей зоны оккупации (а значит, СССР – только из восточной зоны). При этом даже в мемуарах он не раскрывает подлинного смысла этой своей позиции. Дело состояло, однако, в том, что с учетом особенностей экономической географии Германии, западная ее часть была наиболее развитой, именно там находился центр ее ВПК, машиностроения, судостроения, металлургии, ценные сырьевые источники и т.д., что и лежало в основе позиции И.В.Сталина на конференции, когда он в целях хотя бы частичного возмещения гигантского ущерба нашей экономике от немцев в результате войны законно требовал (и добился этого) репараций именно из западной зоны. Верный своей глубоко враждебной нам политической платформе, Кеннан, разумеется, был против этой вынужденной уступки Сталину со стороны Черчилля, Эттли и Трумэна.

Во-вторых, его возмущали решения конференции об организации Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. Внешне поразительными для западника, кичащегося своими правовыми подходами, были его рассуждения о том, что этих преступников союзные власти должны были вообще казнить без суда и следствия! А на самом деле Нюрнбергский трибунал не устраивал его только потому, что в нем предусматривалось участие советских судей. «По моему разумению, – писал он, – единственный смысл, который мог иметь процесс, – осуждение правительствами и народами, проводившими суд, всякого рода массовых преступлений. Допустить на подобный процесс советских судей значило бы не только солидаризоваться с советским тоталитарным режимом, который они представляли, но и взять на себя часть ответственности за всевозможные жестокости и преступления, совершенные во время войны сталинскими властями против поляков и народов Прибалтийских стран».

Здесь интересно не только то, что обвинения Кеннана по поводу «сталинских преступлений», будучи не доказанными законно учрежденным судом, повисают в воздухе (опять же полное отсутствие правового подхода). И не только то, что сам по себе термин «тоталитарный режим» является более чем спорным, тем более американцы до сих пор применяют его весьма избирательно в основном применительно к СССР и почти никогда по отношению, к примеру, к социалистическому Китаю, Вьетнаму и другим подобным им странам. Главное – это его неизбывное желание исключить нашу страну из числа не просто союзников, но и вообще государств, на равных допущенных к установлению и реализации нового мирового порядка (отсюда, кстати, были и его возражения против идеи ООН во главе с Советом

Безопасности, в котором СССР принадлежало бы право вето). Другими словами, его желанием было после всего того, что ценою неслыханного героизма и жертв нашего народа им сделано для освобождения Европы и всего человечества, далее не допустить Советский Союз в число лидеров послевоенного мира и вообще держать его в роли изгоя.

В-третьих, Кеннан был категорически против принятого конференцией по настоянию И.В.Сталина решения о разделе территории Восточной Пруссии между Польшей и Россией и особенно передачи нам Кенигсберга. И здесь в основе его позиции лежала все та же замешанная на русофобстве мизантропия. Он писал: «Лично мне эти территориальные изменения казались тем более пагубными, а легкомыслие американской стороны в этом вопросе тем более непростительным, поскольку они, как и другие территориальные уступки русским, просто изымали большие продуктивные регионы из экономики Европы, позволив русским извлекать из них военную и политическую выгоду, вместо того чтобы поставить эти ресурсы на службу общему делу европейской реконструкции». Аргумент же Сталина на конференции о том, что России нужен незамерзающий порт, опровергался Кеннаном в мемуарах тем, что СССР и так имел такие порты в Прибалтике, в частности, в Риге, владение которыми не отвергалось западными союзниками в Потсдаме. Удивительное заявление, с учетом того, что Кеннан не только знал, но и полностью разделял категорическое непризнание Соединенными Штатами вхождения балтийских стран в состав СССР! Интересно, что бы мы делали сегодня без Калининградской области и порта, потеряв Прибалтику?

Тут надо отметить, что работая над своими мемуарами, Кеннан не мог не учитывать реакции на них не только в США и на Западе, но и в Советском Союзе, где к чтению подобного рода литературы была допущена не только занимавшаяся международной политикой партийно-государственная элита, но и широкий круг ученых, журналистов, студентов, аспирантов и т.д. Поэтому прочитав все вышенаписанное, он, видимо, решил подстраховаться, дабы не быть заподозренным в нашей стране в открытом русофобстве. Отсюда появившийся в его книге соответствующий пассаж. В нем он, в частности, писал: «Я знаю, что эти мои умозаключения вызовут негодование в Москве и официальная советская пропаганда обвинит меня в гнусной клевете на советских людей, которая будто бы вызвана злобой и ненавистью к ним и ко всему русскому. Поэтому я хотел бы изложить свою позицию. Я сомневаюсь, чтобы в западном мире нашелся человек, с большей симпатией и уважением, чем я, относившийся к страданиям и мужеству, с которым этот народ, подавленный деспотизмом, пробивался к обретению идеала человеческого достоинства и социальной ответственности. Этот народ, как никакой другой, чувствителен к ценностям морали, а благодаря его литературе, философии, склонности к искренним политическим дискуссиям он особен-

но много сделал для прояснения фундаментальных проблем социальной и политической этики».

Поражает тот факт, что, написав эти строки во славу русского народа как оправдание всего того, что он писал и делал против наших кровных интересов, Кеннан подзабыл о своем мнении о нас, изложенном в Приложении к той же книге мемуаров (речь об уже упомянутом нами очерке «Международное положение России к концу войны с Германией», май 1945 года). В нем, в частности, говорилось: «Русские – нация, привыкшая к показухе, и самое их глубокое убеждение: все вещи – не такие, какие есть на самом деле. Русскому человеку нужны хлеб и зрелища. Что касается зрелищ, то он воспринимает их с благодарностью, относясь к количеству и качеству хлеба фаталистически. Он не считает, что имеет право на все, что имеется в государстве. Если он получает неожиданное подаяние, то с удовольствием кладет его в карман, редко выражая скептицизм, но никогда не удивится, если эту вещь у него снова отберут. И он всегда готов к пустому славословию по поводу того, что предпринимается государством для показа такой щедрости. Для жизни это гораздо безопаснее и спокойнее».

Пусть читатель сам составит себе представление о том, насколько верны или нет эти характеристики. Однако необходимо обратить внимание на то, что в данном случае оценка, при этом сугубо негативная, дается не государству, не строю, а именно народу, русскому народу. Причем дается иностранцем. Да еще в то время военным союзником. Невозможно себе представить, чтобы в России или в СССР кто-нибудь мог позволить себе что-либо подобное по адресу американского народа. А ведь при желании и у него можно найти массу недостатков. Просто мы никогда не считали для себя возможным судить другой народ. Даже немцев во время и после войны. А обожавший немцев Кеннан нас судить мог.

И далее, упомянув «все ценное в интеллектуальной и политической жизни России начиная со времени декабристов» и вспомнив наследие своего деда, осуждавшего «несправедливости царских властей», Кеннан пытается провести разделительную черту между добрым русским народом и деспотичным русским (советским) государством. Свою же роль в данном случае он видел в том, чтобы «помочь советским людям... найти правильное понимание своих политических проблем» (ясное дело, сменив свою деспотическую власть). И здесь у него налицо присутствовала вся основная механика организации начавшейся вскоре «холодной войны» США против СССР: не только обличать, не только держать наше государство в изоляции, но и раздувать вражду «хорошего» народа к «плохой» власти, учить этот народ тому, что такое хорошо и что такое плохо. И тогда, и десятилетия спустя все усилия американцев и их союзников на этом направлении оказывались в основном тщетными. Но зато как бомба с часовым механизмом кеннановский заряд с разрушительной силой сработал в годы перестройки и позднее.

То есть тогда, когда сам Кеннан уже в значительной мере пересмотрел взгляды на собственные послевоенные идеи и предложения.

Но летом 1945 года Кеннан, помимо всего прочего, озаботился состоянием торгово-экономических отношений между нашими странами. Из его предложения об отмене ленд-лиза в СССР еще в 1944 году в качестве наказания за неподдержку Красной армией Варшавского восстания становится понятно, что сейчас он самым решительным образом солидаризировался с решением об этом администрации Гарри Трумэна. (Поставки по ленд-лизу в СССР были резко ограничены в день капитуляции Германии перед западными союзниками 8 мая 1945 года и полностью прекращены в сентябре того же года после совместной победы над Японией, в которую СССР – по настоятельным просьбам США – внес решающий вклад. И это несмотря на то, что ленд-лиз СССР, вопреки широко распространенному мнению, получал отнюдь не безвозмездно, а расплачиваясь за него с американцами из своего золотого запаса⁶². Так, например, на встрече Сталина с послом США А.Кирком 15 августа 1949 года посол настаивал на выплате Советским Союзом за поставки по ленд-лизу как минимум 1 млрд долларов, на что советский руководитель заявил, что Советское правительство не намерено отказываться от своих обязательств⁶³.)

Кстати, это решение нового американского президента дает нам повод предположить, что после неожиданной кончины Рузвельта 12 мая 1945 года и прихода к штурвалу в Белом доме крайне антисоветски настроенного Трумэна, не просто начал происходить объективный процесс сближения взглядов на советскую политику между Кеннаном и администрацией США; есть основания считать, что в рамках этого сближения кеннановские идеи впервые начали всерьез рассматриваться его начальством в посольстве в Москве и в Вашингтоне, и более того, влиять на проводимый в отношении нашей страны курс. Об этом прямо пишет сам Кеннан в мемуарах: «Посол Гарриман, делавший мне полезные указания критического характера, в целом поддерживал эти мои суждения, во многом тогда одобренные в Вашингтоне».

Так, уже 22 апреля в столице США на встрече с В.М.Молотовым, прибывшим на похороны Рузвельта, Трумэн обрушился на него с резкой критикой за не включение представителей лондонского эмигрантского правительства Польши в состав Варшавского правительства (излюбленная тема Кеннана) и нарушение принципов Атлантической хартии (к которой СССР присоединился, как мы помним, с оговорками). Более того, он пригрозил Молотову тем, что если Москва будет вести себя неправильно, то ООН может быть создана и без СССР (опять-таки это было темой Кеннана). Согласно мемуарам Трумэна, опубликованным в 1955 году, советский министр

⁶² См. Жуков Ю.Н. Гордиться, а не каяться! Правда о сталинской эпохе. М., 2011. С.161.

⁶³ См. Сталин И.В. Соч. Т. 16. Ч. 2. С.117.

иностранных дел в конце беседы выпалил: «В жизни такого разговора не было...». На что Трумэн якобы ответил: «Выполняйте свои обязательства, и с вами не будут так разговаривать...». (Ни советские, ни американские записи переговоров подобного обмена колкостями не упоминают.) Однако согласно одному из западных корреспондентов, по окончании разговора Молотов ему сказал: «Никто не говорил со мной в таком тоне до этого».

Тут следует отметить, что подобное радикальное изменение содержания и тональности общения американского президента с советскими властями, судя по многим свидетельствам, было очень неприятной новой реальностью для Москвы. По данным американского исследователя Джеффри Робертса, 13 апреля, когда посол Гарриман по телефону сообщил Молотову о кончине Рузвельта, тот был потрясен. Он немедленно, в 3 часа ночи, направился в посольство США, чтобы выразить соболезнования советского правительства и при этом, согласно Гарриману, «выглядел глубоко взволнованным и обеспокоенным». В ходе беседы Молотов выразил уверенность в Трумэне, так как его выбрал в вице-президенты Рузвельт.

В тот же день Гарриман встретился с руководителем СССР. По словам посла, Сталин выразил тогда уверенную надежду, что политика США не изменится: «Президент Рузвельт умер, но дело его должно жить... Мы поддержим президента Трумэна всеми нашими силами и энергией». Именно на этой встрече Гарриман и предложил направить В.М. Молотова в США для встречи с новым президентом и на конференцию по образованию ООН в Сан-Франциско, чтобы «сгладить дорожку» Трумэну и успокоить американское общественное мнение. Сталин на это согласился в случае получения официального приглашения. В тот же день советский лидер написал Трумэну и в этом послании выразил надежду на то, что сотрудничество двух стран военного времени получит свое продолжение. 15 апреля Молотов и почти все его заместители присутствовали на памятном богослужении по Рузвельту в Москве.

Накануне визита наш тогдашний посол в Вашингтоне (и знаменитый будущий министр иностранных дел) А.А.Громыко сообщил шифровкой свою оценку нового президента. По его словам, согласно общему мнению в США, Трумэн – деятель нового образца, как и Рузвельт, он будет продолжать внутреннюю и внешнюю политику умершего президента, включая сотрудничество с СССР. И все же отличавшийся острым аналитическим умом, чутьем и осторожностью советский дипломат тут же добавил: «Как далеко он будет продолжать политику сотрудничества с Советским Союзом, и до какой степени будет находиться под влиянием антисоветских группировок, трудно сказать в настоящий момент»⁶⁴.

⁶⁴ *Geoffrey R. Stalin Wars From World War to Cold War, 1939–1953. Yale University Press, 2007. P.254–295.*

Как уже знает читатель, все произошло именно по этому последнему, наихудшему сценарию, и трудно поверить в то, что Сталин его не учитывал в своих расчетах.

Реакция из Москвы последовала незамедлительно. Через три дня Трумэн получил гневное письмо Сталина, в котором советский лидер указывал на право России иметь дружественное по отношению к нашей стране польское правительство, так же как на это имеют право США в своей сфере интересов в Западной Европе.

В конце мая того же года на беседе с непосредственным шефом Кеннана – послом А.Гарриманом, Сталин выразился еще более определенно: «Если отказ продолжать поставки по ленд-лизу был задуман для того, чтобы оказать давление на русских и заставить нас смягчить свою позицию (по польскому вопросу), то это была фундаментальная ошибка». 27 мая на встрече с Гарри Гопкинсом Сталин сказал: это решение Вашингтона показывает, что «отношение американцев к Советскому Союзу существенно охладело после того, как стало очевидным, что Германия побеждена... Как будто американцы дают понять, что русские больше не нужны»⁶⁵. Понятно, что если Гопкинс по возвращении в посольство на Моховую поделился с Кеннаном этой сталинской филиппикой, то ничто иное не могло бы обрадовать его в большей степени.

Помимо этого, Кеннан не мог не реагировать с удовлетворением на проявившееся еще при Рузвельте в начале 1945 года нежелание правительства этой страны ссужать СССР средства на восстановление разрушенного во время войны хозяйства⁶⁶ и старался активно влиять на решения Вашингтона именно в этом направлении. Так, в меморандуме, составленном Кеннаном в компании еще с двумя сотрудниками посольства и переданном послу в декабре 1945 года, он предлагал отказаться от первоначальной идеи, идя навстречу пожеланиям советской стороны предоставить СССР американский кредит в размере 3,5 млрд долларов, и не давать русским больше максимум 1,5–2 млрд, включив в эту сумму и советский долг по ленд-лизу.

Его аргументация по данному вопросу была вполне предсказуемой и полностью строилась на привычном антисоветском фундаменте. По словам документа, кредит, разумеется, будет обращен русскими на цели «милитаристской индустриализации» с тем, чтобы в СССР в послевоенный период была создана военная мощь, которая, «подобно тому, как это уже было в случае с Германией или Японией, будет использована против нас. Советское правительство в целом рассматривает внешнюю торговлю как политическое и экономическое средство, предназначенное для целей увеличения мощи СССР по сравнению с другими странами».

⁶⁵ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.113, 117.

⁶⁶ Там же. С.118–119.

Само собой, что американское и любое другое правительство использовало и использует внешнюю торговлю именно для подобных вполне оправданных целей, но поскольку Кеннан рассматривал наше государство только в категории врага, к нему это, разумеется, не относилось. А потому любая, казалось бы, полностью оправданная экономическими интересами США аргументация «за» кредит в 3 млрд отвергалась.

К примеру, в меморандуме говорилось, что даже если построенные на этот кредит в СССР предприятия станут потребителями американской продукции машиностроения, то и это было бы опасно, так как поставило бы соответствующие заводы в США в зависимость от советских заказов, а работающих на них рабочих превратило в подконтрольные Советам «группы влияния» и т.д. и т.п.

Как известно, СССР принес на алтарь Победы в общей с США войне беспрецедентные человеческие и материальные жертвы. Были убиты и изуродованы десятки миллионов людей – большинство из них гражданское население. Было разрушено 1710 городов, свыше 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий. Страшные потери мы понесли в нашем культурном наследии. Россия честно выполнила свои обязательства перед союзниками, нанеся наибольший урон Германии и Японии.

Кстати, об том же писал в своем материале «Россия семь лет спустя» сам Кеннан: «Война, навязанная СССР фашистской Германией, значительно ослабила советскую экономику. Около 25% крупных населенных пунктов страны были разрушены. Имевшиеся трудовые резервы сократились не менее, чем на 3 млн человек. Национальный доход, по самым объективным оценкам, снизился к концу войны на 25–30% по сравнению с 1940 годом. К тому же в национальном доходе произошли значительные структурные изменения. Поступления от сельского хозяйства сократились на 35–40%...».

Казалось бы, Кеннан, знавший все это, претендовавший на роль ведущего эксперта по России, восхищавшийся Чеховым и с особым пиететом говоривший о русском народе, должен бы рассматривать кредит военно-политическому союзнику в завершающейся войне именно с этой, гуманитарной, человеческой точки зрения... Однако в мемуарах Кеннан пишет: «Мы и так, по-моему, в первый послевоенный период сделали для русских немало, и я не сожалею о том, что благодаря моему влиянию удалось удержать нашу щедрость в известных пределах. Мои взгляды на экономическую помощь России сложились под впечатлением поездки по Советскому Союзу, которую я совершил вскоре после окончания войны».

Как видно из его мемуаров, во время этого давно запрошенного им у советских властей ознакомительного турне он побывал в Новосибирске (который назвал «быстрорастущим сибирским Чикаго») и в Сталинске (Кузнецке). То есть американский дипломат посетил тогда героический тыл России, где самоотверженным трудом народа, в том числе женщин, стариков и подро-

стков, во время войны ковалась Победа. В мемуарах именно об этом он ничего не пишет. Однако отмечает, что местные руководители принимали его очень хорошо, были настроены к нему как к представителю союзной СССР державы «радушно и очень дружелюбно». «Обратно в Москву я возвращался на самолете, – пишет он. Это путешествие заняло три дня, с посадками в Челябинске и Казани... Я чувствовал себя своим среди других пассажиров, обычных советских людей, не воспринимавших меня как иностранца... В последний день своего путешествия, сидя в самолете среди русских пассажиров, дружелюбных и приятных людей, я предался размышлениям о проблемах американской помощи России...

Перед этим мы, сотрудники американского посольства, не раз анализировали вопросы, связанные с ленд-лизом... возможностью предоставления крупных кредитов советскому правительству. Русские во время войны перенесли огромные страдания, причем отчасти и ради нашего блага. Положим, мы хотели бы им помочь, но могли ли мы это сделать? Если народ находится под контролем авторитарного режима, враждебно относящегося к США то, как мне пришло в голову, американцы едва ли могут помочь этим людям, не помогая при этом и режиму. Если будет оказана помощь, например, в виде товаров широкого потребления, то режим обратит это в свою пользу, освободив для иных нужд соответствующее количество ресурсов, которые, не будь этой помощи, были бы направлены в гражданский сектор экономики. Если же оказывать на Россию экономическое давление, чтобы повредить режиму, это затронет интересы гражданского населения, и режим использует это обстоятельство, чтобы доказать враждебность других стран России и необходимость собственного существования для защиты интересов населения. Таким образом, я пришел к заключению, что нельзя помогать народу, не помогая режиму, как и нельзя причинить вред режиму, не причинив вреда народу. При таких обстоятельствах я считал, что самым мудрым было бы с нашей стороны не помогать и не вредить, предоставив народ самому себе, чтобы он сам решал собственные проблемы».

Вот такая философия, на которую эмоции путешественника, о которых мы писали в самом начале этой работы, если и оказали тогда влияние, то очень своеобразное...

Что же касается рассуждений Кеннана о разнице в послевоенном СССР между народом и «режимом», то после войны с учетом почти абсолютной поддержки населением страны сталинского руководства, в котором люди видели силу, приведшую их к победе (люди типа Солженицына не в счет – они были тогда полными маргиналами), то это было чистой фантазией автора, вообще склонного к фантазиям. Правда, если учесть уникальный пророческий дар Кеннана, смотрящего сквозь десятилетия вперед, то в конце существования СССР раскол народа с режимом и в правду стал фактом, обусловившим национальную и геополитическую катастрофу. Впрочем,

аналогичный раскол в еще более опасной форме угрожает сегодня уже постсоветской России и далеко не только ей...

Но возвращаясь в 1946 год, в совсем другую страну и в другую политическую систему, интересно было бы узнать реакцию советских людей, которые так радушно принимали дипломата Кеннана в Сибири, если бы они узнали о том, какие выводы в отношении американской помощи недавнему союзнику он сделал из своей поездки и какую вообще роль играл в формировании политики США в отношении их Родины.

В частности, если бы они прочитали отрывок из доклада, подготовленного им в декабре 1945 года (когда в СССР все действительно считали Америку союзником, не скрывая по отношению к ней своих симпатий), в котором он сделал попытку составить «свод полезных правил для всех тех, кто имеет дело со сталинским режимом». Имелись в виду американцы всех рангов и видов деятельности. Эти «правила» Кеннан на основании собственных записей тех лет свел в воспоминаниях к следующему.

1. Не ведите себя с ними (русскими) дружелюбно.
2. Не говорите с ними об общности целей, которых в действительности не существует.
3. Не делайте необоснованных жестов доброй воли.
4. Не обращайтесь к русским ни с какими запросами иначе, как дав понять, что вы на практике выразите недовольство, если просьба не будет удовлетворена.
5. Ставьте вопросы на нормальном уровне и требуйте, чтобы русские несли полную ответственность за свои действия на этом уровне.
6. Не поощряйте обмена мнениями с русскими на высшем уровне, если инициатива не исходит с их стороны, по крайней мере, на 50%.
7. Не бойтесь использовать «тяжелое вооружение» даже по проблемам, казалось бы, меньшей важности.
8. Не бойтесь публичного обсуждения серьезных разногласий...

Так ведущий американский дипломат в Москве ответил на дружеское к нему и к его стране расположение советских людей (и советских властей!) о котором сам же и писал. А ведь во время Великой депрессии, когда американцам было очень плохо, экономическое сотрудничество с СССР сыграло для многих из них спасительную роль. И выполнение поставок в нашу страну по ленд-лизу наряду с другими факторами войны сыграло роль локомотива, вытянувшего Америку из депрессии и обогатившего ее баснословно. Так, промышленное производство в годы Второй мировой войны в Соединенных Штатах, территория которых никак не пострадала от военных действий, не уменьшилось, как это произошло в тяжело пострадавшем от фашистской агрессии Советском Союзе, а почти удвоилось. В 1945 году США контролировали 80% золотого запаса капиталистического мира. На их

долю приходилось 46% мирового промышленного производства⁶⁷. Об этом Кеннан даже не упоминает...

Зато в его мемуарах содержится небольшой фрагмент, затрагивающий позицию дипломата по важнейшей из всех проблем мировой политики и двусторонних отношений наших стран начиная с 1945 года и по сей день. Речь идет о ядерном оружии. С учетом принятой им на себя через короткий промежуток времени миссии не просто борца с ядерными вооружениями, но человека, денно и нощно доказывающего отсутствие у СССР (в том числе у Сталина) всяких побудительных мотивов нападать на Запад вообще, тем более с использованием этого оружия, прямо-таки удивительно, что Кеннан фактически не затрагивает в первом томе своих воспоминаний вопрос о создании этого оружия в США, не вызванных никакой военной необходимостью преступных атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года и том, какие надежды Трумэн и его команда возлагали на атомную бомбу как орудие диктата СССР и всему миру американской воли и навязывания своей гегемонии.

В декабре 1945 года Трумэн поручил новому государственному секретарю Джеймсу Бирнсу, отправлявшемуся в Москву для участия в совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, «проводить жесткую политику в отношении СССР» (некоторые западные историки полагают, что именно с этого поручения, даже не с фултонской речи Черчилля, началась «холодная война»⁶⁸). За два дня до этого, 14 декабря, Объединённый комитет военного планирования США пришел к выводу, что единственное эффективное оружие против СССР – атомные бомбардировки. Предлагалось в случае конфликта сбросить 196 атомных бомб на 20 городов СССР⁶⁹. Напоминаем читателю: после исторической встречи советских и американских войск на Эльбе прошло чуть более полугода, после Потсдамской конференции – считанные месяцы!

Может быть, с учетом этого вернувшийся с совещания в Москве Бирнс в выступлении 30 декабря по радио заявил: «После встречи со Сталиным я более чем когда-либо уверен, что справедливый по американским понятиям мир достижим». 5 января 1946 года Трумэн дает ему резкую отповедь: «Все, что вы наговорили, – это бред. Нам никакой компромисс с Советским Союзом не нужен. Нам нужен “Pax Americana”, который на 80% будет отвечать нашим предложениям». Вскоре Бирнс был смещен Трумэном с поста государственного секретаря⁷⁰.

⁶⁷ Там же. С.137.

⁶⁸ Там же. С.142.

⁶⁹ http://ru.wikipedia.org/wiki/1945_%D0%B3%D0%BE%D0%B4.

⁷⁰ <http://stalinpravda.narod.ru/fan939.html>.

На этом не обозначенном им фоне Кеннан приводит в мемуарах отрывок из очередного своего послания в Вашингтон от 30 сентября того же года. Его целью было в очередной раз упредить руководство США от якобы свойственного ему наивно-доброжелательного подхода к СССР, действиям и намерениям его руководства, которое, в соответствии с его московскими страхами, могло привести, в качестве знака доброй воли, к передаче советским властям полной информации о ядерном оружии и методах его производства. Видимо, до него дошла позиция в данном вопросе не только выдающихся, с мировым именем ученых – физиков и математиков – действительно выходивших на администрацию США с этим предложением, но и поддержавшего их известного своими левыми взглядами американского политика Генри Уоллеса, вице-президента страны в правительстве Рузвельта, первое время при Трумэне занимавшего пост министра торговли США. Он полагал, что Америке надо поделиться с русскими знаниями в атомной области и сотрудничать с ними в мирном использовании ядерной энергии. Это мнение было отвергнуто Трумэном, настаивавшим на атомной монополии США, а сам Уоллес в том же 1946 году был смещен им с поста министра именно за занимаемую им политическую позицию, в том числе и по данному вопросу⁷¹.

Кеннан имел тогда по этому поводу диаметрально противоположную точку зрения. Он писал в Вашингтон: **«Я, как человек, имеющий примерно 11-летний опыт работы в России, категорически заявляю, что было бы весьма опасно для нас, если бы русские освоили атомную энергию, как и любые другие радикальные средства разрушения дальнего действия, против которых мы могли бы оказаться беззащитными, если бы нас застали врасплох. В истории советского режима не было ничего такого, я это подчеркиваю, что дало бы нам основания полагать, что люди, находящиеся у власти в России сейчас или которые будут находиться у власти в обозримом будущем, не применят, без всяких колебаний, эти мощные средства против нас, коль скоро они придут к выводу, что это необходимо для укрепления их власти в мире (выделено мною. – Авт.).**

Это остается справедливым независимо от того, каким способом может советское правительство овладеть такого рода силой – путем ли собственных научно-технических исследований, с помощью ли шпионажа или же вследствие того, что такие знания будут им сообщены, как жест доброй воли и выражения доверия... Я глубоко убежден в том, что передача советскому правительству каких-либо сведений, имеющих важное значение для обороны Соединенных Штатов, без получения соответствующих гарантий возможного контроля за их использованием Советским Союзом, может нанести существенный урон жизненно важным интересам нашего народа. Надеюсь, что Гос-

⁷¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%81_%D0%93.

департамент учтет это и внесет на рассмотрение наряду с другими проблемами в комитеты нашего правительства, несущие за них ответственность».

Поразительно, что Кеннан предупреждает Вашингтон о якобы существовавшей гипотетической опасности применения СССР ядерного оружия после того, как сами США «без всяких колебаний» уже его применили за 20 дней до этого именно для «укрепления своей власти в мире». Хорошо известно, как Трумэн на Потсдамской конференции с триумфом сообщил Сталину весть о создании США ядерного оружия, рассматривая это как форму ядерного шантажа и запугивания советского руководителя. Менее известен факт о том, что, возвращаясь на крейсере «Аугуста» с Потсдамской конференции в США, Трумэн дает в то время главнокомандующему вооруженными силами США в Европе Эйзенхауэру приказ: подготовить план ведения атомной войны против СССР⁷².

Однако попытка шантажа и запугивания с американской стороны лишь ускорила ведшиеся в СССР работы на данном направлении – 20 августа в СССР по инициативе Сталина был создан Специальный комитет по использованию атомной энергии под руководством Л.П.Берия. Эффективная координация им и академиком И.В.Курчатовым уже давно проводившихся в Союзе исследований и полученных из США данных научно-технической разведки помогла нам уже в 1949 году ликвидировать американскую атомную монополию и возможно, тем самым предупредить американскую ядерную атаку против СССР, намеченную именно на этот год.

КЕННАН И ЗАРОЖДЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ДИПЛОМАТА?

При всей значимости этого и других бесчисленных кеннановских документов того периода, решающий вклад в разработку методологии и практики политики, дипломатии и пропаганды наступавшего тогда опаснейшего периода международных и двусторонних отношений, безусловно, внесли три вышедших из-под пера дипломата документа. И, прежде всего, первый из них – печально знаменитая «Длинная телеграмма» в Вашингтон.

По настроению Кеннана было понятно, что он буквально рвался системно изложить свои накопившиеся чувства и размышления в отношении

⁷² <http://stalinpravda.narod.ru/fan939.html>.

России/СССР, состояния и перспектив отношений с нашей страной и убедить в них Вашингтон. Нужен был только предлог. И он был найден.

В феврале 1946 года в посольство пришла телеграмма в обиженном тоне из американской столицы с просьбой разъяснить, почему это советские власти отказываются следовать рекомендациям только что созданных тогда Всемирного банка и Международного валютного фонда (Трумэн и конгресс видели в США абсолютного победителя и все еще надеялись включить и Россию в число стран, безропотно принявших их лидерство).

Замещавший отсутствовавшего посла Кеннан, несмотря на свою болезнь в этот момент, воспользовался предлогом для того, чтобы отправить в госдеп ответную телеграмму размером в 8 тысяч слов с детальным анализом советской послевоенной политики, ее причин и следствий, а также с соответствующими рекомендациями Вашингтону. Объем документа для шифровки был настолько велик, что автору даже пришлось за это просить у госдепартамента прощения (впоследствии извиняться и сожалеть уже о сути написанного и последствиях данного послания ему пришлось до конца жизни).

Самым важным и удивительным аспектом этого претендовавшего на откровение и вершину интеллектуализма документа⁷³, который сам он в мемуарах сравнил с речью протестантского проповедника XVIII века, имея в виду его навязчивое желание просветить наконец-то вашингтонские умы, является проявленное в нем удивительное (на тот момент) невежество автора в знании и понимании российской и советской истории, идеологии и истоков проводимого и грядущего политического курса. Вопрос состоит лишь в том, действительно ли Кеннан тогда не знал (не понимал) того, о чем писал, или это была специально продуманная фальсификация и примитивизация в расчете на достижение максимального эффекта в глазах еще более невежественных в этих вопросах высокопоставленных читателей в Штатах.

Позднее, много лет спустя, он признал, что сам перечитывал это свое послание «с изумлением», ибо оно разительно напоминало «сочинения разных комиссий конгресса, озабоченных предостережением наших граждан против коммунистического заговора» (разумеется, Кеннан прежде всего имел в виду комиссию сенатора Джозефа Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности и то, что несколькими годами позже вылилось в организованную маккартистами чудовищную «охоту на ведьм» против американской интеллигенции). Как и всегда, Кеннан и в этом оказался тогда первым.

После вызвавшей в СССР чудовищные жертвы и разрушения войны вроде бы слепому должно было быть очевидно естественное стремление советского руководства сосредоточить все усилия на скорейшем восстановлении народного хозяйства и необходимости обеспечить для этого макси-

⁷³ <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php>.

мально продолжительный период мирного развития и экономическое сотрудничество с развитыми странами, включая США. Однако вопреки этому Кеннан, исходя из усвоенной им детерминанты неизбежной вражды к СССР (которую он механически переносил и на отношение СССР к США), видел главную цель внешней политики Москвы в «ослаблении силы и влияния капиталистических держав посредством коллективных или индивидуальных действий». Для этого, словами телеграммы, Москва будет использовать разногласия и конфликты между этими державами с целью их превращения в «империалистическую» войну, которая затем должна перерасти в революционное восстание внутри капиталистических стран. Для этого будут задействованы соответствующие компартии, а против прозападных социал-демократов и социалистов будет развернута «беспощадная война».

В частности, в телеграмме Кеннана говорилось о «фундаментальных взглядах Советов в послевоенный период времени, отраженных официальной пропагандистской машиной». Вот отрывок из его текста, якобы отражавшего политическую платформу Кремля в 1946 году:

«А. Советский Союз продолжает жить в антагонистическом «капиталистическом окружении», мирное сосуществование с которым еще длительное время невозможно. В 1927 году на встрече с делегацией американских рабочих Сталин отмечал: “В ходе дальнейшего развития всемирной революции образуются два мировых центра: социалистический, притягивающий к себе страны, тяготеющие к социализму, и капиталистический, притягивающий к себе страны, склонные к капитализму. Борьба между этими центрами за командное положение в мировой экономике должна определить, останется ли будущее в мире за капитализмом или коммунизмом”.

Б. Капиталистический мир охвачен внутренними конфликтами, характерными для капиталистического общества. Эти конфликты неразрешимы средствами мирных компромиссов. Крупнейший из них – конфликт между Англией и Соединенными Штатами.

В. Внутренние конфликты капитализма неминуемо генерируют войны, которые могут быть двух видов: войны между двумя капиталистическими государствами и войны против социалистического мира, сопровождающиеся интервенцией. Продувные капиталисты, стремящиеся избежать межкапиталистических конфликтов, склоняются в сторону последних...».

Из указанного текста однозначно вытекает, что Кеннан пользовался в качестве источника для своих выводов не анализом сложившихся к 1946 году реалий, а оценками Сталина, относящимися к 1927 году и данными в совершенно иной внутренней и международной обстановке, отражающими иное видение целей и задач СССР и правящей партии, исходящее из с тех пор пересмотренной идеологической доктрины. В частности, ВКП(б) была давно отвергнута и осуждена троцкистская теория перманентной революции. Как известно, по инициативе Сталина еще перед войной, в 1935 году,

осудивший троцкизм VII Конгресс Коминтерна провозгласил курс на единство действий со всеми демократическими силами, включая социалистов и социал-демократов, что и проявилось неоднократно во время гражданской войны в Испании и Второй мировой войны.

В 1943 году во имя успеха сотрудничества с западными союзниками и откликаясь на их пожелания, Сталин вообще пошел на роспуск Коминтерна. Во время войны и сразу после нее Сталин и второй человек в стране В.М.Молотов на встречах и в переписке с западными партнерами и в интервью советским и западным СМИ неоднократно и настойчиво говорили о курсе на долговременное сотрудничество «всех демократических стран» и, прежде всего, держав-победителей как основе внешней политики СССР. По словам современных российских авторов, до 1947 года И.В.Сталин внимательно следил за тем, чтобы в публичных выступлениях его ближайших соратников соблюдалась доброжелательная тональность по отношению к руководству США и Англии⁷⁴ и это требование беспрекословно исполнялось.

Нет никаких фактов, которые бы опровергали обоснованность подобного желания советского руководства. Эта линия лежала тогда в основе всех предназначенных для народа публикаций советских газет, передач радио и в других материалах агитпропа, разъяснялась коммунистам и беспартийным. Советские кинотеатры во время и после войны были переполнены американскими фильмами, в театрах шли пьесы американских и других западных драматургов, издательства и литературные журналы на поток поставили печатание переводов американских и других западных авторов.

Так что, сообщая в Вашингтон о том, чего не было, и не сообщая того, что было в политической и культурной жизни СССР в 1946 году, да еще утверждая, что все это якобы отражалось в то время советской «официальной пропагандистской машиной», Кеннан вдвойне дезинформировал американское руководство (другое дело, что там, говоря словами поэта, сами были в ту пору «обманываться рады»). При этом он осуществлял избирательную селекцию поставляемой им информации и с точки зрения высказываний вождя Советского Союза. Так, он-таки прочитал высказывания Сталина 1927 года, а другие, противоречившие насаждаемой им доктрине подхода к СССР, замалчивал.

Трудно представить себе, что находившийся в Москве, лично слушавший Сталина, штудировавший советские документы и прессу, активно участвовавший в культурной жизни нашей страны Кеннан не знал или не понимал реальностей.

Конечно, знал, но видимо из-за адаптированной им идеи «византийского» характера русской политики и русского характера в искренность всех

⁷⁴ *Серебрянников В.В., Суходеев В.В.* Сталин в ракурсе войны и мира. М., 2010 г. С.358–359.

этих заявлений и проявлений не верил. Обвиняя Сталина в давно заклеяменном советским вождем троцкизме, дипломат писал в телеграмме о том, что воинственное в отношении Запада мировоззрение «не является естественным для русского народа, настроенного дружелюбно по отношению к внешнему миру» (что было абсолютно правильным заключением). Однако утверждал, что этому противоречил агрессивный курс Москвы, который базировался на «взглядах и поведении людей, составляющих аппарат власти – партии, тайной полиции и правительстве».

Можно высказать предположение, что под предполагаемым русским экспансионизмом Кеннан имел в виду естественной поведением страны, одержавшей решающую победу в мировой войне и видевшей свой новый международный статус именно в качестве державы-победительницы. Именно этот статус и интересы национальной безопасности Советского Союза были подтверждены в решениях Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, под которыми стояла подпись и президентов США. Как помнит читатель, с ними Кеннан категорически не был согласен. Но эти интересы и решения означали естественное расширение внешнего пояса безопасности нашей страны, имея в виду создание системы союзов и союзников СССР в Европе и в Азии. Включая пребывание советских войск на постоянной основе в соответствующих странах, военную помощь дружественным нашей стране силам и формирование там соответствующих дружественных нам правительств. Несмотря на то, что США в решении задач обеспечения своей безопасности в Западной Европе и в Японии шли в то время именно по этому пути, Кеннан был убежден: что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

Сконструировав не соответствовавшую действительности модель советской политики, Кеннан далее начал опровергать и доказывать то, что на самом деле ни в опровержениях, ни в доказательствах в Москве того времени не нуждалось. Так, он писал о том, что «мирное и взаимовыгодное сосуществование капиталистических и социалистических государств вполне допустимо». Однако Сталин говорил об этом в своих публичных выступлениях и в интервью западным корреспондентам задолго до телеграммы Кеннана и после нее. Даже в 1949 году, уже в разгар развязанной США конфронтации с СССР, он выступал за прекращение пропагандистской войны между недавними союзниками. «Не следует увлекаться критикой системы друг друга, – говорил Сталин западным журналистам. – Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом. Плоха или хороша система в США – это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему»⁷⁵. Это за-

⁷⁵ Сталин И.В. Соч. Т.16. С.59–60.

явление было ничем другим, как не расслышанным или проигнорированным Кеннаном призывом к мирному сосуществованию.

Однако еще более интересно другое. По его утверждению, в оправдание своей предполагаемой агрессивности русские ссылались на угрозу нового нападения на СССР, что, по его словам, после разгрома Германии и Японии, а также на примере недавних войн, было «абсолютно бессмысленным». На самом деле, по убеждению автора, причины порочного курса СССР надо было искать в «скудном представлении» советских вождей о политической обстановке за пределами России, а также во внутренних потребностях советского режима запугивать народ внешней угрозой. Ну и, разумеется, «у истоков маниакальной точки зрения Кремля на международные отношения лежит традиционное и инстинктивное для России чувство незащищенности». Впрочем, и здесь нация не поддерживает своих вождей, ибо «эта незащищенность внушала опасение скорее российским правителям, а не русскому народу».

По Кеннану, на протяжении всей истории России вожди страны все время опасались иностранного вторжения не почему-либо, а лишь опасаясь краха «архаичной формы своего правления» из-за неспособности выдержать сравнение с политическими системами западных стран и того, что русский народ, наконец, узнает правду о внешнем мире. В результате, подчеркивает он, «они искали пути к обеспечению своей безопасности лишь в упорной и смертельной борьбе за полное уничтожение конкурирующих держав, никогда не вступая с ними в соглашения и компромиссы».

Поразительно, что все это писалось человеком, по его словам, внимательно изучавшим историю наполеоновского вторжения в Россию в 1812 году и находившим у него много общего с войной, начавшейся с нападения Германии и ее союзников на СССР в 1941 году. Видимо, Кеннан полагал, что оба эти вторжения несли нам плоды цивилизации. То же касается и всех бесчисленных походов западных стран – начиная с псов-рыцарей – на нашу страну до того. По Кеннану получалось, что отпор этим агрессиям всегда давался властями России исключительно из стремления оградить свой народ от чужеземного влияния, при этом сам народ никакой опасности в подобных соприкосновениях не видел. А значит, никакого участия в отпоре вторгавшимся в нашу страну не принимал.

Однако еще более поразительной является у Кеннана попытка утверждать, что именно Россия всегда была агрессором, как бы превентивно из-за своих вышеозначенных комплексов занимаясь уничтожением конкурирующих держав, никогда не вступая с ними в компромиссы. Все это писалось в отношении страны, с которой только что Америка как союзник выиграла общую войну, заключив при этом массу компромиссных для обеих сторон соглашений. Как живший и работавший в Германии человек Кеннан мог бы вспомнить и о советско-германских договорах 1939 года как попыт-

ке России на путях компромисса предотвратить или отсрочить войну... Впрочем, как мы помним, ранее он их резко осудил.

Что же касается современных ему реалий, то можно быть почти уверенным в том, что как допущенный к государственным секретам дипломат Кеннан не мог не знать о том, что в 1946 году комитет начальников штабов США уже подготовил первые планы ядерных ударов по основным политическим и промышленным центрам СССР, а основной американский союзник У.Черчилль еще в 1945 году, причем задолго до победного мая, поручил своим штабистам разрабатывать операцию «Немыслимое» – войну против Советского Союза с использованием военного и людского потенциала Германии.

Автору этих строк очевидно, что все подобные приготовления к агрессии против нашей страны основывались на яростном нежелании Запада признать равные права России в мире после одержанной ею Великой Победы. Более того, использовать наши проблемы того времени, связанные с гигантскими людскими и материальными потерями, для обеспечения любым путем, включая новую войну, полную монополию США в мире и минимизацию нашей политической воли к независимой политике и равному великой державе влиянию.

Однако Кеннан своей телеграммой придал этим подлинным целям США и их западных союзников псевдонаучную пропагандистскую легитимизацию, эффективно сработавшую в начале и во время «холодной войны», работающую и сегодня уже в отношении постсоветской России. Причем и на Западе, и в арсенале наших собственных прозападных либералов, упорно твердящих, что официально заложенные в новую военную доктрину России положения о НАТО как основной угрозе безопасности России, – не что иное, как отражение «фантомных болей» и «маниакальных страхов».

В третьей части своего документа Кеннан попытался спроецировать свое представление о «советском мировоззрении» на текущую и будущую политику СССР. Неудивительно, что, исходя из ранее сконструированного им ложного представления об этом мировоззрении, он предполагал основными целями этой политики в 1946 году не восстановление разрушенного войной народного хозяйства и социальной инфраструктуры, спасение понесшего страшные жертвы народа (эти цели советского правительства, отраженные в принятом Верховным Советом «Плане восстановления и развития народного хозяйства СССР» в телеграмме вообще не упоминаются), а «интенсивную военную индустриализацию; максимальное развитие вооруженных сил; демонстрацию высоких достижений перед сторонними наблюдателями».

Понятно, что главную свою задачу автор видел в создании жупела «советской угрозы». Для этого был использован и тезис о продолжающем царскую традицию «советском экспансионизме». В телеграмме это названо «усилиями к расширению официальных пределов советского влияния..»

направленными на конкретные соседние территории, рассматриваемые в качестве первостепенной стратегической необходимости». Целями захвата в телеграмме назывались Северный Иран, Турция и даже находящийся в Балтийском море датский остров Борнхольм (легендарный Буян), 9 мая 1945 года освобожденный от немецкой оккупации советскими войсками, ушедшими оттуда уже 5 апреля следующего года. Однако, по Кеннану, к этим мифическим объектам захвата «в любой момент» могли прибавиться советские требования к «дружественному» правительству Ирана о предоставлении порта в Персидском заливе и даже возникновение вопроса о «советском базировании в Гибралтарском проливе» в случае, «если Испания попадет под коммунистический контроль».

На этом политическая паранойя в телеграмме не заканчивалась. Игнорируя решающую роль и настоящие мотивы СССР в основании Организации Объединенных Наций, Кеннан снова, в который раз, утверждал, что «Москва не имеет исключительной приверженности идеалам ООН», видит в этой организации лишь инструмент усиления своего влияния и «подавления или ослабления других государств». В случае же, утверждал составитель документа, если ООН расстроит эти зловещие планы Советов, то СССР незамедлительно выйдет из состава данной организации.

Одновременно Кеннан сообщал своим вашингтонским читателям, что вышеописанная часть методов достижения мировоззренческих целей Кремля является лишь видимой верхушкой айсберга; в огромной степени эти цели реализуются методом «подпольных операций». Их осуществляют руководимые и направляемые из Москвы через посредство «тайного Коминтерна» зарубежные коммунистические партии, а также используемые «в темную» рядовые члены этих партий, попавшие под контроль или влияние Кремля через посредство местных коммунистов профсоюзы, молодежные лиги, женские организации, религиозные и общественные союзы, культурные группы, либеральные журналы, издательства и т.д.

Далее важным эшелонem тайной подрывной деятельности Москвы Кеннан называл соответствующие вышеназванным международные организации, прежде всего представляющие рабочее движение. Их деятельность, направленную на требования обеспечения законных социальных прав трудящихся автор называл попыткой Кремля «вынудить правительства предпринимать действия, выгодные для советских интересов в различных странах и парализовать действия, нежелательные для СССР».

Другими опасными инструментами тайной войны Москвы против Запада назывались русская православная церковь с ее зарубежными приходами и вообще все восточные православные церкви, панславизм и ислам в советских республиках и довлеющих к ним соседних государствах, вообще любые дружественные СССР страны. Как известно, восстановление по инициативе И.В.Сталина в 1943 году патриаршества и вообще роли и прав рус-

ской православной церкви было проведено в том числе с учетом настоятельных пожеланий Вашингтона...

Самым примечательным в этой части телеграммы является то, как обличение «тайных подрывных операций Кремля» навело его на мысль по организации в США структуры с аналогичными целями, направленной против СССР и его союзников, которую он сам и возглавил (об этом позже).

По убеждению дипломата, описанные им действия советского руководства были направлены на решение главной задачи СССР – «ослабление общего политического и стратегического потенциала ведущих западных держав». В этих целях – предупреждал он – будут использоваться разнообразные подрывные действия внутри этих государств, направленные на усиление экономической и социальной нестабильности, разжигание недовольства различных слоев населения. В результате «бедные восстанут против богатых, чернокожие против белых, молодые против стариков, приезжие против коренных жителей и т.д.». В то же время Москва будет вести дело к ослаблению влияния Запада в отношении отсталых и колониальных стран и территорий, причем для этой цели будут использоваться либеральные течения на Западе. А сами западные страны будут сражаться друг с другом.

Эту апокалипсическую часть своего послания Кеннан завершил выводом о том, что все описанные им зловещие намерения вытекают из того факта, что «советский режим является, по сути, полицейским режимом, берущим начало со времен царских политических интриг. И привыкшим мыслить в первую очередь полицейскими категориями, чего нельзя упускать из виду при оценке мотивов СССР». Далее он еще более подчеркивает этот мотив, повторяя свое прежнее высосанное из пальца утверждение о якобы «фанатичной вере» советского руководства в невозможность мирного сосуществования с Соединенными Штатами в контексте утверждения, что господствовавшая в СССР «политическая сила, полностью подчинившая себе энергию одного из величайших народов мира и ресурсы самой богатой национальной территории, берет свое начало в глубоких и мощных течениях русского национализма».

Именно таким образом Кеннан заложил основополагающую основу всей идеологии «холодной войны» – тезис о том, что советский социализм являлся прямой реинкарнацией царизма.

С учетом этого в заключительной части своей записки он рассуждал о том, что должен был делать Запад. Тут важно отметить, что в отличие от Черчилля и многих американских политиков и военных, занятых уже тогда срочной разработкой планов войны против нашей страны, дипломат выражал убеждение в том, что проблему СССР «в наших силах решить, не прибегая к общему военному конфликту». По его мнению, в отличие от гитлеровской Германии «советская власть не является ни схематичной, ни авантюристичной». А посему, «невосприимчивая к логике рассуждений» (пара-

доксальное применительно к Сталину утверждение), «она весьма восприимчива к логике силы», которая позволила бы США не проводить «унизительные переговоры с противником».

Отсюда Кеннан родил второй ключевой принцип начатой Западом «холодной войны» против СССР – политику с позиции силы.

Наконец третьим, не менее решающим, принципом, заложенным в историческую «Длинную телеграмму», явился вывод о неустойчивости Советской власти как таковой. Несмотря на фантастический военный триумф СССР, ставший не только победой командиров и солдат, но и моторов, а самое главное, идей, Кеннан утверждал: «Успех советской системы как формы власти внутри страны еще не доказан окончательно...». Одним из решающих испытаний на прочность существовавшей в СССР системы он считал недостаточно отлаженный с точки зрения легитимности, преемственности и устойчивости процесс перехода власти от одного лидера партии и страны к другому. Кеннан напоминал, что смерть Ленина стала первым таким испытанием, и для установления своей абсолютной власти и полной стабилизации политической обстановки в стране Сталину после этого потребовалось 15 лет. «Смерть или отставка» Сталина, по его предсказанию, могли означать наступление не менее опасного для системы периода неопределенности.

Кроме того, Кеннан надеялся, что, как ранее царский режим, советская власть может испытать «дополнительные трудности» в освоении и установлении твердого порядка на приобретенных перед войной и после нее территориях и в странах, где она помогла установлению дружественных в отношении СССР режимов (это его предположение мы уже ранее комментировали).

Еще одной его надеждой было утверждение о том, что «никогда еще с момента прекращения гражданской войны русский народ не был в эмоциональном плане так далек от доктрин коммунистической партии, как в настоящее время». По его убеждению, партия в 1946 году перестала быть для народа «источником эмоционального вдохновения».

Основываясь на подобных выводах, Кеннан в своем послании предложил правительству США «изучать (СССР) с такой же решимостью, беспристрастностью, объективностью и эмоциональной грамотностью, с какими врач изучает непослушного и неблагодарного пациента». Показательно, что подобная уничижительная позиция – относиться к оппоненту, причем в лице великой державы, союзника, только что доказавшего свою состоятельность и мировой статус исторической победой в войне – как к больному, кажется ему недостаточной. Чуть ниже он продиктовал: «мировой коммунизм подобен болезнетворному паразиту».

Подобная оценка была применена к идеям, вдохновившим народ на преобразование своего Отечества за десять предвоенных лет из отсталой аграрной страны во второе по уровню ВВП государство в мире, и к партии, возглавившей и обеспечившей победу над нацизмом, потеряв при этом убитыми на

фронте 3 млн своих членов. Был полностью проигнорирован тот факт, что именно после Победы для советского народа идеи социализма и советской власти сильнее, чем когда бы то ни было, служили источником эмоционального вдохновения.

Мог ли не знать об этом живший в Москве Кеннан? А если не знал, то откуда он черпал сюжеты и идеи для своего собственного «вдохновения»? Какими источниками и контактами пользовался? При этом он же сам в предшествовавших телеграммах писал о том, что по всей оккупированной нацистами Европе именно коммунисты возглавили движение Сопротивления, представляя «сражавшиеся партии», что после войны сделало их от Италии до Франции самыми массовыми и популярными в народе (от себя добавим: в то время их членами или симпатизантами были величайшие деятели мировой науки и культуры). Однако для него все они были «паразитами».

Последней фразой записки Кеннана стала мысль о том, что «самая большая опасность, которая грозит нам в решении проблем советского коммунизма, – это уподобление тем, с кем мы имеем дело» (позже он повторит эту мысль при других обстоятельствах). На самом же деле произошло гораздо хуже: в США начали буквально повторять и воспроизводить в своей собственной внутренней и внешней политике то карикатурное, лживое представление об СССР, которое Кеннан нарисовал в телеграмме и которое было принято правящей элитой США как озарение истины. Взять хотя бы агрессию США в Корее или наступившую в Америке эпоху маккартизма.

Однако вышесказанное, к глубокому сожалению, не означает, что Кеннан оказался не прав во всех своих оценках советской системы. Другое дело, что тогда, после Победы, и десятилетия спустя его утверждения о наступившем якобы кризисе веры нашего народа в Советскую власть, социализм, партию и Сталина были, как говорят американцы, типичным *wishful thinking* (представлением желаемого за действительность). Однако поразительная способность Кеннана к глубокому анализу и долгосрочным прогнозам («верхнее чутье») дала ему возможность предвосхитить процессы, действительно закончившиеся распадом СССР и существовавшей системы, правда, с одной важнейшей поправкой – спустя полвека после предсказания.

Тут нельзя не привести еще один отрывок из его «международного» очерка 1945 года:

«Обычный советский гражданин, воспитанный с пеленок при непреклонном и непогрешимом воздействии государственной пропагандистской машины, мало самостоятелен в своем мышлении и интеллекте. Предоставленный самому себе в турбулентном потоке зарубежных мыслей и чувств, он не может обрести баланс между самоуважением и здравым смыслом. Наблюдаемая им зарубежная жизнь не является частью его повседневной жизни, созданной средствами современной пропаганды, и эта искусственная структура легко разрушается и заменяется подобными же средствами.

Здесь мы подошли к одному из наиболее значимых, но мало известных фактов современного состояния Советской России. Речь идет о степени потери морального влияния советского правительства на массы населения. Говорю об этом с некоторым трепетом и беспокойством, поскольку область эта слишком чувствительна и многое в ней может быть легко истолковано ложно. Во-первых, это не значит, что в России отмечаются проявления серьезного недовольства. Не значит это и то, что люди не желают более беспрекословно выполнять все, о чем говорится в Кремле. Не значит это также, что они не намерены далее славословить деяния своих руководителей и поддерживать их лозунги. И наконец, это не значит, что большая их часть не испытывает чувства гордости и энтузиазма в духе национальных традиций.

Несомненно, однако, что в русском народе нет уже былых иллюзий морального и духовного характера в отношении своего государства. Огонь революционного марксизма окончательно погас. Чувства патриотизма и национального самосознания подогреваются лишь необходимостью обороны страны и повышением империалистической опасности. Но насаждать командным путем человеческий идеализм, как это практиковалось во время революции или как во все времена это удавалось церкви, государственные лидеры уже не могут. Кремль не может управлять теперь искренним доверием, потаенными надеждами и возвышенными идеалами. Перед его воротами, образно говоря, толпится масса смиренных, но уже не инспирированных людей, его последователей.

Это неуловимое, но очень важное изменение содержит в себе взрывоопасные элементы для будущего. Последние месяцы свидетельствовали, что былых возвышенных чувств во время общественных демонстраций в стране не проявлялось. В течение 25 лет все средства воздействия были монополизированы коммунистической партией. Пресса, радио, возможность проведения публичных собраний и митингов, приспособления и аппаратура для массовых объявлений, транспортные и многочисленные технические средства и даже контроль за воспитанием и обучением молодежи – все это сосредоточивалось в руках партии и государства. Церковь не имела возможности осуществлять свою деятельность за пределами тех немногих церковных сооружений, сохранившихся после того, как завершилась антирелигиозная кампания. Да и в самих церквях религиозное отправление было нелегким делом. Священники не имели права проводить свою службу публично. Церковь не могла воздействовать на молодежь страны. Ей были запрещены высказывания, подрывающие моральный авторитет властей. Ей приходилось молча взирать на превращение многих церквей в антирелигиозные музеи. И она не могла выступить в свою защиту.

Тем не менее ныне известно, что важнейшие религиозные события отмечались в соответствии с канонами, вокруг церквей собирались толпы народа, заполняя порой прилегающие улицы и создавая атмосферу сильного эмоционального возбуждения.

Партия могла призвать своих членов, да и других советских граждан выйти на демонстрации в любое время. И они прибывали на сборные пункты, не задавая вопросов, несли транспаранты и лозунги, врученные им, выполняя любые распоряжения. Но партия не могла вызвать на их лицах хотя бы тени той атмосферы эмоциональной возбужденности и одухотворенности, которая виднелась на лицах десятков тысяч людей, собравшихся в Москве в прошлую пасхальную ночь. Партия успешно действовала в сохранении традиций Цезаря, но пасовала там, где это связано с Богом⁷⁶.

В данное, да и в ближайшее время это еще не имело практического значения, но создавало возможность, с которой государству придется считаться. Государство потеряло контроль над источниками фанатизма, и пока церковь сохраняет безобидные позиции и не появилась какая-то новая сила, могущая воспользоваться этими явлениями в человеческой натуре, опасности еще никакой нет. Но если они подпадут под внешнее воздействие и будут активизированы, угроза для режима станет весьма значительной. Поэтому государство, видимо, предпринимает все меры для изоляции советских людей от контактов с иностранцами...».

Как бы мучительно обидно ни было это признавать, но провиденциальный характер многого из вышесказанного невозможно оспорить. Некоторые из обозначенных Кеннаном тенденций оказались верными долгосрочными прогнозами. Проблема перехода власти от Сталина к Хрущеву, а затем от Андропова–Черненко к Горбачеву, а затем к Ельцину впоследствии действительно сыграла роковую роль в судьбе нашего Отечества. Народ в 70–80-е годы (а часть так называемой продвинутой интеллигенции значительно раньше) действительно начал терять веру в коммунистические идеалы, что тоже сыграло свою трагическую роль. А Церковь резко активизировалась и политизировалась, часто занимая наступательно антисоветские позиции.

Одной из решающих причин конца СССР и Советской власти были именно те проблемы, которые были точно подмечены Кеннаном за 40 лет до того, как все эти заложенные в советскую систему мины взорвались и похоронили великое государство, когда неэффективность экономической, политической и идеологической систем достигла критических значений, а безумное, если не сказать вредительское «реформирование» (на самом деле, размонтирование) государства Горбачевым–Ельциным сыграло роль бикфордова шнура.

Однако дело в том, что в отличие от суждений Кеннана и отечественных «реформаторов», проблема СССР была не в марксизме, не в социализме, не в Советской власти и не в Сталине, превративших СССР в сверхдержаву-победителя, а в том, что после смерти Сталина важнейшие проблемы госу-

⁷⁶ См. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. Приложение.

дарства не решались в рамках существовавшей общественно-политической системы, а загонялись вглубь и усугублялись. В частности, после смерти вождя Н.С.Хрущевым был поставлен крест на начатом им курсе перевода народного хозяйства страны под управление государства и кооперативных объединений с освобождением партийных организаций от функций непосредственного руководства экономикой. Он же проигнорировал и предупреждения Сталина в его последнем публичном выступлении на Пленуме ЦК КПСС в 1952 году о грозящих партии и стране опасностях, в случае если не будет обеспечено содержательное и кадровое обновление проводимой политики.

Современный российский исследователь Ю.Н.Жуков сделал важное научное открытие, доказав, что еще в 1936 году Сталин настойчиво добивался реальной демократизации политической системы, в частности, введения реальной конкуренции на выборах. Однако эти его усилия были тогда сорваны присосавшейся к власти партийной бюрократией («проклятой кастой», по словам того же Сталина), и это ведущее к омертвлению политической жизни и, в конечном итоге, к кризису государства и партии положение было закреплено типичным представителем этой касты Хрущевым и его наследниками⁷⁷.

В конце концов, последним из таких наследников М.Горбачевым крест был поставлен и на самой советской системе, и на СССР. Однако мировая и советская (НЭП) практика показывают, что рыночные отношения эффективно сочетаются с социализмом, плановой экономикой и руководящей ролью социально ориентированного государства и партии, о чем ярко свидетельствует опыт народного Китая и Вьетнама. То же самое можно сказать об эффективном синтезе, по сути, социализированной экономики с политической демократией и разделением властей (см. опыт скандинавских и в определенной степени ряда других стран Европы, Азии и Южной Америки, где в экономике и, особенно, в социальной системе присутствует значительный сегмент социализма).

У нас же крах СССР, Советской власти и социализма при отсутствии эффективной рыночной экономики, демократии и регулирующей роли государства с предварительным сломом Горбачевым, Ельциным и другими партократами станового хребта СССР под названием КПСС привел страну к ее нынешнему состоянию, при котором она почти через четверть века лет после распада Советского Союза по многим важнейшим экономическим и социальным параметрам не в состоянии достичь планки РСФСР 1990 года, а по ряду важнейших показателей уровня и качества жизни, обеспечения национальной безопасности и реальных социальных прав граждан резко от нее отстает.

Итак, многое из написанного тогда Кеннаном сделало его печальным пророком России. Однако это случилось десятилетиями позднее.

⁷⁷ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М., 2003.

А в 1946 году его идеи наконец-то попали в Вашингтоне в «яблочко» (как он сам пишет, телеграмма вызвала там сенсацию). Тогда американская военно-политическая и экономическая элита, начиная с Гарри Трумэна и его администрации и кончая конгрессом и СМИ, наконец-то созрела для нового, причем, более истеричного и продолжительного, чем даже после «красной» революции в России 1917 года приступа антисоветизма и русофобии. «Все это доказывает, по моему убеждению, что для Вашингтона играет роль не столько реальность сама по себе, сколько готовность или неготовность ее принять», – с иронией писал позднее сам автор депеши. Другое дело, что как раз реальность советской жизни и политики была в ней грубо искажена, но именно на подобное карикатурное изображение действительности нашей страны и намерений ее лидеров и созрел запрос в Америке, именно поэтому оно вызвало там такой восторг.

Понятно, что более объективное, а тем более дружественное описание советской действительности и политики было бы в то время в лучшем для автора случае не замечено или проигнорировано (точно так же, как до этого большинство других документов Кеннана), а в худшем он сам через несколько лет стал бы одной из жертв тех же маккартистов.

К 1946 году общим настроением американского истеблишмента стало: русских надо остановить немедленно! Благодаря промывке мозгов через СМИ антисоветский психоз элиты стремительно распространился среди населения, еще год-два назад в большинстве своем видевшего в русских союзников и товарищей по оружию. По данным опросов, в 1945–1947 годах число американцев, воспринимавших СССР как «агрессора» увеличилось с 38 до 66%⁷⁸.

Несмотря на конфиденциальный, секретный характер дипломатической шифровки, чиновники Белого дома, госдепа, Пентагона и комитетов конгресса размножали ее текст и зачитывались как бестселлером (Кеннан пишет, что только в системе министерства обороны с нею были ознакомлены сотни высших и старших офицеров). С учетом широкомасштабной и исключительно эффективной тогда деятельности в США советской разведки нет сомнения, что вскоре перевод телеграммы наверняка лежал на столе у Сталина и других советских руководителей с соответствующими будущими последствиями для ее автора и советско-американских отношений.

В Вашингтоне же для особо впечатлительных умов телеграмма стала своего рода искрой в стог сена. Среди них оказался и министр ВМФ (затем шеф Пентагона) Джеймс Форрестол, сразу по окончании войны заболевший идеей «угрозы коммунизма» и предстоящей «агрессии русских» как главной по его убеждению опасности для Америки на то время. Все это обернулось для него болезнью вполне реальной: ментальной, в 1949 году закон-

⁷⁸ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С.153, 156, 193.

чившейся самоубийством. Однако до этого Форрестол, считавший себя и свою нацию новыми крестоносцами, боровшимися с некоей угрожавшей им «воинственной религией» в лице СССР (десятилетия спустя Рональд Рейган продолжил этот «поход»), проявил огромную энергию в пробивании в открытую прессу идеологического обоснования «холодной войны» против Советов. После непродолжительных поисков лучшим из потенциальных авторов для него и его единомышленников был избран именно Джордж Кеннан.

К тому времени триумф «Длинной телеграммы» круто изменил жизнь дипломата. По поддержанной вашингтонской верхушкой инициативе Форрестола он был отозван из Москвы и получил пост одного из начальников только что открытого тогда по линии госдепа, Пентагона и комитетов конгресса Военного колледжа для высшей американской военно-политической элиты (его лекции посещали министры, включая того же Форрестола, генералы и адмиралы, сенаторы и конгрессмены). Из воспоминаний Кеннана видно, что общение с военными доставляло ему подлинное удовольствие, ясно было, что их взгляды на мир, Россию, Америку и ее роль почти полностью соответствовали его мировоззрению и мироощущению того времени.

Этого нельзя было сказать о впечатлениях Кеннана о тех академических аудиториях, перед которыми ему пришлось выступать в ходе многочисленных лекционных турне, которые он тогда совершал по стране. Скептически-враждебное отношение интеллектуалов, особенно с Западного побережья (Калифорния) к его предельно негативистским рассказам об СССР (а многие из них были нацелены тогда именно на максимально широкое научно-техническое, экономическое и культурное сотрудничество с нашей страной, испытывая к ней искреннюю симпатию и благодарность за разгром фашизма) вызвало у него такое возмущение, что Кеннан, по его собственному признанию, несколько раз писал в госдепартамент, предупреждая власти об опасности просоветских настроений в академической среде.

«Я не мог отделаться от впечатления, что мнение академиков с западного побережья разделяло значительное число людей, если и не непосредственно членов коммунистической партии, то явно находившихся под ее влиянием, — признавался Кеннан в своих мемуарах. — Полагаю, что именно мое недавнее пребывание в Москве позволило мне тогда разобраться в сложившейся ситуации, поскольку у меня уже выработалась привычка беспокоиться за интересы и безопасность государства.

Не испытывая более никаких сомнений, я написал в Госдепартамент, что каждое сказанное мной слово будет еще до наступления следующего дня известно советскому консулу. В этом нет ничего опасного, и я не стал бы ничего изменять в том, что говорил. Однако если Госдепартамент намерен послать туда своих представителей для разговоров на конфиденциальные темы, то целесообразно предварительно проверить тех, кого будут приглашать на такие встречи. Ученые, занимавшиеся атомными пробле-

мами и входившие в группу научно-исследовательского центра в Беркли, беспокоили меня в первую очередь». (Не знаю, как читателю, но мне Кеннан представляется здесь в роли своего рода добровольного стукача. – *Авт.*)

Видимо, понимая, что такое впечатление может возникнуть, далее он пишет: «У читателя могло возникнуть предположение о моем намерении стать постоянным консультантом сенатора Джо Маккарти». И в опровержение этого излагает нечто для него совершенно новое. Оказывается, он в то время «отрицательно относился... к тому истерическому проявлению антикоммунизма, которое в нашей стране принимало все более широкий размах. Полагаю, что это связано с не проведением различия между, несомненно, прогрессивной социальной доктриной, с одной стороны, и чуждой нам политической машиной, злоупотреблявшей и присваивавшей себе лозунги социализма, – с другой. Я, далеко не коммунист, но признавал, что в теории советского коммунизма (заметьте: в теории, а не на практике) имелись определенные элементы, являвшиеся, вне всякого сомнения, идеями будущего. Отрицать хорошее вместе с плохим – все равно, что выплеснуть ребенка из ванночки одновременно с водой и, следовательно, оказаться в ложном положении на определенной странице истории».

При всей важности указанного заявления для понимания будущей эволюции мировоззрения Кеннана, надо еще подчеркнуть и то, что подобный неожиданный заход дает ему возможность, ссылаясь на то, что он говорил в это время в своих лекциях представителям американской военно-политической элиты, изложить свой новый подход, позволявший делать различия между «хорошими» и «плохими» советскими коммунистами-руководителями и, соответственно, использовать это в интересах США.

Говоря его словами, «начал я с раскрытия определенной двойственности политических лидеров, с которыми мы встречались в Москве. Некоторые из них вызывали симпатию и в определенной степени наше восхищение, о других же этого сказать было нельзя. У первых проявлялась большая приверженность к идее и принципам, говорили они со спартанской прямоотой, проявляя неподдельный интерес к Западу и желание поближе познакомиться с нами и обменяться мыслями и идеями. У них отмечалась смесь гордости и стыда за Россию и ее отсталость, что было для нас вполне понятным. Другая же группа отличалась болезненным самомнением, а в искренности того, о чем они говорили, приходилось сомневаться. И мы приходили к выводу, что их высказывания преследовали вполне определенную цель. Для нас было ясно, что в своей политике нам следовало принимать во внимание обе эти группы – с тем, чтобы «поощрять и не вызывать антагонизма у одних, дискредитируя в то же время других». С несговорчивыми же и непокладистыми можно разговаривать только с позиции военной мощи и политической силы».

Тут проявился еще один фундаментальный подход Кеннана в отношении СССР: пытаться покончить с этим главным для Запада противником,

избегая прямого военного конфликта с ним, но используя все другие средства внешнего давления и внутренней подрывной деятельности, в том числе дифференцированно работая с различными группами населения и элитами, включая руководящих партийно-государственных деятелей – одних поощрять и усиливать как своих агентов влияния или просто людей, способных ослабить сопротивляемость страны внешней угрозе, других максимально дискредитировать и изолировать.

Как известно, такая тактика начала проводиться американцами уже в конце 40-х–начале 50-х годов в отношении ближайших родственников высших руководителей страны, включая дочь Иосифа Сталина Светлану и жену Вячеслава Молотова Полину Жемчужину (о последнем прямо говорил Сталин на упоминавшемся выше Пленуме ЦК) в попытке таким образом воздействовать на отца и мужа, потом на Никиту Хрущева через его сына Сергея, а позднее уже напрямую – на Александра Яковлева, Эдуарда Шеварднадзе, Михаила Горбачева, Бориса Ельцина и др., что наряду с другими факторами и привело, в конечном счете, к искомому результату – созданию в высшем руководстве СССР американской «пятой колонны», разрушению Советского Союза и резкому ослаблению нынешней Российской Федерации (где эта «колонна» лишь упрочила свое положение и влияние).

Вот как уже в 60-е годы с солдатской прямоотой писал об этом бывший директор ЦРУ Аллен Даллес в главе своей книги об американской разведке, ее целях и методах работы, так и озаглавленной: «Агентура ЦРУ. Как вербуются партийные руководители Советов»: «Агенты часто занимают высокие посты. Они могут стать ценными и важными специалистами для правительственных служб и иногда получают доступ в очень высокие сферы... Западные разведывательные службы... ведут учет факторов, связанных с деятельностью, выступлениями, личной и общественной жизнью коммунистических лидеров от самой верхушки до самых нижних звеньев партийной иерархии». В другом разделе книги он же сообщал: «Я не раскрою секрета, если скажу, что нашим спецслужбам удалось проникнуть в очень многие коммунистические партии...»⁷⁹. Складывается убеждение, что шеф ЦРУ в разработке содержания и методов деятельности своего агентства практически пользовался калькой с кеннановских «нетленок»!

И все же интересно, кого конкретно имел в виду Кеннан в своих лекциях того периода, говоря о советских послевоенных «прогрессистах-западниках»? В этой связи небезынтересны страницы биографии одного из главных разрушителей нашей страны – упомянутого А.Н.Яковлева. С марта 1953 года по 1956 год он уже работал в ЦК КПСС, в 1958–1959 годах стажировался в Колумбийском Университете (Нью-Йорк) вместе с заочно

⁷⁹ См. Даллес А. Доктрина. Россию надо поставить на место! М., 2011. С.130, 139, 141.

осужденным впоследствии за измену Родине Олегом Калугиным, а с апреля 1960 года вновь оказался на руководящих постах в том же ЦК КПСС. Вот как бывший председатель КГБ СССР В.А.Крючков писал о нем и его деятельности: «Я ни разу не слышал от Яковлева тёплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжёлое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать всё и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу». И ещё: «Я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие “народ” для него вообще никогда не существовало»⁸⁰.

А вот как о своей реальной сущности уже на грани нового века свидетельствовал сам Яковлев: «Давным-давно, более 40 лет назад (т.е. как раз во время стажировки в Нью-Йорке. – *Авт.*), я понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших “орбитах” режима, в том числе и на самой высшей – в Политбюро ЦК КПСС при Горбачёве, – я хорошо представлял, что все эти теории и планы – бред, а главное, на чём держался режим, – это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели. Деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения – держали при себе.

После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. <...> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. <...>

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала»⁸¹.

Тема о том решающем влиянии, которое оказал на распад Советского Союза максимально эффективно использованный нашими внешними про-

⁸⁰ См. *Крючков В.* Личное дело. М., 1996.

⁸¹ См. *Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века. Вступительная статья. «Чёрная книга коммунизма». М., 2001. 2-е изд.

тивниками фактор разложения и предательства правящей верхушки партии (и о том, что если бы не это, то СССР имел бы все основания, преодолев кризисные явления в экономике, сохранить и упрочить лидирующие мировые позиции), на наш взгляд, убедительно раскрывается одним из ведущих современных российских политологов Сергеем Черняховским: «Сегодня либеральная пропаганда представляет поражение СССР как нечто изначально предопределенное. Дескать, иначе быть и не могло. Объявляется, что экономическая система СССР была неэффективной, что его экономика была поражена тотальным дефицитом и не выдержала напряжения “холодной войны”...».

На самом же деле, продолжает Черняховский, «в 1976–1980 годах национальный доход СССР вырос на 21%, промышленная продукция – на 24%, сельскохозяйственная – на 9%. В 1981–1985 годах соответствующие показатели составляли 16,5, 20 и 11%. Вынашивались планы увеличить в период с 1985 по 1989 годы национальный доход на 20–22%, промышленную продукцию – на 21–24%, продукцию сельского хозяйства – вдвое; всерьез рассчитывали к 2000 году догнать США по уровню промышленного производства. Даже в самую «застойную» пятилетку (1981–1985) обеспечивался ежегодный прирост в среднем на 3,6% год – выше, чем был в то время в западных странах. И что из этого свидетельствует о «неминуемом крахе»?

Более того: когда СССР рухнул, серьезные западные исследователи не могли скрыть своего удивления. Архитектор американской стратегии противостояния с СССР Джордж Кеннан писал: «Сложно помыслить событие более странное и изумляющее и, на первый взгляд, необъяснимое, чем внезапное полное распадение и исчезновение... величайшей державы... известной как Советский Союз». Основной американский историк России и консультант Рейгана Ричард Пайпс назвал эту катастрофу «неожиданной». Специальный выпуск консервативного журнала *National Interest* был озаглавлен «Странная смерть советского коммунизма».

В 1985 году Советский Союз располагал теми же и бóльшими ресурсами, что и в 1975-м. В 1981–1985 годы рост ВВП страны, хотя и немного замедлился по сравнению с 1960-ми и 1970-ми годами, но составлял в среднем 1,9% в год. Такое едва ли катастрофическое положение сохранялось до 1989 года.

Бюджетный дефицит в 1985 году был меньше 2% ВВП. Нелепая политика Горбачева вела к его росту, но в 1989 году он все еще был ниже 9%, т.е. был вполне контролируем. Падение цен на нефть с 66 долларов за баррель в 1980 году до примерно 20 долларов в 1986 году (в ценах 2000 года) было тяжелым ударом: только с учетом инфляции нефть на мировых рынках была дороже в 1985 году, чем в 1972 году, и лишь на треть ниже, чем в целом на протяжении 70-х годов. В то же время советские доходы в 1985 году выросли более чем на 2%, а зарплаты продолжали расти в следующие пять лет, до 1990 года, в среднем на 7%.

Элита западного мира к концу 1970-х годов практически смирилась с признанием своего исторического поражения. Летом 1979 года, в отчаянии выступая с телевизионным обращением к нации, президент США Дж.Картер говорил: «Это кризис, который затрагивает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли. Мы можем видеть этот кризис в растущих сомнениях в смысле нашей жизни и в утрате единства целей нашего народа. Подрыв нашей веры в будущее чреват угрозой уничтожения самого социального и политического строя Америки... Впервые большинство нашего народа верит в то, что последующие пять лет будут хуже, чем последние пять лет».

США готовы были опуститься на колени. Британия была на краю депрессии и катастрофы. Религия отступала по всему миру. Во Франции шел к власти левосоциалистический президент.

Рейган и Тэтчер победили не потому, что имели сильные экономики. К середине 1980-х годов экономика США была на краю пропасти... Это потом, в 90-е годы, когда Запад получит в свое распоряжение рынки СССР и Восточной Европы и доступ к скупаемым за бесценок ресурсам, США и их союзники вступят в новую эпоху потребления за счет присвоения экономик сдавшихся стран. А тогда, в конце 1970-х и первой половине 1980-х годов, они чувствовали свою обреченность. Правда, уровень потребления в СССР был ниже западного, но его экономика кормила и вооружала две трети мира. 200 млн работавших в СССР обеспечивали развитие примерно полутора-двух миллиардов человек в союзных странах.

Тэтчер и Рейган победили не потому, что имели более сильные экономики, а потому, что отказались от мысли о капитуляции и стали бороться. Они допускали, что обречены, но имели ценности, ради которых решили попробовать.

В таких ситуациях всегда побеждает тот, кто имеет веру и ценности, имеет идеалы – верные или ошибочные, ради которых готов стоять до конца. Лидеры СССР во второй половине 1980-х годов оказались не готовы к борьбе, отказались от нее и в итоге проиграли.

СССР был близок к победе, но проиграл, потому что имел вырождающихся лидеров. Если бы во главе его еще пять-десять лет находился Андропов (или если бы неким чудом страну в 1985 году возглавил Путин), все было бы ровно наоборот по сравнению с тем, что мы имеем сегодня⁸².

Характерно, что ведущий американский историк СССР/России, политолог С.Козн в своей известной работе «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза?», подходя к данной проблеме в принципе с других позиций, тем не менее также признает, что распад СССР отнюдь не был предопределен и стал следствием субъективных факторов. По словам Козна, «что касается кончины Советского Союза, то ни один из факторов, так или иначе повлияв-

⁸² См. <http://www.km.ru/v-rossii/2013/04/10/istoriya-khkh-veka/708143-sssr-byt-blizok-k-pobede-v-kholodnoi-voine-no-proigral>.

ших на такой исход, не был ни неизбежным, не детерминистическим. Но среди этих факторов были не только (если были) подлинные демократические и рыночные устремления, но и жажда власти, политические перевороты, стяжательство элиты, экстремистские идеи и то, что воспринималось большинством как нелегитимность и «величайшее предательство XX столетия»⁸³.

Тем временем, в 1946 году события в международных и советско-американских отношениях развивались стремительно. США и Британия желали видеть себя единственными победителями, а Запад – главным бенефициарием победы во Второй мировой войне, считая СССР в этом смысле отработанным материалом. С другой стороны, тот же Запад понимал, что СССР, несмотря на огромные потери, вышел из войны также мощно укрепившимся и в военном, и в политическом смысле, и также претендовал на ведущую роль в послевоенном мире. Уже одно это, с чисто геополитических позиций, Запад устроить не могло. Но, кроме того, Запад чрезвычайно беспокоил тот факт, что СССР в то время пользовался гигантским авторитетом в освобожденной Европе, так же как и его идейные союзники – коммунистические и левые силы, завоевавшие признание своих народов самоотверженной борьбой с нацизмом. В 1945–1947 годах коммунисты входили в правительства 8 стран Западной Европы, будучи наиболее массово представлены во Франции и в Италии, где за них голосовали до 30% избирателей. Компартия Италии, напоминает в своих мемуарах Кеннан, в то время насчитывала более 2 млн членов.

При этом он лишь мельком упоминает в мемуарах фултоновскую речь Черчилля 5 марта 1946 года в присутствии Трумэна в штате Миссури, а ведь она имела рубежное значение в переходе мира к «холодной войне», носила продуманно наступательный, агрессивный характер, так и называясь: «Мускулы мира». В ней Черчилль, в частности, с особой обеспокоенностью и враждой говорил о неприемлемо высоком для Запада влиянии коммунистов во Франции, Италии и в других странах (хотя их электоральные победы были следствием той самой демократии, которую Штаты так отчаянно пытались навязать СССР и ее союзникам).

Логическим продолжением и развитием фултоновских идей Черчилля стала так называемая доктрина Трумэна, к которой Кеннан имел самое непосредственное отношение. В мемуарах он описывает, как в начале 1947 года, все еще в бытность в Военном колледже, его пригласил к себе известный в то время политик Дик Ачесон, назначенный заместителем очередного государственного секретаря Дж.Маршалла (Трумэн тогда менял своих министров иностранных дел как перчатки), и сообщил, что тот намеревается создать в своем департаменте Отдел политического планирования, причем, возглавить его, по словам Ачесона, придется именно Кеннану. До принятия же этого решения Ачесон вскоре предложил дипломату войти в состав некоей специальной комиссии по изучению проблем Греции и Турции в свете волновавшей тогда американцев «коммунистической угрозы» этим странам. В рамках деятельности дан-

⁸³ См. *Козн С.* Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза? М., 2007. С.116–117.

ной группы Кеннан был фактически привлечен к подготовке знаменитого послания президента конгрессу, получившего название «доктрина Трумэна».

Речь была произнесена на совместном заседании сената и палаты представителей 12 марта 1947 года и непосредственным поводом для нее стала гражданская война в Греции с участием коммунистов и советские предложения Турции о пересмотре договора, устанавливавшего доступ флотов стран мира в пролив Дарданеллы. Речь носила абсолютно конфронтационный характер в отношении СССР и его союзников в Европе и Азии, причем в ней грубо искажалось действительное положение дел, причины политических конфликтов в различных странах мира и позиция советского руководства (так, например, в отличие от утверждений Трумэна, у Сталина не было ни малейших намерений вмешиваться в конфликт в Греции, о чем он в жесткой форме говорил, в частности, требовавшим такого вмешательства лидерам Болгарии и Югославии Георгию Димитрову и Иосифу Броз Тито). Наоборот, Сталин как бы косвенно соглашался с Кеннаном в том, что у СССР нет возможности и необходимости вмешиваться в конфликты за пределами его зоны влияния в Восточной Европе.

Послание носило вызывающий, провокационный в отношении бывшего американского союзника характер и потому, что в нем коммунизм и нацизм были фактически объединены в некое общее зло (и это при решающей роли именно коммунистов в Великой Отечественной войне и в движении Сопротивления в Европе). Как известно, с тех пор и до сего времени данный подлый тезис лежит в основе всей антисоветской деятельности и пропаганды как за пределами СССР/России, так и среди так называемой либеральной общественности внутри нашей страны. На наш взгляд, достаточно убедительно и очень кстати на вопрос «о пагубной роли западной враждебности» (выражение «Нью-Йорк таймс») в отношении уже нынешней России ответил в феврале 2014 года глава российского государства. Как пишет газета, ссылаясь на пресс-секретаря Президента Д.Пескова, Путин спросил его: «Знаешь ли ты, когда нас все полюбят и прекратят критиковать, включая вообще безосновательную критику?». И сам же ответил на свой вопрос: «Когда мы распустим армию, уступим им на условиях концессии все наши естественные ресурсы и продадим все наши земли... Только тогда они прекратят нас критиковать»⁸⁴. От себя добавим: именно по этому пути шли Горбачев и Ельцин, только поэтому оба превращены в США в некое подобие икон в отличие от полностью демонизированных лидеров от Ивана Грозного до Сталина и Путина, с разной степенью успеха отстаивавших национальные интересы России.

Для нас особо важно то обстоятельство, что многие его положения находились под явным влиянием ранее проброшенных в той или иной форме идей Кеннана и прежде всего его основополагающей идеи «сдерживания коммунизма». Интересно, что и в мемуарах, и в других статьях и выступлениях Кеннан впоследствии пытался отмежеваться от тех или иных положений по-

⁸⁴ “The New York Times”. February 7, 2014.

слания, видя в них различного рода неправильности и неточности (вплоть до несогласия с его «политическим языком»), но в то же время понятно, что в целом оно полностью отражало его взгляды и убеждения того времени.

И, тем не менее, как подчеркивает российский исследователь Павел Гудев на основании статей и высказываний Кеннана 90-х годов, «на протяжении последующей жизни Кеннан отказывался признавать себя фактическим автором «доктрины Трумэна». Последнюю в ее официальной интерпретации он называл примером «универсальной и претенциозно-патриотической самоидеализации», утратившей актуальность после смерти Сталина и возникновения советско-китайского конфликта.

Не поддержал Кеннан и создание Североатлантического альянса. События 1948 года в Чехословакии он не рассматривал как признак враждебных приготовлений со стороны СССР и считал распространенный на Западе страх перед «третьей мировой войной» не обоснованным. Опасность он видел в распространении коммунизма. Главным рычагом борьбы с «коммунистической угрозой» Кеннан считал экономическое возрождение Западной Европы и обеспечение стабильности ее политического развития, которому, по его мнению, мешали попытки создания военного союза между западноевропейскими странами и США. Создание такого союза (а тем более принятие в него Греции и Турции) усиливало, как он полагал, излишние опасения кремлевского руководства по поводу формирования агрессивного окружения вокруг СССР, что могло лишь помешать планам возрождения Западной Европы. Примечательно, что подобной точки зрения он придерживался и во второй половине 1990-х годов, когда обсуждался вопрос о расширении НАТО на Восток. Кеннан предупреждал, что подобная политика приведет к росту националистических, антизападных настроений в России, мешает процессу развития демократии и возродит атмосферу «холодной войны»⁸⁵.

Но тогда, в 1947 году, как правильно указывает В.О.Рукавишников, послание Трумэна было фактически адресовано не столько конгрессу, сколько миру и, в частности, участникам конференции Совета Министров иностранных дел государств-победителей во Второй мировой войне, открывшейся в Москве 10 марта 1947 года⁸⁶ и обсуждавшей экономические проблемы стран Европы. С учетом сложившейся к тому времени международной обстановки и отношений между западными союзниками и СССР, она и без провокационной речи Трумэна была фактически обречена на отсутствие каких-либо значимых позитивных результатов.

Тем временем вернувшийся в конце апреля с этого совещания Джордж Маршалл, как и планировалось, назначил Кеннана руководителем качественно нового структурного подразделения правительства – Отдела политического планирования государственного департамента, что стало очень важ-

⁸⁵ Гудев П. Джордж Кеннан (1904–2005). Идеалист, патриот, прагматик? // «Международные процессы». <http://www.intertrends.ru/seven/021.htm>.

⁸⁶ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.175.

ной вехой в карьере дипломата. С учетом большого потенциала Кеннана, его работоспособности и яростного желания реально влиять на американскую политику в соответствии с его взглядами и убеждениями, это назначение попало, что называется, в точку.

Как пишет Кеннан, в соответствии с распоряжением по госдепартаменту, на отдел возлагались следующие основные задачи:

«1. Осуществлять разработку и формулировку долгосрочной программы США в области внешней политики.

2. Предвидеть проблемы, с которыми департамент может столкнуться в своей деятельности.

3. Готовить доклады по широким военно-политическим проблемам.

4. Анализировать проблемы и события, которые могут влиять на внешнюю политику США, и готовить рекомендации по принятию адекватных мер.

5. Координировать планирование работы в отделах Госдепартамента».

Разочаровавшийся в Москве в возможности участия СССР в «восстановлении Европы» на американских условиях (странно было бы ожидать этого от страны-победительницы и тем более от Сталина), госсекретарь приступил к формированию своего собственного проекта, впоследствии превратившегося в знаменитый «план Маршалла».

Необходимо признать, что с точки зрения западных, и прежде всего американских послевоенных интересов и намерений, этот план, публично оглашенный Маршаллом в его лекции в Гарвардском университете 17 июня 1947 года, удался на главном направлении: он действительно способствовал экономическому возрождению Западной Европы на началах рыночной экономики, значительному повышению жизненных стандартов населения в соответствующих странах и относительному тогда снижению популярности компартий, СССР и социалистической альтернативы развития, в то же время обеспечив беспрецедентные возможности для американских инвестиций и, соответственно, для американского экономического и политического присутствия и контроля в Западной Европе.

Одновременно этот успех создал постоянную головную боль для союзников СССР в Восточной Европе как пример более высокого уровня жизни, которому они так и не смогли соответствовать, а главное, он возложил огромное экономическое, политическое и идеологическое бремя ответственности на сам СССР, который ни после войны, ни позднее не мог себе позволить подобные гигантские затраты на своих союзников.

Все это полностью соответствовало базовым идеям Кеннана по невоенному (без прямого военного конфликта) изматыванию и дальнейшему уничтожению СССР и «мирового коммунизма» (социализма) как носителя альтернативной философской доктрины и геополитического противника (современная модификация этой кеннановской методы теперь названа «мягкой силой»).

Поэтому в мемуарах он не скрывает особого удовлетворения от участия в разработке плана, от той благодарности, которую заслужил за свой вклад от Джорджа Маршалла и своего восхищения самим госсекретарем.

Среди особо уважавшихся им людей был и уже упоминавшийся военно-морской министр Джеймс Форрестол, посещавший его лекции в Военном колледже. Их уважение и симпатия были взаимными. Сам Кеннан полагал, что именно Форрестол, восхитившийся его «Длинной телеграммой» и в этой связи вызвавший его из Москвы на личную беседу 22 февраля 1946 года, впоследствии способствовал назначению дипломата и в колледж, и в группу планирования госдепартамента.

Согласно Кеннану, в декабре 1946 года Форрестол прислал ему на отзыв некий доклад, посвященный «марксизму и советской мощи». Хотя с идеями этого документа Кеннан был в основном согласен, он воспользовался просьбой Форрестола как предлогом (как в свое время запросом госдепартамента в посольство в Москве для подготовки «Длинной телеграммы») и 31 января 1947 года отправил министру собственный доклад «Об истоках советской мощи и проблемах, вытекавших из этого для США».

17 февраля Форрестол назвал работу «великолепной» (кто бы сомневался!). Но еще до этой оценки, в начале января, Кеннан выступил по той же теме на заседании элитного Совета по международным отношениям в Нью-Йорке. Издатель печатного органа этого Совета – журнала «Форин афферс» Фиш Армстронг, тонко уловивший веяния времени (вернее, запрос вашигтонской верхушки), попросил у Кеннана текст для публикации. Форрестол и существовавший тогда в госдепартаменте «Комитет по неофициальным публикациям» не возражали. Судя по всему, в текст статьи автор включил положения ранее представленного им своему руководству ключевого по важности доклада «Психологические основания советской внешней политики». В результате анонимный материал за подписью «X» был опубликован в июльском номере журнала за 1947 год. За ним, опять же не без инициативы Форрестола, тут же последовала фактически прорекламировавшая публикацию Кеннана статья влиятельного тогда журналиста Артура Крока в «Нью-Йорк таймс».

Вслед за этим грянул гром. Во-первых, ее автор был быстро расшифрован и в Вашингтоне и, разумеется, в Москве, что вызвало там немедленную и резкую публичную реакцию с дальнейшим ухудшением отношений двух стран. Во-вторых, при многочисленных перепечатках отрывков из публикации и в комментариях ведущих американских СМИ статья была совершенно справедливо увязана с доктриной Трумэна и планом Маршалла (что и не удивительно: автор-то везде проглядывался один). В-третьих, термин «сдерживание» превратился после этого в ключевое понятие эпохи «холодной войны».

Кеннан в мемуарах пытается назвать «мифом, ставшим проклятием для историков» утверждение о том, что термин «сдерживание» превратился в доктрину, длительный период являвшуюся одним из фундаментальных направлений политики США. Но его же фраза о том, что в результате он «почувствовал себя в положении человека, неумышленно столкнувшегося с вершины горы большой валун и беспомощно наблюдавшего с ужасом, как он

стремительно падал в долину, круша все на своем пути», показывает, что Кеннан прекрасно понимал исторические последствия и данной публикации, и вообще всего, что он разрабатывал и предлагал в то время. Имея, конечно, в виду, что исторические последствия тех или иных идей и поступков могут быть не только положительными, но и крайне отрицательными.

Подготовленная на базе упомянутого доклада о психологических основах советской политики статья, с одной стороны, свидетельствует об авторе как об одаренном ученом, генерировавшем идеи и термины, ставшие целыми направлениями в науке (например, политическую психологию). Во-вторых, в эту публикацию Кеннан, последовательно развивая свои идеи из «Длинной телеграммы» и более ранних размышлений, закладывает новые выводы и рекомендации правительству США, ставшие краеугольными камнями идеологии и практики «холодной войны» на десятилетия вперед. В-третьих, все эти выводы и рекомендации по-прежнему базируются у него на одностороннем и субъективном представлении о русской и советской истории, политической философии и практике советского руководства того периода. И в то же время способность к глубокому анализу и провиденциальный талант позволяют ему правильно предсказывать определяющие судьбу России, Америки и всего мира события, хотя и забегая при этом на десятилетия вперед.

В начале статьи Кеннан открыто декларирует ее цель: уяснить советское поведение с тем, чтобы успешно ему противодействовать. Другими словами, автор открыто говорит о Советской России то, что он всегда о ней думал: это – противник. Рассуждая в этой связи о философии русских большевиков-марксистов, он характеризует ее словами своего излюбленного историка Эдварда Гибсона применительно к временам Римской империи: их сознание он называет «смутным сном, не отличающим собственных заблуждений от умышленного обмана». Предельно критически описывая в этой связи историю Советской власти, Кеннан при этом даже не заикается о том, почему же пребывающие в «сладком сне» большевики победили в Октябрьской революции, в Гражданской войне, в отражении зарубежной интервенции с участием войск США и еще десятка государств, за два десятилетия из отсталого аграрного государства превратили страну во вторую в мире по размерам ВВП державу, а самое главное – победили во Второй мировой войне и ударным порядком проводили во время написания статьи восстановление народного хозяйства, по темпам экономического развития далеко опережая все страны Европы. Наш крупнейший американист А.И.Уткин приводит в этой связи следующую таблицу (см. стр. 110).

Американскому дипломату с его рассуждениями о «советской диктатуре» и о том, что вся власть Советов держалась лишь на репрессиях и запугиваниях, как бы не приходит в голову мысль, что если бы это было правдой, то победа СССР во Второй мировой войне была бы невозможна в принципе, что именно война подтвердила, что в тот исторический период Совет-

ская власть выдержала исторический экзамен, показав свою реальную политическую, экономическую и военную эффективность и получив полную поддержку народа, в то время, как до коммунистов царская власть, а потом и демократы из Временного правительства проиграли подряд три войны – крымскую, японскую и Первую мировую.

Таблица

ВНП ОСНОВНЫХ СТРАН В 1950 ГОДУ
В млрд долл. 1964 года

СССР	126
США	381
Британия	71
Франция	50
ФРГ	49
Япония	32
Италия	29 (35)

Игнорируя все это, Кеннан в своей статье выражал страстную надежду на то, что вот теперь-то, после новой войны, распад ненавистного ему государства наконец начнется (интересно, что в те же годы – уже в Швейцарии – Иван Ильин тоже продолжал лелеять подобные надежды). Повторяя сентенцию «Длинной телеграммы» и «очерков», Кеннан вновь утверждал, что якобы в СССР в конце 40-х годов «народ в массе разочарован и скептически настроен, Советская власть для него уже не так притягательна, как раньше» (автор впервые признает, что так было хотя бы раньше). Но все же, с надеждой пишет он, «физические и психические силы людей не беспредельны». Ему было «трудно представить себе, каким образом уставшим и подавленным людям, которые трудятся в условиях страха и принуждения», удастся решить свои экономические и социальные проблемы.

Как уже раньше указывалось, остается загадкой, откуда, из каких источников при отсутствии социологических опросов и мизерном количестве американцев и других западников в стране, Кеннан черпал свои сведения (возможно, из общения с частью прозападной интеллигенции, позже обвиненной в космополитизме?). Трудно сказать. Если и так, то они отражали настроения узкого круга людей. Факты показывают, что, несмотря на действительно тяжелые условия существования, абсолютное большинство народа, понимая их как объективные последствия войны, с невероятным энтузиазмом восстанавливало тогда свою страну, с радостью воспринимая все новые признаки возвращения мирной жизни и ее улучшения. К примеру, уже в декабре 1947 года в СССР – первой из европейских стран – была отменена карточная система, с того же времени начало проводиться вообще неслы-

ханное на Западе плановое ежегодное снижение розничных цен на продовольствие и товары ширпотреба, резко поднимавшее в народе и без того огромный авторитет Сталина и Советской власти (люди потом десятилетиями, из поколения в поколение с восхищением вспоминали об этих снижениях цен). Жизнь в СССР постоянно и на глазах улучшалась.

Между тем Кеннан опять повторяет в статье свою навязчивую идею о том, что «от русско-азиатских предков к ним (советским руководителям. – *Авт.*) перешло неверие в возможность мирного сосуществования на постоянной основе с политическими соперниками». Абсолютно бездоказательно и вопреки историческим фактам утверждая, что основополагающим мотивом всей внутренней и внешней политики советских лидеров являлось, якобы, лишь стремление обезопасить личную власть («не признавая в своих действиях никаких ограничений – ни божьих, ни человеческих»), Кеннан утверждал, что в перечне приоритетов большевиков «благополучие и счастье вверенных им народов отодвигались на последнее место». Все это, по его убеждению, привело руководителей СССР к выводу о том, что защита их власти от внутренних и внешних посягательств является императивом. Разумеется, «могучие силы русской истории и традиции способствовали укреплению в них этого убеждения». А что же касается внешнего мира, то какие-либо его действия против России, по Кеннану, всегда были лишь ответной реакцией на «их собственную агрессивную непримиримость».

Поразительно, что, будучи все же вынужден упомянуть существование «крупных центров военной мощи – нацистского режима в Германии и правительства Японии, которые в конце 30-х годов в самом деле вынашивали агрессивные планы против Советского Союза», Кеннан тут же пишет, что в целом враждебность к СССР со стороны Запада объяснялась «искренним возмущением, которые вызывали за рубежом советская идеология и тактика». И приходит к основополагающему выводу: «Есть все основания полагать, что тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием антагонизма, а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима».

Самым любопытным во всем этом является то, что это писалось и издавалось в стране, именно в это время ударными темпами создававшей планы и потенциал ядерной войны против СССР, в стране, в которой раздувалась массовая истерия по поводу «советской агрессии», шпиономания в отношении «советских агентов». Уже в ноябре 1946 года Трумэн создает комиссию по проверке лояльности государственных служащих, в 1947 году министр юстиции составляет список «подрывных организаций», в США уже зрела эра маккартизма. Исходя из текста статьи, всего этого Кеннан не знает или не замечает (хотя очень скоро столкнется с ее последствиями самым неприятным для себя образом, после чего превратится в открытого критика маккартизма).

Более того, впоследствии он сам вынужден будет признать, что эта статья и другие его изыскания как ничто иное способствовали искусственному формированию в США обстановки «осажденной крепости» с врагами вовне и изнутри, причем и те, и другие полностью аффелировались с СССР, который действительно тогда ни сном, ни духом ни о какой подрывной деятельности и агрессии против Америки не думал и не мог думать, занимаясь восстановлением собственной полуразрушенной страны. Таким образом, пользуясь методом основанной Кеннаном научной дисциплины – политической психологии можно сказать, что своей публикацией он создал некую матрицу, на которой и зародилась американская «Алиса в Зазеркалье» эпохи «холодной войны».

Впрочем, участие в рождении этой матрицы приняли и другие. Отмечая специальным номером, как важную веху в истории США, 40-летие появления статьи Кеннана, главный редактор того самого журнала «Форин афферс» Уильям Хайленд в 1987 году вспоминал, что известный после войны журналист «Нью-Йорк таймс» Артур Крок (см. выше) ссылаясь на эту публикацию как на «авторитетное, публичное свидетельство, что администрация Трумэна приняла рекомендации Кеннана после того, как «умиротворение Кремля закончилось провалом». Из этого высказывания, кстати, вытекает, что для американской элиты уже тогда не вызвала сомнения идентификация «мистера Икс» и того влияния, которое он оказывал на руководство страны. Кстати, подчеркивал Хайленд, в мемуарах Кеннана говорилось, что после появления статьи госсекретарь Маршалл «вызывал его на ковер», но отнюдь не для того, чтобы оспорить тезисы публикации, а просто негодуя, что его подчиненный без его санкции умудрился обнародовать материал столь программного для американской политики характера.

Кеннановская методология анализа истории СССР/России логично подвела его к главному выводу, сделавшему статью, словами Хайленда, «событием чрезвычайной важности, изменившим американскую внешнюю политику».

Как писал Кеннан, уроки истории России, «где на протяжении веков на обширных просторах неукрепленной равнины велись малоизвестные сражения между кочевыми племенами» показывают, что «здесь осторожность и осмотрительность, изворотливость и обман были важными качествами; естественно, что для человека с русским или восточным складом ума качества эти имеют большую ценность. Поэтому Кремль без сожаления может отступать под напором превосходящей силы».

А потому «успешно противостоять ей (России. – *Авт.*) можно не с помощью спорадических действий, зависящих от мимолетных капризов демократического общественного мнения, но только с помощью продуманной долговременной политики противников России... В данных обстоятельствах краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России».

Чуть ниже Кеннан расшифровывает свою мысль: он призывает правительство США по отношению к СССР к «искусному и бдительному противодействию в различных географических и политических точках».

В результате произошло вот что: под эгидой «сдерживания», после статьи Кеннана ставшего идеологическим фундаментом «холодной войны», вся политика США на протяжении нескольких десятилетий свелась к военному, разведывательному, политическому, дипломатическому, экономическому, культурному, информационному и всем другим мыслимым формам противоборства и конфронтации с СССР практически на всех параллелях и меридианах.

Как пишет, оценивая то время, современный американский публицист Уильям Пфафф, Джордж Кеннан стал вашингтонской знаменитостью, изложив тогда свою интерпретацию послевоенного сталинизма и сформулировав доктрину внешней политики под названием «сдерживание». Эти идеи были вызваны его убеждением, что официальный Вашингтон (и в целом американское общественное мнение) не смогли постичь сути советской политики и глубоко ошибались, полагая (как это делал Франклин Рузвельт), что Сталин («дядюшка Джо») может быть «управляем» посредством демонстрации доброй воли и послевоенного сотрудничества⁸⁷ ...

Неправильно, разумеется, делать из всего сказанного вывод о том, что именно Кеннан был единоличным отцом «холодной войны». Тот же Хайленд верно отмечает, что доктрина сдерживания как «фундаментальный американский подход к Советскому Союзу» создала «интеллектуальное и аналитическое обрамление» уже практически осуществляемой в то время политике администрации Трумэна. Ведь мы знаем, что аналогичные по своей враждебности к нашей стране идеи Кеннана в более ранние времена в Вашингтоне не воспринимались (хотя многими с симпатией прочитывались). Другими словами Кеннан, хотя и по собственной инициативе, стал автором либретто, заказанного другими силами и людьми. Потом он осознал, что его просто использовали, причем грубо и бесцеремонно, с самого начала передергивая и «модернизируя» выдвинутые им идеи в соответствии с очередной повесткой дня и практическими нуждами военно-промышленного лобби и администрации в Вашингтоне.

Позднее он оправдывался, что в своей доктрине сдерживания не делал главного акцента на прямое военное противодействие СССР, а имел в виду то, что впоследствии получило название “soft power” (мягкая сила), т.е. подрывные мероприятия всеми иными, кроме прямой военной конфронтации методами, большинство из которых им же и было тогда предложено. Так это же и стало основой «холодной войны», во время которой СССР и США прямо друг с другом не воевали, но в результате которой, а также факторов, перечисленных в статье Кеннана, СССР, в конце концов, потерпел поражение! Самое знаменательное состоит, однако, в том, что когда это случилось, то Кеннана данное событие, которому он, казалось бы, посвятил всю свою

⁸⁷ Pfaff W. Wise Men Against the Grain // “The New York Review of Books”. June 9, 2011.

жизнь, совершенно не обрадовало. Просто к концу XX века и под конец века собственного он многое осознал и пересмотрел.

Теперь что касается аргументов статьи, правильность которых (хотя и с поправкой на несколько десятилетий), к огромному сожалению, подтвердила жизнь. Кеннан правильно пишет о том, что упор на развитие тяжелой индустрии происходил в СССР при Сталине во многом за счет развития сельского хозяйства, производства ширпотреба, жилищного и дорожного строительства, транспорта. Да, длительное время это было жизненной необходимостью, что правильно понималось народом. Да, уже при Сталине и после него предпринимались весьма энергичные меры по подъему гражданских отраслей экономики и жизненного уровня населения. Однако до конца завершения советского периода истории нам так и не удалось поднять материальное качество жизни народа хотя бы до уровня таких союзных нам стран Восточной Европы, как ГДР, Венгрия, Чехословакия, не говоря уж о Западе.

При этом не без активнейших усилий западной пропаганды в 70–80-е годы в СССР среди немалой части населения начали накапливаться те самые настроения усталости и разочарования, на которые так уповал Кеннан. Происходило это преимущественно в том сегменте, о котором он писал с наибольшей надеждой – среди нового поколения и интеллигенции. С ними происходила и та самая психологическая абберация, на которую он рассчитывал – великие достижения СССР, блага и преимущества социализма начали забываться или восприниматься как нечто само собой разумеющееся, а вот глянецовый образ Запада, прежде всего США становился все более привлекательным. Знаменитый «кухонный диспут» Хрущева и Никсона на американской выставке в Москве летом 1959 года, в ходе которого первый напирал на наши фундаментальные преимущества и достижения, на неминуемую победу коммунизма, а второй говорил о победе той страны, у которой больше и лучше холодильники и цветные телевизоры, закончился известным историческим результатом. Другое дело, что исчезновение СССР, адаптация Россией капитализма – о чем мечтал Кеннан – и западных советов привели к исчезновению всех достижений и благ социализма, обнищанию населения (включая то самое бывшее молодое поколение и интеллигенцию) и к неспособности производить какую-либо конкурентоспособную продукцию вообще, в том числе ширпотреб. Не говоря уж об утрате нашего главного преимущества – традиционных русских и советских морально-этических ценностей, великой культуры, коллективизма, дружбы народов, смысла жизни. Но это была уже совсем другая история и совсем другой Кеннан, доживший до этого времени и совсем не обрадовавшийся увиденному.

А тогда в его статье появились предположения, которые иначе как предсказаниями Кассандры и не назовешь. Он писал о том, что происходивший в правящей коммунистической партии во время и после войны массовый процесс омоложения и смены кадров в конце концов захватит и высшие эшелоны власти, причем в этом случае соперники в неизбежной борьбе за власть «обратятся к политически незрелым и не-

опытным массам, чтобы заручиться их поддержкой» (что позднее и произошло при Хрущеве, а потом при Горбачеве и Ельцине). А далее у него следовало самое главное: «Если в коммунистической партии произойдет раскол, который парализует ее действия, то хаос и беспомощность общества в России обнаружатся в крайних формах... Если произойдет нечто такое, что нарушит единство и эффективность партии как политического инструмента, то Советская Россия может мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран мира» (выделено мною. – *Авт.*).

Неизвестно, был ли знаком Кеннан с нижеследующим пророчеством крупнейшего немецкого военного теоретика Карла Клаузевица о судьбе России (правда последний в отличие от первого пророка был нашим союзником и даже лично сражался в войне 1812 года на стороне русской армии). В опубликованной в предчувствии нападения нацистов на нашу страну статье «Вторжение Наполеона» крупнейший советский историк Е.В.Тарле писал, что «Клаузевиц выразил именно по поводу этой войны мысль, что единственное средство победить Россию для кого бы то ни было и когда бы то ни было заключается в том, чтобы воспользоваться внутренними несогласиями между народной массой и правящей властью, но что если этих несогласий нет, *то победить Россию невозможно*»⁸⁸.

Как известно, именно вследствие такого согласия, несмотря на все внутренние проблемы, Россия победила в обеих Отечественных войнах, а его отсутствие привело участие России в первой мировой войне к катастрофическим для нее последствиям. Именно Кеннан (возможно, справившись с классиками) четко сформулировал оказавшийся фатальным для судьбы нашего Отечества тезис о необходимости развести власть и народ, что позволит победить СССР без войны и без чумы.

Неизбежно складывается впечатление, что Горбачев с компаний, последовательно отменивший ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли партии в государстве и обществе, организовавший чистку ЦК от наиболее опытных и преданных кадров, раскол в КПСС с последовавшим обвалом СССР, яростную кампанию диффамации партии и социализма в СМИ, действовал точно в кеннановской системе координат. Читал ли он при этом Кеннана, сказать сложно. Скорее всего, нет. Но вот то, что его выводы и рекомендации десятилетиями были настольной книгой для политиков, дипломатов и разведывательного сообщества США, имевших дело с СССР и все эти годы последовательно и досконально их выполнявших, это точно установленный факт. А как эти рекомендации были доведены до сведения и для руководства Яковлеву, Горбачеву и компании, это уже второй вопрос.

Симптоматичным, однако, является факт, что в 1989 году президент Джордж Буш-старший вручил Кеннану медаль Свободы – высшую награду

⁸⁸ Тарле Е.В. Вторжение Наполеона. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С.436.

для гражданских лиц в США. А в 2008 году та же награда и чек на прилагающуюся к ней премию в 100 тыс. долларов тем же Джорджем Бушем-старшим были вручены М.С.Горбачеву. Интересное совпадение. За бездельицы американцы такие награды не дают (их среди прочих получили Лех Валенса и Виктор Ющенко). Как было объявлено, Горбачев был награжден «за мужественную роль в окончании “холодной войны”». Как еще было сказано на церемонии вручения в Филадельфии, «Горбачев способствовал тому, что миллионы людей за «железным занавесом» получили «надежду и свободу», а также «изменил течение мировой истории». Сам Горбачев в ответ с благодарностью заявил, что воспринял «эту почетную награду как оценку моей деятельности в переломный момент истории моей страны и мира». Трудно представить себе что-либо менее саморазоблачительное.

Возвращаясь к летней статье Кеннана в «Форин афферс» за 1947 год, надо отметить, что она заканчивалась мыслью о том, что вряд ли «одни Соединенные Штаты без поддержки других государств смогут решить вопрос жизни и смерти коммунистического движения и вызвать скорое падение Советской власти в России. Тем не менее США имеют реальную возможность значительно ужесточить условия, в которых осуществляется советская политика, заставить Кремль действовать более сдержанно и осмотрительно, чем в последние годы, и таким образом способствовать развитию процессов, которые неизбежно приведут либо к крушению советского строя, либо к постепенной его либерализации».

Кеннан не скрывал, что СССР своим существованием бросил вызов Соединенным Штатам, грозивший Америке поражением. Однако он был «благодарен судьбе, которая, послав американцам это суровое испытание, поставила саму их безопасность как нации в зависимость от способности сплотиться и принять на себя ответственность морального и политического руководства (миром. – *Авт.*), которое уготовано им историей».

Другими словами, после всех аргументов в пользу слабости советского режима, Кеннан вдруг признал, что оказывается, потенциал России при Сталине был настолько велик, что грозил Штатам поражением. В то же время, рассуждая о нашей стране как о лютом противнике, он, ожидая внутренних расколов и хаоса в России, понуждая правительство США к действиям, направленным на крушение СССР, одновременно призывал свою нацию сплотиться и выполнить некую неизвестно кем порученную США миссию по руководству человечеством. Хотя перед этим обвинял СССР в попытке установления мирового господства. В этом смысле Рональд Рейган с его «крестовым походом против коммунизма» и образом Америки как «хрустального храма на вершине холма» был кеннановским усердным учеником. Так же, как и Барак Обама уже в 2013 году, о чем мы писали во введении к этой книге.

Особенность американской внешней и оборонной политики состоит в упрямой приверженности неким, по убеждению вашингтонской элиты, «железобетонным» постулатам и сценариям, которые, однажды себя оправдав, могут быть в последствии десятилетиями, а то и столетиями с успехом

для нее использоваться вновь и вновь, чуть ли не до бесконечности. И в частности, с не меньшим успехом против России, чем до этого против СССР. Вот что говорил Президент В.Путин, столкнувшись с ожесточенной психологической войной на Западе в отношении России в преддверии зимней Олимпиады 2014 года в Сочи, мало отличавшейся от аналогичных злобных кампаний против брежневского СССР в связи с Олимпиадой 1980 года в Москве или против Сталинской России в 40–50-е годы: «Еще во времена “холодной войны” родилась такая теория сдерживания... Это теория и практика, которые были направлены на то, чтобы сдерживать развитие Советского Союза. И, к сожалению, мы это тоже сейчас видим – атавизмы этой теории сдерживания, они то тут, то там себя проявляют. Когда Россия демонстрирует какой-то позитив развития, то ясно, что появление дополнительных сильных игроков, конкурентов в целом вызывает... опасения и в экономике, и в политике, и в сфере безопасности. И попытки сдерживать Россию проявляются то тут, то там».

Что же касается самого Кеннана, то в мемуарах он, как уже ранее говорилось, пытается дистанцироваться и от авторства доктрины сдерживания, и от ответственности за проводимую в соответствии с этой доктриной политику США, внося в свои первоначальные намерения и в то, что им было написано в статье, массу уточнений, которые, тем не менее, не меняют ее сути. В частности, главный упор в попытке откреститься от реальных последствий своей публикации, навсегда вошедшей в историю как один из значимых факторов разжигания «холодной войны», он делает на утверждении, что главной целью статьи было, якобы, убедить американский истеблишмент – прежде всего либеральный, предельно напуганный военной угрозой и в то же время частично сохранявший в то время симпатии к бывшему советскому союзнику, – в возможности избежать с Советами войны горячей.

В мемуарах Кеннан использует свою тогдашнюю полемику по поводу этой публикации со знаменитым политическим обозревателем Уолтером Липпманом (тот тогда опубликовал на эту тему серию аж из 12 статей). На данную тему есть очень хорошая ремарка В.Л.Малькова: «С великим сожалением вступив в полемику, Кеннан сразу же столкнулся с очень серьезным противником в лице авторитетнейшего американского аналитика, каким был Уолтер Липпман, усмотревший в статье Кеннана призыв к «чудовищной стратегии» американского вмешательства в мировые конфликты любого уровня и любого происхождения, предполагающей создание повсеместно военно-блоковых союзов и заставляющей видеть в Советском Союзе, вчерашнем союзнике, непримиримого военного соперника. Вывод, который, как решил Липпман, следовало сделать из статьи Кеннана, был самоочевиден: воинственный советский экспансионизм могут сдерживать лишь логика контрсилы и неуступчивость, делающие значение переговорного процесса ничтожным.

Кеннан в своих возражениях оппонентам, признавая изъяны отдельных формулировок, утверждал, что в его намерениях не было ничего другого, кроме выражения стратегии цивилизованного, ненасильственного принуж-

дения к миру и благоразумию: «политическое сдерживание политическими методами»⁸⁹.

В качестве аргумента Кеннан приводит отрывок из своего частного письма Липпману (апрель 1948 года), в котором, по его словам, «раскритиковал приписываемую ему (Липпманом) идею сдерживания России путем стационарного размещения войск вдоль границ Советского Союза и недопущения любого проявления советской военной агрессии. Как и в течение последующих 18 лет, я опротестовал его трактовку, будто бы Россия намеревалась оккупировать новые районы, а задача американской политики заключалась в предотвращении этого... **Россия, – действительно указывал я, – не собирается завоевывать кого-либо... Войны русские не хотят ни в коем случае. И прежде всего они не хотят твердых обязательств, которые могут привести к военным столкновениям...**» (выделено мною. – *Авт.*).

Возможно, на основании этого письма или каких-то иных источников, Уильям Пфафф пишет: «Кеннан утверждал, что русские национальные интересы, а также властные интересы Сталина и руководства партии, а не коммунистическая идеология, оказывали определяющее воздействие на послевоенную советскую политику, и что поэтому советское нападение на Западную Европу с военной точки зрения было маловероятным, если не вообще невозможным с учетом общего баланса сил в мире. Кеннан полагал, что главной послевоенной угрозой Соединенным Штатам был не коммунизм, а увеличение сферы влияния России в Европе.

Он считал, что фокусирование Америки на советской военной угрозе было просто ошибочным, вводящим в заблуждение проецированием на Россию опасности, которая могла бы придать легитимность продолжению существования огромного военного истеблишмента, который в прошлом создали во время войны изоляционистские Соединенные Штаты» (выделено мною. – *Авт.*)⁹⁰.

Можно себе представить, какую сенсацию вызвало бы подобные заявления Кеннана, появившись они в печати в то время, пусть даже в пересказе Липпмана. На них, разумеется, обратили бы внимание и в Москве как на неожиданно трезвомыслящие. А Вашингтон был бы поставлен в предельно затруднительное положение. Ведь в 1948 году на авиабазах в Великобритании и в Западной Германии были размещены американские бомбардировщики с атомным оружием. В 1949 году по периметру границ СССР и его союзников расположились 300 американских военных баз⁹¹.

Однако в том-то и суть, что автор своего письма адресату так тогда и не отослал, лишь сохранив его в личном архиве и обнародовав совсем в другое время и при других обстоятельствах... Конечно, можно сказать и так: Кеннан создал Франкенштейна, который зажил своей, независимой от его созда-

⁸⁹ Мальков В.Л. Указ. соч.

⁹⁰ Pfaff W. Wise Men Against the Grain // "The New York Review of Books". June 9, 2011.

⁹¹ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.150.

теля жизнью. Впрочем, существует документ, касающийся реальных взглядов, убеждений и предложений дипломата в то время, диаметрально противоположный представлению, который он пытался создать о себе тогдашнем позднее. Речь идет о памятной записке, адресованной Кеннаном своим сотрудникам по Отделу планирования госдепартамента в том же 1948 году и обнародованной в Интернете только в июне 2001 года. В ней говорилось: **«Мы имеем приблизительно 50% мирового богатства, но только 6,3% миронаселения... В этой ситуации мы не можем допустить превращения в объект зависти и негодования. Наша реальная задача в предстоящий период состоит в том, чтобы разработать такую модель отношений, которая позволит нам поддерживать данную ситуацию неравенства... В этих целях мы должны покончить со всякой сентиментальностью и прекраснодушными мечтаниями; все наше внимание должно быть сфокусировано на наших ближайших национальных задачах... Мы должны прекратить болтовню о таких неопределенных и нереальных целях, как права человека, повышение жизненного уровня и демократизация. Грядет день, когда мы должны будем действовать в чисто силовых категориях. И чем меньше мы будем тогда связаны с идеалистическими лозунгами, тем лучше»** (From Policy Planning Study) (выделено мною. – *Авт.*)⁹².

Автор убежден в том, что именно в этих вышеприведенных строках – настоящий Джордж Кеннан: таким он был до войны, во время нее и таким же оставался в послевоенный период. Как помнит читатель, герой нашей книги был истинным германофилом. Трудно избавиться от впечатления, что на взгляды Кеннана на Россию, и в целом на международные отношения после войны продолжали оказывать идеи и представления по данному вопросу, господствовавшие в Германии в 30–40-е годы...

Но эти его представления продолжали тогда почти полностью совпадать с тем, что думали и делали в то время в Вашингтоне. В 1947 году конгресс принял закон о национальной безопасности, в соответствии с которым, в частности, был создан Совет национальной безопасности. В директиве этого Совета NSC-20 от 20 августа 1948 года конечной целью американской внешней политики называлось свержение существовавшей в СССР власти. Этот документ ориентировал ЦРУ США на проведение тайных операций против СССР и поддержку антикоммунистической оппозиции в Восточной Европе (впоследствии все это было осуществлено в Чехословакии в 1948 году, в ГДР в 1953 году, в Венгрии в 1956 году и т.д.).

В решении Совета национальной безопасности от 14 апреля 1950 года NSC-68 содержалась развернутая программа подрывных мероприятий против СССР в области экономики, внешней политики и пропаганды (тогда началось вещание на нашу страну и на территорию наших союзников радиостанций «Голос Америки», «Свобода/Свободная Европа», Би-би-си, за-

⁹² <http://www.marxmail.org/facts/quotes.htm>.

пуск зондов с подрывными листовками и т.п.). Как отмечает В.О.Рукавишников, указанное решение полностью вытекало из доктрины Трумэна, основывалось на предпосылке, что СССР пытается установить над миром абсолютную власть и что США должны во всеоружии встретить этот вызов. Более того, его авторы исходили из мнения о неизбежности войны с нашей страной.

Один из авторов NSC-68 и один из наиболее известных коллег Кеннана по проблемам внешней, оборонной и советской политики США Пол Нитце говорил о том, что эффективность американского ответа на советскую угрозу зависит от того, «осознают ли правительство, американский народ и все свободные народы, что “холодная война” – это действительно реальная война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира»⁹³. Апофеозом всей этой истерии стало создание военного блока НАТО 4 апреля 1949 года. Вряд ли требует особых доказательств особый вклад Джорджа Кеннана в создание всех этих структур, даже если он и не принимал непосредственного участия в подготовке соответствующих документов. Впрочем, через несколько десятилетий Кеннан и его либеральные сторонники стали утверждать, что он был против НАТО...

Вот как Уильям Пфафф теперь описывает данную ситуацию применительно к биографии нашего героя: «По возвращении Кеннана из Москвы в 1946 году администрация Трумэна выдала ему мандат на осуществление программы ослабления советских позиций в Центральной и Восточной Европе. В апреле–мае 1948 года он рекомендовал создание “директората” под крышей госдепартамента по обеспечению контроля за открытой и скрытой политической войной против СССР. Эта организация стала известной под названием “Отдел специальных проектов” и возглавлялась лично им. Она была ответственной, в частности, за секретные усилия по отрыву (географической изоляции) Албании от коммунистического блока посредством инфильтрации албанских лидеров в изгнании и их сторонников в эту страну (операция была провалена – с последовавшими за этим смертями – “Кимом» Филби, британским агентом и советским разведчиком, которого Лондон назначил содиректором данной операции). Кроме того, тот же Отдел учредил, якобы по инициативе общественности, Комитет за Свободную Европу, спонсировавший радио “Свободная Европа” и другие формы подрывной политической войны против СССР.

В 1948 году Кеннан рекомендовал полное реформирование послевоенных американских разведывательных структур, которые должны были направить Пентагону выделенные конгрессом финансовые ресурсы, оставшиеся после существовавшего во время войны Отдела стратегических операций и сосредоточить сбор и анализ разведывательной информации в неза-

⁹³ Рукавишников В.О. Указ. соч. С.176–177.

висимом, руководимом гражданскими лицами разведывательном агентстве. Сопrotивление правительственной бюрократии этой идее оказалось слишком велико, и в результате независимое ЦРУ, включавшее в себя военизированные подразделения, “стало моей величайшей ошибкой”, много позднее, но вполне обоснованно сознался Кеннан.

Последовавшая за этим милитаризация первоначальной кеннановской идеи сдерживания стала результатом секретных дебатов в 1950 году в процессе подготовки имевшего чрезвычайное значение стратегического документа Совета Национальной безопасности США “Задачи и программы” (NSC 68), позднее получившего название “Меморандум Ачесона”. В него вошли экстравагантное определение “советской угрозы”, принципа использования Америкой ядерного оружия против СССР первыми и авторизация дальнейшего производства термоядерного оружия. Все это полностью противоречило взглядам Кеннана и стало одной из причин его ухода из правительственных структур в 1953 году.

Позиция Кеннана в области взаимоотношений с Россией состояла в следующем: США не должны допускать никаких заявлений и действий, которые могли бы утвердить советское руководство в мнении о том, что Америка стремится к уничтожению российского государства как такового⁹⁴.

Кстати, другой американский исследователь Джон Лукаш, к которому мы еще вернемся, также отмечает, что уже в 1953 году было создано «Радио Свобода» – первоначально известное как «Радио Освобождение» (сначала оно было подчинено «Комитету по управлению Свободной Европой»). Это было сделано, несмотря на резко отрицательную реакцию на данную инициативу различных групп внутри русской эмигрантской общины в США, а также представителей других наций и народностей бывшей Российской империи в Америке, указывавших на возникновение в этом случае именно тех проблем, о которых Кеннан (к тому времени уже ушедший со службы в правительстве) ранее предупреждал в случае любой попытки спровоцировать внутренний конфликт в России⁹⁵.

По мнению Пфаффа, Кеннан в то же время считал, что в целях обеспечения постоянного порядка в послевоенной Европе было необходимо ослабить власть России в Центральной и Восточной Европе и восстановить силу и самоуверенность Западной Европы, так же, как стимулировать взаимный вывод советских и американских вооруженных сил, оставив Центральную Европу «с военной точки зрения неприсоединившейся»⁹⁶.

Нам представляется, что, хотя и отражая в своих комментариях постепенно возникавшие в то время разночтения в стратегии и тактике между

⁹⁴ Pfaff W. Wise Men Against the Grain // “The New York Review of Books”. June 9, 2011.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Ibid.

Кеннаном и военно-разведывательным и политическим сообществом США, Пфафф все же идеализирует и «модернизирует» позицию дипломата того времени, притягивая его к тому «голубиному» образу поздних лет, который так мил современным американским либералам и левым.

А на самом деле кеннановские наработки того времени оказали основополагающее влияние на действующую с начала 50-х годов XX века и до настоящего времени стратегию США по организации и проведению тайных операций в отношении зарубежных стран, и прежде всего СССР/России. Так, согласно ведущему американскому специалисту по проблемам разведки и разведывательной деятельности Джеффри Ричелсону (Jeffrey T. Richelson), в соответствии с этой доктриной к тайным операциям, в частности, относятся:

- оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран;
- создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах;
- пропагандистские мероприятия;
- экономические мероприятия;
- политические и полувойенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов;
- физическая ликвидация отдельных лиц и др.

При этом тайные операции проводятся от имени неправительственных организаций (НПО) или через агентуру американской разведки⁹⁷. Только в период после Второй мировой войны самыми памятными явились вооруженные агрессии США и организованные американцами свержения правительств в Иране, Корее, Гватемале, Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, Ливане, Панаме, Доминиканской республике, Гренаде, а после ликвидации СССР – бомбардировки Белграда и свержение президента Югославии, нападение и оккупация Ирака, свержение просоветского режима и война в Афганистане, бомбардировки и свержение режима в Ливии. Это если говорить только об удавшихся им операциях.

Но были еще и попытки свержения государственного строя и законных правительств в ГДР в 1953 году, Венгрии в 1956 году, Чехословакии в 1968 году и в Сирии в 2013 году, предотвращенных прежде всего военными и дипломатическими усилиями СССР/России. Кстати, далее в нашей книге будет показана яростно-негативная реакция Кеннана на нейтральную позицию руководства СФРЮ во главе с Иосифом Броз Тито на попытку переворота в ЧССР в 1968 году, осуществленную при активнейшем участии спецслужб США и НАТО в полном соответствии с вышеуказанной доктриной.

⁹⁷ См. Даллес А. Указ соч. С.215.

А в начале 50-х годов дальнейшая деятельность Кеннана в группе планирования госдепартамента была связана с развитием ситуации в Японии и Западной Германии, на чем мы не будем останавливаться. Правда, накануне вылета в Токио он оставил для госсекретаря очередные аналитические записки, одна из которых касалась глобальных проблем американской политики. Затрагивая в ней отношения с СССР, Кеннан высказывал надежду на то, что если бы в результате реализации «программы возрождения Европы» (плана Маршалла) и «применения других средств» (он не уточнял, каких именно), США удалось «остановить коммунистическую экспансию в Европе», то это понудило бы советских лидеров «начать с нами серьезные переговоры» о судьбе Германии и континента в целом». Что, в свою очередь, потребовало бы неоднократных «частных, секретных и неформальных дискуссий» с советскими руководителями.

Далее он касался «советской экспансии» в новые регионы мира, не уточняя при этом, что он имеет в виду (может быть, демократические выборы, на которых коммунисты получили бы большинство для формирования соответствующих правительств? Но мы уже знаем, как Кеннан относился к таким «неопределенным и нереальным понятиям», как демократизация, включая честные выборы). Правда, писал он, если коммунисты будут проникать в новые регионы с использованием одних только политических методов, без использования вооруженных сил (т.е. посредством тех же выборов), то США «было бы глупо реагировать на это, используя собственные вооруженные силы», так как это было бы связано с «большим риском» для Америки.

В связи с этим «целесообразнее всего, – писал он, – развертывание в соответствующих географических регионах наших военных баз и опорных пунктов. Тем самым мы могли бы дать понять русским, что их методы проникновения и ведения подрывной работы в этих странах непременно повлекут за собой усиление там вооруженных сил и более жесткую реакцию властей... Я полагал, что если бы коммунистам, удалось, например, консолидировать свою власть в Греции, то нам бы пришлось при согласии наших союзников создавать военные базы в других странах Средиземноморья». Таким образом, развертывание американских баз по всей Европе как ответ на рост популярности компартий и желание народов видеть их в своих правительствах получили в записке Кеннана полное обоснование. Фактически он предлагал народам Западной Европы бронированный американский кулак как ответ на их демократический и свободный выбор.

С другой стороны, начавшаяся война в Корее, исходя из доктрины Трумэна и теорий Кеннана, по его собственным словам, «разрушила последние, пусть даже и хрупкие, возможности для достижения российско-американского взаимопонимания в отношении проблем тихоокеанского региона, вытекавших из демилитаризации и нейтрализации Японии». По его мнению, последовавшие затем события в Китае подтвердили полное отсутствие тако-

го взаимопонимания. А это означало, в частности, развертывание американских баз и флотов уже на восточных рубежах нашей Родины. Так он в который раз в своей жизни профессионального специалиста по России пришел к выводу о неизбежности и предопределенности глобального конфликта интересов двух держав.

При этом интересно: касаясь непосредственно карьеры Кеннана, то она столкнулась в это время с препятствиями, фактически повторявшими отношение к нему Вашингтона до 1946 года (тот год, как мы помним, резко сблизил их позиции и остро востребовал этого дипломата). Теперь же стало понятно, что то особое положение, которое в результате стала занимать группа политического планирования госдепа и лично Кеннан, докладывавший напрямую государственному секретарю Маршаллу и превратившийся в звезду публичной дипломатии, устраивало далеко не всех. А по мере появления несостыковок и несовпадений в анализах и предложениях Кеннана с тем, что хотел делать и реально делал президент и его окружение, ситуация для него стала меняться. Тем более это стало очевидным после очередной трумэндовской кадровой перетряски, когда он сделал Маршалла министром обороны, а госсекретарем назначил Дина Ачесона.

Последнему Кеннан дает в целом позитивную характеристику, не скрывая вместе с тем, что тот сразу же изменил его, Кеннана, положение в госдепартаменте. Теперь он должен был передавать все свои записки курировавшему его группу зам. госсекретаря, вносить туда требуемые им поправки, и только после этого эти документы отправлялись Ачесону, да и то не все. А на многие отправленные вверх идеи Кеннан вообще не получал никакой реакции. Это не устраивало дипломата, уже привыкшего к другому отношению к себе и своим сотрудникам, и он с согласия руководства начал постепенное сворачивание своей деятельности, готовя уход с государственной службы вообще.

Все это в конце августа 1950 года закончилось его переходом на работу в Принстонский университет, в котором знаменитый руководитель Манхэттенского проекта и один из ключевых создателей ядерной бомбы Роберт Оппенгеймер, по словам Кеннана, – «дружески предложил мне место в институте повышенного типа (возглавляемом им Институте перспективных исследований. – *Авт.*). Там, в совершенно иных условиях, более доброжелательных и рецептивных, меня ожидала новая жизнь, хотя и не без определенных сложностей, но с большими возможностями для творческой работы и самовыражения». В Принстоне Кеннану предстояло провести более полувека. И эта вторая часть его профессиональной жизни была и развитием, и отрицанием, и переосмыслением многого из того, что он постиг и чего добился в первой ее части.

В мемуарах Кеннан характеризует Институт перспективных исследований как уникальный в американской вузовской системе с учетом отсутствия

в нем студентов и самого процесса преподавания, принципиального отличия между приглашенными и постоянными сотрудниками (среди первых он с гордостью упоминает Альберта Эйнштейна и других выдающихся ученых), общей устремленности к наивысшему стандарту научной деятельности. Как место, «предназначенное исключительно для индивидуальных исследований: тихое, аскетичное, лишенное каких-либо отвлекающих занятий»⁹⁸.

Однако на элегические размышления и занятия жизнь тогда отвела Кеннану считанные месяцы. Разразилась война в Корее, которая не могла его кровно не затронуть ни с точки зрения предыдущей деятельности в госдепартаменте, ни с учетом того факта, что все это время он находился как бы в длительном отпуске по месту основной работы.

Кеннан не скрывает, что работая в госдепе и полагая КНДР «агрессором», считал оправданным вооруженное вовлечение США во внутренний конфликт в Корее в 1950 году под предлогом «восстановления статус-кво». Правда, важно при этом учитывать, что он имел в виду действия ограниченного характера. В частности, в ходе дискуссий в правительстве, он настаивал на том, что американские войска ни при каких обстоятельствах не должны были пересекать 38 параллель (т.е. вторгаться на территорию КНДР) и оккупировать север страны. Еще за две недели до ухода в академический отпуск, Кеннан на закрытом брифинге «офф-зе-рекорд» говорил журналистам в госдепартаменте о том, что подобное развитие может привести США к прямому вооруженному конфликту с СССР. По его словам, русские ни в коем случае не будут пассивно наблюдать за тем, как в результате американские войска окажутся в 50 милях от Владивостока⁹⁹.

При этом он отмечает в мемуарах то, чего еще не знал в то время: в случае вторжения войск США за 38-ю параллель, к участию в войне на стороне северокорейцев была готова армия КНР со всеми вытекающими отсюда для американцев последствиями (предупреждение об этом было официально доведено китайцами до сведения правительства США). Но и без этого знания сердце его замирало от жутких предчувствий. По словам дипломата, конец ноября 1950 года запомнился ему как один из самых мрачных периодов новейшей истории его страны¹⁰⁰.

Факт при этом состоял в том, что в то время, как и во многих других международных конфликтах до и после этого, американские военные – в данном случае командующий войсками США в регионе генерал Дуглас Маккартур – действовали как бы сами по себе, меньше всего принимая во внимание мнение дипломатов и соображения иные, чем чисто военного характера. Кеннан писал, что все происходившее заставляло его сомневаться

⁹⁸ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.14–22.*

⁹⁹ *Ibidem. P.24.*

¹⁰⁰ *Ibid. P.26.*

в том, что Маккартур в то время вообще находился под чьим-либо эффективным контролем в Вашингтоне и в столице кто-либо точно знал о том, какие действия в то время он предпринимал¹⁰¹. Ближайшие же дни подтвердили Кеннану правильность этого вывода и привели его к еще более жестким выводам по данному поводу.

После звонка из Парижа его друга, посла во Франции Чарльза Боллена, не менее чем он встревоженного ситуацией, и по настоятельному совету Боллена Кеннан направился в Вашингтон в госдепартамент. Боллен заклинал его немедленно встретиться с бывшим госсекретарем Маршаллом, действующим руководителем ведомства Ачесоном и в качестве ведущего в то время специалиста по России предупредить их о необходимости принятия немедленных мер по изменению поведения американских военных в Корее в целях предотвращения фатального для безопасности США конфликта сразу с двумя великими державами – с КНР и с СССР.

Прибыв на свое основное место работы, сотрудников и руководителей департамента Кеннан нашел в состоянии, близком к панике. К тому времени американские военные, как это с ними не раз случалось и до, и после, под влиянием провалов своих операций (войска США и их союзников под прикрытием «войск ООН» все же вторглись на территорию КНДР) от прошлых агрессивных действий вследствие наступившего через некоторое время военного – не без участия КНР и СССР – разгрома быстро перешли к пораженческим настроениям. Пентагон сообщил руководству страны, что в случае, если США немедленно не прекратят военные действия и не выведут полностью свои войска с полуострова, их ожидает полный разгром и уничтожение.

Согласно Кеннану, в сложившейся ситуации руководство госдепартамента как за последнюю соломинку ухватилось за идею переговоров с русскими как с посредниками в нахождении компромисса с Северной Кореей и Китаем, способного предотвратить американскую военно-политическую катастрофу. Однако верный своим убеждениям Кеннан на это заявил, что в ситуации очевидной американской слабости, когда все карты находились в руках русских, такие переговоры привели бы к еще более унижительному поражению Штатов, причем уже глобального характера. Позднее был отвергнут вариант полного вывода американских войск без всяких переговоров. В результате на некоторое время ситуация на полуострове для американских войск стабилизировалась. При этом Кеннан приводит мнение госсекретаря Дина Ачесона о том, что вся ситуация в то время для США была «худшей для переговоров с русскими с 1917 года»¹⁰².

Однако после относительной военной стабилизации время для разговора с русскими, по мнению американцев, наступило. Правда, с учетом бушевав-

¹⁰¹ Ibid. P.24.

¹⁰² Ibid. P.31.

шей тогда в Америке антикоммунистической и антисоветской истерии (да еще в разгар маккартистской кампании) они должны были проходить в обстановке абсолютной тайны. Единственной возможной кандидатурой для разговора с американской стороны, согласно воспоминаниям Ачесона и Кеннана, был избран именно Кеннан, учитывая в том числе его способность говорить по-русски не прибегая к услугам лишнего свидетеля в роли переводчика. С советской стороны был избран представитель СССР в ООН Яков Малик.

Результатом их встреч 1 и 5 июня 1951 года стало заявление Малика по радио ООН о том, что, по мнению советского правительства, конфликт в Корее должен быть урегулирован. Это заявление стало прологом к начавшимся позднее длинным и мучительным переговорам сторон-участников конфликта, на время которых военные действия были, тем не менее, приостановлены (правда, затем опять возобновлены и конфликт оказался окончательно замороженным без подписания мирного договора лишь в июле 1953 года). Что же касается Кеннана, то он, хотя и считая свою роль «очень небольшой», тем не менее не скрывал гордости за то, что ему удалось внести вклад в предотвращение перерастания данного конфликта в тотальное столкновение СССР и США, т.е. в третью мировую войну¹⁰³.

У него имеются применительно к данному событию и азиатскому сюжету в целом не менее интересные утверждения – они связаны с увязыванием им в состоянии взаимозависимости конфликта в Корее и переговоров США с Японией о заключении мирного договора. По словам Кеннана, еще в феврале 1950 года всем «ответственным людям в Москве» (имеются в виду советские официальные лица) было очевидно, что этот договор предусматривался сепаратным, т.е. без участия советской стороны; что он, по существу, означал превращение Японии в постоянного военного союзника США; одновременно он передавал японский архипелаг под использование вооруженными силами США на неопределенный период времени; все это подтверждалось соответствующими публикациями в прессе США, Японии и в советской прессе.

Именно из этих публикаций в «Правде» (которые в то время могли отражать и отражали только официальную точку зрения Кремля) Кеннан делал вывод о том, что санкция Сталина на начало вооруженных действий Северной Кореи с участием КНР против Кореи Южной могла быть и была его реакцией на вышеуказанные действия США в отношении Японии (автору этих строк трудно не согласиться с этим мнением). Не менее интересно, что, исходя из своих выводов, 21 августа 1950 года, за три недели до окончательного подписания президентом Трумэном мирного договора с Японией, Кеннан направил Ачесону меморандум, в котором предложил установить

¹⁰³ Ibid. P.31.

дипломатический контакт с советской стороной, в ходе которого зафиксировать следующее взаимное понимание сторон: США будут добиваться нейтрализации и демилитаризации Японии, а СССР согласится на прекращение войны в Корее, включающее в себя прекращение военных действий и полный вывод войск Северной Кореи, а также войск США и передачу полуострова на 1–2 года под контроль войск ООН, состоящих только из представителей других азиатских стран¹⁰⁴. Как и следовало предполагать, никакой реакции от адресата на эти идеи не последовало.

Кеннану было понятно и наиболее вероятное объяснение Ачесоном их фактического отклонения: недоверие к русским и соглашениям с ними. Однако, согласно Кеннану, здесь и проходила некая красная линия, которая разделяла его философское понимание политики Москвы и взглядов на эту тему в Вашингтоне и в НАТО. По мнению Кеннана, для Сталина во внешней сфере существовали «соглашения и соглашения», «переговоры и переговоры». Как это понимал Кеннан, «сугубо конкретные соглашения, касающиеся размещения вооруженных сил и контроля над территориями, будут им уважаться в значительно большей степени, чем некие расплывчатые сформулированные документы, касающиеся высоких принципов»¹⁰⁵.

Особенно когда речь идет о договоренностях, обговоренных сторонами тихо и приватно, касающихся реалистичных в глазах этих сторон интересов в отличие от неких публичных обязательств общего характера, которые потом можно было бы интерпретировать как угодно.

И далее у Кеннана следует просто выдающийся для него как убежденного противника нашей страны вывод: «В то время я не видел никаких свидетельств (как я их не видел и после этого), которые бы подтверждали желание Советов возлагать на себя бремя оккупации какой-либо большой территории за пределами земель, подпавших под их оккупацию по результатам Второй мировой войны»¹⁰⁶. И здесь Кеннан попытался провести в своем анализе разделительную линию между явным нежеланием СССР участвовать в каких-либо международных вооруженных конфликтах за пределами своей территории и своей послевоенной сферы влияния и участием во внутренних, гражданских конфликтах в странах, входящих в эту сферу на стороне «марионеточных» сил, поставленных там Советским Союзом у власти¹⁰⁷.

По мнению автора, с учетом проводимой США тогда и сейчас политики, подобные положения Кеннана вполне можно назвать реалистичными и даже прогрессивными (поэтому они и не реализовывались в советской политике Вашингтона). Ну, а что касается «марионеточных режимов», то этот

¹⁰⁴ Ibid. P.45–46.

¹⁰⁵ Ibid. P.51.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid.

термин относится как раз к тем категориям публичной политики и пропаганды, о которых так недвусмысленно и презрительно отзывался сам Кеннан. Тем более, учитывая, что подлинных марионеток сами США содержали и содержат до сих пор по всему миру во множестве, всю свою историю исходя только из своих собственных интересов и «принципов», в праве на которые они нам отказывали и отказывают.

Что же касается собственно политической философии Кеннана, то приведенный пример, на наш взгляд, свидетельствует о настойчивом желании последнего, не отказываясь от фундаменталистски негативного взгляда на действительность и политику СССР, выработать ту самую линию «мирного сосуществования» с нами, которая подразумевала конфронтацию во всех сферах за исключением прямого военного столкновения (важно, что в действительности это полностью соответствовало и советской политике, хотя именно Москву в отрицании «мирного сосуществования» Кеннан и обвинял). Подобный поход, однако, требовал от него признания в советской политике неких островков позитивизма, на которые американцы при проведении предлагаемого им курса могли опираться.

Проблема была в том, что ставшая к тому времени тотально-антисоветской политика Вашингтона подобные сложные для правительственной бюрократии нюансировки отвергала в принципе. А поскольку Кеннан не отказывался (а возможно, и не мог отказаться) от своих самостоятельных подходов, то впоследствии это не могло не привести его в то же положение аутсайдера, в котором он уже пребывал ранее в своей карьере.

Правда, подобная похвальная для ученого способность к многофакторному усложненному анализу не раз приводила Кеннана как к важным откровениям и поразительным по точности прогнозам, так и к не менее серьезным ошибкам. Так, исходя из своего анализа, он в начале 50-х годов считал, что если бы США проводили предлагавшуюся им «правильную» политику применительно к отношениям с Японией, то СССР, будучи поставлен перед выбором, на какую страну в Азии сделать ставку как на партнера, несомненно, выбрал бы Японию как единственную на Востоке страну, потенциально способную к массовому производству современных вооружений и вообще обладавшую образованной рабочей силой. Понятно, что подобный расчет не имел ничего общего с реальностью ни тогда, не позднее.

Одновременно он же высказывался однозначно против установления близких отношений между США и КНР. И не только исходя из факта, что у власти там стояли коммунисты. Признавая китайцев (правда, поодиночке), «возможно, наиболее интеллектуальными людьми в мире», он в то же время обвинял этот народ в целом в «исключительной ксенофобии и надменности», а также в «крайней степени жестокости», на которую он способен в случае угрозы. Оставляя на совести Кеннана подобные оценки, в то же время важно то, к каким выводам они его приводили. А выводы были однознач-

ными. В ситуации, когда в Вашингтоне всерьез рассматривали возможность войны с Китаем, он был твердо убежден в том, что «роковой ошибкой» для американцев было бы «вторжение в другую великую страну в попытке свергнуть ценой собственной крови и ценностей режим, с очевидностью утерявший доверие собственного народа»¹⁰⁸. Другими словами, и тут Кеннан свято верил в то, что коммунисты и в Китае провалятся сами по себе без большой, угрожающей Америке войны с ними.

С позиций прошедших с тех пор шестидесяти лет, какой вывод можно сделать из этих давних оценок и прогнозов? Как уже говорилось ранее, хоть и сорок лет спустя применительно к нашей стране они сработали, что в решающей степени было связано с фатальными ошибками и предательством в советской политической элите. А вот в Китайской Народной Республике ничего подобного не произошло именно потому, что там теми самыми жестокими методами, о которых Кеннан писал применительно к сталинской России и к режиму в КНР, при мудром и продуманном рыночном реформировании и страна, и партия, и социализм были сохранены и, более того, сегодня достигли такого уровня развития, что уже США и вся западная экономика и валютно-финансовая система находятся от Китая в огромной степени зависимости.

В полном соответствии с вышесказанным мы переходим теперь к, пожалуй, самой актуальной применительно к нынешней ситуации в России и вокруг России теме, также тесно связанной с научной и дипломатической деятельностью Джорджа Кеннана.

По его воспоминаниям, в 1948 году ситуация в Штатах вокруг отношений с СССР сравнительно стабилизировалась: в том году удалось преодолеть свойственную американскому военному истеблишменту способность к мгновенному переходу от одних к диаметрально противоположным политическим настроениям и решениям. В том конкретно случае от «эйфории сотрудничества» с Советами как следствии рузвельтовского курса и опыта союзничества, к убеждению в том, что «Сталин – это другой Гитлер», с которым надо идти на войну, как и с его предшественником. К тому же звала влиятельная ультраправая группа в американском политическом классе, в качестве предлога выдвигая проблему Китая. К счастью, отмечал позднее Кеннан, тогда удалось преодолеть эту крайнюю опасность путем создания плана Маршалла как способа победы в политической и экономической войне с СССР и «угрозой коммунизма» невоенными методами.

Однако двумя годами позже все опять изменилось. Под влиянием прежде всего войны в Корее (кеннановская интерпретация причин советской поддержки северокорейцев и китайцев была полностью не воспринята в Вашинг-

¹⁰⁸ Ibid. P.59–60.

тоне), там воцарился вывернутый наизнанку уже применительно к СССР синдром повторения сценария подготовки ко Второй мировой войне. А именно, война в Корее (даже учитывая, что Москва не принимала в нем прямого участия) рассматривалась как попытка «нового аншлюса Австрии» – первого шага в предполагаемом плане Сталина по завоеванию мирового господства. В это время Кеннану казалось, что величайшая угроза Америке и миру состояла даже не в действиях северокорейцев, а именно в этом ут-вердившимся в Вашингтоне ложном мнении.

Больше всего Кеннан боялся тогда того, что подобные настроения и усиление военных приготовлений в Штатах могут серьезно насторожить советское руководство, что уже само по себе было бы крайне опасным. Кроме того, Кеннан не мог в то время забыть и о том, что 1952 год не только военными, но и политическими стратегами в Вашингтоне рассматривался как «пик наивысшей опасности» в том смысле, что якобы именно к этому времени СССР должен был завершить приготовления к войне с Западом. Как пишет Кеннан, тогда американские политики и военные не могли высвободиться от ввевшегося в их сознание имиджа Гитлера и его планирования мировой агрессии.

Кеннан пытался убедить их в том, что это было химерой, что русские были совсем другими, что они были слабее, чем предполагали в США; что у них было полно своих собственных внутренних проблем; что у них не было никакого «великого плана» мировой агрессии и что они не собирались решать проблемы своего соперничества с американцами посредством мировой войны. Однако все эти аргументы не срабатывали.

В частности, бомбардировка ВВС США порта Рашин на восточном побережье Кореи в непосредственной близости от Владивостока, требования республиканцев в конгрессе начать бомбить непосредственно китайскую территорию – все это не вызывало в то время у Кеннана сомнений, что дело могло дойти до полномасштабной войны с СССР и Китаем. Уже тот факт, что подобные действия и подобные требования выдвигались важными фигурами в Вашингтоне, включая командующего американскими вооруженными силами в Корее, с сильной поддержкой в конгрессе и в прессе, по мнению Кеннана, легко мог навести советское руководство на мысль о том, что в ближайшем будущем существовала реальная возможность и даже вероятность мировой войны. А придя к такому выводу, оно начало бы и действовать соответственно.

14 августа 1950 года он направил руководству госдепартамента меморандум о том, что действия наподобие бомбардировки Рашина могут выглядеть в глазах Москвы как решение американцев использовать ситуацию в Корее в целях сокращения стратегических возможностей Советского Союза в регионе, что вызвало бы возможность самой решительной реакции с советской стороны. В подтверждение реальной возможности возникновения

мирового военного конфликта в тех обстоятельствах, Кеннан позднее приводит в мемуарах опубликованные в 1970 году на Западе материалы переписки между Сталиным и лидером итальянской компартии Пальмиро Тольятти в январе 1951 года. В ней, исходя из обстановки того времени, советский вождь признавал возможность возникновения мировой войны вполне вероятной¹⁰⁹.

Как пишет Кеннан, сама по себе мысль о войне с Россией с учетом тех страшных жертв и разрушений, к которым она приведет, уже наводила на него ужас даже без учета возможности применения в ней ядерного оружия, на что (неприменение) некоторые в Америке позволяли себе тогда надеяться. Но особую «тревогу и отвращение» вызывала у него основанная на близком знакомстве с особенностями американского поведения в таких конфликтах уверенность в том, что в случае его возникновения у американской стороны будут отсутствовать реалистичные и ограниченные цели. «Наступая на те же самые грабли, – пишет Кеннан, – воодушевленные военными эмоциями, мы вновь попытаемся достичь известных рубежей: полного разгрома вооруженных сил противника, его полной капитуляции, полной оккупации территории врага, смещения существующего правительства и его замены режимом, который бы отвечал нашей концепции «демократизации» (написано, как будто вчера! – *Авт.*).

Существовали две причины, по которым подобная возможность переполняла мою душу ужасом, – писал далее Кеннан. Первая состояла в том, что подобный подход не до конца срабатывал даже в предшествующих мировых войнах. Однако еще более убедительным как свидетельство нереалистичности подобных ожиданий, для Кеннана был хорошо известный ему факт, который он пытался донести до сознания его слушателей еще в Военном колледже: в войне между США и СССР невозможно добиться полной военной победы. Ни та, ни другая страна не смогут полностью оккупировать территорию противника. Обе из них просто являются слишком большими, слишком разными – и в языковом, и в культурном, и во всех других отношениях.

Кроме того, подчеркивал он, «не в традициях психологии советских лидеров сдаваться противнику, оккупировавшему значительную часть их территории. Они отступят, если это будет необходимо (а на самом деле, это, скорее всего, и не будет необходимым) до самой отдаленной сибирской деревни; но какая бы территория за ними ни осталась, они сохраняют свою власть»¹¹⁰.

Характерно, что тут Кеннан тем из своих читателей, кто сомневался в реалистичности подобной перспективы, рекомендовал знаменитую книгу Гаррисона Солсбери «Девятьсот дней», в которой автор на основании эпопеи блокады Ленинграда описывал аналогичную модель советского поведения при оставлении врагу захваченных им пространств.

¹⁰⁹ Ibid. P.94.

¹¹⁰ Ibid. P.95–96.

Но дело не ограничится только этим, – продолжал Кеннан. И на тех территориях России, которые американцы сочтут для себя находящимися под их оккупацией и контролем, советские лидеры, – «беспощадные, опытные, и действующие на знакомой им земле», организуют такое движение Сопротивления, в сравнении с которым все подобное этому со времен окончания Второй мировой войны покажется ерундой.

И далее самое для нас интересное из выпущенных в 1971 году мемуаров Кеннана. По его словам, многие американцы могли предполагать, что оккупировав часть советской территории, мы установим там у власти «замечательное проамериканское правительство, состоящее из «демократических элементов», собранных из местного населения; что такое правительство будет популярным среди «освобожденного народа», до которого полностью дойдет соответствующий американский «месседж»; что оно будет иметь широкую электоральную поддержку, что поставит коммунистов на подobaющее им (имеется в виду мизерабельное) место¹¹¹.

«Все, что я знал к тому времени о России, – писал Кеннан, – свидетельствовало о том, что если и существовала в мире глупейшая мечта, то это была именно она. В России не было более или менее значимых «демократических элементов» (в американском понимании. – *Авт.*). И тридцать лет правления коммунистов о том свидетельствовали. Незначительная часть таких людей до революции действительно существовала, но они почти без исключения умерли от естественных причин, были убиты или эмигрировали».

«В то же время наш опыт взаимодействия с советскими перебежчиками, – продолжал он, – показывал, что как бы эти люди ни ненавидели своих прежних советских хозяев, их идеи в отношении демократии были примитивны и предельно любопытны в том смысле, что исходили исключительно из ожидания: им будет нами позволено и даже предложено поставить своих врагов к стенке, чтобы расправиться с ними с той же беспощадностью, против которой они вроде бы и выступали. После чего им будет дозволено и дальше править с нашей помощью в рамках их собственной модели диктатуры». И тут Кеннан совершенно справедливо вспомнил о печальном опыте взаимодействия западных «экспедиционных сил» с их русскими союзниками во время Гражданской войны в России в 1918–1920 годах.

Далее он совершенно справедливо отмечал, что в Америке того времени основная масса народа была абсолютно не готова к подобной войне с Россией. Впрочем, за одним исключением, которое лишь усиливало крайнюю опасность ошибки при осуществлении подобной авантюры. Речь шла о существовании в США одного «горластого и отнюдь не невлиятельного элемента, который не только хотел войны с Россией, но имел абсолютно ясное

¹¹¹ Ibid. P.96.

представление относительно целей, ради которых подобная война с его точки зрения должна вестись». Кеннан имел в виду беженцев и эмигрантов, в большинстве своем из нерусских частей послевоенного Советского Союза, а также из некоторых восточноевропейских стран-«саттелитов» СССР. Идея, которую все эти люди «яростно и подчас безжалостно» пытались осуществить, писал Кеннан, состояла просто-напросто в том, что США должны в их интересах вести войну против русского народа в целях конечного распада традиционного российского государства и утверждения себя самих в качестве режимов на различных «освобожденных территориях»¹¹².

Особой известностью среди этих элементов пользовались украинцы, прежде всего с запада этой советской республики, а среди них – особенно бывшие граждане Галиции и русины. Как свидетельствует Кеннан, во-первых, большинство из них жаждало советско-американской войны и не жалело усилий для подталкивания правительства США именно в этом направлении. Во-вторых, это должна была быть, по их представлениям, война не против Советского Союза как такового, но против русского народа, представлявшего для них главную мишень. В-третьих, американские интересы, по убеждению Кеннана, эти люди меньше всего имели в виду. В их сознании США были лишь инструментом в достижении своих внутривнутриполитических целей.

Однако проблема, по мнению Кеннана, состояла в том, что эти люди обладали в то время в Вашингтоне (и значительно позднее тоже, о чем еще будет написано. – *Авт.*) немалым политическим весом. Сгруппировавшись по национальным и политическим признакам в избирательные блоки в крупных городах, они могли оказывать прямое влияние на отдельные фигуры в конгрессе. Временами они весьма успешно апеллировали к религиозным чувствам американцев, но что еще более важно, использовали царившую в стране «антикоммунистическую истерию» (выражение принадлежит самому Кеннану. – *Авт.*). В качестве примера того, какой реальной политической силой в то время обладали эти люди, он приводит тот факт, что несколько позднее (в 1959 году) именно эти группы оказались способными через своих людей, близких к конгрессу, провести на Капитолийском холме текст резолюции (о так называемых «порабощенных нациях»), каждое слово которой было написано (по его собственному письменному признанию) идеологом украинских националистов Львом Добрянским, в то время доцентом Джорджтаунского университета¹¹³.

От себя добавим, что родившийся в Америке в семье эмигрантов из Галиции Добрянский был не просто ярким антикоммунистом и антисоветчи-

¹¹² Ibid. P.97.

¹¹³ Ibid. P.98–99.

ком, но прежде всего русофобом, никогда не скрывавшим своей ненависти к России и русскому народу, что вызывало протесты даже русских эмигрантов в США. Это, а также его прямые связи с организациями типа Антибольшевистского блока народов, открыто сотрудничавшими с нацистами и прославлявшими Гитлера во время фашистской оккупации советской Украины, отнюдь не мешало, а, скорее, способствовало ему в осуществлении успешной политической карьеры в Америке, прежде всего в рядах Республиканской партии, и в поддержке президентов от Трумэна до Рейгана. Его дочь Пола Добрянски стала заместителем госсекретаря США по правам человека. Его ученица, единомышленница и преданная сторонница, также гражданка США Екатерина Чумаченко, в свою очередь, совершила стремительную карьеру в госдепартаменте и, в конце концов, была выдана замуж за будущего президента Украины Виктора Ющенко. Проводимая с 1959 года в рамках единогласно тогда принятого палатой представителей, сенатом и подписанного президентом Д.Эйзенхауэром Закона о порабощенных нациях Неделя порабощенных наций по сию пору ежегодно отмечается в США, вызывая вялые ритуальные протесты российского МИДа (к этому сюжету мы еще вернемся, обсуждая будущую работу Кеннана в Югославии).

Но обратимся к его воспоминаниям. Он был оскорблен и унижен тем, что украинские националисты смогли тогда добиться того, чего ему – посвятившему себя политике США на советском направлении, так и не удалось к тому времени добиться ни разу – официального заявления конгресса по проблемам, касающимся этой части света.

Резолюция конгресса обязывала правительство США добиваться «освобождения» 22 «наций», две из которых вообще никогда не существовали в природе и наименование которых, по свидетельству Кеннана, появилось в резолюции, будучи почерпнутыми Добрянским из документов возглавляемого Геббельсом нацистского министерства пропаганды (речь идет о так называемой Козакии и «Республике Удел-Урал»). Самое интересное, что и сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, резолюция со всеми указанными деталями продолжает считаться на Капитолийском холме действующей. – *Авт.*)

Но тогда самое ужасное, с точки зрения Кеннана, заключалось в другом. Подобным решением США политически и в военном отношении противопоставляли себя не только «советскому режиму», но и русским – самому сильному и многочисленному народу на традиционной территории России, причем делали они это в интересах национальных экстремистов, проживавших в США. И хотя далее Кеннан писал, что не мог не испытывать симпатий к различным меньшинствам СССР, якобы «страдавшим под прессом сталинизма», он также позитивно относился и к русским, по его мнению, жертвам того же «пресса». Однако самое главное, он признавал, что «имел определенное представление об ограниченности нашей (американской. – *Авт.*) силы и

наших возможностей, понимая, что то, что у нас просили и чего ожидали, далеко выходило за рамки этих возможностей»¹¹⁴.

Все описанное приобретало для Кеннана вдвойне устрашающее значение с учетом тесного взаимодействия с воззрениями чисто американского происхождения, также несших в себе семена катастрофы. Он имел в виду взгляды людей, в том числе более чем влиятельных, прямо не призывавших к войне против СССР, и даже не считавших ее необходимой и неизбежной, но исходивших из понимания, что можно ожидать постепенного распада Советской власти. Исходя из этого, они считали, что суть американской политики должна была в целом состоять в политических атаках на различные «коммунистические режимы», направленных на их свержение комбинированными усилиями американской пропаганды и действий местных антикоммунистических групп, результатом чего предполагалось искомое «освобождение» всех советских народов, в том числе русского.

В теории при условии предельной настойчивости с американской стороны подобная цель могла быть достигнута без войны. Проповедниками подобной тактики, по Кеннану, было несколько не названных консервативных фигур в руководстве Республиканской партии, что позволяло им, с одной стороны, отрицать, что они призывали к войне, а с другой – играть на чувствах ультра-антикоммунистического крыла американского общественного мнения, которого они на самом деле смертельно боялись, но с которым не решались вести открытые дебаты.

Если бы планы подобного рода исходили только от экстремистов, писал Кеннан, я уже рассматривал бы их с определенной тревогой; но проблема состояла в том, что они глубоко засели в сознание людей, которых с его точки зрения нельзя было причислить к подобной категории. Так, направленная в основном против взглядов Кеннана и его доктрины сдерживания книга Джеймса Бурнхэма (James Burnham) «Сдерживание и освобождение» должна была выйти из печати только через год, но отражаемая в ней общественная атмосфера в Америке того периода уже, по сути, сложилась. В этом духе выступали тогда издания журнального концерна «Тайм-Лайф» и значительная часть ежедневной прессы.

В этой связи Кеннан привел в своих воспоминаниях известную скандальную историю с публикацией специального номера популярного в те годы в Америке журнала *Collier's*, полностью посвященного будущей войне США с СССР. Номер иллюстрировался картой Советского Союза с городами, намеченными для американских ядерных бомбардировок. Финалом неминуемой, в глазах его издателей, военной победы над русскими была постановка в Большом театре в оккупированной американскими войсками Моск-

¹¹⁴ Ibid. P.99.

ве популярного тогда в Штатах попсового бродвейского мюзикла «Парни и куколки» (Guys and Dolls). С едким сарказмом пишет Кеннан о том, что так и видел тогда редакторов данного издания, считавших окончательным триумфом Америки именно это: показ темным русским, для чего именно предназначена их великая балетная и оперная сцена.

Несмотря на то, что, как Кеннан выяснил много позднее, эта идея первоначально пришла в голову знаменитому английскому драматургу и писателю Д.Б.Пристли, а вообще в выпуске данного номера журнала приняло участие много известных людей, в целом все это предприятие он в мемуарах назвал «фантастической неуклюжестью», сообщив читателям, что и в 70-е годы продолжал оценивать данное издание журнала «со смущением и отвращением»¹¹⁵.

По этому поводу нельзя не заметить, что, даже признавая оскорбленные чувства хорошо образованного в художественном отношении и ценившего классическую русскую культуру Кеннана, в 30–50-е годы не раз бывшего в Большом театре с различными американскими делегациями и без них и понимавшего, что в то время эта сценическая площадка, благодаря великим традициям, усилиям советских властей и деятелей культуры была одной из лучших (если не лучшей) в мире, невозможно вновь не поразиться его дару Кассандры. Ведь сегодня, без войны и без чумы, но в целом в соответствии с предложенным им же сценарием, культура в нашей стране, прежде всего высокая культура, находится в состоянии упадка и полуразгрома. А на сцене легендарных Большого и МХТ им. А.П.Чехова усилиями проамериканских либералов и демократизаторов идет в том числе такое непотребство, в сравнении с которым *Guys and Dolls* кажутся пуританской классикой.

Но возвращаясь к рассуждениям Кеннана, тем более интересно и важно понять, почему, будучи сам жестким критиком Советской власти и автором сценариев ее ликвидации, он в 50-е годы и тем более позднее стал противником представленных выше идей «либерализации». В объяснение он приводит три тезиса. Во-первых, пишет Кеннан, эти замыслы имели очень ограниченные шансы на успех. По его словам, «мы были не самыми лучшими конспираторами». И далее излагает наиболее для нас важное, особенно в нынешнее время: я чувствовал, и часто аргументировал это в разговорах с другими американцами, – писал он, что если кто-то берет на себя ответственность за разрушение политического режима в другой стране, он должен иметь реалистичное представление о том, что создать на его месте. Но эта мысль явно не приходила в голову ведущим «либерализаторам»¹¹⁶.

Факт состоял в том, – продолжал он, – что у нас просто не было в запасе хороших демократических режимов взамен тех, который мы так страстно

¹¹⁵ Ibid. P.100–101.

¹¹⁶ Ibid. P.101.

стремились свергнуть. Некоторые из тех, кто рекомендовал себя нам на эту роль, отмечал Кеннан, не производили на меня никакого впечатления с точки зрения ожидаемых от них улучшений в плане гуманизма и демократических идеалов в сравнении с коммунистами, которых они могли бы сменить.

Однако главная причина сомнений в отношении «либерализаторов», признавал Кеннан, состояла в том, что попытка проведения в отношении России такого рода политики даже в том случае, если бы это и не привело к войне (скорее всего, привело, считал он), стала бы для советских лидеров оправданием перед собственным народом за несогласие на любую степень либерализации или любую модификацию политики «холодной войны».

По словам Кеннана, заслуживала осуждения приверженность советского руководства, особенно в период Ленина, идее свержения нашего правительства (вряд ли Кеннан смог бы доказать, что если теоретически такая идея действительно и существовала в виде теории мировой революции, руководство СССР когда-либо реально планировало и тем более осуществляло действия, направленные на свержение властей США. – *Авт.*). Однако для нас, продолжал он, быть приверженными свержению их правительства означало бы фактическое подтверждение всего, что говорилось в Москве насчет дьявольских замыслов капиталистов против народов Советского Союза.

По его признанию, лучшая из возможностей состояла тогда для него в эволюции Советской власти именно в направлении «либерализации и модернизации» (звучит, как будто бы сказано десятилетия спустя, причем в Москве, а не только в Вашингтоне. – *Авт.*). Однако в то время именно этого с трудом можно было ожидать с учетом того, что советские лидеры, будучи убеждены в том, что США против них, естественно, не предполагали для себя никаких иных последствий от подобных реформ, привнесенных к ним американцами, кроме собственного свержения и тотальной ликвидации¹¹⁷.

Оценивая эти рассуждения Кеннана с позиций опыта последней четверти века, понимаешь, что они были, разумеется, совершенно верны, но применительно к описываемому времени и к сталинскому руководству. Применительно к Горбачеву, а в определенной степени и к нескольким его предшественникам и преемникам в Кремле, все происходило и происходит с точностью до наоборот. И здесь надо признать, что разработанная Кеннаном методика использования всего арсенала «мягкой власти» по эволюционной и последовательной деконструкции руководящего ядра нашего общества как силы, нацеленной на защиту национальных интересов государства и народа, сработала чрезвычайно эффективно. Впрочем, как уже ранее отмечалось, дело здесь не только и не столько в усилиях Запада и США, в частности, а в катастрофических процессах разложения правящей идеологии и

¹¹⁷ Ibid. P.102.

власти, происходивших с хрущевских времен внутри самого советского общества по его собственным законам (о чем тот же Кеннан после Третьего догадался одним из первых).

Однако в контексте данной книги мне бы хотелось подчеркнуть, что описанные и оцененные Кеннаном сюжеты 1950–1951 годов чрезвычайно важны с точки зрения эволюции его взглядов от яркого антисоветизма и радикализма предшествующего периода до более умеренных и сбалансированных оценок. Особенно это касается американской политики на советском направлении. Думается, дело тут в двух главных причинах. Во-первых, в герое нашей книги был заложен синдром противоречия с мейнстримом (официально признанной политической линией и настроениями большинства). Раньше он боролся, как мог с просоветскими, как он их понимал, настроениями в Вашингтоне, а когда антисоветизм и русофобия в тех же настроениях элиты и общества достигли уровня паранойи, начал бороться уже с ними.

Во-вторых, Кеннан был просто умным человеком, интеллектуалом первого разряда. Позднее идеолог «новых левых» философ Герберт Маркузе написал знаменитую книгу «Одномерный человек» о типичном мировоззрении людей на Западе. Так вот, большое достоинство и в то же время личная беда Кеннана состояла в том, что он не был одномерен в своем мышлении. Хотя сам он об этом никогда прямо не писал, но я думаю, что внутри страны вся его жизнь была борьбой с дураками при власти и с их примитивными представлениями о политике. Тем более, что в начале 50-х годов они легко могли привести или к ядерной катастрофе, или к последствиям, в любом случае катастрофичным для национальных интересов США, как он их понимал.

В.Л.Мальков в связи с этим пишет об «атомном шантаже» СССР, к которому в то время оказалось причастно множество американских политиков, военных и журналистов. Среди них оказался и когда-то кеннановский близкий друг и соратник Уильям Буллит. Тот на полном серьезе предлагал использовать против СССР как средство давления или принуждения ядерное оружие. Судя по – одним из первых – изученной Мальковым в библиотеке Принстонского университета переписке Кеннана (правда, относящейся уже к 1956 году), тот считал такой вариант решения «советского вопроса» полностью нереалистичным. А в 1965 году в письме американскому «ревизионистскому» (в смысле ревизии стандартной на Западе версии причин «холодной войны») историку Г.Альперовичу вообще указал на устойчивость советских руководителей к запугиванию. «Я был склонен соглашаться со Сталиным, – заканчивал он послание Альперовичу, – в том смысле, что это следовало делать лишь в том случае, если вы хотите испугать слаонервных людей».

Мальков указывает, что «ни февральские события в Чехословакии (1948), ни Берлинский кризис лета 1948 года, ни начало Корейской войны (июнь 1950 года), ни резкое изменение в соотношении военных потенциалов после испытания советской атомной бомбы не привели к присоединению Кеннана

к алармистским настроениям в вашингтонских правительственных кругах». Советский Союз, по мнению Кеннана, не стал более агрессивен, чем он был в 1946 и 1947 годах. В СССР «ничего, по существу, не изменилось, – писал он 8 декабря 1950 года историку Декстеру Перкинсу. – Кремлевские вожди, – продолжал он, – не планировали и не планируют ничего похожего на «всесокрушающее нападение на Запад». Они не собираются делать это и в будущем. Советская концепция расширения коммунистического влияния представляет собой сочетание политических и военных методов с отдачей «предпочтения главным образом политическим способам...»¹¹⁸.

Что же касается эволюции его подходов к СССР в этот период, то она тоже была заметной. Это, разумеется, не было изменением его фундаментальных взглядов на Советскую власть (понятно, что в то время имелась в виду сталинская модель этой власти). Они как были, так и оставались негативными, хотя и в них появились новые важные оценки, нюансы, о которых ниже будет сказано. Но вот что касается кеннановских воззрений на политику США в отношении СССР, то здесь нового появилось больше.

Все возможные – подчас кричащие – противоречия того времени в Америке, в отношениях двух стран и главное, в сознании самого Кеннана нашли отражение в еще одной его крупной, можно сказать, программной работе «Америка и будущее России», появившейся на страницах «Форин афферс» в апреле 1951 года. Работе, которую она сама для себя обозначил как «вторую статью мистера Икс» (хотя на этот раз она была им подписана).

В мемуарах Кеннан сделал главный акцент в пересказе смысла этой публикации на ее тезисе на том, что война не только не сможет привести к решению главных международных проблем и вопросов двусторонних отношений СССР и США, но принесет горе, разрушения и несчастье обеим государствам и народам. Да, это был очень важный тезис публикации, с чем, разумеется, нельзя не согласиться. Но в статье подробно развивались и другие, в том числе взаимоисключающие, противоположные этому подходы.

Прежде всего, в ней он поставил вопрос о том, что если тогдашний СССР был для Америки (включая Кеннана) абсолютно неприемлем по всем параметрам, то что должна была из себя представлять новая Россия, которую американцы хотели видеть? Хотя и подчеркивая, что, не прибегая к военным методам, «в смысле непосредственных действий американцы могут сделать очень мало», в некоем неопределенном будущем США, по его мнению, все же располагали немалыми возможностями для воздействия на положение в СССР в отвечающем интересам Америки направлении.

Но при этом, подчеркивал он, даже применительно к будущему американцам надо оставить бессмысленные мечтания о России как капиталисти-

¹¹⁸ Мальков В.Л. Указ. соч.

ческом, либерально-демократическом государстве, по своему устройству похожем на США. Причина, как он справедливо полагал, заключалась в совершенно иной экономической истории двух стран, соответственно повлиявшей и на идеологию, психологию всех слоев общества. В США во всех областях промышленности и сельского хозяйства это всегда были частная собственность и частное предпринимательство, а в России даже в дореволюционную эпоху многие ведущие отрасли экономики находились в руках государства (Кеннан в этой части статьи не упоминает о нашем преимущественно общинном характере сельского хозяйства, большой роли артелей. – *Авт.*).

По его словам, частный русский капитал играл значительно более важную роль в области товарообмена. «Русские предприниматели создавали главным образом торговлю, а не промышленность, – считал Кеннан. – В русском языке не было слова, соответствующего нашему понятию “businessman”; в нем было только слово “купец”, и этот термин далеко не всегда имел лестное значение».

Даже в разгар начавшейся в России в конце XIX века индустриализации, отмечал он, этот процесс привел прежде всего к скоплению огромных денежных средств «в руках отдельных лиц и семейств, которые далеко не всегда знали, что делать с этим обрушившимся на них богатством. Со стороны способ расходования этих богатств зачастую казался столь же сомнительным, как и пути, которыми они приобретались» (полное впечатление, что Кеннан здесь оценивает ситуацию в России за последние 20 лет. Яркая иллюстрация из-за океана к тезису Василия Ключевского о циклической повторяемости русской истории. – *Авт.*).

И хотя в дореволюционной России, по справедливому мнению Кеннана, можно было найти немало позитивных примеров эффективного управления капиталистической промышленностью, в глазах русского народа частная инициатива так и не успела приобрести хотя бы малой доли того престижа и значения, каковое она имела на Западе. За последние же 32 года после революции, признавал он, в СССР и воспоминания об этой эффективности практически развеялись. Отсюда делался вывод: «Мы должны признать, что русское национальное самосознание не подготовлено к установлению в России – особенно в ближайшем будущем – ничего подобного системе частной инициативы, в том виде, в каком знаем ее мы, американцы. Это не исключает возможности развития русской частной инициативы в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств. Но она никогда не уложится в систему, тождественную нашей. И никому не удастся форсировать темп ее развития, особенно извне».

Исходя из этих постулатов и занимаясь своим излюбленным социальным прогнозированием, Кеннан далее допустил, что в соответствии с его сценарием, розничная торговля и другие формы обслуживания «когда-нибудь, в значительной доле» вернутся в России в частные руки. Он не сом-

невался, что в том же неопределенном, но желанном им будущем и в сельском хозяйстве у нас тоже произойдет переход к частной собственности и инициативе. Тут же Кеннан наконец-то вспомнил и про «имевшую глубокие корни в русской традиции и в русском сознании» систему кооперативного (артельного) производства. Причем он даже предположил, что эта система когда-нибудь сможет привести в России «к экономическим отношениям, представляющим собой существенный и положительный сдвиг в подходе к современным проблемам труда и капитала».

Однако он был убежден, что и тогда «значительные секторы экономической жизни, которые мы привыкли относить к сфере частной инициативы, почти наверняка останутся в России в ведении государства, независимо от облика будущего политического строя». Но это, по его убеждению, «не должно ни удивлять, ни пугать американцев. Нет никаких оснований для того, чтобы формы экономической жизни России, за некоторыми исключениями... могли считаться жизненно важным вопросом для внешнего мира».

Не менее интересным было мнение Кеннана о перспективах колхозного движения в желанном им российском далеком. С одной стороны, он уверенно предполагал, что одним из первых решений «прогрессивного» с его точки зрения правительства России будет отмена «ненавистной системы сельскохозяйственного рабства и восстановление у крестьян того чувства личного удовлетворения и той инициативы, которые связаны с частным землевладением и со свободой распоряжения сельскохозяйственными продуктами».

Однако – и это сегодня самое интересное – согласно его прогнозу и после этого «коллективные хозяйства, возможно, будут продолжать существовать, ибо самой ненавистной чертой теперешней системы является не сама идея производительных кооперативов, а тот элемент принуждения, который лежит в ее основе».

Далее в статье затрагивалась еще более важная для американского политического сознания тема – о возможности демократии в России. И здесь он был уверен – «мы не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу». А потому – «русским либералам предстоит трудный путь» (**знают ли они, нынешние российские либералы-западники, что все их бесчисленные провалы и сам факт того, что по итогам 23 последних лет Россия их, по существу, отвергла, был предсказан американским ученым еще в 1951 году? – Авт.**).

Но ведь тогда Кеннан пошел еще дальше и смелее. Он предполагал, что «многие характерные черты советской системы переживут советскую власть», и не только потому, что альтернативы им в стране в то время не существовало, но и потому, что «некоторые черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт».

Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, продолжал Кеннан, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил – вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток. Плохую помощь окажут членам правительства будущей России те западные доктринеры и нетерпеливые доброжелатели, которые будут ожидать, что они создадут в кратчайший срок точную копию демократической мечты Запада – только потому, что эти русские люди будут заняты поисками нового строя, способного заменить тот, который мы теперь называем большевизмом» (выделено мною. – *Авт.*).

«Вот почему нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то и раз навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих. В наших отношениях с русским народом для нас теперь более, чем когда-либо важно помнить, что наш строй может представляться неподходящим для людей, живущих в иной атмосфере и иных условиях, и что возможно существование социального и государственного строя, не заслуживающего осуждения, хотя бы он и ни в чем не был сходен со строем американским».

Остается только горевать по поводу того, что когда под влиянием объективных и субъективных обстоятельств (в том числе и усилиями правителей США, руководствовавшихся ранними разработками Кеннана) СССР рухнул и начала создаваться новая система экономики и власти, и в США, и в России все эти его озарения 1951 года были или забыты, или исполнены с точностью до наоборот. Москву и провинцию наполнили тысячи новоявленных американских «крестоносцев», под руководством администрации, госдепартамента, ЦРУ и иных агентств руками российских либералов-западников или просто нанятых за американские деньги экономических гауляйтеров огнем и мечом пытавшихся, разрушив советскую экономическую и социальную инфраструктуру, общественную и духовную жизнь, возвести на нашей территории новый Вавилон. Что, как и предупреждал Кеннан, нанесло тяжелейший удар и по России, и по отношениям двух наших стран, и, в конечном счете, по интересам самой Америки.

Причина? Возможно, произошедшая с тех пор интеллектуальная деградация элит, и у нас, и у них (впрочем, дефицит по настоящему мудрых людей у власти наблюдался в обеих наших странах и тогда). Возможно то, что в отличие от Кеннана, который часто ошибаясь, будучи субъективен в своих оценках, далеко не всегда, но все же хотел России добра, а не зла, у власти у них и у нас – тогда и десятилетиями позднее – оказались тотальные ненавистники великой России и русского народа. Возможно, причина национальной и мировой трагедии России – в сочетании и первого, и второго.

А тогда Кеннан продолжал: формы правления страной должны соответствовать национальному характеру и национальной действительности.

И видя в национальном характере русского народа много положительных черт, которые в его понимании могли проявиться при создании соответствующей им системы правления, он связывал такую систему не только в исчерпании, самоликвидации Советской власти, но и в том – внимание! – что «дух и руководители» этой власти «начнут меняться». Он полагал, что «и тот, и другой конечный исход возможен». Другими словами, в качестве приемлемого варианта Кеннан предполагал даже возможность сохранения советской системы, впрочем, при радикальном изменении ее сути в желаемом им направлении. «Будем надеяться, что такая перемена осуществится», – писал он.

Но когда это произойдет, продолжал Кеннан, «не будем с нервным нетерпением следить за работой людей, пришедших ей (существовавшей ранее власти. – *Авт.*) на смену, и ежедневно прикладывать лакмусовую бумажку к их политической физиономии, определяя, насколько они отвечают нашему представлению о «демократах». Дайте им время; дайте им возможность быть русскими; дайте им возможность разрешить их внутренние проблемы по-своему.

Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собою глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто непонятны и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда».

Помня, какую в реальности политику проводили США и Запад в целом в отношении нашей страны и в то время, и десятилетия спустя, в частности, что они творили, когда существовавшая в СССР система власти к началу 90-х годов действительно подошла к своему исчерпанию и встал вопрос о создании новой модели, отвечавшей национальным традициям, сознанию и интересам народа; вспоминая, с каким остервенением они, пользуясь создавшимся хаосом и безвластием, грабили и разоружали нас, одновременно пытаясь внедрить худший образец дикого капитализма, понимаешь цену игнорирования советов Кеннана.

В связи со сказанным всплывает в памяти инспекционная поездка в Москву государственного секретаря при президенте Клинтоне Уоррена Кристофера, прибывшего в столицу России после расстрела Ельциным первого демократически избранного многопартийного парламента страны. «Мы восхищены всем, что Вы тут делаете, г-н президент», – сказал госсекретарь на официальной встрече в Кремле сильно пьющему человеку, стоявшему по колено в крови защитников демократии¹¹⁹. Сам Клинтон открыто потешался над Ельциным, не скрывая экстаза от распада и унижения еще недавно мощнейшей сверхдержавы. До этого кровавого исхода и администрация США, и обе палаты конгресса почти единодушно поддержали конституци-

¹¹⁹ “The New York Times”. October 23, 1993.

онный переворот ельцинской клики. «Ельцин – открыто проамериканский, прозападный, прыночный», – восхвалял его в то время конгрессмен от Демократической партии Стени Хойер. – Удержание им России на прозападном курсе... является императивом... для наших собственных интересов»¹²⁰.

С учетом такого поведения правительства США (а в 1993 году Кеннан был еще вполне функционален, чтобы его оценить, плюс к этому он хорошо знал американские методы проведения внешней политики в Латинской Америке, в Западной Европе после войны, во Вьетнаме и т.п.) по особому воспринимаешь продолжение его статьи 1951 года, в которой он писал: «Мы вправе... ожидать такого русского правительства, которое, в отличие от теперешнего, было бы терпимым... в отношениях с другими государствами и народами. В его идеологии не должно быть места убеждению, что собственные его цели не могут быть успешно достигнуты, пока все государственные системы, не находящиеся под его контролем, не будут подорваны и, в конечном счете, уничтожены».

Неужели Кеннан не только позднее, но и в момент написания статьи не понимал кричащих противоречий между требованиями, предъявляемыми им правительству СССР, и поведением собственного правительства, к примеру, в Греции, Италии, Франции и других странах, где Вашингтон, используя военные, экономические методы и подрывные операции, практически насильственно предотвратил появление у власти посредством открытых, демократических выборов левых режимов во главе с коммунистами, пользовавшихся тогда поддержкой большинства населения?

Еще более поразительной с учетом того, что позднее признавал сам Кеннан и о чем мы не раз писали выше, имея в виду тогдашние планы США по ядерным бомбардировкам СССР, была его декламация: «Оно (советское правительство. – *Авт.*) должно понять, что на самом деле внешний мир не поглощен дьявольским замыслом о вторжении в Россию и нанесении удара русскому народу».

Но сразу же за этим следовало положение, за которое и сегодня хочется проголосовать обеими руками: «Никто не требует (от русских. – *Авт.*) наивного и детского доверия; никто не требует беспричинного энтузиазма по отношению ко всему иностранному; никто не требует, чтобы игнорировались реальные и законные расхождения интересов, которые всегда налагают и будут налагать свою печать на международные отношения. Мы должны не только считаться с тем, что русские национальные интересы не перестанут существовать, но и с тем, что они будут энергично и уверенно отстаиваться». Другими словами, Кеннан признавал тогда за нами право на защиту собственных национальных интересов.

¹²⁰ <http://www.pvlast.ru/archive/index.513.php>.

Тем не менее они не представляли для него понятие без ограничений. По его словам, «признавая, что форма правления является внутренним делом России, и допуская, что она может резко отличаться от нашей, мы одновременно имеем право ожидать, чтобы выполнение функций государственной власти не переходило ясно начертанной границы, за которой начинается тоталитаризм». Таким образом, здесь в его публикации появляются два тезиса, отравлявшие американо-советские отношения минимум 45 лет. Первый из них – приклеенный к СССР ярлык тоталитаризма. Второй – присвоенное себе американцами некое право определять, что это понятие означает, применять его к нашей стране, в частности, и требовать его – тоталитаризма – ликвидации как условия не просто нормальных, а как мы позднее увидим, вообще мирных отношений между двумя странами.

Так, и при Сталине, и после него, в СССР при всех известных всем серьезных изъянах, недостатках и пороках существовала развитая социалистическая демократия с упором на гарантии прежде всего трудовых, социальных прав народа. Прав, которых никогда не было и нет в тех же Штатах. Абсолютное большинство населения Советского Союза такое понимание прав человека как главных признавало, поддерживая основы данной системы вплоть до 1991 года. Причем при Сталине, в свете победоносной для СССР войны и происходившего на глазах людей восстановления и бурного развития народного хозяйства, социальной сферы, ежегодного снижения цен, заботы о молодежи, ветеранах войны, стариках и детях, эта поддержка носила практически абсолютный характер.

Нет никаких сомнений в том, что в начале 50-х годов кеннановское представление о царившем у нас «тоталитаризме» в СССР разделяло мизерное количество изначально враждебно относящихся к советской власти людей, слушавших передачи «Голоса Америки» и веривших им. Зато большинство полностью доверяло сообщениям советской прессы, радио, лекторов и агитаторов о царившей в это время в Америке вакханалии маккартизма, «охоте за ведьмами» в отношении инакомыслящих, что превращало американскую демократию в глазах советских людей в пугало.

Кеннан, расшифровывая, что он имеет в виду под советским тоталитаризмом, писал: «Мы имеем право рассчитывать, что любой режим (в России) который будет претендовать на преимущество перед теперешним режимом, воздержится от применения рабского труда, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве». Абсурдность этого утверждения настолько очевидна, что даже в условиях дряхлеющей в России уже почти четверть века антисоветской вакханалии, никто у нас, боясь быть осмеянным, не использует подобную терминологию и «аргументацию».

Однако Кеннан на этом не остановился, опубликовав далее худшее из того, что до этого писал о нашей стране: «Отдавая себе отчет в том, что все различия между свободой и властью относительно, и признавая, что 90%

этих различий нас не касаются, поскольку дело идет об иностранном государстве, – мы все же настаиваем, что есть такая запретная зона, в которую ни одно правительство великой страны не может вступить, не создавая при этом самых прискорбных и серьезных последствий для своих соседей. Это та самая зона, в которой режим Гитлера чувствовал себя, как дома, и в которой советское правительство подвизалось по крайней мере в течение последних 15 лет. Заявим без обиняков, что мы не сможем признать никакой будущей русский режим и не сможем находиться с ним в нормальных отношениях, если он не останется за пределами этой запретной зоны».

Понятно, что поставив на одну доску гитлеровский режим и державу-победительницу фашизма, освободителя народов Европы и главного военно-политического союзника США, Кеннан пересек красную черту не просто логики и правды, но простой человеческой порядочности. Мы увидим, что позднее он горько жалел о повторении этой подлой мысли, которую опять допустил год спустя и за которую не только Сталин, но и сама судьба его жестоко наказали. Но, как говорится, что написано пером, не вырубишь топором. Тем более что, как мы знаем, для Кеннана, к сожалению, данный пассаж был не случайностью, а закономерностью.

Впрочем, это не означает, что далее его в статье отсутствовали трезвые и правильные мысли – такова уж была природа этого человека. Тем более, когда он затронул проблему межнациональных отношений в будущей, желанной им России (ему было ясно, что любое изменение режима неизбежно обострит этот вопрос). Признавая эту сферу предельно деликатной, особенно когда речь идет о национальном самоопределении («более трудного и скользкого вопроса не найдешь во всем политическом словаре»), он опасался, что прямое вовлечение США в эту проблему может иметь трудно предсказуемые последствия.

Поэтому, предупреждал Кеннан, «пока население этой части света само не изменит своего отношения к вопросам о границах и о национальных меньшинствах, американцам не следует брать на себя ответственность за определенные взгляды и определенную позицию в этом вопросе; ибо любое конкретное решение может в какой-нибудь момент стать поводом к горьким упрекам по их адресу, и американцы будут вовлечены в споры, не имеющие никакого отношения к делу человеческой свободы... Как можем мы судить, потребуется ли для данной национальной группы государственная независимость, положение федеральной республики, особая форма местного самоуправления или вообще не потребуется никакого особого статуса?».

Кеннан полагал, что экономика «новой» России должна связывать, а не разделять живущие на ее традиционной территории народы. Это касалось даже прибалтийских республик. Он считал, что они «никогда более не должны находиться в вынужденной экономической зависимости от русского государства, ибо это идет вразрез с сокровенными чаяниями населяющих их

народов (весьма спорное утверждение, особенно с учетом того факта, что США на Ялтинской конференции были вынуждены согласиться с требованием Сталина о включении Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР, и Кеннан, как сотрудник госдепартамента, обязан был учитывать это, хоть и находясь в это время в отпуске. – *Авт.*). Однако тут же он подчеркивал, что даже «для этих народов было бы безрассудным отказаться от тесного сотрудничества с проникнутой духом терпимости неимпериалистической Россией».

Это последнее замечание опять же требует комментария. С одной стороны, нынешние националистические, русофобские режимы в странах Балтии (так же, как и их предшественники до войны) именно это безрассудство демонстрировали и демонстрируют. Причем при полной поддержке Вашингтона, НАТО и Евросоюза. Хотя в этом плане им стоило бы прислушаться к Кеннану. С другой, не будем забывать, что обвинения в империализме и отсутствии терпимости по адресу социалистического СССР звучали от официального представителя страны – в глазах большинства человечества – символа мирового империализма, как раз в это время наглядно демонстрировавшей «дух терпимости» в Корее и в ходе маккартистских процессов в Америке.

Особенно неприятный пассаж уже во второй раз в одной и той же статье ждал украинских националистов. Политкорректно подчеркнув, что «Украина, несомненно, заслуживает полного признания самобытного гения и способностей ее народа равно как ее нужд и возможностей в области развития собственного языка и собственной культуры» (кстати, все это в СССР полностью обеспечивалось), Кеннан далее изрек: «В экономическом отношении Украина в такой же мере составная часть России, как Пенсильвания составная часть Соединенных Штатов. Кто может сказать, каково должно быть окончательное правовое положение Украины, пока неизвестен характер будущей России, в зависимости от которого этот вопрос придется решать?».

И здесь мы как великую трагедию русского и украинского народов можем отметить, что, к огромному сожалению, стараниями «реформаторов» в обеих республиках и при активном деструктивном воздействии Вашингтона (считавшего Украину главным своим «призом» вследствие развала СССР) в 1991 году трезвое суждение Кеннана о неразрывности экономик двух братских народов не было услышано. Аналогичным образом последние 20 с лишним лет Штаты лезли и продолжают лезть в зону прямых интересов национальной безопасности России – на Кавказ и в Среднюю Азию, в Молдавию. Как известно, в отличие от утверждений либеральной и западной пропаганды, развал СССР, к которому Вашингтон приложил столько стараний, происходил отнюдь не «тихо и мирно»; он проходил по линиям межнациональным и межконфессиональным, и, в конечном счете, стал не семейным, а кровавым разводом. Причем Запад этому, как минимум, не помешал (впрочем, из Молдавии практически все евреи были вывезены американскими организациями при поддержке правительства США за несколько дней до погромов 1992 года, устроенных прорумынскими националистами).

Возвращаясь к Кеннану, даже в отношении стран Восточной Европы (в соответствии с западной терминологией названных им государствами-«сателлитами» СССР) он, не сомневаясь в обретении ими «полной независимости», в то же время твердо был уверен: «И они не обеспечат своей устойчивости и будущего процветания, если станут на ложный путь, отдавшись чувству мести и ненависти к русскому народу, который вместе с ними разделял их трагическую судьбу, и будут пытаться построить свое будущее на своекорыстном использовании первоначальных затруднений нового русского режима». Как известно, те же поляки после 1989 года именно этим и занялись.

Далее Кеннан переходит к анализу того, что же должны были, по его мнению, делать Штаты для появления, или, как минимум, приближения желанной для Америки России. И здесь вновь дает нам повод для резкой критики. Из текста статьи выясняется, что, как бы старательно не аргументировал он пагубность войны против СССР как средства изменения политического строя в нашей стране, тем не менее, ее возможность он не отрицал, более того, даже рассуждал о том, как бы провести ее так, чтобы она не привела американцев к результатам, аналогичным только что завершившейся «освободительной миссии» нацистов на том же направлении.

Во-первых, из статьи выясняется, что **Кеннан при всех оговорках исходил из того, что такую войну они могли выиграть. Он писал: «Если война окажется неизбежной, что мы, американцы, можем сделать для содействия возникновению более желательной для нас России? Прежде всего, мы должны сохранить в наших умах ясным и определенным образ этой желательной для нас России и приложить все усилия к тому, чтобы военные действия не помешали воплощению в жизнь этого образа».**

Если верить тому, что написано, то возникает законный вопрос: как его друг и один из главных создателей ядерного оружия доктор **Оппенгеймер не объяснил ему тогда же в Принстоне, где, по-видимому, и писалась статья, чудовищные последствия ядерной войны (Кеннан знал, что этим оружием к тому времени уже обладал и СССР) для самого существования обеих государств и значительной части человечества, прежде всего в Европе? (Об этом позже.)**

Во-вторых, не менее чудовищны и поразительны его рассуждения о том, как такую войну США должны были вести. По его словам, «если нам придется поднять оружие против тех, кто теперь правит русским народом, мы должны будем избегать всего, что заставило бы русский народ видеть в нас его врагов, и мы сами не должны считать, что русские люди наши враги. Мы должны будем постараться объяснить русскому народу, что те страдания, которые мы вынуждены ему причинять, вызваны только силой необходимости. Мы должны будем дать ему убедительные доказательства нашего сочувственного понимания его прошлого и нашего интереса к его будущему. Мы должны будем дать почув-

ствовать русскому народу, что мы на его стороне и что наша победа – если мы победим – будет использована так, чтобы предоставить ему возможность самому создать для себя более счастливую жизнь, чем та, которую он знал в прошлом. Для всего этого – самое важное, чтобы мы не забывали о том, какой Россия была и какой она может быть, и не позволяли политическим разногласиям затуманивать этот образ России.

Мы, люди западного мира, верящие в принципы свободы, не можем одержать победу в борьбе с разрушительными силами советской власти, не имея на своей стороне русский народ в качестве добровольного союзника. Это относится одинаково и к мирному времени и к войне. Немцы, сражавшиеся, правда, не за дело свободы, познали, к собственному несчастью, невозможность одновременной борьбы с русским народом и с советским правительством» (выделено мною. – *Авт.*).

Надо признаться, что у автора этой книги при знакомстве с трудами и делами Джорджа Кеннана не раз возникало чувство, что он имеет дело с двумя разными людьми. Соавторами одних и тех же текстов, нередко исходившими из диаметрально противоположных философских, моральных и просто человеческих категорий. Своего рода интеллектуальными двойниками, один из которых был без сомнения двойником демоническим. Ну как мог написать вышеприведенный текст человек, недавно побывавший в развалинах Сталинграда, знавший о запредельной цене, заплаченной нашим народом за только что завершившуюся предыдущую войну, за свою свободу и независимость, и, тем не менее, полагававший, что организовав против него ядерный Армагеддон, он должен будет убедить этот народ в том, что американцы желают ему «счастливой жизни» и хотят видеть в нем «добровольного союзника»? Шизофрения какая-то...

Впрочем, не надо забывать, что подобного рода рассуждения вполне вписывались в диагноз паранойи «холодной войны», бушевавшей тогда в Штатах. Как мы уже отмечали и отметим еще, в своих написанных десятилетия спустя мемуарах Кеннан с ужасом вспоминал о спецвыпуске журнала *Coller's* и других подобных памятниках этой жуткой поры, но так и не решился вспомнить о собственных писаниях – нет, не против новой войны (об этом он как раз вспомнил), а о том, как ее надо было «правильно» вести, если бы она была США начата.

А ведь уже через год после появления данной статьи, в послании в госдепартамент Кеннан писал нечто диаметрально-противоположное: «Любая война между западными державами и Россией означала бы неминуемую, окончательную и непоправимую катастрофу» (мы вернемся к этому документу позже).

Сказанное не помешало Кеннану рассмотреть в его статье сценарий воздействия на Россию посредством, как он ее тогда называл, «малой» или «холодной войны», не переходящей в прямые вооруженные действия в отно-

шении противника. Другими словами, задался вопросом о том, могли ли США в условиях «холодной войны» добиться – или ожидать – того, что существовавший в СССР режим может быть обрушен, или рухнет сам по себе в отсутствие войны «горячей». Считая это «актом веры» с его стороны, Кеннан все же считал, что «мы действительно имеем основание надеяться и полагать, что такие перемены могут произойти».

При этом он выдвигал два основных условия подобного развития «путем эволюции или иным путем»: положительный пример «достаточно привлекательной цивилизации» в «другой части земного шара»; саморазвитие политического кризиса в Советском Союзе по «особым законам развития, присущим феномену современного тоталитаризма» (хотя при этом Кеннан делал оговорку на тот счет, что эти законы, если они вообще существуют, в то время были еще недостаточно изучены и поняты). Но независимо от этого, дополнял он свое видение нашего будущего, дальнейшее развитие в значительной мере будет обусловлено национальным характером русского народа, а также элементом случайности».

Обращаясь вновь к своему излюбленному долгосрочному политическому прогнозу и программированию и признавая при этом, с учетом вышесказанного, что «пока мы видим будущий политический строй России неясно, как бы сквозь матовое стекло», Кеннан, тем не менее, считал, что у США было «мало оснований надеяться, что желательные перемены во взглядах и образе действий московского правительства могут произойти без насильственного перехода в преемственности власти, т.е. без насильственного ниспровержения строя. Но в этом не может быть никакой уверенности. Случались более странные вещи, хотя и не настолько уже более странные. Во всяком случае, не наше дело заранее предрешать этот вопрос. Мы должны считаться со всеми возможностями, не упуская из виду ни одной из них».

Не менее важными были его дальнейшие рассуждения. Считая, что главное для США – не терять из виду Россию как игрока на мировой арене, соответствующего американским интересам, он полагал, что Америка должна была «руководствоваться этим образом при всех наших сношениях с различными русскими политическими течениями, включая и то, которое сейчас находится у власти, и те, которые представляют собою оппозицию. И если России суждено будет обрести свободу путем постепенного распада деспотизма, а не путем бурного прорыва наружу сил свободы, – мы хотим иметь право сказать, что наша политика содействовала такому ходу событий, и что мы не мешали ему своей предвзятостью, нетерпением или отчаянием.

В одном мы можем быть уверены: никакие радикальные и прочные изменения в духе и практике русского правительства не могут произойти главным образом в результате призывов и советов, исходящих от иностранцев. Русский народ должен сам взять на себя инициативу и произвести эти изменения собственными усилиями. Только тогда они будут подлинными,

прочными и достойными тех надежд, которые возлагают на них другие народы. Только люди с поверхностным знанием механизма истории могут думать, что иностранная пропаганда и агитация может вызвать коренные изменения в жизни великого народа. Всякая попытка одного народа говорить непосредственно с другим народом о политических делах последнего – способ действий сомнительный, грозящий возникновением недоразумений и обид».

И хотя далее Кеннан не мог не сказать о полезности начавшихся тогда радиопередач «Голоса Америки» на СССР как способа информирования советских граждан о политике и действительности США, он высказывал сомнения по поводу того, насколько эффективной будет американская пропаганда как форма прямой диктовки этим гражданам, что им делать с собственной страной (по крайней мере, американцам на месте русских это бы не понравилось).

«По этой причине, – заключал он, – самым важным видом влияния, которое Соединенные Штаты могут оказать на развитие внутренней жизни России, останется влияние примером – примером Америки, какой она есть, не только в представлении других народов, но и на самом деле...

Многие думают, что вопрос в том, к чему мы должны призывать других, т.е. иными словами, это вопрос внешней пропаганды. Я же считаю, что это – прежде всего вопрос о том, что мы должны требовать от самих себя. Это – вопрос о самом духе и смысле американской национальной жизни. Любое слово, с которым мы обратимся к человечеству, может стать действенным лишь в том случае, если оно будет отражать нашу внутреннюю жизнь и если эта последняя будет достаточно внушительна для того, чтобы вызвать уважение и доверие со стороны мира, который, несмотря на все материальные трудности, все еще готов ставить духовные ценности выше материального благополучия. Достижение такого положения в нашей национальной жизни должно быть нашей первой и главной заботой. Напротив, нам надо меньше заботиться о том, чтобы убедить другие народы в наших достижениях. В жизни народов подлинные достижения не бывают и не могут остаться непризнанными»¹²¹.

Последний абзац, без сомнения, был слабо зашифрованным посланием Кеннана к собственной стране и ее правителям с выражением (в форме пожелания) его растущей озабоченности состоянием и тенденциями ее внутреннего развития и внешней политики. Озабоченности (нередко переходившей в форму осуждения и протеста), о которой он, уйдя в отставку с дипломатической службы, говорил открыто на протяжении всей второй половины своей профессиональной жизни. Тем более, тогда, когда убедился, что все его советы и пожелания позитивного свойства, особенно по поводу отношений с нашей страной, в основном игнорировались. Но нам должно быть понятно,

¹²¹ <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/KENNAN.HTM>.

что в параноидальной атмосфере 1951 года, он как государственный служащий высокого ранга мог сказать об этом лишь в подобной эзоповой форме.

Что же касается предсказаний Кеннана в отношении будущего нашей страны (хоть он и признавался в том, что видит его, «как сквозь матовое стекло»), зная реальное развитие событий, мы можем лишь поражаться его выдающемуся искусству анализа и прогноза. Сегодня мы знаем, что развалу СССР способствовал все более и более привлекательный для миллионов советских людей пример Запада, прежде всего США (причем, пример не только реальный, а чаще всего идеализированный, лишенный тех пороков капитализма, о которых правильно говорили и говорят марксисты и вообще левые, включая левых либералов, и которые никуда не делись). Причем, его утверждению в массовом сознании у нас в стране способствовала та самая западная пропаганда, о которой писал Кеннан, и в еще большей степени сами же советские СМИ, ставшие в горбачевскую эпоху добровольными и неистовыми «агитаторами и пропагандистами» капитализма и одновременно обличителями социализма и Советской власти. Такого рода пропаганда в то время приобрела характер тотальной промывки мозгов, не оставлявшей места оттенкам и полутонам, даже той критике Соединенных Штатов, которую позволял себе Кеннан и другие западные интеллектуалы, в отличие от наших «рыночников» готовые «ставить духовные ценности выше материального благополучия».

Еще большее внимание привлекают его рассуждения о возможности саморазвития кризиса в СССР, происходившего по так и не изученным до сих пор законам развития авторитарных (названных им тоталитарными) режимов. Ныне мы знаем, что кризис в нашей стране до определенного момента развивался именно по этим правилам, как результат недостатка предпринимательской инициативы и подлинной политической демократии, вполне совместимых с социализмом и социальным государством. Влияние примера, пропаганды и подрывных действий Запада играли в этом гнилом процессе важную, но не решающую роль. Известно, что «золотую пулю» в СССР всадил Горбачев, проваливший экономические реформы, разваливший партию и государство и превративший демократизацию в вакханалию и хаос. Другими словами, как больной, страдавший недостатком кислорода, но умерший от его внезапного переизбытка, так и наша Родина, которой столько десятилетий не хватало подлинной политической демократии и свободы выбора, погибла от неготовности их воспринять, тем более в избыточном, неограниченном количестве.

Мы знаем и то, что сбылся и другой прогноз Кеннана – развитие кризиса, особенно на его заключительном этапе, носило сугубо национальный (вернее, с учетом особенностей нашей страны в то время, многонациональный) характер, в конечном счете, приведя к развалу великой исторической общности – Советского Союза, возникновению множества межнациональ-

ных конфликтов и войн, к тысячам убитых и раненых, сотням тысяч беженцев, миллионам лишенных состояния, счастья, покоя, а потом и самой жизни людей. Впрочем, этот сценарий, как мы помним, он развивал в своих более ранних разработках.

Разумеется, оправдался и его прогноз о роли элемента случайности. Конечно же, невозможно было за 40 лет до факта события представить себе конкретные фигуры Горбачева, Ельцина и их поделщиков по Политбюро, особенно то, какую губительную роль в судьбе державы сыграли соперничество и ненависть между ними. Хотя, впрочем, перечитывая кеннановские шифровки и статьи, приходишь к выводу, что что-то подобное он предполагал и тогда. Ведь особенностью авторитарных режимов без реального разделения властей и реальных выборов является как раз то, что фиаско вождя и верхушки ведет к крушению всего государства. Так произошло с царской империей при Николае II, так случилось с СССР при Горбачеве и Ельцине, так может произойти и с нынешней Россией, так как реального разделения властей, сдержек и противовесов в правлении, подлинной демократии, ориентированного на национальные приоритеты и интересы большинства народа государства у нас нет до сих пор.

Кеннан предполагал в своей статье, что реальные перемены в России вряд ли могли произойти без насильственного ниспровержения существовавшего строя. Хотя уверенности в этом у него не было, он писал об «элементе случайности», который все может изменить. Мы знаем, что в 1991 году именно так и произошло. Тогда, как и в феврале 1917 года, режим рухнул прежде всего от внутренней слабости-недееспособности и «случайностей». Такой вариант Кеннан тоже предусмотрел, говоря о свободе как результате постепенного развала деспотизма, а не бурного ее прорыва в форме насильственного переворота. В этом случае он мечтал о том, чтобы Америка оказалась причастна к такому повороту событий. Как мы знаем, она и ее западные союзники оказались более чем «причастны» (то же было и в феврале 1917 года).

Что, впрочем, не было случайностью, так это целенаправленная, продуманная и тесно скоординированная с США (или, скорее всего, направляемая из США) деятельность так называемой демократической оппозиции, возглавляемой Гавриилом Поповым, Анатолием Собчаком и другими «демократами» по раскачиванию и расшатыванию ситуации в СССР – вплоть до организации дефицита основных продуктов питания и ширпотреба. В этом смысле роль и методы либералов, способствовавших крушению Империи в феврале 1917 года и краху СССР в декабре 1991 года, были поразительно идентичны. Как и их теснейшие связи с западными посольствами, соответственно в Петрограде и в Москве. Об этом, помимо других источников, откровенно повествуют американцы Струоб Тэлбот и Майкл Бешлосс.

Чего мы не знаем до сих пор, так это какую конкретную роль сыграли в гибели СССР предельно подозрительные тайные контакты и договорен-

ности Горбачева (начиная с его секретной поездки в штат Нью-Йорк в ходе визита в Канаду в мае 1983 года, знаменитой встречи с М.Тэтчер в Лондоне в декабре 1984 года и кончая до сих пор неизвестным содержанием его закрытых практически от всего руководства страны разговоров и договоренностей с Дж.Бушем-старшим в 80–90-е годы). Не говоря уж о подрывной деятельности таких прямых агентов влияния США, как А.Н.Яковлев и Э.А.Шеварднадзе.

Кеннан писал о том, что Россия должна «освободиться» сама, без усилий иностранной (западной агитации), которая, по его мнению, могла только помешать, вызвав возмущение советских граждан вмешательством в их внутренние дела. Не знаю, насколько был при этом искренен наш автор. Практика же была такова: лишь часть слушателей «голосов» с примкнувшими к ним читателями журналов «Америка» и «Англия», зрителей западных фильмов, посетителей национальных выставок и фанатов западной поп-музыки общались к мысли о преимуществах Запада.

Большинство же (а их в 70–80-е годы были миллионы) ежевечерне приносили к радиоприемникам, чтобы узнать из передач «Голоса Америки» новости о своей собственной стране – СССР, которых не было в советских СМИ или которым они не доверяли из-за плохой работы нашей пропаганды. Новости из-за бугра были, как правило, «серыми» (сочетанием правды с ложью). Но как выяснилось, большое число слушателей им бездумно верили, и роль этой пропагандистской войны Запада против Советского Союза никак нельзя недооценивать.

Наконец, о фразе Кеннана о том, что в отношениях с СССР Америка, преследуя свои национальные цели (которыми существование нашего государства как независимой социалистической сверхдержавы не предусматривалось вообще), должна была ими руководствоваться «при всех наших сношениях с различными русскими политическими течениями, включая и то, которое сейчас находится у власти, и те, которые представляют собою оппозицию». В 1951 году применительно к нашей стране подобное пожелание смотрелось более чем странно и даже экзотически. Но не будем забывать, что его статья называлась «Америка и русское будущее». И поэтому здесь Кеннан, видимо, имел в виду то состояние будущей России, к которому он так стремился, и которое как раз предусматривало и различные политические течения, и оппозицию.

То есть именно то состояние, в котором наша страна находится уже четверть века. Все это время американская политика, дипломатия, а также всевозможные разведывательные и прочие организации, фонды и службы свято выполняли и выполняют заветы патриарха советологии, поддерживая контакт со всеми – от власти (Горбачева–Ельцина–Путина–Медведева–Путина) – до всех нынешних парламентских и значительной части внепарламентских партий, движений и НПО. Другое дело, насколько более сво-

бодной, независимой, демократической и процветающей стала в результате наша страна. И, кстати говоря, насколько укрепилась в этой связи безопасность Америки? У автора и не только у него ответы и на первый, и на второй вопрос отрицательные.

Однако в 1951–1952 годах США и персонально Джорджу Кеннану приходилось иметь дело совсем с другим – глубоко чуждым и враждебным им советским государством. Причем, судя по воспоминаниям дипломата, после выхода статьи (которая, разумеется, была тщательно изучена в совпредставительствах в США и доложена в Москву), он даже не представлял себе, как быстро, в каком качестве и с какими личными последствиями для себя он с этими реалиями столкнется.

ПОСОЛ В МОСКВЕ

Как вспоминает Кеннан, в конце августа 1951 года – через пять месяцев после появления данной статьи – он получил сообщение от госсекретаря Ачесона о том, что действовавший в это время посол США в Москве адмирал Алан Кирк (один из бравых организаторов высадки войск США в Нормандии, за два года пребывания послом в Союзе прошедший путь от полного дилетанта в советских делах до лютого антисоветчика), собрался в отставку. Дин Ачесон хотел утвердить Кеннана преемником адмирала.

У меня нет сомнений в том, что власти США при рассмотрении его кандидатуры на эту должность в один из худших и наиболее опасных периодов в отношениях двух стран исходили не только из квалификации и опыта Кеннана, но прежде всего из его взглядов, убеждений и заслуг в создании идеологической и организационной инфраструктуры «холодной войны» и стратегии развала нашего государства, которые ему предоставлялась возможность попытаться претворить в жизнь прямо на месте. Что же касается сложностей в его понимании этих проблем и даже явных намеков на некое интеллектуальное одиночество, почти диссидентство, то тогда в Вашингтоне этот фактор то ли не понимали, то ли недооценивали, то ли сознательно игнорировали, осознавая неизбежность издержек в работе с «высоколобыми» типа него.

Со своей стороны, в мемуарах Кеннан пишет о том, что звонок из госдепа вызвал у него противоречивые чувства. Принять предложение означало необходимость прервать так счастливо складывавшуюся научную работу в Принстоне в области международных отношений с кружком организова-

вшихся вокруг него молодых ученых (а мы уже поняли, что он был по-настоящему фундаментальным исследователем). Кроме того, Кеннан не забыл о своем несогласии с официально проводимой политикой в период, непосредственно предшествовавший его уходу в неоплачиваемый отпуск. Наконец, самое главное, у него были сомнения в том, может ли и должен ли он представлять в такой «важной и чувствительной» точке как Москва политику, «которую я полностью не понимал, и в которую не верил»¹²². Ниже мы увидим, что эти его сомнения оказались вполне оправданными.

И в то же время Кеннан, разумеется, не мог отклонить подобное назначение. Конечно же, оно было лесным для него и грело его самолюбие. Разумеется, он считал, что вся его предшествовавшая карьера готовила его к подобному посту, и уж если ни он, то кто? Само собой, как американец и карьерный дипломат он был счастлив, что президент США помнит и ценит его. Кеннан, правда, сказал Ачесону, что, будучи в распоряжении правительства, все же просит поискать кандидатуру, более близкую президенту и лично, и с точки зрения идеологии и взглядов. Но он был счастлив услышать через несколько дней, что решение Трумэна было окончательным.

О нем было официально объявлено 27 декабря 1951 года. Тем не менее Кеннан настоял на том, чтобы приступить к своим обязанностям не ранее мая следующего года с тем, чтобы основательно подготовиться к новой работе и завершить академический год в Принстоне. За это время назначение было единогласно утверждено в сенате, был получен агреман в Москве, и в апреле 1952 года он направился в Вашингтон сделать необходимые по местному этикету звонки высокопоставленным особам.

Первым был президент Гарри Трумэн. К тому времени он уже объявил, что больше не собирается избираться на свой пост и по воспоминаниям Кеннана, в связи с этим находился в «умиротворенном и расслабленном состоянии духа». Тем не менее президент согласился тогда с дипломатом в отношении его оценки «мотивов и принципов поведения советских лидеров», самое главное, сказав, что «никогда не верил в то, что они хотят новой большой войны» (интереснейшие слова с учетом бесконечных в то время официальных заявлений администрации, конгресса и прессы США прямо противоположного свойства. – *Авт.*).

Помимо этого, констатировал Кеннан, «никаких иных инструкций он мне не дал». На следующий день, во время встречи с Дином Ачесоном, «тот был сердечен, но очень сдержан, ничего не сказав о том, что было бы хотя бы намеком на ту основную линию, которую я должен был проводить в новой должности»¹²³.

¹²² Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.105.

¹²³ Ibid. P.107.

По воспоминаниям Кеннана, на следовавшем затем по его инициативе ланче в советском посольстве с послом А.С.Панюшкиным (теперь известно, что он же был руководителем советской разведывательной резидентуры в США) и с советником посольства хозяева были сердечны и приятны, произошел «достаточно любезный разговор», причем обе стороны воздержались от обсуждения «болезненных проблем» отношений двух стран, так как «никто из участников встречи не получал от своих правительств никаких инструкций по данному поводу». Таким образом, и здесь наш герой не получил искомого.

Однако телефонный разговор с известным советским дипломатом, в то время представителем СССР в ООН в ранге заместителя министра иностранных дел Я.А.Маликом (недавним партнером Кеннана по переговорам в отношении урегулирования в Корее) которому Кеннан позвонил в Нью-Йорк, проходил совсем по-иному. Настроение советского дипломата в ходе разговора Кеннан определил как «кисло-горькое». По его словам, тот «предпочитал верить в то, что деловые круги США стремятся к войне», в качестве доказательства приводя заявления американской прессы о том, что резкий спад военных заказов приведет к новой Великой депрессии. Он также поинтересовался, почему со стороны США не последовало никакой реакции на последние заявления И.В.Сталина.

От себя добавим, что данный вопрос, конечно же, был задан не без серьезных оснований. Известно, что, будучи крайне обеспокоенным резко ухудшившейся международной обстановкой, советский руководитель в 1949–1952 годах сделал несколько заявлений в прессе, в том числе отвечая на вопросы американских СМИ, в которых, отвергая вину СССР за это ухудшение, вместе с тем говорил о необходимости налаживания нормальных взаимоотношений двух стран без вмешательства во внутренние дела друг друга¹²⁴. В частности, Сталин заявлял о готовности встретиться с президентом Трумэном в СССР или в Европе и о возможности «мирного сосуществования капитализма и коммунизма при наличии обоюдного желания сотрудничать...».

Однако американская сторона откликнулась на эти жесты доброй воли более, чем холодно или вообще гробовым молчанием. Так, к примеру, 2 февраля 1949 года Ачесон высказался отрицательно в отношении поддержанной Сталиным идеи совместной декларации СССР и США об отказе от военных действий друг против друга. В тот же день к мнению Ачесона присоединился Г.Трумэн. Заявление о возможности мирного сосуществования двух стран было публично сделано советским вождем 2 апреля 1952 года, незадолго до разговора Кеннана с Маликом, но никакой реакции Вашингтона на него вообще тогда не последовало¹²⁵.

¹²⁴ См. *Сталин И.В.* Соч. Т. 16. Ч. 2. С.19–20, 21, 414 и др.

¹²⁵ См. там же. С.21. Примечание.

Естественно, это нервировало МИД и наших дипломатов. Теперь, думается, молчание Вашингтона легко можно объяснить. К тому времени многие в американской политической элите уже считали Сталина новым Гитлером и любые миролюбивые заявления с его стороны рассматривали как заведомо вводящие в заблуждение. С другой стороны, как мы видим из текста воспоминаний Кеннана, в то время в руководстве Белого дома и госдепартамента никто вообще всерьез не анализировал и не направлял политику на советском направлении. Поэтому Кеннан отделался тогда в разговоре с Маликом словами о том, что «мы не хотим дезориентировать наш народ, выпуская расплывчатые заявления общего характера» (намек на ответ Сталина группе редакторов американских газет 2 апреля и его отдельные интервью ведущим журналистам США. – *Авт.*).

В заключение разговора, вспоминает Кеннан, Малик сказал, что Советскому Союзу угрожают. «А Вы уверены, – спросил его Кеннан, – что Ваше правительство не хочет того, чтобы ему угрожали?» (намек на один из его основополагающих антисоветских/русофобских тезисов о том, что все правительства России/СССР удерживали власть, запугивая народ внешней угрозой. – *Авт.*). «Разумеется, уверен», – ответил Малик.

«Вернувшись в Принстон и вспоминая поездку в Вашингтон, – пишет Кеннан, – так же, как и различные свидетельства советской готовности войти в некую новую фазу дискуссий и переговоров с западными властями (именно об этом мы говорили чуть ранее. – *Авт.*), я с сожалением вынужден был признать, что у меня не было абсолютно никаких реальных инструкций любого рода ни от госсекретаря, ни от президента, ни даже какого-нибудь годного к употреблению указания, отражавшего их подходы к таким важнейшим проблемам того времени, как Германия, переговоры о перемирии в Корее, дискуссии в ООН по разоружению и т.п.».

В результате Кеннан ходатайствовал о брифинге с госсекретарем и его ведущими сотрудниками. Однако на продолжавшейся час встрече он столкнулся с той же самой пассивностью сотрудников департамента и нежеланием инициативно давать ему какие-либо установки в отношении содержания его предстоящей миссии.

И лишь под давлением с его стороны, Кеннану удалось выяснить, что, несмотря на обострившуюся к тому времени германскую проблему (тогда все еще формально не был снят с повестки дня вопрос об объединении страны), США не заинтересованы ни в какого рода обсуждениях данной темы с советской стороной. Кеннана это не устраивало: он справедливо полагал, что его будут настойчиво спрашивать об этом в Москве, настаивая на том, что если предложения СССР, изложенные в многочисленных нотах по этому поводу руководству США, их не устраивают, то в чем же состоят идеи американской стороны? На самом деле мы знаем, что Штаты к тому времени уже вовсю превращали Западную Германию в свой главный анти-советский военно-политический и экономический форпост в Европе.

Что касается Дальнего Востока, то вопрос Кеннана состоял в том, намерены ли США сделать СССР одним из гарантов мирного урегулирования в Корее, или они собираются держать русских в стороне от будущих договоренностей. И на него никакого определенного ответа не было получено – Кеннан решил, что эта тема вообще Вашингтон не интересовала.

Наконец, обратившись к переговорам о разоружении, спорадически возобновлявшимся тогда время от времени в Женеве, и задав вопрос, в чем же здесь заключается позиция США, Кеннан услышал, пожалуй, в наибольшей степени разочаровавший его ответ. Согласно записям в личном дневнике, который постоянно вел Кеннан, госсекретарь Ачесон высказался в том плане, что раньше он, мол, полагал и даже инициировал договоренности в соответствии с формулой: вначале надо предпринять какие-то конкретные совместные шаги в области разоружения, и тогда это поможет решить политические проблемы. Однако жизнь научила его обратному, и теперь он считает, что вооружения – функция, а не причина политической напряженности, а потому никаких многосторонних договоренностей в области разоружения невозможно достичь в принципе до тех пор, пока политические проблемы не будут урегулированы «на реалистической» (с позиций США, разумеется. – *Авт.*) основе. Таким образом, Кеннан должен был сделать вывод о том, что женевские переговоры были для США абсолютно пустым постановочным мероприятием.

Для нас важно заключение, которое тогда же сделал для себя будущий посол: правительство США было категорически неправо в данном вопросе. И еще более важен вывод, зафиксированный в его дневнике. Как там написано (Кеннан цитирует страницы из дневника в своих мемуарах), после всех проведенных разговоров в Вашингтоне он в целом не скрывал своей озабоченности по поводу общего направления внешней политики страны. И прежде всего того, что США надеялись добиться своих целей на Западе и на Востоке, не делая ни малейших уступок с учетом мнений и интересов противников (т.е. прежде всего, СССР).

«Наша позиция, – записал он свой вывод, – по моему мнению, сравнима с требованиями безоговорочной капитуляции времен последней войны. Она была бы хороша, думал тогда я, если бы мы действительно были всемогущими и могли рассчитывать сохранить это всемогущие и дальше. Я глубоко сомневался в том, что положение было именно таким...». И далее Кеннан сам себя спрашивал: исходя из реальности, не лучше ли было попытаться решить хотя бы какие-нибудь проблемы путем соглашения с нашими соперниками, чем полностью ими пренебрегать?

От себя добавим, что в то время, да и в последующие времена вплоть до появления на арене Горбачева, такая позиция Кеннана являлась для США единственно правильной, т.е. реалистичной. Именно исходя из нее (т.е. учитывая интересы и озабоченности советской стороны), Америка неоднократно

но заключала с СССР соглашения по ключевым международным вопросам и проблемам безопасности во взаимных интересах двух стран и всеобщего мира, – лучшим примером чего был визит в СССР в 1972 году президента Р.Никсона и заключенный тогда договор ОСВ-1. А любые попытки Вашингтона ставить нам ультиматумы и вынуждать идти на односторонние уступки, регулярно проваливались.

Происходило это потому, что от Ленина, Сталина и до Черненко, хотя и с разной степенью эффективности, советские лидеры делали то, что делают и должны делать руководители государства во все времена: отстаивали наши интересы, и прежде всего, интересы безопасности, независимость страны и ее народа.

Мы знаем и о том, что к 1986 году – на встрече в Рейкьявике – и особенно после нее, ситуация радикально изменилась. Тогда у наших граждан пропала уверенность в том, что руководство государства в действительности нас защищало, а не наоборот. Большие сомнения существовали и по поводу содержания ведущихся с Западом, в том числе с США переговоров и заключаемых договоренностей с точки зрения обеспечения национальной безопасности государства. Буквально не говоря о таком варианте, в своих сценариях краха советского строя как результата перерождения элиты, Кеннан, возможно, обосновал и этот вариант. Или даже такой провидец не предусмотрел возможности фактического предательства государства его собственными руководителями?

А тогда он исходил из реалий сталинского СССР и международной обстановки начала 50-х годов. И с этой точки зрения его в наибольшей степени волновали проблемы развития ядерных вооружений (как мы помним, в статье в «Форин афферс» он о них даже не обмолвился, как будто бы этой проблемы не существовало вовсе). На самом же деле Кеннан не только прекрасно понимал уничтожающий эффект этого оружия для человеческой цивилизации в случае его практического применения. Он был против использования угрозы этого применения как средства осуществления американской внешней политики. Кеннан писал: «Рассматривая такое оружие как самоубийственное по самой своей природе, деструктивное до такой степени, что его не были в состоянии оправдать никакие национальные цели, и полностью несостоятельное как инструмент национальной политики, я всегда был против того, чтобы основывать на нем нашу оборонную доктрину, в особенности принятие принципа “первого удара” в любом крупном военном столкновении»¹²⁶.

В мемуарах Кеннан напоминает, что еще за два года до описываемых событий он безуспешно выступал против решения о разработке водородной

¹²⁶ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.110.

бомбы до, как минимум, отказа от принципа «первого удара», а затем на неких международных переговорах говорил о запрещении этого и всех других видов оружия массового уничтожения.

И все-таки, почему ни слова о фатальных последствиях использования ядерного оружия, которые были Кеннану так ясны, нет у него в статье в «Форин афферс», где он спокойно рассматривает сценарий войны против СССР? Ответ может быть следующим: у той статьи была совсем другая установка и целевая аудитория и, видимо, другой заказчик.

Тем временем, накануне отъезда в Москву посетив в госдепартаменте собственный отдел, он обнаружил, что даже его ближайшие друзья «капитулировали... перед одномерным и негибким мышлением Пентагона, у которого фальшивая математика сравнительной эффективности (этого оружия) приобрела характер абсолютной ценности, а все остальные факторы исключались из анализа как не имевшие видимой значимости»¹²⁷. Философское различие между этой точкой зрения и моей было в то время для меня столь значимым, вспоминал Кеннан, что оно положило конец всякой интеллектуальной близости даже с теми людьми, кто в прошлом разделял мои собственные взгляды на мировую политику и в целом на политику США.

Дневник Кеннана того времени свидетельствует о поистине трагическом, да еще и переполненном плохими предчувствиями настроении, с которым он собирался в Москву. А ведь речь шла, я уверен, об осуществлении его жизненной мечты, высшей точке в долгой дипломатической карьере. Да и по чисто профессиональным меркам должность посла США в Москве считалась тогда одной из самых важных, престижных, ключевых в американской и мировой дипломатии.

И тем не менее Кеннан писал в дневнике о том, что вернулся из столицы в Принстон, испытывая острое чувство одиночества. Ему казалось тогда, что в Вашингтоне не осталось никого, кто бы мог его выслушать и понять. Он полагал, что тем более никого из таких людей не найдет в посольстве в Москве. И вообще он считал, что «возможно, был послан с миссией для него невыполнимой». Кеннан пытался успокоить себя тем, что был не первым, оказавшимся в подобных обстоятельствах в «странной профессии дипломата». Но сознавался в том, что с «тяжелым сердцем, с пустыми руками, не проинструктированный, не уверенный в себе собирался взяться за дело, которое наверняка было наиболее важным и деликатным из всех мировых дипломатических задач».

«Записав в конце апреля 1952 года в свой дневник эти слова, – пишет Кеннан, – я был переполнен тяжелыми раздумьями в отношении описанных событий, но и понятия не имел о грядущей катастрофе, которой было суж-

¹²⁷ Ibid. P.111.

дено перечеркнуть предпринимаемую мною миссию. Но такова сила предчувствия»¹²⁸.

Кеннан прибыл в Москву 5 мая 1952 года, и следующие страницы его мемуаров переполнены бытовыми деталями и ощущениями от нового раунда с красной столицей. Он сообщает, что его семья (супруга и двухлетний сын Кристофер) остались в Бонне, поскольку ожидалось прибавление семейства. Дочь Венди Антония появилась на свет в Бад-Годесберге через пять дней после отбытия Кеннана в Москву. Семья приехала к отцу позднее.

С первых же строк дипломат описывает свои впечатления, не скрывая уже известных нам предубеждений в отношении к стране пребывания. Конечно, на это настроение, по его же признанию, наложили отпечаток и «смешанные чувства», с которыми он к нам прибыл. Конечно, на нем не могла не сказаться общая гнетущая атмосфера в отношениях двух стран. В любом случае, уже на пути из аэропорта в Спасо-Хаус его начали раздражать «знакомые запахи московских улиц... смесь махорки (русского табака) и дешевого одеколона». (Интересно, что никогда – и до, и во время, и после войны, и даже тогда, когда он вместе с другими американскими дипломатами оказался интернированным в фашистской Германии, Кеннан не позволял себе ни слова, негативно характеризовавшего бы его отношение к этой стране и ее народу. Германия была и навсегда осталась его любовью. Недаром и дети его были рождены именно там.) Впрочем, «неоднородность» Кеннана проявилась и здесь. Перечисленные выше негативные впечатления о русских людях быстро сменяются у него совсем другими к ним чувствами.

Кеннан описывает «печальное» впечатление, которое, несмотря на сделанный ремонт, произвела на него резиденция посла, особенно подробно останавливаясь на недружественно и отчужденно относившейся к нему и к своим обязанностям прислуге из числа советских граждан, а также на многочисленных агентах советских спецслужб, охранявших посольство и лично посла. В результате у него возникло ощущение, что он был «заключенным позолоченной клетки... и если в этом здании с несчастной судьбой и водился призрак, то им был, несомненно, он сам»¹²⁹.

В то же время для характеристики «смешанности чувств» нашего героя в это время интересны его воспоминания о прогулках по аллеям Центрального парка культуры и отдыха им. М.Горького в выходные дни. Согласно автору мемуаров, они были заполнены жизнерадостными толпами москвичей, увлеченно занятых всеми видами развлечений. Никогда прежде, признается он, мне так сильно не хотелось заслужить возможность, хоть на время, оказаться среди них, говорить с ними, разделить их жизнь. К тому времени уже два десятилетия Россия была частью моей души. Существовала

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Ibid. P.116.

мистическая близость между мной и ими, которую я не мог объяснить даже самому себе, и ничто не могло бы дать мне большее удовлетворение, чем предаться этому чувству.

Но этому не суждено было сбыться, – продолжал он. Охрана неотступно следовала за ним, буквально наступая ему на пятки, «но даже если бы она этого и не делала, я все равно чувствовал себя как бы носителем чумных микробов, стараясь никого не касаться из страха заразить его этой инфекцией и уморить»¹³⁰. Появление дипломата на аллеях парка не привлекало ничего внимания, охранники выглядели, как обычные русские, а сам он был одет по-простецки. Кеннан почти смешивался с толпой, почти физически ощущая этих людей, их запахи, обрывки разговоров, наблюдая за их лицами и поведением, и в то же время как бы невидимая черта отделяла его от них: он был «так близко и так далеко».

Постепенно он начал думать о себе как о человеке-невидимке, способном видеть и наблюдать других людей, в то же время, будучи невидимым или, по крайней мере, не признаваемым ими. Такой, думал он про себя, наверное, кажется действительность пришельцу из других веков, или с другой планеты, которому дозволено прибыть и наблюдать течение местной жизни, частью которой он не является. От себя добавим, что описываемое дипломатом – это типичная действительность «холодной войны», одним из принципиальных авторов которой был именно он. В немалой степени описываемая им ненормальность, паранойя, были делом его собственных рук, результатом демонизации СССР и русского народа, которая лишь резко усиливалась и без того до предела напряженные политические отношения двух стран. В мемуарах Кеннан что-то такое писал про бацилл чумы. Читая его воспоминания, складывается впечатление, что одним из пораженных этими бациллами оказался сам ученый, произведший их на свет в своей интеллектуальной лаборатории. В тех же воспоминаниях он подробно описывал свои ощущения от прогулок по нацистскому Берлину в разгар Второй мировой войны. Ничего подобного на отчуждение, которое он чувствовал в Москве, Кеннан тогда в Берлине явно не испытывал.

Говоря о Москве 1952 года, он передает читателю свои самоощущения человека-невидимки на другой планете, искренне, эмоционально жалея при этом о том, что не мог стать частью жизни русских людей того времени: он наверняка считал, что их отделяла от него только железная рука Министерства госбезопасности, ненавистного ему Сталина и его режима. Но вспоминал ли он в ходе этих своих прогулок о том, как несколькими месяцами ранее анализировал и калькулировал ход и последствия войны США против СССР? Думал ли, что сказали ли бы ему эти простые люди, признав в нем амери-

¹³⁰ Ibid.

канского посла, да еще прочитав перед этим что-нибудь из его сочинений по поводу их страны и народа (к примеру, сравнения Советского Союза с гитлеровской Германией)? Ведь в отличие от него, они никак не отделяли себя ни от советской власти (которую считали своей, народной властью), ни от Сталина, которого считали своим великим вождем, приведшим их к Победе.

Вот тогда его советские охранники ему точно бы потребовались. Кстати, в его описании в них проглядываются даже какие-то человеческие черты. По словам Кеннана, они весьма благожелательно на него смотрели, а один из них однажды во время прогулки чуть не напугал его до смерти, вдруг прошептав сзади по-русски: «Господин посол, у Вас шнурок на ботинке развязался!».

Возвращаясь к воспоминаниям о своей непосредственной как посла деятельности в эти несколько отведенных ему судьбой месяцев в данном ранге, Кеннан пишет о вручении им верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Швернику в том же торжественном зале Большого Кремлевского Дворца, где он присутствовал при вручении аналогичных грамот первым американским послом в Союзе Биллом Буллитом. Любопытно, что некоторые американские журналисты в статьях, посвященных кончине Кеннана в марте 2005 года, с умыслом упоминали как свидетельство враждебности «сталинского режима» к Штатам в это время тот якобы факт, что Кеннана долго мариновали, не давая возможности вручить грамоты, а потом их принял «заведомо второстепенный чиновник».

Ничего подобного. Н.М.Шверник был в это время официальным главой государства, относясь к высшему руководству СССР, а сама церемония была назначена неслыханно быстро после прибытия Кеннана в Москву 5 мая – она состоялась уже 14 мая 1952 года¹³¹. То есть к нему было проявлено подчеркнутое уважение и внимание. Тем не менее в мемуарах он пишет: «Буллит прибыл в Москву с большими надеждами и “неслыханным энтузиазмом”, я появился здесь, переполненный лишь опасениями и плохими предчувствиями. Так много мы уяснили для себя за два десятилетия контактов с советским правительством»¹³².

Рассказав ранее читателям своих мемуаров о полной незаинтересованности и отстраненности его руководства в Вашингтоне от политики на советском направлении, Кеннану легко было далее поведать тем же читателям, что и формальную речь при вручении верительных грамот, по идее должную отражать квинтэссенцию политики государства, направляющего посла в другую страну, писал он сам, исходя из собственного понимания принципов и приоритетов этой политики, не согласовывая ее ни с кем. Естественно, что речь состояла из общих заявлений, хотя и сюда он включил фразу о том,

¹³¹ Ibid. P.119.

¹³² Ibid. P.120.

что США будут стремиться к «ликвидации условий, которые вплоть до настоящего времени препятствуют нормальным взаимоотношениям граждан двух стран»¹³³.

Это был типичный лозунг из арсеналов «холодной войны». За ним и тогда, как и десятилетия спустя, стояло обвинение американцев в адрес советских властей в препятствовании «обменам идей и людей». Впоследствии со слов самого Кеннана и из других источников мы узнаем о том, что творилось в это самое время в США, где в результате разгула маккартизма и охоты на ведьм любые контакты американцев с советскими людьми и местными коммунистами, знакомство с коммунистическими идеями приравнивались чуть ли не к государственной измене, людей за это травили, увольняли, а руководителей легально существовавшей с 1919 года, основанной Джоном Ридом Компартии судили и сажали в тюрьму. Узнаем мы и о том, как в то же время правительство США запретило распространение в стране Информационного бюллетеня посольства СССР.

Сам Кеннан, разумеется, не упоминает в мемуарах о знаменательном интервью И.В.Сталина в Кремле сыну Франклина Рузвельта Эллиоту и его супруге в день рождения вождя СССР – 21 декабря 1946 года (что подчеркивало значимость этой встречи в его глазах). Отвечая тогда на вопрос Эллиота: «Высказываетесь ли Вы за широкий обмен информацией культурного и научного характера между двумя странами. Высказываетесь ли Вы за обмен студентами, артистами, учеными, профессорами?», Сталин однозначно ответил: «Конечно»¹³⁴.

Несмотря на все вышесказанное, о чем посол США вроде бы не мог не знать, Кеннан в ходе последовавшей за вручением грамот протокольной беседы со Шверником расширил и усилил наступательность, вернее, агрессивность своей позиции. Судя по его пересказу своего устного заявления в ходе беседы, главе советского государства была устроена типичная для американских политиков и дипломатов лекция на тему о том, как надо и как не надо себя вести с точки зрения Вашингтона (понятие lecturing с тех пор давно уже стало характеристикой одиозного поведения американцев, в отношениях с зарубежными странами считающих себя вправе устраивать им выволочки, ставить оценки и вообще «учить жить»).

Основу той лекции дал «отлуп», который Кеннан попытался устроить советской стороне в связи с предъявленной ему Я.Маликом претензией по поводу того, что США никак официально не реагируют на заявления генералиссимуса Сталина по проблемам международной политики, в том числе на его прямые публичные обращения к американцам наладить нормальные взаимоотношения на принципах «мирного сосуществования» (как помнит

¹³³ Ibid.

¹³⁴ «Правда». 1947, 27 января.

читатель, когда-то Кеннан как раз предлагал своему правительству призвать СССР к принятию именно такой формулы отношений).

Вопрос Малика был абсолютно обоснованным. В высказываниях Сталина, обращенных к американцам, эта тема поднималась так часто и так настойчиво, что молчание Вашингтона вполне могло пониматься в Москве примерно как же угрожающе, как молчание Берлина на зондирующее Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года.

К примеру, на той же самой встрече с Эллиотом Рузвельтом это звучало так: «Вопрос: “Считаете ли Вы возможным для такой демократии, как Соединенные Штаты, миролюбиво жить бок о бок в этом мире с такой коммунистической формой государственного управления, которая существует в Советском Союзе, и что ни с той, ни с другой стороны не будет предприниматься попытка вмешиваться во внутривластные дела другой стороны?”. Ответ: “Да, конечно. Это не только возможно. Это разумно и вполне осуществимо. В самые напряженные времена в период войны различия в форме правления не помешали нашим двум странам объединиться и победить наших врагов. Еще в большей степени возможно сохранение этих отношений в мирное время”»¹³⁵.

Как ранее отмечалось, весной 1952 года, в период резкого ухудшения отношений двух стран, отвечая на вопросы группы из 50 редакторов американских провинциальных газет, Сталин писал, что «мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств». Кстати, в том же интервью он не отрицал возможную пользу новой встречи глав великих держав и считал то время подходящим для объединения Германии¹³⁶.

Полностью игнорируя суть этих совершенно ясных заявлений главы советского правительства, в ходе весьма ответственной беседы со Шверником, Кеннан назвал обращение советской стороны к американцам с просьбой подтвердить их согласие с изложенными Сталиным принципами мирного сосуществования «странным». Как дипломат весьма раздраженно заявил тогда Швернику, «вопрос не в том, могут ли две системы сосуществовать. Они уже сосуществуют на протяжении 35 лет; и мы не видим причин, по которым они не могут продолжать сосуществовать еще 35 лет или еще 350 лет... Настоящий вопрос состоит в том, “как” сосуществовать – то ли продолжая поддерживать состояние напряженности и взаимного подозрения, что будет держать весь мир в неопределенности и тревоге, или же установив нормальные от-

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ «Правда». 1952, 2 апреля.

ношения, основанные на взаимной терпимости и уважении в рамках конструктивного развития мирового сообщества в целом»¹³⁷.

Очевидно, что подобное заявление американского посла носило настолько декларативный характер (не говоря уж о его недопустимо при таких торжественных обстоятельствах раздраженной форме), что, разумеется, это никак не могло удовлетворить советскую сторону и лично Сталина. Тем более мы помним, что сам Кеннан накануне вылета в Москву признавал, что видел для себя в это время «различные свидетельства советской готовности войти в некую новую фазу дискуссий и переговоров с западными властями». Уверен, что эту готовность он фиксировал прежде всего по заявлениям Сталина, которые теперь так язвительно комментировал, заранее создавая у советской стороны (и так прекрасно знакомой с его эпистолярным творчеством антисоветского характера) негативную по отношению к себе установку, что заранее сеяло семена той катастрофы, которая вскорости его постигла.

Впрочем, в мемуарах он сам по прошествии десятилетий самокритично анализирует всю эту ситуацию. Отмечая, что это стало его единственным официальным заявлением советским властям в роли посла, и учитывая, что оно не представляло ничего, кроме изложения личных взглядов, Кеннан, тем не менее, признавался: глядя на ситуацию в ретроспективе, у него не было никакой уверенности в том, что в сказанном тогда он был прав. Хотя бы потому, что в то время в правительстве США, особенно в его военном блоке, состоял целый ряд людей, отнюдь не верящих ни в какое мирное сосуществование с СССР. Кроме того, вспоминая то время, Кеннан признавал, что тогда просто не существовало ни одной серьезной международной проблемы, по которой США были бы готовы пойти на серьезные уступки ради соглашения с русскими – ни по Германии, ни по ядерному оружию, ни по Японии. От себя добавим: все это были проблемы первостепенного значения и большой тревоги для нашей страны. И как мы помним, дипломат четко понимал, что без готовности сторон к уступкам никакие соглашения были невозможны в принципе.

Не менее важным для Кеннана был тогда вопрос о возможности и целесообразности его встречи со Сталиным. Мы знаем, что такие известные его предшественники на посту посла США в Москве, как У.Буллит, Дж.Дэвис, А.Гарриман, постоянно встречались с советским лидером, причем Дэвис и Гарриман справедливо считали, что это был самый эффективный и быстрый путь к решению проблем в отношениях с Кремлем. На многих из этих встреч Кеннан ранее присутствовал в качестве переводчика и советника посольства. Сталин принимал и его непосредственного предшественника в должности посла Алена Кирка¹³⁸.

¹³⁷ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.121.*

¹³⁸ См. *Сталин И.В. Соч. Т. 16. Ч. 2. С.116–121.*

Однако Кеннан занял другую позицию. В мемуарах он пишет, что решил не обращаться к Сталину с просьбой о встрече. Главная причина была ясна: не имея инструкций из Вашингтона, ему было нечего сказать советскому руководителю. «Зачем, думал я, отнимать время у занятого человека вообще без серьезной причины и лишь ставить себя в унижительное положение в случае, если он задаст любой серьезный вопрос?»¹³⁹. Но по прошествии времени Кеннан и тут признал, что «возможно, отказ (от запроса на встречу) был ошибкой. Кто знает, какое впечатление она (встреча) произвела бы на стареющего и полусумасшедшего диктатора»¹⁴⁰. Последняя фраза по поводу «диктатора», разумеется, свидетельствовала лишь об известных нам взглядах нашего героя.

Но вот по поводу «полусумасшедшего»... И в конце 60-х годов, критически пересматривая свое прошлое, Кеннан не пожелал освободиться от эмоционально-ненавистного отношения к вождю советского народа. Потому что ничего рационального, основанного на фактах в его определении ментального состояния Сталина не было. По всем без исключения источникам известно, что и в последние годы жизни, действительно постарев и ослабнув (о чем он сам публично говорил), Сталин сохранял абсолютно ясную голову и острый ум. Посол Индии в Советском Союзе К.П.Ш.Менон, последним из иностранцев принятый им 17 февраля 1953 года незадолго до смерти, оставил об этом подробные воспоминания¹⁴¹.

Еще более убедительным свидетельством этого является встреча, которую провел Сталин с новыми послами СССР в США, Великобритании и Китае 23 июля 1952 года (на ней присутствовал новый посланник СССР в Вашингтоне Г.Н.Зарубин). Мы приводим справку об этой встрече полностью потому, что она свидетельствует не только о том, что глава советского правительства и в последние годы жизни активно занимался руководством внешней политикой страны; беседа показала высокий уровень требований вождя и его пожелания к главам загранпредставительств, и на сегодня абсолютно актуальные и далеко не всеми нашими послами за рубежом реализуемые.

Документ № 160

Справка о беседе Председателя Совета министров СССР И.В.Сталина с послами СССР в США, Великобритании и Китае

21.07.1952

¹³⁹ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.121–122.

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Горев А. Неру. Жизнь замечательных людей. М., 1980. http://www.erlib.com/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2/%D0%9D%D0%B5%D1%80%D1%83/24/.

УКАЗАНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА 23 ИЮЛЯ 1952 ГОДА
ВО ВРЕМЯ БЕСЕДЫ С тт. ГРОМЫКО, ПАНЮШКИНЫМ И ЗАРУБИНЫМ
В ПРИСУТСТВИИ тт. В.М.МОЛОТОВА И А.Я.ВЫШИНСКОГО

В процессе беседы товарищ Сталин дал следующие указания о задачах посла.

1. Посол Советского Союза должен хорошо знать страну пребывания, ее государственных, политических, общественных деятелей и своевременно информировать советское правительство о происходящих в стране пребывания важнейших событиях. Послы недостаточно изучают экономику страны пребывания и политическую расстановку сил в ней. Между тем посол обязан хорошо разбираться в экономике страны, уметь делать анализ экономического и политического положения страны и знать ее деловые и политические круги, которые направляют политику страны.

Имеющиеся у послов связи среди политических и общественных кругов являются недостаточными. Отсутствие у посла связей ограничивает его возможности следить за происходящими важнейшими событиями в стране, т.к. в задачу посла входит изучать страну не только по прессе, но и путем контактов с соответствующими кругами. Посол должен быть общительным в своих отношениях с государственными, политическими и дипломатическими деятелями, не избегать этих связей, напротив, всячески их развивать; должен умело проводить беседы, выясняя во время этих бесед интересующие нас вопросы, больше слушать, ничего не обещать и не раскрывать нашу позицию по тому или другому вопросу, если она еще не выражена в соответствующих документах или в заявлениях советского правительства. Он не должен высказывать в этих беседах какого-либо нашего враждебного отношения к стране собеседника, показывая себя покладистым; уметь расположить к себе собеседника и в то же время должен осторожно относиться к тому, чтобы не позволить собеседнику вовлечь себя в какие-либо интриги.

Посол не должен изолировать себя от различных организаций в стране пребывания и в тех случаях, когда это является выгодным для Советского Союза, принимать приглашения этих организаций и выступать на их собраниях и митингах по вопросу о мире и борьбе Советского Союза за мир.

Послы являются ответственными за работу всех советских организаций в стране пребывания. Поэтому они должны конкретно руководить этими организациями.

Послы не должны входить в контакт с лидерами компартии страны пребывания и в случае необходимости дать понять руководителям компартии, что это не входит в задачу послов.

В случае попыток того или другого деятеля страны пребывания вступить в разговоры по вопросу об улучшении отношений с Советским Союзом, то посол должен выслушать эти пожелания, немедленно доложить об этом советскому правительству и в дальнейшем действовать только по получении соответствующих указаний от правительства по этому вопросу.

2. Если в процессе бесед посла с деятелями страны пребывания последние поставят вопрос о Корее, то послы должны придерживаться той точки зрения, что предложения американцев относительно северокорейских и китайских военнопленных являются беспрецедентными. При этом следует указывать, что история не знает случаев, когда бы не возвращались на родину все военнопленные после прекращения военных действий.

3. По вопросу о Германии послам не следует ввязываться в дискуссию, имея в виду, что позиция советского правительства по вопросу о Германии ясно изложена в нотах СССР правительствам США, Великобритании и Франции.

3-мг [Михаил ГРИБАНОВ]

24.VII.52 г.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. П. 1. Д. 9. Л. 4–6. Копия¹⁴²

Новый посол США, однако, счел для себя бессмысленными и контакты с работниками Отдела советского МИДа, отвечавшими за отношения с США. По его впечатлениям от первой встречи, они говорили с ним газетными фразами и вообще были лишены возможности (даже если бы захотели) делиться собственными суждениями по политическим вопросам, так как, по его убеждению, помещение Отдела было оборудовано подслушивающими устройствами¹⁴³. Невольно напрашивается вопрос о том, как вели себя в это время сотрудники советского отдела госдепартамента, встречаясь с нашим послом и другими дипломатами. Неужели возмущались «охотой на ведьм» в Вашингтоне и агрессией США в Корею? Вспомним, что даже самому Кеннану эти госдеповцы не сказали перед его отъездом в Москву ничего конкретного и путного.

Ниже мы увидим, что Кеннан не заметил противоречий между приведенными им словами о бессмысленности контактов с работниками МИДа и зафиксированными в тех же мемуарах рассуждениями о необходимости посещать их по три-четыре раза в неделю. До этого он сообщил читателям об отказе направить запрос о встрече с И.В.Сталиным, хотя почти все его предшественники в ранге посла с главой советского правительства встречались. Тем не менее это не помешало Кеннану в послании на имя президента Трумэна (о чем в мемуарах он не вспоминает) от 11 августа 1952 года написать: «Мы настолько отрезаны, стеснены запретами, и нас настолько игнорирует советское правительство, что это выглядит так, будто вообще прерваны дипломатические отношения»¹⁴⁴.

Однако это сообщение посла президенту полностью противоречило действительности! За краткий срок пребывания на этом посту в Москве Дж.Кеннана дважды принимал министр иностранных дел А.Я.Вышинский – 18 июня 1952 года по общим вопросам советско-американских отношений и 8 июля 1952 года в связи с вручением ноты правительства США по германскому вопросу (на обеих этих беседах мы еще остановимся). В том же году советники посольства постоянно принимались по разным вопросам на уро-

¹⁴² <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72198>.

¹⁴³ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.122.

¹⁴⁴ <http://www.sem40.ru/evroplanet/history/19051/>.

вне заместителей министра иностранных дел и других руководящих работников МИДа. Кроме того, дипломатическая жизнь Москвы и в том году, и тем летом и осенью была, как всегда, наполнена дипломатической активностью десятков посольств, на которые приглашались и американские дипломаты во главе с послом. Нет сомнения, что Кеннан 4 июля проводил (не мог не провести) официальный прием в честь Дня независимости США с участием высокопоставленных советских гостей и деятелей культуры, вот только для подтверждения своего тезиса об «изоляции» ничего не пишет обо всем этом в мемуарах.

Аналогичным образом параллели напрашиваются по поводу возмущения, проявляемого Кеннаном касательно резких выступлений советской прессы с критикой США: особенно тяжело он воспринимал соответствующие карикатуры в газетах, журналах и особенно на уличных плакатах. Кеннан не приводит фамилий их авторов, но почти наверняка имеет в виду сатирические изображения, принадлежавшие кисти Кукрыниксов, Бориса Ефимова и других советских мастеров этого жанра. Сюжеты касались обвинений конгресса по адресу СССР в отношении Катюши и с другой стороны, обвинений Советского Союза по адресу США в применении в Корее бактериологического оружия, пыток над пленными и других подобных сюжетов.

Что касается карикатур, то американские мастера этого жанра тогда не только не отставали от своих советских коллег, но давно перескочили границу бесстыдства и подлости. Об этом свидетельствует, к примеру, изданная в США в 1986 году книга американского исследователя Сэма Кина «Лица врагов», состоящая из репродукций произведений этого жанра, созданных в разных странах, но прежде всего в США и в СССР во время «холодной войны»¹⁴⁵. Так, например, в книге приводится репродукция известного в то время американского карикатуриста Фицпатрика «Сталин, как Гитлер», опубликованная в крупной газете «Сант-Луи пост диспетч» в начале 50-х годов. На картинке сидящий в кресле в своем кабинете Сталин с видимым удовольствием изучает «Майн Камф» Гитлера, а за его спиной красуются папки с материалами антисемитских погромов, на корешках которых последовательно видны фамилии их якобы организаторов – Петра Первого, Екатерины Второй, Николая Второго и т.д.

Другими словами, картинка буквально иллюстрирует разработанный тем же Кеннаном и его соратниками тезис об отсутствии разницы между сталинизмом и нацизмом, СССР и нацистской Германией, и в то же время продолжении в СССР «дурных» традиций царской России, в том числе в разжигании ненависти к евреям. Все это говорится о человеке, под руководством которого Красная Армия спасла от уничтожения нацистами и теми же украинскими

¹⁴⁵ Keen S. Faces of the Enemy. Reflections of the Hostile Imagination. Harper & Row, 1986.

и прибалтийскими националистами миллионы евреев на территории СССР и Восточной Европы. О человеке, который еще несколько лет до этого представлялся американцам вместе с Рузвельтом и Черчиллем лидером антигитлеровской коалиции.

Судя по всему, сам Кеннан не видел в подобных изображениях бывших союзников (а их в книге приводится множество) ничего предосудительного. Более того, он утверждал советским представителям, что «в последнее время» антисоветская пропаганда в США якобы «помягчала».

В неменьшей степени Кеннана возмущала советская устная агитация, которую он наблюдал в Москве – «антиамериканские» по своей направленности беседы лекторов, агитаторов и пропагандистов на предприятиях и даже в парках культуры.

В специальной шифровке в госдепартамент от 6 июня 1952 года, через месяц после прибытия в Москву, Кеннан попытался проанализировать смысл и причины этой агитации и пропаганды. По его заключению, специально организованная антиамериканская кампания была призвана: (а) поднять мораль и усилить энтузиазм, по его мнению, погруженного в политическую апатию советского населения; (б) провести превентивную подготовку к плохим временам, которые могут ждать коммунистический мир в ближайшем будущем; (в) ознаменовать победу одной, наиболее антиамериканской по настрою фракции в советском руководстве над более умеренной; и, наконец, (г) приурочить данную кампанию к прибытию в Москву самого Кеннана, чтобы показать, что помимо обмена пропагандистскими войнами, между руководством обеих стран может существовать и более серьезная повестка дня для конфиденциальных переговоров сторон, тем более, если их инициатором станут США¹⁴⁶.

Все представленные аргументы из записки Кеннана выглядят надуманными и имеющими весьма приблизительное отношение к реальной ситуации в Москве и в Кремле в то время (хотя мы знаем, что с внутривнутриполитической точки зрения она была более чем непростой). А реальность состояла в том, что Сталин был действительно предельно встревожен открыто враждебной политикой США и блока НАТО в отношении СССР и его союзников, носящей характер тотальной конфронтации и почти открытой подготовки к новой мировой, причем ядерной войне.

Уже упоминавшийся посол Индии К.П.Ш.Менон вспоминал, что на той самой встрече в Кремле Сталин говорил о том, что американцы ведут себя, как стая волков. При этом лидер СССР в ходе беседы все время рисовал что-то в своем блокноте. Улучив момент, посол заглянул в блокнот. В нем рукой вождя были изображены волки в разных позах. Эта история, на наш

¹⁴⁶ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.123–124.

взгляд, свидетельствует не только об образности политического мышления Сталина, что видимо было причиной его особой поддержки талантливых советских карикатуристов, некоторые рисунки которых он иногда считал важнее политических статей и речей. Она говорит и о том напряжении, в котором находился тогда вождь и его заикленности именно на угрозе со стороны США как главной в то время.

Возможно, Кеннан каким-то образом почувствовал это. В мемуарах он говорит об уверенности в том, что импульс в организации описываемой пропагандистской кампании против США исходил лично от Сталина¹⁴⁷.

Ссылаясь на ранее упомянутый им источник в Компартии Италии, он вновь возвращается к вопросу о том, что Сталин, якобы, считал в то время войну с США неминуемой. «Возможно, он (Сталин) продолжал и летом 1952 года придерживаться той же точки зрения, хотя статья, которую он разрешил опубликовать от своего имени в журнале «Большевик» в октябре 1952 года этого не подтверждает», – записал Кеннан в мемуарах.

По этому поводу нужно сказать следующее: считающийся крупнейшим в США специалистом по нашей стране Кеннан так и не смог преодолеть органическую ненависть к советскому лидеру, что всю жизнь мешало ему (как и всем остальным американским советологам) объективно разобраться в его личности и деятельности. Если бы не это, уж как минимум к моменту выхода из печати своих мемуаров, Кеннан должен был бы знать общеизвестное – Сталин до последней своей строчки и последнего дня на этой земле все писал сам, тем более, если говорить о его научных и политических публикациях (если бы это было не так, за 55 с лишним лет яростной антисталинской кампании в СССР/России, разумеется, давным-давно объявились бы его «спичрайтеры»).

Вышесказанное, естественно, касается и статьи в журнале «Большевик», опубликованной в октябре 1952 года. Кеннан мог иметь в виду только одну публикацию – знаменитую статью Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Любой, знакомый с неповторимым стилем речи, письма и мышления Сталина согласится, что этот материал мог написать только он лично. В нем советский лидер, опираясь на уроки прошедшей войны, утверждал, что для США возможная война с СССР была опаснее, чем с капиталистическими странами, так как в случае их поражения встал бы вопрос о существовании капитализма как такового.

Он писал, что «капиталисты, хотя и шумят в целях “пропаганды” об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны...» (читатель пом-

¹⁴⁷ Ibid. P.124.

нит, что в телефонном разговоре с Кеннаном президент Трумэн это практически подтвердил).

Более того, Сталин далее указывал, что «современное движение за мир... не преследует цели свержения капитализма, – оно ограничивается демократическими целями борьбы за сохранение мира. В этом отношении современное движение за сохранение мира отличается от движения в период Первой мировой войны за превращение войны империалистической в гражданскую войну, так как это последнее движение шло дальше и преследовало социалистические цели... Вероятнее всего, что современное движение за мир, как движение за сохранение мира, в случае успеха приведет к предотвращению данной войны...»¹⁴⁸.

Характерно, что осенью того же года, уже «самоуволенный» с должности посла в Москве и фактически безработный (хотя и получавший зарплату в госдепе), сидя в Германии и имея неограниченное свободное время, Кеннан возвращается к попытке анализа данной статьи. На наш взгляд, эта попытка носит жалкий характер. Чувствуется, что все, о чем пишет Сталин в своих «заметках об экономике» СССР, мировой экономике и политике, далеко от Кеннана, как свет далекой звезды. Он то ли не понял этот материал, то ли не захотел понять, но в любом случае преобладающей в этом его анализе была все та же жгучая ненависть к Сталину, предопределявшая все остальное.

Во-первых, как вновь пишет Кеннан в мемуарах, «я не верю, что Сталин в действительности написал эту монографию (существует растущее число свидетельств на этот счет)»¹⁴⁹. Заметим, что нам такие «свидетельства» неизвестны – их просто не существует. Видимо, Кеннан имел в виду какие-то публикации в западных СМИ или советологические труды, в любом случае не опиравшиеся на фактические доказательства. Мы уже указывали ранее, что пока еще ни одному серьезному исследователю в России и за рубежом не удалось доказать данное обвинение, поэтому в основных работах по сталинизму эта идея просто отсутствует.

Далее Кеннан, касаясь собственно статьи, пишет: «Я пришел к выводу, что заключения, изложенные в данном документе, отражали определенную одряхлелость взгляда – менталитет быстро стареющего человека, потерявшего способность или познавать, или забывать. Режим в Москве, делал я заключение в своем анализе, был государством старого человека, несомненно, безжалостным и ужасным, равнодушным к экспериментам над собственным подчиненным ему народом, государством, живущим в собственном прошлом и приверженным идее придать весомость и результативность своим старым концепциям, даже если это означает противоречить логике изменений и отрицать эволюцию человеческого общества путем уничтожения того самого общества, в котором происходит данная эволюция.

¹⁴⁸ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // «Большевик». 1952, №18.

¹⁴⁹ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.169.

Я был рад, когда через несколько месяцев команда немецких врачей, изучив медицинские бюллетени о последней болезни Сталина, пришла к анализу возможного состояния его сознания в последние месяцы жизни, который читается практически слово в слово, как мой»¹⁵⁰.

На наш взгляд, приведенное суждение Кеннана ярко свидетельствует о состоянии прежде всего его сознания. Это было сознание глубоко консервативного в западном смысле этого слова человека, для которого категории социализма, которыми мыслил и руководствовался Сталин, были не только абсолютно враждебны и непонятны, но и выглядели как проявление некоей ненормальности, которой легче всего можно было все объяснить. Тем более, что в экономике Кеннан не разбирался вообще, а марксистской политической экономии «не знал, не читал».

В то же время среди интеллектуальных звезд Запада того времени было немало людей, искренне считавший именно социализм лучшим будущим для человечества. К ним, к примеру, относился великий физик Альберт Эйнштейн. Помимо прочего, они не могли не видеть и не признавать фантастических темпов развития народного хозяйства СССР в 30-е годы и не менее поразительных темпов восстановления и развития этого хозяйства после войны, имевших место под руководством Сталина. Не говоря уж о победе СССР в самой войне. Не видели (не хотели видеть) этого только Кеннан и другие ненавистники Советского Союза.

Что касается самой работы Сталина, то здесь не время и не место ее оценивать. Разумеется, по своему содержанию она относится к тому времени, к которому принадлежит и отражает господствовавшие в советском обществе, в том числе среди ученых-экономистов и обществоведов, взгляды и убеждения, в том числе неправильные тогда и устаревшие сегодня. Однако из рассуждений Кеннана даже невозможно понять, что статья Сталина стала завершением и теоретическим обобщением большой дискуссии по актуальным проблемам социалистической экономики, которая наряду с дискуссиями по многим другим научным проблемам была проведена в это время в СССР именно по инициативе Сталина. В отличие от того, что писал ничего не понявший Кеннан, Сталина как раз волновала опасность застоя в экономике, в науке и в жизни государства и народа, вот почему он приветствовал и поощрял дискуссии, споры между учеными, пытаясь нащупать новые пути в развитии страны. В его работе содержится квинтэссенция из выводов дискуссии, хотя представляется, что она тогда не дала Сталину и экономике страны той степени новизны подходов, на которую можно было надеяться.

Ничего не извлек Кеннан и из содержащихся в статье мыслей Сталина о войне и мире. А ведь, как не странно, они во многом совпадали с его собственными размышлениями того времени!

¹⁵⁰ Ibid. P.169.

Не менее поразительно – и в то же время закономерно для Кеннана – в своих воспоминаниях он, вскользь упомянув подготовку в СССР к XIX съезду КПСС, ни слова не сказал о содержании и значении этого крупнейшего политического события, состоявшегося в октябре 1952 года, и речи на нем Сталина (мы увидим, что в том месяце личная судьба затмила для дипломата все остальное, да и в Москве его уже не было, но впоследствии, работая над мемуарами, он как специалист-историк и практик отношений своей страны с СССР, казалось бы, просто не мог проигнорировать это событие. Однако проигнорировал).

А в речи на съезде Сталин среди прочего сказал, обращаясь к присутствовавшим на съезде многочисленным делегациям зарубежных компартий и говоря об их доверии КПСС: «Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в ее борьбе... против войны, в ее борьбе за сохранение мира... Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире»¹⁵¹.

Все это говорилось Сталиным не в первый и не в последний раз. Так, в феврале 1951 года в беседе с корреспондентом «Правды» в ответ на вопрос «считаете ли вы новую мировую войну неизбежной», он ответил: «Нет. По крайней мере, в настоящее время ее нельзя считать неизбежной»¹⁵². В апреле уже 1952 года в ответ на вопрос той же самой группы редакторов американских провинциальных газет: «Является ли третья мировая война более близкой в настоящее время, чем два или три года тому назад?» ответил: «Нет, не является»¹⁵³.

Наконец, в декабре 1952 года, когда Кеннан уже фактически сам себя уволил с должности посла, Сталин в ответ на вопрос знаменитого дипломатического корреспондента «Нью-Йорк таймс» Джеймса Рестона: «Придерживаетесь ли Вы еще своего убеждения в том, что Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты могут в предстоящих годах жить мирно?» отвечал: «Я продолжаю верить, что войну между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом нельзя считать неизбежной, что наши страны могут и впредь жить в мире». Там же он говорил о том, что приветствовал бы дипломатические переговоры с представителями уже новой республиканской администрации и положительно отнесся к идее личной встречи со вступавшим тогда на пост президента Д.Эйзенхауэром (кстати, по инициативе Сталина генерал Эйзенхауэр стоял вместе с ним на трибуне Мавзолея во время знаменитого парада физкультурников летом 1946 года). В том же интервью Сталин согласился сотрудничать с США по

¹⁵¹ «Правда». 1952, 15 октября.

¹⁵² «Правда». 1951, 17 февраля.

¹⁵³ «Правда». 1952, 2 апреля.

Корее, так как, по его словам, СССР был заинтересован в окончании войны в этой стране^{154 155}.

Итак, помимо прочего, из заявлений Сталина Кеннан должен был знать, что в то время СССР не хотел войны и верил в возможность ее предотвращения, стоял за мирное сосуществование и сотрудничество с Америкой, за прекращение войны в Корее и за объединение Германии. Знал он и то, что по всем этим вопросам в США было противоположное мнение или сформированное мнение отсутствовало. Хотя, как нам известно, сам он в глубине души разделял суждение своего президента о том, что СССР действительно войны не хотел. Понятным становится и то, что с такими «тылами» (т.е. при такой позиции Вашингтона) ему действительно не с чем было идти к Сталину.

В то же время даже при написании мемуаров реальная позиция советской стороны никак не укладывалась в антисталинскую и антисоветскую схему Кеннана, а потому им просто игнорировалась, не упоминалась. Вместо этого он изобретал собственные объяснения политики советского руководства. Так, даже допуская возможность, что Сталин не считал войну с США неминуемой, «антиамериканскую кампанию» в СССР он в этом случае объяснял попыткой «преодолеть непреодолимые проамериканские тенденции в общественном мнении» страны (где и у кого он их заметил в Москве 1952 года, вопрос сам по себе интересный). Другим возможным объяснением Кеннан считал «ошибочную публикацию» резолюции конгресса по Катюни, по сути, повторявшую геббельсовскую версию данной трагедии. Интересно, что он считал только публикацию этого документа ошибкой, хотя был полностью уверен в виновности советской стороны в расправе над поляками¹⁵⁶, не имея никаких конкретных фактов в подтверждение этой версии и в опровержение советских доводов.

Кеннан был прав в этой связи только в одном: публикация резолюции вызвала яростную реакцию Кремля. 29 февраля 1952 года МИД СССР направил госдепартаменту ноту с резким осуждением попытки реанимировать эти обвинения через 8 лет после того, как официальная комиссия во главе с академиком Бурденко на основании большого количества вещественных доказательств и показаний свидетелей установила время и обстоятельства преступления, совершенного немецкими оккупантами. К ноте был приложен полный текст доклада комиссии Бурденко. Акция конгресса полностью соответствовала логике использования психологических операций в решении задач «холодной войны» против СССР. Показательно, что, будучи не способны ни на что новое, нынешние ненавистники Советского Союза в

¹⁵⁴ «Правда». 1952, 26 декабря.

¹⁵⁵ <http://www.iosif-stalin.su/pages/16/40/>.

¹⁵⁶ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.124–125.*

самой нашей стране, в Польше и на Западе, по существу, в третий раз раскрутили ту же шарманку по поводу Катыни уже в 2009–2011 годах¹⁵⁷.

В воспоминаниях Кеннан применительно к 1952 году возмущался «продолжающейся тотальностью» советской пропаганды. Причем, когда она была направлена против человека, «личность которого олицетворяла президента и главнокомандующего вооруженными силами США», это лишь усугубляло для него и без того жуткое впечатление от этих нескольких коротких месяцев в Москве» (почему-то мне кажется, что больше всего Кеннан был оскорблен не «плохим» отношением в Москве к президенту Соединенных Штатов вообще, а именно к особо уважаемому им Гарри Трумэну).

Что же касается «жутких впечатлений» Кеннана от Москвы 1952 года, то интересно было бы узнать о настроениях советских дипломатов, работавших в США в то же время. Как сообщает Гольдберг, посол Панюшкин, выйдя на покой, в 1973 году запросил в архиве копии своих шифровок того времени в Москву, собираясь написать воспоминания. К сожалению, он умер на следующий год, не успев этого сделать. Однако у автора этих строк есть другие, правда, устные свидетельства.

В 1990–1991 годах я работал советником советского посольства в Вашингтоне вместе с одним из ветеранов нашей дипломатии. По его рассказам, именно в начале 50-х годов он, будучи студентом МГИМО, приезжал в Вашингтон на стажировку в то же самое советское посольство на 16-й стрит. В один из воскресных дней они с кампанией советских стажеров и дипломатов отправились на прогулку за город. И любуясь видами природы, заметили, что за ними сзади пристально наблюдает группа американцев, то присаживаясь, то становясь на цыпочки. Наконец, самый смелый из них приблизился и спросил: «Вы русские?». Получив утвердительный ответ и узнав, что они из Москвы, он, поколебавшись немного, задал главный вопрос; «А где же ваши хвосты и рога?». Эти простые люди (как и множество других американцев) буквально воспринимали антисоветскую пропаганду, изображавшую советских лидеров (а значит, в их глазах, вообще «русских») в качестве воплощенных дьяволов и другой нечистой силы. Судя по всему, это Кеннана тогда никак не волновало. Заложенный им в основу подхода к нашей стране принцип двойного стандарта действовал и продолжает действовать до сих пор безотказно.

Никогда не забуду, как летом 1983 года, в бытность главой СССР Ю.В.Андропова американские спецслужбы организовали известную провокацию с засылкой в воздушное пространство нашей страны южнокорейского самолета. Когда после многочисленных предупредительных сигналов и даже консультаций с властями США (первоначально полностью откристи-

¹⁵⁷ <http://www.stalin.su/hronology.php?action=period&id=9>.

шихся от этого полета) самолет был сбит советскими ВВС, американцы устроили грандиозный мировой антисоветский скандал. В один из этих дней я услышал передачу «Радио Канады» на русском языке, цитировавшую заявление президента Р.Рейгана. Суть сказанного им состояла в том, что сбив самолет, русские лишней раз подтвердили, что они не относятся к роду человеческому, а потому Западу, отвечая на подобные их акции надо исходить из того, что на русских не распространяются общепринятые нормы международного права и принципы гуманизма. Речь шла об обезчеловечивании, «дьяволизации» нашего государства и народа, после чего с ним можно было делать все что угодно.

С тех пор прошло почти 30 лет. За это время не без активного участия Рейгана, его друга Горбачева и других «реформаторов» с политической карты мира исчезли СССР и «коммунизм», было провозглашено «стратегическое партнерство» между Россией и Западом. И вот в феврале 2011 года комментатор самой рейтинговой телепрограммы популярного американского канала Fox News Билл О'Райли в беседе с бывшим министром обороны США Уильямом Коэном заявил: «Мы подчас должны иметь дело с дьяволом в этом несовершенном мире. Мы ведь имеем дело с Путиным. И я не думаю, что на свете может быть кто-то хуже, чем Путин». Немаловажно учитывать при этом, что количество зрителей программы О'Райли, услышавших подобную характеристику национального лидера России, в пять-восемь раз превышает число людей, смотрящих всемирный новостной канал CNN¹⁵⁸. В конце того же года в ходе праймериз республиканской партии будущий кандидат в президенты Митт Ромни назвал Россию «без сомнения, нашим геополитическим врагом №1». А претендент на пост президента от демократической партии (и впоследствии госсекретарь США) Хиллари Клинтон в ходе той же предвыборной кампании заявила, что у президента России В.Путина как у бывшего сотрудника КГБ «не может быть души по определению». Все вернулось на круги своя.

Но возвращаясь в 1952 год, в то лето баланс своим однозначно негативным политическим впечатлениям Кеннан пытался уравновесить эмоциями культурно-бытового плана. В мемуарах он описывает часы отдохновения на подмосковной даче корреспондента агентства Ассошиэйтед пресс и бывшего атташе посольства США Томаса Уитни, в которых часто принимал участие знаменитый московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гаррисон Солсбери. Впрочем, описания пасторальных картин природы в мемуарах быстро сменяется наблюдениями Кеннана за тем, как множество русских проводили тогда свободное время, трудясь на своих приусадебных и садово-огородных участках, а потом продавали часть выращенных овощей и фрук-

¹⁵⁸ http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/02/12/n_1701922.shtml.

тов на рынках. Это порождало у дипломата надежду на то, что такой, как он записал тогда в дневнике, «мир миниатюрного частного интереса» позволяет занятому в нем местному населению «посвящать себя и обращать свои мысли под солнцем на все, кроме успеха коммунизма».

Не менее подробно Кеннан описывает свою поездку тем летом с женой и дочерью Грейс в музей-усадьбу Л.Н.Толстого в Ясной Поляне. Этот визит имел для дипломата и большое символическое значение, так как его знаменитый двоюродный дед Джордж Фрост Кеннан за много десятилетий до этого навещал здесь еще здравствовавшего тогда великого писателя. Автор мемуаров с восторгом описывает свои впечатления, особенно длительную беседу с секретарем Толстого В.Ф.Булгаковым, все еще работавшим в то время смотрителем музея.

Но вот что самое поразительное – в мемуарах ни словом не упоминается тот общеизвестный в СССР и в мире факт, что за десять лет до его посещения усадьбы, когда та часть территории Тульской области, где она расположена, была оккупирована немецко-фашистскими войсками, дом Толстого был варварски обезображен нацистской солдатней, спальня писателя была превращена в конюшню, масса ценнейших реликвий и рукописей разграблена и уничтожена, могила писателя подверглась поруганию. Потрясшие цивилизованный мир кадры об этом были одной из самых эмоциональных сцен знаменитого советского документального фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», созданного в начале 1942 года и в том же году получившего «Оскар» – высшую награду американской киноакадемии. Он шел тогда во всех американских кинотеатрах.

Во время экскурсии с Кеннанами по усадьбе в 1952 году с ними не могло не идти речи о том, что там произошло за 10 лет до этого. Почему же он даже не упомянул об этом факте (так же, как ни слова не сказал в мемуарах о Сталинградской битве, собственными глазами увидев развалины этого города в 1945 году)? Думается, причина все в том же. Кеннан ненавидел Сталина и его государство, Красную армию, организовавших контрнаступление под Москвой в декабре 1941 года, позволившее освободить и Ясную Поляну, и дом-музей П.И.Чайковского в Клину, и другие святыни русского народа. Он неоднократно заявлял об их «варварстве». В то же время Кеннан не желал признавать преступлений и варварства таких дорогих его сердцу граждан Германии.

Не менее интересны воспоминания Кеннона о его посещении тем же летом (совместно с будущим крупным американским историком-советологом Робертом Такером) спектакля МХАТа «Воскресение» по роману Л.Н.Толстого. Спектакль, по его словам, произвел на него «не слишком сильное впечатление, даже менее того», но все же доставил «некоторое удовольствие». Но дипломат не был бы самим собой, если бы и из этого редкого для него в Москве момента отдохновения не сделал политических выводов. Продол-

жая все ту же тему о своей якобы «полной изоляции» от граждан СССР, которая составляла самую мучительную часть его пребывания в советской столице, он в мемуарах сообщил о том, что тогда, сидя в театральном зале, наблюдая и слушая актеров, физически и эмоционально чувствуя близость к ним, фантазировал на тему о том, что на самом деле думают представители театрального сообщества – этой «замечательной и талантливой части советского народа», и что они вообще из себя представляют, как и все поколение, к которому принадлежат.

Понятно, что в его фантазиях эти люди, конечно же, должны были испытывать нечто диссидентское по отношению к власти. Знали ли они о нашем присутствии в зале, понимали ли, как хотим мы расслышать и понять их сквозь произносимый ими литературный текст? – задавался он вопросом. И тут вдруг произошло нечто мистическое для него и Такера. Один из ведущих действующих лиц спектакля подошел вплотную к краю авансены, за которым во втором или третьем ряду партера сидели Такер и Кеннан, и, как показалось последнему, глядя прямо на него, в ходе своего монолога вдруг произнес нечто вроде: «Есть один американец, которого зовут Джордж, с которым я согласен». Как пишет Кеннан, «меня, как током прошибло. Я не мог поверить своим ушам. Было ли это сигналом симпатии? Было ли это своего рода скрытой демонстрацией?».

По словам Кеннана, Такер был не менее поражен услышанным. По окончании спектакля оба они ринулись в посольство, достали текст романа Толстого и, разумеется, убедились, что в нем речь шла об американском адвокате Генри Джордже, пропагандировавшем теорию «единого налога», которым в то время увлекался писатель. То есть произнесенный актером текст был вполне каноническим. Но, несмотря на постигшее их разочарование, Кеннан тем не успокоился. «Понимал ли актер значимость игры слов? – задавался он вопросом. – И наслаждался ли он ею так же, как и мы? Мы так никогда этого и не узнаем. Это был один из таких неотчетливых, неясных или предполагаемых сигналов, которые мы, иностранцы, как астрономы, улавливающие сигналы из космоса, которые могут свидетельствовать о жизни на другой планете, были вынуждены выискивать, чтобы понять мир русской культуры, чье присутствие и жизнедеятельность ощущали вокруг нас»¹⁵⁹.

Думаю, что эта цитата может позволить сделать два вывода. Первый – Кеннан продолжал пребывать в Москве в 1952 году в том же иллюзорном мире, что и в 1945. Помните его фантазии на тему о том, что советская молодежь пришла к Красной площади 9 мая того года не для чего-нибудь иного, а только для того, чтобы выразить свои особые симпатии американскому посольству и Соединенным Штатам в целом? Второе – наш герой отличался

¹⁵⁹ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.130–131.*

совершенно особым типом психологии, восприятия действительности и пророческим даром (о чем мы уже говорили и будем говорить позже). Понятно, что в 1952 году абсолютно большая часть советской артистической и вообще культурной интеллигенции была далека от мира Запада и мира Кеннана, как свет далекой звезды, хотя в выходявших в те годы известных постановлениях ЦК ВКП(б) недаром говорилось о необходимости борьбы с начавшими уже тогда проявляться среди части этой интеллигенции настроениями «космополитизма» – т.е. тяги к западной культуре и образу жизни. Начиная же со времен хрущевской «оттепели» 60-х годов и тем более в 70-е и последующие годы интеллигенция во все большей мере превращалась в наиболее податливую социальную страту в нашей стране для прозападного и антисоветского влияния. Так что Кеннан и тут недаром использовал свои выдающиеся рецепторные способности для улавливания настроений и тенденций, пребывавших в то время в периоде своего самого первоначального формирования.

Но Кеннан не был бы Кеннаном, если бы он был так односторонен. С одной стороны, он пытается передать впечатления от тяжелой внутриполитической обстановки в Москве, вызванной резко обострившейся подковерной борьбой кремлевских группировок за власть, связанной с очевидным ухудшением физического состояния и замедлением политической активности Сталина. Теперь мы знаем об этом значительно больше (да и то еще далеко не все), а тогда Кеннану приходилось полагаться на свои источники и больше всего, на интуицию и дар предчувствия.

В частном письме, посланном дипломатической почтой заместителю госсекретаря Фриману Мэтьюзу 15 июля 1952 года, главную причину внутривнутриполитической напряженности в Москве он видел в том, что «ни одна другая страна не зависит так сильно от жизни и судьбы одного человека, так не привязана к его личности, его капризам и его неврозам, в то же время ни на йоту не разделяя с ним его слабость и саму его смертность. Партия старается провести какие-то изменения, но нарывается при этом на подводные мины отсутствия внутренней реальной демократии, органической связи с эмоциональными силами самого народа, и своей зависимости от жизненного цикла одной личности».

При этом американский дипломат не предвидел в то время «никакого драматического или внезапного конца феномена большевизма. Менее всего я вижу в сознании народа какие-либо новые или революционные альтернативы существующей системе. Я их не исключаю, но сегодня они не стоят в повестке дня»¹⁶⁰.

Несомненно, что в той или иной форме кеннановские оценки доходили до Вашингтона – и те, в которых он признавал Сталина «одним из подлинно

¹⁶⁰ Ibid. P.133.

великих людей своего века», и те, где он же называл его параноиком (и то, и другое лишь усиливали в Штатах страх и ненависть в отношении к советскому вождю). Нет сомнений и в том, что американская элита разделяла взгляд и прогноз Кеннана на то, что Россия, ее судьба и ее политика находятся в полной зависимости от жизни и судьбы одного этого человека и все это изменится после ухода этой личности из жизни. И, несмотря на предупреждение дипломата, что в то время он не видел близких перспектив краха государственного строя и самого государства в нашей стране, с замиранием сердца ждала хотя бы начала этого процесса. И дождалась. Имеются в виду прежде всего «разоблачения» Хрущевым «культы личности» Сталина по окончании работы XX съезда КПСС в 1956 году.

Как известно, тогда эта речь была как бы секретной и не публиковалась в советской печати. Как пишет в своей книге о разведке директор ЦРУ и друг Кеннана Аллен Даллес, понимая всю огромную политическую значимость этой хрущевской акции как удара огромной разрушительной силы по мировому коммунистическому движению, социалистическому лагерю, авторитету и популярности нашей страны во всем мире и, самое главное, по судьбе самого СССР, он тогда лично возглавил спецоперацию ЦРУ по поиску и опубликованию текста этого доклада. Как писал Даллес, «я всегда рассматривал это дело как одну из наиболее крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке. Поскольку доклад был полностью опубликован Госдепартаментом, получение его текста явилось также одним из немногих успехов разведки, о которых можно было сказать открыто...»¹⁶¹.

Ну, а дальше все уже было делом техники, разработанной тем же Кеннаном. Имеется в виду его проект «политическая война» в рамках спецпроектов госдепартамента, вещавшие на русском и других языках народов СССР и стран Восточной Европы радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки»... В любом случае наша страна и весь мир тогда впервые узнали «правду о Сталине» именно из этих источников. Горбачев и Ельцин были уже производными от этой хрущевско-американской акции (по другим данным, текст доклада был передан в США по поручению самого Хрущева).

Возвращаясь в 1952 год, надо отметить, что Кеннан при этом в не меньшей степени был тогда разочарован и глубоко неудовлетворен обстановкой в Соединенных Штатах и политикой Вашингтона. Утверждая в мемуарах, что как официальное лицо не имел возможности довести до руководителей страны свое истинное мнение на этот счет, он приходил в еще большее расстройство. Даже допуская, что советская пропаганда нередко преувеличивала агрессивность США и НАТО, Кеннан признавал, что не мог не задавать себе вопрос: «Не вносим ли мы вклад сверхмилитаризацией нашей политики и заявлений в уверенность Москвы в том, что мы за войну, что

¹⁶¹ См. Даллес А. Указ. соч. С.76.

мы уверены в ее неизбежности, что только вопросом времени было ее начало с нашей стороны»¹⁶².

Как вспоминал Кеннан, «советская печать была переполнена тогда материалами о военной активности США и НАТО и, честно говоря, она действительно подтверждала готовность западной стороны к неизбежности войны». Некоторые из этих сообщений на самом деле были неправдой или искажением истины, – предполагал Кеннан. «Но все ли они были такими? Я не мог этого знать. Наше правительство никогда – в буквальном смысле никогда – не брало на себя задачу их опровергать». Госдепартамент, возможно, действительно в большинстве случаев не знал о реальном положении вещей, отмечал дипломат. Пентагон, если бы его и спросили об этом, никогда бы не ответил, ссылаясь на военные секреты. А самое главное, никого в Вашингтоне все это вообще не беспокоило. Там говорили, что русские утверждения – одна только пропаганда¹⁶³.

Кеннан признал в мемуарах, что никогда не был согласен с такого рода позицией. Если советские утверждения были ложью, их надо было опровергать. Если же они были правдой (а он соглашался, что многие проводимые США в то время действия действительно создавали впечатление, что Вашингтон не верит в возможность сохранения мира и готовится к войне), то такую политику надо было менять¹⁶⁴. Понятно, что подобные диссидентские представления Кеннан не доводил до мнения своего начальства. Тем более о них не подозревала Москва.

В то же время он вспоминал, что эти представления возникли у него не только после прочтения материалов советской прессы. Из своей собственной практики посла в Москве он знал, что «здания посольства были узурпированы, и сам смысл существования миссии подорван» деятельностью многочисленных американских военных атташе, занимавшихся сбором разведывательной информации. Это приводило к «возмутительным и неприемлемым ситуациям». Сотрудники посольства устанавливали телескопические фотокамеры на крыше посольства на Манежной площади с целью фиксирования полетов советской военной авиации во время парадов. Со своей стороны, советские агенты фотографировали американских с крыши гостиницы «Националь» и наоборот. Все это, по мнению Кеннана, превращалось в «глупую и дискредитирующую игру», в значительной мере усиливающую и без того «циничные представления русских в отношении целей нашего посольства в Москве и того, чем в целом вдохновлялась наша политика»¹⁶⁵.

¹⁶² Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.134.

¹⁶³ Ibid. P.135.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid. P.135–136.

Кеннан утверждал, что категорически возражал против этого, исходя из того, что при всех разногласиях с советским правительством, «все мы были в советской столице гостями». Кроме того, «мы злоупотребляли реальным дипломатическим потенциалом миссии. И в определенном отношении подвергали опасности само ее существование. Но судя по всему, никого в Вашингтоне это не беспокоило»¹⁶⁶.

Кеннан утверждает, что по собственной инициативе, находясь в должности посла, постарался ввести разведывательную деятельность всех служб в какие-то разрешенные международным правом рамки. Однако ситуация продолжала вызывать у него тревогу. Он не мог объяснить себе приоритет, явно отдаваемый всеми этими службами сбору информации, предназначенной для подготовки к войне, а не к ее предотвращению, чем по его убеждению и должно было заниматься посольство.

Его тревога возросла еще более, когда один из военных атташе показал ему полученный из Вашингтона документ, из которого вытекали планы Пентагона по наращиванию военного присутствия в одном из регионов у советской границы. Я побледнел, читая эту бумагу, – вспоминал дипломат. Если бы я был советским руководителем и понял, какие именно шаги были США предприняты (а он не сомневался, что русские об этом узнают), то пришел бы к выводу, что Америка усиливает подготовку к началу войны против СССР уже через шесть месяцев, – писал Кеннан. При этом секретом полишенеля в 1949–1950 годах было заключение Пентагона о том, что «пик опасности» должен был наступить именно в 1952 году и все военные приготовления США должны были быть приурочены именно к этому времени. Наибольшие опасения вызывали у Кеннана предположения, что зная об этих приготовлениях, советское руководство усиливает свои контрдействия в военной сфере со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Кеннан даже в вышедшем из печати в 1983 году очередном издании мемуаров считал при этом необходимым подчеркнуть, что правительство США в те годы якобы не имело агрессивных намерений в отношении нашей страны в отличие от Пентагона (можно подумать, что министерство обороны в Америке не часть правительства). Однако мы помним, что дипломат ранее (вспоминая обстоятельства корейской войны) описывал ситуацию полной расбалансированности власти в Вашингтоне, когда военные действовали сами по себе, ни с кем особо не согласовывая свои планы и ставя Белый дом, конгресс и нацию перед созданной ими реальностью, нередко угрожавшей основам безопасности страны. В данном случае Кеннан считал, что происходит то же самое. Как он писал: «Пентагон закусил удила»¹⁶⁷. Никогда еще полное отсутствие координации военного и политического мышле-

¹⁶⁶ Ibid. P.136.

¹⁶⁷ Ibid. P.137.

ния в Вашингтоне не казалось Кеннану таким опасным, как в описываемое им время.

Все это тогда же подвигнуло его на подготовку крупного аналитического документа «Советский Союз и Атлантический пакт», над которым он работал весь август, направив в госдепартамент 8 сентября 1952 года. Большую часть этого документа, за исключением корейского сюжета, подробно освещенного ранее, Кеннан разместил в качестве приложения ко второму тому своих мемуаров. Он не без основания утверждал, что в данном официальном, хотя и конфиденциальном документе, по существу, на годы опередил так называемых ревизионистских западных историков (среди них таких широко известных, как Гар Альперовиц, Габриэль Колко, Дэвид Горовиц и др.), только в 60-е годы возложивших основную вину за начало «холодной войны» и различного рода конфликты с СССР на западные державы во главе с США. Изучение документа позволяет согласиться с самооценкой Кеннана: это был жестко-критический подход к политике Вашингтона касательно его ответственности за ухудшение отношений с нашей страной¹⁶⁸.

Квинтэссенция документа состояла в том, что при всех аспектах советской политики того времени, которые он категорически не разделял или осуждал, СССР в послевоенный период не имел намерений нападать на Западную Европу, о чем американскому руководству должно было быть известно. Прошедшая война имела тяжелейшие последствия и для населения, и для инфраструктуры советской страны, писал Кеннан. Кроме того, агрессия против Запада означала бы для СССР крах всех усилий, которые предпринимались предыдущие десять лет по превращению России в мощный военно-промышленный центр. Кеннан считал, что в результате советское руководство не представляет себе участия в каком-либо крупном военном конфликте как минимум на протяжении 15–20 лет¹⁶⁹.

А потому само по себе объяснение Вашингтоном мотивов создания НАТО как ответа на «советскую угрозу» и «противодействие советской агрессии» мистифицировало Кремль и заставляло его искать в политике США скрытые злые намерения. Это настроение в Москве тем более усиливалось в свете перевооружения американцами Германии и Японии и действий США в Корее. В результате вопреки всякой внутренней логике советское руководство, видя в действиях Запада не просто потенциальную военную угрозу, но и открытые приготовления к агрессии, вынуждено предпринимать ответные военные меры. С другой стороны, отмечал дипломат, все это до предела отравляет политические отношения Запада с Россией и практически парализует нормальную деятельность западных миссий в Москве – они рассматриваются здесь исключительно как центры шпионажа и под-

¹⁶⁸ Ibid. P.137–138.

¹⁶⁹ Ibid. P.331–332.

рывных операций¹⁷⁰. С этой точки зрения поразительной выглядит его депеша Гарри Трумэну в Вашингтон с жалобой на то, что посольство чувствует себя в изоляции. А чего же он ждал от советских властей в свете им же самим критикуемой политики Соединенных Штатов в отношении СССР? Хотя, как мы знаем, при понятном отсутствии у них особого дружелюбия к американцам с учетом обстоятельств, описанных самим Кеннаном, никакой целенаправленной политики изоляции в отношении посольства и посла Москва, тем не менее, тогда не проводила.

Центральной мыслью кеннановского документа было суждение, что советская политика в то время представляла прежде всего политическую, а не военную угрозу Западу, а потому требовала прежде всего политической реакции на нее. Кеннан исходил при этом из убеждения, что «любая война между западными державами и Россией означала бы неминуемую, окончательную и непоправимую катастрофу». По словам документа, «ни одна из сторон не выиграет, если другая будет полностью уничтожена»¹⁷¹. Надо признать, что такого рода откровения принадлежали в то время таким звездам мировой научной мысли и борцам за мир, как Альберт Эйнштейн или Жюлио-Кюри, а среди западных дипломатов подобными подходами мог действительно похвастаться, наверное, один только Джордж Кеннан.

Его сверхзадачей в данной записке в госдепартамент было попытаться объяснить своему начальству мотивацию советской стороны. Как он писал, советские руководители «совершенно естественно были чувствительны к тому, что оказались окружены целым кольцом авиабаз, со всей очевидностью сооруженных в подобной концентрации с целью поражения их территории»¹⁷². Кеннан в связи с этим считал, что со стороны США было бы более чем легкомысленно считать, что советское терпение в свете подобного поведения Запада было неограниченно. Он был уверен, что выигрыш Запада у Советов может быть достигнут лишь средствами политического противоборства, которое бы исключало возникновение у соперника вопроса не о том, произойдет ли война, а о том, когда это случится.

Кеннан совершенно обоснованно считал, что указанная записка имела важнейшее значение, впитав в себя знания и опыт человека, 25 лет профессионально занимавшегося подобной проблематикой. Она была главным документом, написанным им в должности американского посла в Москве. И в то же время она стала, как он сам писал, его «прощальной лебединой песней» как дипломата. Самое главное, она была полностью проигнорирована в Вашингтоне – как это уже не раз случалось в его дипломатической карьере, высказанные в документе суждения настолько разительно не совпадали

¹⁷⁰ Ibid. P.348.

¹⁷¹ Ibid. P.140–141.

¹⁷² Ibid.

с господствовавшими в то время в правящей элите и в целом в обществе понятиями и настроениями, что были обречены на полное непонимание. Кроме того, как это постоянно происходило с Кеннаном, его интеллект и дар предвидения, способность первому или одним из первых выдвигать новаторские идеи наталкивались на косность и серость правящей бюрократии и госдеповского чиновничества.

В мемуарах Кеннан признает: «Я должен признать, что документ не имел никаких последствий в плане влияния на политику США и НАТО – как будто бы он просто не был написан»¹⁷³. Одной из причин этого было то, что в Вашингтоне в это время происходила смена эпох – в разгаре была президентская кампания, Трумэн и его люди уходили, и у них не было ни малейшего желания ввязываться в разборки с Пентагоном на русском направлении даже в том случае, если бы они и восприняли какие-то из кеннановских идей.

Как это не раз происходило у нашего героя при похожих обстоятельствах и ранее, интеллектуальное одиночество и неспособность что-либо практически изменить в политике его страны повергли Кеннана в уныние. Он писал, что осознание всего ранее сказанного «лишало его энтузиазма на оставшиеся ему месяцы работы на занимаемом посту с точки зрения смысла принадлежности к профессии, в которой пассивность, загадочность и тактическая изобретательность оценивались так высоко, а серьезные аналитические усилия – так незначительно»¹⁷⁴.

В таком подавленном состоянии, да еще под влиянием не покидавших его еще перед прибытием в Москву дурных предчувствий, герой нашей книги вплотную приблизился к событию, по большому счету, перечеркнувшему его дипломатическую карьеру и ставшему самым крупным негативным инцидентом во всей истории дипломатических отношений между нашими двумя странами. Было ли оно неожиданным? Думается, что нет. Оно было предопределено и общей обстановкой в обеих странах, и отношениями между ними, и особенностями личности и судьбы самого Кеннана. Тем московским летом применительно к нему еще до свершения самого события происходило то, что так ярко отражено в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Берлиоз был еще жив и здоров, но Аннушка уже разлила подсолнечное масло.

Чувствуется, что работая над своими мемуарами, Кеннан вновь тяжело переживал происшедшее, пытаясь хотя бы в ретроспективе понять, в чем же были его глубинные причины. Ему казалось – причем, вполне возможно, он был прав в своих подозрениях – причина на самом деле была не одна. В связи с этим Кеннан приводит несколько предшествовавших эпизодов, каждый из которых интересен и нам не только как возможное объяснение са-

¹⁷³ Ibid. P.142.

¹⁷⁴ Ibid. P.144.

мого беспрецедентного факта лишения дипломатического статуса и высылки из СССР Чрезвычайного и Полномочного Посла Соединенных Штатов, но и как характеристика обстановки в Москве летом 1952 года глазами американца, посвятившего себя изучению нашей страны.

Первым Кеннан описывает эпизод со странным посетителем посольства тем летом. По его словам, с давних, еще довоенных времен повелось, что частыми гостями (или, вернее, «контактами») американского посольства были несколько советских граждан, неоднократно проверенных властями и спецслужбами СССР и уполномоченных ими для такого рода полужоформальных контактов, полезных для обеих стран и позволявших обсуждать некие подчас деликатные вопросы межгосударственных отношений. По воспоминаниям посла, как правило, это были интеллигентные и симпатичные люди, профессионально справлявшиеся с поставленной задачей.

Однако, прибыв в Москву в новом ранге, Кеннан узнал, что институт таких персон в обстановке «холодной войны» полностью «вымер». Пытаясь как-то исправить ситуацию, он поручил советнику посольства Хью Каммингсу обсудить ее с кем-то из руководителей советского МИДа. Выбор пал на известного дипломата, в то время Генерального секретаря МИДа Б.Ф.Подцероба, которого посол А.Гарриман и Дж.Кеннан хорошо знали в ходе войны, когда тот был старшим помощником наркоминдел В.М.Молотова. На одном из дипломатических приемов Каммингс переговорил на эту тему с Подцеробом, однако, результат стал полной неожиданностью для посла.

Однажды ему сообщили, что встречи с ним добивается некий молодой советский посетитель, размахивавший при этом членским билетом ВКП(б). Первоначально Кеннан был склонен уклониться от данного разговора, но поскольку Каммингс ему сказал, что ранее видел этого человека несколько раз в МИДе, встреча состоялась, о чем Кеннан тут же горько пожалел. Посетитель заявил, что является сыном недавно репрессированного министра госбезопасности В.С.Абакумова. По его словам, он и его друзья готовят заговор по свержению советского режима и просят у посольства США денег и оружия для свершения этого акта. Решив, что имеет дело с провокацией, Кеннан потребовал от молодого человека немедленно удалиться, сказав ему предварительно все обязательные в таком случае слова о невмешательстве во внутренние дела страны пребывания. Через несколько дней Каммингс принес ему из британского посольства официальную фотографию вручения верительных грамот Н.М.Швернику послом Его Величества. На снимке между главой советского государства и послом была видна физиономия посетителя американского посольства.

Кеннан записал в мемуарах, что так никогда и не узнал, кем же был этот человек и в чем была его цель. Однако будучи переполнен самыми темными мыслями о советском режиме того времени и соответствующими личными предчувствиями, он тогда для себя решил, что таков был ответ Сталина на

его обращение. «Вы – негодяй несчастный – хотите контакта, пытался он расшифровывать ход мыслей Сталина. – А для чего? Понятно, что для подрывной деятельности и террора, свержения режима. Вот я Вам и посылаю подходящую для этого кандидатуру»¹⁷⁵.

Понятно, что эти домыслы Коэна не имели под собою никакой доказательной базы. Станным было само предположение, что именно Сталин как вождь страны, отягощенный в то время огромным количеством проблем и забот общенационального характера, стал бы лично заниматься планированием подобной частной операции. Кроме того, есть сомнения и в том, что это вообще была операция советских спецслужб. Возможно, что молодой человек был именно тем, за кого он себя выдавал. Впрочем, в литературе гуляет популярный (правда, не подтвержденный никакими фактическими доказательствами) вариант о том, что посетитель был действительно сыном, но только не Абакумова, а также репрессированного заместителя министра авиационной промышленности Яковлева. Согласно этой версии, этот сын – Н.Н.Яковлев – был сотрудником госбезопасности, работавшим в МИДе и действительно участвовавшим в некоей операции в отношении Кеннана. В тот день при выходе из посольства он на глазах американских дипломатов был задержан, для проформы некоторое время даже отсидел, но в последующем сделал чрезвычайно успешную разведывательную, дипломатическую и научную карьеру, став известным советским историком, автором знаменитых работ «Август 1914», «ЦРУ против СССР» и др.

Как бы то ни было, но в то время Кеннан считал, что выводы из этого эпизода были еще более тревожными. По его мнению, данное событие «подтверждало особо сильную личную вражду ко мне в высших кругах» Москвы¹⁷⁶. И не только вражду, но и глубокое подозрение. Конспиративная теория, которой придерживался Кеннан, состояла в том, что в усилившихся в то время внутрипартийных дрязгах, проявлявшихся, в частности, в «заговоре» и аресте Абакумова, «деле врачей» и других известных «делах», предшествовавших смерти И.В.Сталина, американскому послу в Москве отводилась некая роль. Имея в виду высокопоставленных «интриганов», он писал: «Я думаю, что у них было некое подозрение касательно того, что мой выход на Подцероба был попыткой наладить отношения с оппозиционными элементами, вовлеченными в интриги против Сталина или, как минимум, в попытке подготовить для себя выгодную позицию в случае смены власти»¹⁷⁷.

Одновременно он не мог не учитывать, что все это происходило в момент, когда среди членов правительства США шли разговоры об «освобождении поработанных Советами» стран. Это происходило на фоне приня-

¹⁷⁵ Ibid. P.149.

¹⁷⁶ Ibid. P.150.

¹⁷⁷ Ibid.

того конгрессом США в октябре 1951 года закона, согласно которому выделялось до 100 млн долларов на поддержку тех выходцев (перебежчиков) из «коммунистических» стран, которые пожелают участвовать в действиях вооруженных сил НАТО или в «обеспечении безопасности США». Это случилось в свете предвыборной речи Д.Эйзенхауэра 25 августа 1952 года, в которой он призвал к полному «освобождению» всех советских стран-«сателлитов». В подобной обстановке и тем более после такого специфического «посещения» посольства Кеннан действительно мог иметь основания чувствовать себя в опасности¹⁷⁸.

Были ли у Сталина другие причины для личной ненависти в отношении меня, – задавался вопросом Кеннан. И сознавался в том, что и тогда, и десятилетия спустя был неспособен ответить на этот вопрос. Тем не менее, пытаясь найти на него ответ, он вспоминал упомянутый ранее эпизод в здании американского посольства в Москве 9 мая 1945 года, который сам Кеннан совершенно бесосновательно расценил тогда как ярко выраженную проамериканскую, чуть ли не скрыто оппозиционную демонстрацию советской молодежи, за которую Сталин мог ему впоследствии «мстить».

Любопытно, что этот явно преувеличенный им проамериканский энтузиазм праздничной советской толпы Кеннан в мемуарах связывает с известным эпизодом посещения московской хоральной синагоги в 1948 году первым израильским послом в СССР Голдой Меир, встреченной овацией еврейских масс и попытками некоторых из участников события встать перед ней на колени и даже целовать подол ее платья¹⁷⁹. При этом он совершенно бесосновательно связывает происшедшую с ним в ноябре 1952 года дипломатическую катастрофу с разрывом СССР дипломатических отношений с Израилем в феврале 1953 года, причину которого в мемуарах Кеннан связывает именно с описанным визитом в синагогу Меир¹⁸⁰.

На самом же деле между двумя этими дипломатическими акциями не было ровно никакой связи. Отношения с Израилем СССР вынужден был тогда разорвать по более, чем основательной причине – террористическом акте (взрыв бомбы) против советского посольства в Тель-Авиве 9 февраля 1953 года, в результате которого пострадали три советских гражданина, включая жену посланника СССР. Преступники впоследствии были изобличены, оказавшись еврейскими националистами¹⁸¹.

Увлечшись конспирологическими теориями, Кеннан лишь вскользь упоминает в мемуарах, что в СССР тем летом началась подготовка к крупнейшему политическому событию – XIX съезду ВКП(б). В частности, в «Прав-

¹⁷⁸ <http://www.sem40.ru/evroplanet/history/19051/>.

¹⁷⁹ *Kennan G.F.* Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.151–152.

¹⁸⁰ *Ibid.* P.152.

¹⁸¹ <http://piratyy.h14.ru/article/8-88.html>.

де» были опубликованы тезисы к отчетному докладу ЦК, из которых вытекали кардинальные изменения в политической и персональной структуре власти и государства. Однако дипломату было уже не до этого. В результате его настойчивых просьб в Вашингтон дать ему возможность хоть как-то с кем-то поделиться своими наблюдениями за советской действительностью и политикой, Кеннан получил приглашение принять участие в совещании глав ряда дипломатических миссий США в Европе 24–27 сентября 1952 года. В основном с этой целью он вылетел из Москвы 19 сентября. Но до этого произошел еще один инцидент, по его убеждению лишь подтвердивший «плохие намерения» в отношении его лично в «высших советских кругах, и в особенности в полицейских кругах»¹⁸².

По этому поводу надо заметить, что при всех выдающихся способностях, немало вкладе в дипломатию и особенно в науку, наш герой был явно склонен к значительному преувеличению своей роли и влияния в практической политике и, в частности, того личного значения (со знаком плюс или минус), которое ему придавалось руководителями и Америки, и Советского Союза. Нет никакой уверенности в том, что до известного момента Трумэн в Вашингтоне и Сталин в Москве вообще вспоминали о существовании этого человека. Думается, что подобное преувеличение собственной значимости в глазах высшего руководства было следствием его артистической натуры (о чем он сам писал, вспоминая посещение Ясной Поляны и МХАТа летом того же года, сожалея о том, что вместо искусства занялся политикой). Как у любого подлинного артиста признание и внимание со стороны публики и особенно первых лиц (пусть даже скандальное) играло для него очень важную роль.

Итак, Кеннан подробно описывает в мемуарах приключившуюся с ним (а он был склонен персонифицировать все, что происходило в посольстве) новую шпионскую историю, которую мы перескажем лишь вкратце. Суть ее, по рассказу Кеннана, была такова. Прибыв в Москву в качестве посла, он узнал, что в отсутствие первого лица в резиденции Спасо-хаус был произведен ремонт силами советского Бюро по ремонту и строительству иностранных представительств (БЮРОБИНСТРОЙ), отвечавшего за подобные работы. Он не сомневался, что результатом не могла не являться закладка в стены резиденции советских подслушивающих устройств. Использование обычных американских приборов по выявлению подслушки первоначально ни к чему не привело.

Однако Кеннан на этом не успокоился и вызвал из Штатов двух квалифицированных специалистов в данной области, которые прибыли накануне его вылета на совещание в Лондон и выявили подслушивающее устройство

¹⁸² Kennan G.F. *Memoirs 1950–1963*. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.153.

размером с карандаш, вмонтированное в деревянное изображение Герба США, висевшее над рабочим столом посла (по ряду источников, этот герб был торжественно преподнесен одному из предшественников Кеннана – послу Авереллу Гарриману как детская поделка во время посещения им Всесоюзного пионерлагеря «Артек»).

Характерно для Кеннана, что записав в мемуарах о выявленном устройстве: «На то время оно представляло собой фантастически продвинутый электронный прибор. У меня сложилось впечатление, что с его созданием все искусство подслушивания правительственных учреждений поднялось на новый технологический уровень», дипломат никак не сопоставляет сказанное с его же утверждениями о научно-технической отсталости Советского Союза в оборонной сфере, содержащимися в депеше в Вашингтон об отношениях СССР и НАТО¹⁸³.

Правда, вместо этого он приводит трагикомическую историю о том, что до выявления данной подслушки, практикуясь в устном русском языке, он по вечерам, сидя в одиночестве в своем кабинете, читал вслух присылаемые ему для сведения антисоветские комментарии русской службы «Голоса Америки». Как художественническую натуру впоследствии его занимал вопрос о том, что обо всем этом думали прослушивавшие кабинет сотрудники Министерства безопасности СССР. Возможно, он допускал, что в психологической обстановке того лета русские рассматривали и такой вариант: американский посол просто свихнулся на почве антисоветской паранойи, как это произошло за три года до этого с его симпатизантом, министром ВМФ Джеймсом Форрестолом.

В любом случае, в мемуарах Кеннан задается до той поры все еще мучившим его вопросом: «Был я прав, ставя себя в подобное положение? Стоило ли мне как послу вовлекаться в такого рода комедию? Или я бы оказался слабаком в глазах моего правительства, если бы отказался этим заниматься?»¹⁸⁴.

К характеристике психологии и настроения Кеннана накануне отъезда на конференцию в Лондон, во многом объясняющих его последовавший вскорости поступок (а он обстановку в то время в Москве воспринимал как «темную и угрожающую»), надо привести еще один сильно задевший его эпизод. За несколько дней до отъезда, в воскресенье, он сидел со своим двухлетним сыном в маленьком садике резиденции посла, отделенном чугунным прозрачным забором от примыкавшего переулка и улицы. Ребенок играл в песочек, а Кеннан читал. Через какое-то время со стороны переулка появились советские дети, которые стали через забор улыбаться и играть с сыном посла. Но это заметила советская стража, отогнавшая русских детей

¹⁸³ Ibid. P.156, 334.

¹⁸⁴ Ibid. P.156–157.

прочь. По убеждению Кеннана, никакое «братание» с американцами в то время советским, включая маленьких детей, не позволялось.

Как писал Кеннан, «это был маленький эпизод, но он произошел в конце трудного и нервотрепного лета. Именно в этот момент что-то произошло со мною: иссякло терпение, которого до этого я придерживался перед лицом этого замкнутого, слабого, средневекового режима изоляции, которому все еще подвергался официальный иностранец в Москве. Если бы я был отличным послом, со мной бы этого не случилось. Но это на самом деле произошло, и быстро исправить положение было уже невозможно»¹⁸⁵.

Думается, что здесь следовало бы на время прервать изложение приключений и переживаний Кеннана и заглянуть в «зазеркалье» – мир советских дипломатов в Вашингтоне, которые в то самое время со своих позиций комментировали в диппочте в Москву примерно те же события, коротко давая знать об обстановке в американской столице, в которой приходилось работать сотрудникам нашей миссии. Понятно, что среди них не было такого яркого аналитика и автора политологических эссе, как Кеннан, но это были преданные нашей стране профессионалы. Необходимо также учитывать, что в 1952 году по решению Сталина первоклассный разведчик на посту посла в США – А.С.Панюшкин – в форме ротации был заменен на опытного дипломата Г.Н.Зарубина. Понятно, что упиваясь своими переживаниями и жалобами на отношение к нему и к Америке в Москве, Кеннан меньше всего задумывался, как работает в это время советским дипломатам в Вашингтоне. В то же время из рассекреченных сегодня депеш вырисовывается интереснейшая картина, полная параллелей и совпадений.

Так, 5 августа 1952 года в направленном в Москву политическом отчете посольства СССР за II квартал 1952 года осуждалась поднятая в США шумиха по поводу ведущейся в СССР «кампании ненависти к Америке». Как указывалось в отчете, «во втором квартале, особенно в июне, на страницах американской печати был поднят большой шум» вокруг этого вопроса. «Печать указывала, что на эту «кампанию ненависти» обратил внимание американского правительства Кеннан, который по прибытии в СССР якобы был «поражен и обеспокоен ее размахом».

Как известно, этот вопрос был затронут Ачесоном во время беседы с тов. А.С.Панюшкиным, когда он нанес визит Ачесону в связи с отъездом из США.

Комментируя поездку Кеннана в конце июня в Лондон, где в то время проходили совещания Ачесона, Идена и Шумана, американская печать ука-

¹⁸⁵ Ibid. P.157–158.

зывала, что одной из важных целей поездки Кеннана явился доклад Ачесону по данному вопросу¹⁸⁶.

Чрезвычайно любопытно, что Кеннан в мемуарах ничего не пишет о своей поездке в Лондон в конце июня на указанное совещание и своем докладе там по так волновавшей его проблеме. Однако никакой тайны из этой поездки и этого совещания в 1952 году не делалось. Более того, накануне совещания, а именно 18 июня, он побывал по данному вопросу у министра иностранных дел А.Я.Вышинского! Вот что, помимо прочих обсужденных вопросов, говорится об этой встрече в подписанной самим Вышинским справке:

«Напомнив о беседе Панюшкина с Ачесоном, Кеннан сказал, что заявление о якобы имеющем место усилении антиамериканской пропаганды в СССР, сделанное Ачесоном во время этой беседы, отражает сообщение, которое он, Кеннан, должен был направить Государственному департаменту из Москвы. Кеннан подчеркнул, что он как посол США «обеспокоен и взволнован» усилением антиамериканской пропаганды в СССР, которое трудно совместить с желанием улучшить отношения между двумя странами. Кеннан утверждал, что антиамериканская пропаганда, которую якобы ведут ответственные советские органы, ухудшает отношения между СССР и США и ставит его как посла США в «положение, достойное сожаления». При этом Кеннан уверял, что в США якобы «намного улучшился» общий тон выступлений в отношении СССР. Со своей стороны, Кеннан будет продолжать работать в направлении улучшения отношений между двумя странами, но он хотел бы получить заверения, что его усилия не будут напрасными.

В ответ на это заявление Кеннана я обратил его внимание на враждебную СССР пропаганду, ведущуюся в США как печатью, так и официальными лицами. Я напомнил о совершенно непристойных выступлениях против Советского Союза не только Тафта, Брэдли и Эйзенхауэра, но также и президента, и что такие выступления не могут не встретить соответствующей реакции со стороны советской общественности и советской печати.

В отношении замечания Кеннана, что он не пессимист и что он будет всячески содействовать улучшению советско-американских отношений, но хотел бы знать, не напрасны ли будут его усилия в этом направлении, я заметил, что Советский Союз был и остается сторонником улучшения таких отношений. Что же касается вопроса о том, будут ли усилия Кеннана, о которых он говорил выше, напрасными или нет, то решение этого вопроса, разумеется, целиком зависит от самого Кеннана и от деятельности представителей США...

Кеннан заметил на это, что он хотел бы, чтобы мы судили о деятельности посольства не по прошлому, а по настоящему, на что я ответил, что мы так и поступаем, хотя прошлое также имеет большое значение...

А.ВЫШИНСКИЙ»¹⁸⁷

¹⁸⁶ Фонд Александра Н.Яковлева. Советско-американские отношения. 1949–1952. Документ №164. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72212>.

¹⁸⁷ Там же. Документ №157. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72195>.

Надо полагать, что в ходе беседы с Кеннаном Вышинский, помимо прочих источников, использовал факты и аргументы из сообщений совпосольства. А они, среди прочего, информировали о следующем.

Выступая 18 апреля перед американскими ветеранами Второй мировой войны, Трумэн, показав кулак, нагло заявил: «Он должен быть достаточно сильным, чтобы они [СССР] поняли, что мы хотим сказать».

В ходе предвыборной кампании, используемой американскими правящими кругами для разжигания вражды к Советскому Союзу, все большее число представителей наиболее агрессивных кругов США призывает к отказу от так называемой политики «сдерживания коммунизма» и к замене ее политикой прямой агрессии против Советского Союза и народно-демократических стран.

Особую активность в этом отношении развил во II квартале Джон Фостер Даллес, который произнес целую серию речей, в том числе 5 мая в Париже, 12, 21 и 22 мая в Нью-Йорке, 15 мая в Питсбурге, 10 июня в Балтиморе и т.д., а также выступил со статьями на страницах американской печати «Лайф» – 19 мая, «Ньюсуик» – 26 мая.

Основной тезис этих выступлений Даллеса сводится к тому, что проводимая якобы Соединенными Штатами на протяжении последних лет политика «сдерживания коммунизма» является «негативной» «чисто оборонительной» политикой, политикой «линии Мажино». По словам Даллеса, «простое сдерживание коммунизма не является более достаточным», ибо «чисто оборонительная политика» отдает инициативу в руки противника и «обречена на провал». Даллес призывает отказаться от политики «сдерживания коммунизма» и перейти к политике так называемого «освобождения», т.е. к политике открытого вмешательства во внутренние дела народно-демократических стран и Советского Союза, к политике прямой агрессии с целью восстановления в этих странах капитализма.

Следует отметить, что призывы Даллеса находят отклик как среди демократов, так и, особенно, среди республиканцев. На вопрос конгрессмена Альберта Морано, обращенный к конгрессменам-республиканцам, поддерживают ли они включение «принципов политики освобождения» в избирательную платформу Республиканской партии, 82 конгрессмена ответили положительно и лишь 7 – отрицательно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что линию Даллеса поддерживают и всячески пропагандируют такие лица, как конгрессмен Армстронг – один из инициаторов так называемого расследования «Катынского дела», конгрессмен Керстен – один из наиболее активных организаторов шпионско-подрывной деятельности, направленной против Советского Союза, и др.

«Соединенные Штаты, – заявляет Керстен, – должны немедленно отбросить обанкротившуюся политику сдерживания коммунизма, разработанную Ачесоном и Кеннаном. Политика освобождения стран, захваченных коммунистами, должна стать краеугольным камнем новой, положительной американской внешней политики». Заявлениям Даллеса американская печать придает особое значение в свете широко распространенного мнения о том, что в случае победы республиканцев Даллес займет пост Государственного секретаря. Взгляды Даллеса полностью нашли свое отражение в разработанной им избирательной платформе по внешнеполитическим вопросам, принятой съездом Республиканской партии 10 июля 1952 года.

Что касается правительства Трумэна, то оно, по существу, уже выразило свое согласие с позицией Даллеса. Так, речь Ачесона, произнесенная им в Вашингтоне

16 мая по случаю Дня Вооруженных Сил, была расценена американской печатью как речь, в которой Ачесон впервые публично признал, что нынешняя политика США идет дальше «простого сдерживания русского коммунизма», т.е. фактически солидаризировался с Даллесом; Трумэн, принимая в Белом доме 28 мая делегацию предателей румынского народа, в чрезвычайно резком даже для Трумэна антисоветском заявлении обещал им помощь Соединенных Штатов в деле «освобождения» Румынии, отметив, что его политика предусматривает такие цели. В письме на имя Надь Ференц от 16 июня Трумэн сделал аналогичное заявление и в отношении Венгрии. Показательным в этой связи является и послание Трумэна Конгрессу американцев украинского происхождения, на котором обсуждались вопросы «освобождения Украины».

Во втором квартале американская пропаганда еще более усилила раздувание шпиономании, идя на любые методы для создания такого впечатления, будто все дипломатические представительства Советского Союза и стран народной демократии являются «шпионскими центрами». Немалую роль в этом отношении играет конгресс США и особенно сенатский Комитет по внутренней безопасности, возглавляемый Маккарэном.

Американская печать систематически публиковала сенсационные измышления о «советском шпионаже». К числу подобных измышлений относится, например, серия статей некоего Мурхеда, опубликованная в одном из крупнейших американских журналов «Сэтердей ивнинг пост». Множество клеветнических статей было опубликовано в связи с сообщениями о деятельности «советских шпионов» в Швеции («дело Энбума»), Англии («дело Маршалла») и в странах Латинской Америки.

Ряд статей грубо клеветнического характера на тему о «советском шпионаже» был помещен на страницах американской печати в связи с назначением тов. Г.Н.Зарубина на пост посла СССР в США.

Вся эта кампания вздорных измышлений служит целям дальнейшего ухудшения отношений с Советским Союзом и рассчитана на то, чтобы затруднить работу советских дипломатических представителей, изолировать их, а вместе с тем прикрыть и оправдать подрывную деятельность США против Советского Союза и стран народной демократии.

Между тем американская печать не только не скрывает, но и хвастает «успехами» шпионско-подрывной деятельности США. Так, корреспондент Кингсбери Смит писал, что «шпионская сеть союзников в настоящее время установлена как внутри самой России, так и в государствах-«сателлитах» Советского Союза».

12 июня «лидеры в изгнании» из стран Восточной Европы подписали так называемую «Вильямсбургскую декларацию 1952 года», в которой «обязались восстановить права человека и политические свободы, когда коммунистические правительства в этих странах будут свергнуты», в том числе «упразднить стахановское движение», «освободить крестьян от колхозов» и восстановить частную собственность на землю. Инициаторами этой «декларации» были адмирал в отставке Миллер, бывший помощник Государственного секретаря США Адольф Берл и бывший заместитель Государственного секретаря Джозеф Грю.

Значительные усилия прилагались Соединенными Штатами во II квартале по расширению подрывных радиопередач на Советский Союз и страны народной демократии. Так, кроме упомянутой радиостанции «Освобождение», 3 мая в Мюнхене был создан новый филиал радиостанции «Свободная Европа» для ведения радиопередач на Польшу так называемая радиостанция «Свободная Варшава». 22 мая в

Мюнхене начала передачи на русском языке радиопередаточная станция «Голос Америки».

Следует отметить, что желтая пресса США и некоторые члены конгресса пытались поднять в связи с назначением тов. Зарубина грязную кампанию злобной клеветы и измышлений, утверждая, что тов. Зарубин был «замешан в шпионской деятельности во время его пребывания в Канаде» и что он «причастен к катынскому делу». Такую шумиху пытались раздуть, в частности, члены палаты представителей республиканцы Шیان и Лоуренс, призывавшие правительство Трумэна пересмотреть вопрос об агремане.

Болтовня о «причастности» тов. Зарубина к «катынскому делу» прекратилась вскоре после ее возникновения, однако клеветнические измышления о «шпионаже» продолжают время от времени появляться на страницах американской печати. Печать при этом призывает к установлению строгого наблюдения за тов. Зарубиным агентов ФБР».

Политотчет подписан временным поверенным в делах СССР в США

КАРАВАЕВЫМ.

5 августа 1952 года

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 254. Д. 10. Л. 196–235. Копия¹⁸⁸

Вряд ли этот текст нуждается в каких-либо комментариях. Отметим только, что это не пропагандистская листовка, а выверенная строго конфиденциальная информация, предназначенная только для высшего руководства страны во главе со Сталиным, следовательно, абсолютно добросовестно и точно излагавшая объективную политическую картину политики и действительности США.

Думается, что Кеннану было бы небезынтересно прочесть этот материал. В нем он бы нашел подтверждение многим собственным наблюдениям политики Вашингтона и в том числе значимые параллели и совпадения между своим положением в Москве и обстановкой вокруг советского посланника в США. Правда от него и ни от кого из его советских коллег мы так и не услышали подобных кеннановским стенаний по поводу этого положения и атмосферы в стране пребывания. Они просто работали, сжав зубы. Как на фронте, как на войне. Этому способствовали жизненные судьбы наших послов, совсем не похожие на аристократическое происхождение и гладкую с молодых ногтей предшествовавшую дипломатическую курьеру Кеннана. Александр Семенович Панюшкин по происхождению был из рабочих, боец-кавалерист Красной гвардии, пограничник, чекист, до назначения в США блестяще совмещавший пост посланника СССР в Китае с руководством там сети из 12 резидентур по всей стране. Георгий Николаевич Зарубин – рассыльный, счетовод, красноармеец, студент-текстильщик, директор Про-

¹⁸⁸ <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72212>.

мышленной академии, до назначения в США посол в Канаде, посланник в Англии.

Кстати, тут следует заметить следующее. Как видно из отчета советского посольства, американцы возмущались назначением Г.Н.Зарубина на пост посла СССР в США (впрочем, так же, как и основной профессией его предшественника А.С.Панюшкина). Причем конгрессмены требовали от правительства пересмотреть вопрос об агремане Г.Н.Зарубина (т.е. лишить его права представлять интересы СССР в их стране), а газеты – установления за ним контроля со стороны ФБР. При этом разведчиком был не он, а его однофамилец В.М.Зарубин.

Но не надо забывать, чем занимался посол Джордж Кеннан до своего назначения в Москву, в частности, в должности руководителя Отдела планирования госдепартамента. Как мы теперь знаем, разработкой и осуществлением тайных подрывных операций против СССР, что напрямую относится к компетенции спецслужб. Ну ладно, американские конгрессмены и тем более газеты тогда об этом могли не знать. Но Кеннан-то знал великолепно! Что же он так яростно возмущался в мемуарах своей «изоляцией» в Москве? Ведь все происходившее тогда в советской столице зеркально отражалось в Вашингтоне и наоборот, было лихорадочным симптомом начавшейся «холодной войны» между нашими странами (при ином градусе напряжения она продолжается до сих пор).

И еще одно. Когда правительство США официально запросило у нас агреман на Кеннана в качестве посла что, советское руководство и лично И.В.Сталин не знали, чем тот занимался все годы своего увлечения «русским вопросом» от Риги до Москвы и Вашингтона? Кто писал «Длинную телеграмму» и две статьи в «Форин афферс», что предлагал в них автор, чем Кеннан занимался в Отделе планирования госдепа? Нет никакого сомнения, что знали. И, тем не менее, агреман дали. Можно почти не сомневаться и в том, что если бы Кеннан как посол запросил встречу со Сталиным, он бы ее получил. И если бы не устроенная им истерика на самозаводе в Западном Берлине, доработал бы свой срок до конца.

Возвращаясь к 1952 году, надо еще раз подчеркнуть, что, как уже заметил читатель, личный, повышенный интерес американский посол проявлял тогда к проблемам пропаганды. Надо полагать, он при этом исходил из собственного ранее неоднократно изложенного убеждения (к нему Кеннан вернется и в канун лондонской встречи) о том, что борьбу, сдерживание и, в конечном счете, сваливание советского противника надо вести прежде всего невоенными методами, а средствами усиления внутренних противоречий и проблем советского общества. И прежде всего посредством подрывной пропаганды против политики и ценностей СССР при одновременном ввинчивании в глаза и уши советских граждан успехов американской политики и образа жизни. Понятно, что, не снимая военного противостояния как глав-

ного в «нашем ответе Советам», и в администрации, и в госдепе, и в конгрессе, и в прессе усилия Кеннана в наращивании информационной войны активно поддерживали.

От воодушевления по поводу поставленной задачи – чтение им вслух комментариев «Голоса Америки» на русском языке, отсюда же целая битва, которую американское посольство под руководством Кеннана вело тем летом с МИД СССР, протестуя против ограничений в распространении издававшегося с 1945 года на русском языке для граждан Советского Союза иллюстрированного пропагандистского журнала «Америка». В политическом отчете посольства СССР за III квартал 1952 года приводится сообщение «Нью-Йорк таймс» от 15 апреля, в котором говорилось, что «одна из первых задач Кеннана по прибытии в Москву в качестве нового посла заключается в том, чтобы рассмотреть вновь весь вопрос об эффективности журнала “Америка” и к июлю 1952 года дать рекомендации Государственному департаменту относительно того, следует ли продолжать издание этого журнала».

Эта тема летом 1952 года дважды в чрезвычайно настойчивой форме поднималась советниками посольства в беседах с руководителями МИДа. Однако убедившись, что добиться реальных сдвигов в доведении всего тиража журнала до советского населения они не могут (мидовцы им объясняли, что никто препятствий «Америке» в киосках «Союзпечати» не чинит; просто советские люди, возмущенные враждебной политикой и пропагандой США, потеряли к нему интерес), госдепартамент 15 июля в чрезвычайно резком заявлении объявил о прекращении издания журнала, в то же время запретив распространение в США Информационного бюллетеня посольства СССР, приложений к нему, а также брошюр о Советском Союзе. При этом причиной решения госдеп сделал несоблюдение советской стороной «принципа взаимности» в обмене информацией. Строго говоря, это не соответствовало действительности. Информбюллетень посольства и другие материалы распространялись в США с 1941 года, а журнал «Америка» с 1945, и никакой принцип взаимности в соответствующих соглашениях сторонами не оговаривался.

На самом же деле обе стороны прекрасно понимали растущую силу информационного оружия в «холодной войне» и все более опасались соответствующих ударов противоположной стороны. Известно, что И.В.Сталин в выступлении на закрытом Пленуме ЦК КПСС после XIX съезда партии в октябре 1952 года резко критиковал своего многолетнего соратника В.М.Молотова за то, что тот на дипломатическом приеме nepозволительно расслабился и дал согласие западному представителю положительно рассмотреть вопрос о возможности распространения в СССР западной печати. Молотов был обвинен в том, что он не понимает угрозы враждебной нашей стране буржуазной пропаганды в условиях усиления противоборства двух систем.

С другой стороны, в США самые различные круги в условиях маккартистской истерии яростно требовали прекращения на территории страны «спон-

сируемой Кремлем подрывной коммунистической пропаганды». В том же отчете посольства приводилось суждение газеты «Вашингтон таймс-геральд» о том, что запрещение Информационного бюллетеня свидетельствует, что «пропагандистские усилия Госдепартамента менее эффективны, чем пропаганда, распространяемая советским посольством в Вашингтоне». По мнению нашего посольства, «своим решением Госдепартамент преследовал цель не только затруднить нам распространение в США информации о Советском Союзе... но и лишний раз попытаться продемонстрировать пресловутую “жесткую политику” в отношении Советского Союза. Не случайно реакционные американские сенаторы Маккарэн и Мундт приветствовали этот шаг Госдепартамента. Корреспондент Роберт Янг писал, что «действие Госдепартамента рассматривается в Вашингтоне как маневр администрации Трумэна, рассчитанный на создание у избирателей впечатления о том, что она «становится твердой в отношениях с Россией».

В том же отчете продолжала анализироваться придуманная Кеннаном акция по осуждению «советской кампании ненависти к Америке». В отчете со ссылкой на корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Шварца в статье от 6 июля говорилось, что из американского посольства в Москве в госдепартамент поступает «поток телеграмм» по этому вопросу. В третьем квартале вопрос о кампании «ненависти к Америке» стал основным в американской пропаганде и продолжает оставаться таковым по настоящее время... Как указывалось в отчете, оказывается, 26 июля Кеннан обратился в МИД СССР с «протестом» по поводу плаката «Слава сталинским соколам, стоящим на страже мира и безопасности Родины». Чтобы «придать вес» своему протесту, как выразилась американская печать, Кеннан «бойкотировал» воздушный парад на Тушинском аэродроме 27 июля. Эта враждебная Советскому Союзу демонстрация дала пиццу для очередной волны антисоветской кампании на страницах американской печати на тему о том, что появление в Москве упомянутого плаката явилось «новым доказательством» кампании «ненависти к Америке».

Представители Госдепартамента, начиная с Ачесона, в своих выступлениях, подтасовывая факты, искажая и вырывая из контекста высказывания из советской печати, всячески обыгрывают тему о кампании «ненависти к Америке». Характерным в этом отношении явилось выступление Ачесона в Канзас-Сити 11 сентября, говорилось в отчете.

А в то же время журнал «Ньюсуик» писал 25 августа, что Вашингтон боится не нападения «красных» на Соединенные Штаты, а советской «пропаганды», видя в ней «величайшую непосредственную угрозу» для себя¹⁸⁹.

¹⁸⁹ Фонд Александра Н.Яковлева. Советско-американские отношения. 1949–1952. Документ №171. Из политического отчета посольства СССР в США за III квартал 1952 г. 12.10.1952. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72219>.

ПОГОРЕЛЕЦ

Как уже говорилось, Кеннан убыл из Москвы 19 сентября – на официальном самолете американских ВВС. Такие воздушные суда США для перелета послов этой страны по договоренности двух правительств специально направлялись для этого в Москву (любопытно, что тем же бортом в Штаты было направлено на экспертизу изъятое подслушивающее устройство). Промежуточным пунктом посадки на пути в Лондон стал западноберлинский аэропорт «Темпельхоф» (Германия продолжала играть магическую роль в судьбе нашего героя). По пути из Москвы Кеннан, по его словам, задумался над тем, что если у западных СМИ есть хоть какое-то профессиональное чутье, то они должны, конечно же, воспользоваться уникальной возможностью и расспросить американского посла о советской политике и отношениях с СССР. По его словам, в ожидании такого расспроса он даже представил себе по дороге примерный список возможных вопросов и набросал в блокнот свои ответы, которые должны были быть у него «приятными, уклончивыми, дипломатичными».

Действительно, в аэропорту его встретили репортеры и один из них, как Кеннан вспоминал впоследствии, из американской газеты, издающейся в Париже – «Интернэшнл геральд трибюн» – задал послу вполне ожидаемый и даже невинный вопрос на тему о том, много ли у посольства социальных контактов с русскими в Москве. Тем не менее вопрос привел его в неистовство. Как, вопрошал он себя, на интервью с ним – американским посланником в России – могли прислать журналиста, не понимавшего, в какое время он живет и не знавшего, что западные дипломаты в Москве находятся в изоляции в Москве как минимум двадцать лет?¹⁹⁰

«Вы что, не знаете, как иностранные дипломаты живут в Москве?», – спросил Кеннан. «Нет, – ответил журналист. – И как же они живут?».

Конечно, признавался потом Кеннан, мне надо было просто ничего на это не ответить. Но тут, по его признанию, в голову ему ударили тяжелые воспоминания о проведенных в Москве четырех последних месяцах, особенно эпизод с собственным сыном, и он сорвался. Срыву содействовало также место интервью: по ассоциации он вспомнил о режиме изоляции, который претерпел в нацистской Германии вместе с другими интернированными сотрудниками посольства США после разрыва дипотношений двух стран в 1941–1942 годах.

¹⁹⁰ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.158.

«Во время последней войны я был интернирован здесь в Германии в течение нескольких месяцев, – сказал Кеннан. – Обращение с нами в Москве как раз напоминает то, как с нами, интернированными, обращались тогда, за исключением того, что в Москве нам дозволяется выходить из дома и ходить по улицам под охраной»¹⁹¹.

Далее Кеннан пишет, что перед этим заявлением он вроде бы просил журналистов воспринимать его слова *off the record* (без права воспроизведения в печати). Но, во-первых, он не уверен в том, что на самом деле просил об этом; во-вторых, сильный шум авиамоторов мог заглушить эти его слова, сказанные недостаточно громко; а в-третьих, Кеннан подчеркивает в мемуарах, что никогда не искал для себя оправданий этому поступку. По его словам, «я взял на себя тогда, и должен взять сегодня полную ответственность за это заявление. Верное или неверное, точное или неточное, для меня это высказывание было невероятной глупостью»¹⁹².

У нас же имеются серьезные основания считать, что подобное самоопределение поступка Кеннана являлось предельно мягким и неадекватным его значению. И даже те более жесткие оценки, которые он ему даст позднее, опять же неадекватны. Мы к этому еще вернемся. В любом случае, с соответствующими комментариями информацию о скандальном заявлении американского посла разместили множество газет на Западе. При этом, как это заметил В.Л.Мальков, Сайрус Сульцбергер высказался в «Нью-Йорк таймс» в том духе, что никакой необходимости с точки зрения улучшения условий международного сотрудничества в берлинских инвективах Кеннана не было¹⁹³. В переводе на общедоступный язык это означало, что Кеннан утратил важнейшее профессиональное качество дипломата – умение подчиняться корпоративной дисциплине»¹⁹⁴.

В мемуарах Кеннан далее пишет о конференции в Лондоне, признаваясь, что не помнит своего выступления перед коллегами из посольств США в Европе. Однако приводит подготовленные им заранее тезисы. Помимо идей, заложенных в его записке об отношениях России и НАТО, он остановился в них еще на одной – о том, что если Запад не хочет сводить все отношения с СССР только к военному противостоянию и видит смысл в поддержании дипломатических отношений с нашей страной, то эти отношения должны быть наполнены неким содержанием, а не оставаться чистой проформой. А это, по Кеннану, означало, что как «минимум три или четыре раза в неделю» он, как американский посол в Москве, должен был являться в советский МИД, «настойчиво, громко и публично» жаловаться на считавшиеся им

¹⁹¹ Ibid. P.159.

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ “New York Times”. 1952. October 6.

¹⁹⁴ Мальков В.Л. Указ. соч.

ложными заявлениями и информацией о политике и действительности США, требуя прекращения такого рода деятельности.

Другими словами, как уже указывалось нами ранее, Кеннан упорно и настойчиво пытался пробить свой вариант того, как правильнее всего и безопаснее всего покончить с Советским Союзом. Причем, как мы теперь знаем, он не только предлагал Вашингтонскому начальству этот вариант, но реально действовал в указанном направлении. Из рассекреченных сегодня архивных материалов выясняется, что он упорно ходил в МИД сам или посылал туда своих сотрудников с протестами и требованиями по информационным конфликтам.

Он полагал, что это не могло не иметь эффекта. При этом он считал работников МИД СССР «упертыми и упрямыми людьми. Чтобы на них воздействовать, их надо ругать и вести себя с ними как с непослушными детьми. Возможно, при наличии достаточной самоуверенности, твердости, настойчивости и намерения обеспечивать высокие стандарты собственного поведения с тем, чтобы мы общались с ними с достаточной моральной высоты, у нас может появиться шанс оказывать на них влияние или, по крайней мере, стыдить их до такой степени, чтобы их поведение менялось»¹⁹⁵. Судя по всему, такими упертыми и непослушными детьми, нуждавшимися в розгах и моральном примере, были министр иностранных дел СССР Вышинский, его заместитель Пушкин и другие встречавшиеся с ним и его коллегами высокопоставленные и сверхопытные советские дипломаты (при этом он не переставал жаловаться на изоляцию и то, что с ним никто в Москве не хочет знаться).

Однако, писал в тезисах Кеннан, если мы не видим смысла в такого рода работе с русскими (т.е. в информационном противостоянии) и нацелены лишь на прямую подрывную деятельность и уничтожение советской власти, то будем намного эффективнее, если вообще, по большому счету, покончим с фарсом поддержания нормальных дипломатических отношений с советским правительством. Это не означает, писал он, что мы должны разорвать дипломатические отношения и не иметь миссии в Москве, но уж если мы назначаем туда посла, то не думаю, что он должен там в основном находиться¹⁹⁶.

Думается, автор мемуаров правильно отмечает, что предельное раздражение, с которым написаны эти строки, объясняет его срыв в аэропорту, отражая его состояние перед началом конференции и того удара, который его ожидал через несколько дней. В то же время надо признать, что за раздражением дипломата сквозит его настойчивое желание при всей враждебности к Москве строить с нею хоть какой-то диалог (хотя бы в форме информационного противоборства), а не сводить всю политику к военной конфронтации.

¹⁹⁵ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.160.

¹⁹⁶ Ibid.

Правда, на самой же конференции из общения с коллегами он быстро выяснил, что его записка в госдеп об отношениях Россия–НАТО уперлась в железную стену: никакого понимания она не вызвала; натовские функционеры, как и военные США, полностью подчинялись в то время логике обеспечения военной гонки с СССР, т.е. по его мнению, следовали по пути, делающему войну все более вероятной. Кроме того, Кеннан был крайне обеспокоен стратегией НАТО на включение Западной Германии во все политические и военные структуры НАТО, делающей вывод войск США и объединение страны (о чем он мечтал) маловероятными.

Более того, в его дневнике того времени содержатся еще более значимые размышления. Политика Вашингтона, по его убеждению, вообще исключала какое-либо соглашение с Россией и вела к неминуемому расколу Европы. Этот раскол он считал крайне опасным для США и их союзников, ибо ставил их в тупиковую ситуацию, единственным выходом из которой являлось только крушение власти СССР над Восточной Европой. Однако, по его убеждению, «подобное было достижимо только по пути, который неминуемо вел Америку к принятию точки зрения Джона Фостера Даллеса о том, что главный упор в нашей политике должен состоять в попытке подрыва и свержения коммунистической власти... Я не вижу никакого иного результата подобной политики, кроме ее провала или войны»¹⁹⁷. Для себя отметим, что для того времени подобная точка зрения и оценки были предельно радикальны и критичны в отношении господствовавших в Вашингтоне доктрин и настроений. Правда, они содержались в сугубо личном дневнике и были обнаружены много лет спустя.

В любом случае Кеннан замечает, что покинул конференцию на второй день ее работы в предельно депрессивном состоянии. Его дневник свидетельствовал о том, что впервые он почувствовал: война воспринималась Вашингтоном как неминуемое событие или что-то похожее на это. «Думать при этом, что я должен буду вернуться в Москву и далее жить там недели и месяцы, подвергаясь глупой, злобной и оскорбительной пропаганде, в то же время понимая, что в ней было много истины (потому что мы на самом деле следовали по пути... фальшивой логики, ведущей тем или иным образом к войне) – даже мысли по этому поводу казались мне самыми невыносимыми из всех, которые когда-либо приходили на ум представителю нашей страны»¹⁹⁸.

Впрочем, замечал впоследствии дипломат, судьба приготовила ему другую, причем значительно более неприятный вариант развития событий. На следующий день, 26 сентября ему сообщили, что тем утром в Москве газета «Правда» опубликовала редакционную статью с резкой критикой его заявления. В статье сообщалось, что прилетевший в Западный Берлин из Мос-

¹⁹⁷ Ibid. P.161–162.

¹⁹⁸ Ibid. P.162.

квы американский посол сделал клеветническое заявление для прессы и показал себя лжецом и заклятым врагом СССР. В завершении статьи говорилось о том, что Кеннан и ранее, и потом неоднократно опровергал как дезинформацию – о его словах в американском посольстве в Москве в День Победы 9 мая 1945 года: народ на улице зря радуется («Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается»). Показательно, что В.М.Бережкову, как и мне, изложение корреспондентом Паркером этих высказываний всегда казалось вполне реальным, соответствовавшим тому, что постоянно писал в своих шифровках и статьях автор приписываемых ему слов¹⁹⁹.

В любом случае весть о московской публикации погрузила Кеннана в еще более глубокую депрессию. «Сообщение о нападках на меня довершило мое страдания, – вспоминал он в мемуарах. – У меня не было никаких иллюзий в отношении того, что оно может предвещать. То, что однажды начинает делать правительство США, – с горечью писал я в дневнике, – советское правительство заканчивает на следующий день». Оказавшись между ними, я чувствовал себя безнадежно загнанным, абсолютно безнадежно. Я был подавлен, писал я, одиночеством больше, чем когда-либо себе представлял. Нигде нет у меня возможности найти полного понимания того, что я сделал, или полной поддержки; не существует трибунала, перед которым я бы смог себя защитить; есть лишь горстка друзей, до которых я мог бы надеяться полностью донести мои объяснения...»²⁰⁰.

В свете этих нападков, писал Кеннан, он с трудом представлял себе возвращение в Москву, да и не хотел этого. Фактически, как он признавался на следующий день в письме в Париж своему другу и будущему наследнику в Москве Чарльзу Болену, Кеннан вообще не считал теперь нужным присутствие в СССР любого американского посла (показательно, что к тому же выводу, даже к идее разрыва дипломатических отношений, правда, в другое время и при других обстоятельствах, приходил другой его не менее эмоциональный и экстравагантный друг и тоже посол в Москве Уильям Буллит). «Но если посланник и останется, – писал Кеннан, – я бы не хотел больше им быть» (позднее мы узнаем, что в Вашингтоне действительно рассматривался тогда вариант ненаправления нового посла в Москву, высылки советского посла из США и даже разрыва дипотношений).

Впрочем, дилемма вскоре была разрешена советским правительством. В мемуарах Кеннан описывает, как в субботу 3 октября 1952 года временный поверенный в делах США в СССР Джон Маквини был вызван в советский МИД, где ему «третьестепенным лицом» была вручена нота советского правительства на имя правительства США об объявлении Джорджа Кеннана персоной нон грата с требованием его немедленного отзыва с занимаемо-

¹⁹⁹ <http://www.big-library.info/?act=read&book=14034&page=83>.

²⁰⁰ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.162–163.*

го поста. Чрезвычайно странно, что Кеннан при подготовке своих мемуаров то ли не знал, то ли забыл, то ли умышленно исказил тот немаловажный факт, что подчеркивая важность и серьезность ситуации, ноту американскому дипломату вручало отнюдь не «третьестепенное лицо», а лично министр иностранных дел СССР В.Я.Вышинский, что вообще бывало в исключительных случаях. Кроме того, как явствует из официальной справки, подписанной самим Вышинским, вручение ноты произошло не 3 октября, как утверждает Кеннан, а на два дня раньше – 1 октября.

Кеннан приводит в мемуарах английский перевод ноты. Однако посредством публикации «Фонда Александра Н.Яковлева» мы имеем возможность воспроизвести копию советского оригинала документа в первоизданном виде, так же как и сопровождавшие его не менее важные документы.

Документ № 167

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
А.Я.ВЫШИНСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
И.В.СТАЛИНУ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТЗЫВЕ ДЖ.КЕННАНА
С ПОСТА ПОСЛА США В СССР

26.09.1952

Сов. секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Представляю проект ноты Министерства иностранных дел СССР правительству США по вопросу об отзыве Кеннана с поста посла США в СССР.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А.ВЫШИНСКИЙ

Проект

Сов. секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Утвердить представленный МИД СССР (т. Вышинским) проект ноты правительству США об отзыве Кеннана с поста посла США в СССР (прилагается).

Ноту опубликовать.

Проект

Министерство иностранных дел СССР имеет честь заявить правительству Соединенных Штатов Америки следующее.

Как известно, посол США в СССР г. Кеннан 19 сентября на аэродроме Темпельгоф в Берлине перед представителями западноберлинской печати и американскими корреспондентами сделал заявление, в котором допустил клеветнические, враждебные в отношении Советского Союза выпады, что является грубым нарушением общепризнанных норм международного права. В этом заявлении, опублико-

ванном в ряде западногерманских газет, г. Кеннан позволил себе сравнить положение американцев в Москве с тем, что он якобы испытал, когда в 1941–1942 годах был интернирован нацистами в Германии, и заявил, что «если бы нацисты разрешили нам ходить по улицам, не имея права разговаривать с каким-нибудь немцем, это было бы именно таким положением, в условиях которого нам приходится теперь жить в Москве».

Это заявление г. Кеннана является полностью лживым и враждебным в отношении Советского Союза.

Ввиду изложенного советское правительство считает необходимым заявить, что оно рассматривает г. Кеннана как нежелательное лицо – *persona non grata* – и настаивает на незамедлительном отзыве г. Кеннана с поста посла Соединенных Штатов Америки в СССР.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. П. 23. Д. 225. Л. 24–26. Копия²⁰¹

Как знает читатель, Джорджа Кеннана преследовала навязчивая идея о том, что его главным мучителем в Москве был лично Сталин. Из приведенного документа он мог бы убедиться в том, что в данном важнейшем событии его жизни Сталин действительно сыграл определяющую роль – это было его решение. Но обставлено оно было в полном соответствии с принятыми в советское время нормами: на основании решения «инстанции» – т.е. ЦК ВКП(б).

В мемуарах Кеннан кратко пересказывает лишь один фрагмент из соответствующей беседы А.Я.Вышинского с Дж.Максвини – касательно порядка возвращения в США семьи посла. Читателю, уверен, было бы интересно ознакомиться с полным содержанием состоявшегося разговора.

Документ № 168

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
А.Я.ВЫШИНСКОГО С ВРЕМЕННЫМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ США В СССР
МАКСУИННИ В СВЯЗИ С ВРУЧЕНИЕМ НОТЫ
СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ПОСЛА США
ДЖ. КЕННАНА ПЕРСОНОЙ НОН ГРАТА

01.10.1952

Секретно

В 11.00 пригласил МакСуинни и вручил ему ноту (прилагается) об отзыве из СССР посла Кеннана. Предварительно я зачитал ноту.

Выслушав меня, МакСуинни сказал, что он немедленно передаст эту ноту своему правительству. Затем поверенный в делах попросил разрешения сделать два замечания, оговорившись, что он делает их от своего имени:

1. При нормальном ходе событий правильным было бы, чтобы подобная нота была вручена представителю посольства до опубликования каких-либо материалов в печати.

²⁰¹ <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72215>.

2. Он не может согласиться с утверждением, содержащимся в ноте, что заявление Кеннана является лживым и враждебным в отношении Советского Союза.

На первое замечание МакСуини я ответил, что газета «Правда» является независимым органом и что, получив корреспонденцию из Берлина, она имела полное право реагировать на заявление Кеннана так, как считала нужным.

Перейдя ко второму замечанию поверенного в делах, я сказал, что, поскольку в Москве никому не возбраняется встречаться и разговаривать с кем-либо, заявление Кеннана является сплошной выдумкой, а аналогия положения американцев в Москве с положением при гитлеровцах является клеветнической и враждебной и что я не могу не выразить удивления по поводу попытки поверенного в делах оправдать враждебный Советскому Союзу выпад Кеннана. Я сказал, что подтверждаю данную в нашей ноте квалификацию заявления Кеннана как лживого и враждебного в отношении Советского Союза.

Я также добавил, что не намерен вступать с поверенным в делах в дискуссию по этому вопросу.

Максуинни сказал, что он согласен со мной в этом, поскольку состоялось решение советского правительства.

Затем Максуинни спросил, может ли быть использован самолет посла его семьи для выезда из СССР в том случае, если посол не вернется в Москву. Максуинни напомнил, что посол всегда пользовался такой привилегией.

Я ответил, что если посол не вернется в Москву за своей семьей, то этот вопрос можно будет обсудить дополнительно.

Максуинни сказал, что он, задавая этот вопрос, исходил из того, что Кеннан не вернется, и что он хотел бы получить ответ относительно самолета теперь же.

Тогда я ответил, что использование самолета посла для перевозки его семьи препятствий, по-видимому, не встретит.

Максуинни поблагодарил.

Беседа продолжалась около 15 минут. Присутствовал т. Пастоев.

А.ВЫШИНСКИЙ

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. П. 23. Д. 225. Л. 27–29. Копия²⁰²

Новость застала Кеннана в Женеве, куда он направился навестить учившуюся там дочь. Весть из Москвы дошла до него, как он пишет в мемуарах, 3 октября – до сообщений прессы – от американского консульства в этом городе. Его остававшаяся в Москве супруга оказалась в непростой ситуации. В течение дня вручения ноты, не имея права дать знать окружающим о ставшем ей известным событии, она, по словам Кеннана, достойно вынесла бремя, присутствуя на запланированных заранее официальном ланче и обеде в посольстве (это к вопросу о «полной изоляции» американского посла в Москве), а в последующие дни взяла на себя сборы и эвакуацию семьи и обслуживающего персонала (она вылетела из Москвы 7 октября на самолете ВВС США).

²⁰² <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72216>.

В мемуарах Кеннан не удержался от свойственных ему патетики и эмоций, с благодарностью вспомнив о всех военных атташе посольства, в знак солидарности явившихся на церемонию проводов семьи в аэропорт в парадном облачении (тут он, видимо, забыл резко раскритикованную им же на предыдущих страницах разведывательную работу этих людей в Москве, подыравшую, по его убеждению, статус дипломатического представительства).

Понимая, что обнародование данного решения в Москве не заставит себя ждать и в результате он немедленно окажется в центре внимания мировой прессы, дипломат решил где-то уединиться, чтобы попытаться привести свои мысли и чувства в порядок. Отправившись в кино, за просмотром какого-то глупого фильма Кеннан по его воспоминаниям старался определить для себя степень катастрофы, в которой оказался²⁰³. Возможно, именно этот фильм виновен в тех явных глупостях, которые он пытался первоначально себе внушить в порядке самозащиты перед лицом происшедшего.

Он пытался убедить себя в том, что не имел права скрывать от общественности США условия (имелось в виду – ужасные условия) при которых приходилось работать и жить в Москве американским дипломатам. Он внушал себе, что инцидент в аэропорту был лишь предлогом. Реальные причины его высылки были более глубоки и оправдывали его в значительно большей степени. «Так, говорил я себе, требование моего отзыва было предъявлено всего за день до открытия партийного съезда (на самом деле XIX съезд КПСС открылся 5 октября, но не в этом дело. – *Авт.*). Они боялись, внушал я себе, моего нахождения в столице в этот день. Они думали, что я знаю слишком много. Они опасались моего влияния на других дипломатов в интерпретации событий съезда. Им было страшно, что мое присутствие вдохновит умеренные элементы внутри режима». С дистанции времени Кеннан сам иронически воспринимал подобные «аргументы».

«Таковыми и подобными этому мыслями, – писал он, – я импульсивно пытался спасти свое раненое эго. Но это все была одна бравада, разумеется. В глубине души я жутко стыдился происшедшего, будучи потрясен им. И множество раз на протяжении многих лет задавал себе один и тот же вопрос – соответствовал ли я посту, которого был удостоен»²⁰⁴. Много лет спустя, оценивая жизненный путь почитаемого им Кеннана, старейшина американской и мировой дипломатии Генри Киссинджер задавался тем же вопросом²⁰⁵.

Выступая далее в своем излюбленном жанре самокопания, Кеннан отвечал себе на этот вопрос и «да», и «нет». Он полагал, что был хорошим аналитиком (что несомненно). Считал, что являлся хорошим руководителем дипломатического штата посольства, пользуясь уважением коллектива,

²⁰³ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.164.

²⁰⁴ Ibid. P.165–166.

²⁰⁵ “New York Times”. November 10, 2011.

как у нас говорили. Ссылаясь на то, что на других постах, включая должность посла в Югославии, срывов у него не было.

Повторяя уже ранее им сказанное, Кеннан считал, что часть его проблем в Москве вытекала из непонимания с его стороны, чего от него хочет собственное правительство. В чем он, впрочем, не сомневался, так это в том, что и президент, и госсекретарь «хотели от меня лишь одного – чтобы я грел место (посла) в короткий интервал перед следующими (президентскими) выборами, в целях чего должен был стоически выдерживать все оскорбления и унижения, вытекающие из такого моего положения и не отягощать свою голову политическими проблемами. Хотя бы чуть-чуть ясности в этом вопросе помогло бы мне не задавать слишком много вопросов и воспринимать более философски раздражение, вытекавшее из ситуации, в которую я попал»²⁰⁶.

Но далее – в полном соответствии с реальными чертами своего характера, которые мы с читателями, надеюсь, уже изучили, и в то же время удовлетворяя свое честолюбие, вытекавшее из того же характера, он писал о том, что совсем не подходил для такого рода роли (а именно, был «слишком эмоционален, впечатлителен, чувствителен и слишком высоко ценил свое собственное мнение, чтобы тихо сидеть на отведенном мне месте»). Все это, включая неготовность следовать общепринятому образу мысли в Вашингтоне и воздерживаться от лишних вопросов, делало его, по собственному заключению, «не полностью готовым к выполнению порученной задачи»²⁰⁷.

Впрочем, каким бы болезненным ни было для него происшедшее (оставаясь таковым навсегда), оно привело к таким изменениям в его судьбе, о которых он никогда потом не жалел. Более того, Кеннан считал, что, в конечном счете, лучшей для себя доли, чем получилось, он даже специально не смог бы придумать²⁰⁸. Насколько такое его заключение являлось искренним, сказать сейчас очень трудно.

В воспоминаниях дипломата практически ничего не говорится о том, каковой была политическая реакция в США, в России и в мире на объявление его персоной нон грата. Поэтому нам приходится реконструировать события по другим источникам. Так, например, выясняется, что правительство США предъявило советскому правительству по данному поводу ноту протеста. Вот как это выглядело в официальных документах МИД СССР:

²⁰⁶ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.166.

²⁰⁷ Ibid.

²⁰⁸ Ibid.

Документ № 169

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР Г.М.ПУШКИНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И.В.СТАЛИНУ ОТНОСИТЕЛЬНО НОТЫ ПО ВОПРОСУ
ОБ ОТЗЫВЕ ДЖ.КЕННАНА С ПОСТА ПОСЛА США В СССР

08.10.1952

Сов. секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

МИД СССР представляет проект ноты посольству США в ответ на ноту по вопросу об отзыве Кеннана с поста посла США в СССР.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

Проект

Сов. секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОБ ОТВЕТЕ ПОСОЛЬСТВУ США
ПО ВОПРОСУ ОБ ОТЗЫВЕ КЕННАНА С ПОСТА ПОСЛА В СССР

1. Утвердить представленный МИД СССР проект ответной ноты посольству США (прилагается).

2. Текст ноты опубликовать.

Проект ноты МИД СССР посольству США

Министерство иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик в ответ на ноту посольства Соединенных Штатов Америки от 8 октября с.г. считает необходимым заявить, что изложенная в ноте от 3 октября с.г. позиция советского правительства по вопросу об отзыве г. Кеннана с поста посла США в СССР остается неизменной.

Что же касается содержащегося в ноте посольства утверждения относительно положения иностранных дипломатов в Советском Союзе, то оно находится в грубом противоречии с действительностью и лишено всякого основания. Это произвольное утверждение представляет собой несостоятельную попытку оправдать лживое и враждебное в отношении Советского Союза заявление бывшего посла США в СССР г. Кеннана.

Москва, « » октября 1952 года

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. П. 23. Д. 225. Л. 32–34. Копия
«Известия». 1952, 14 октября, №245 (11008)²⁰⁹

Как видно из указанной записки, после публикации в «Правде» советские граждане узнали детали скандала с американским послом из материала в «Известиях». В свою очередь, о реакции в США на решение советского правительства сообщало посольство СССР в Вашингтоне:

²⁰⁹ <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72217>.

И з д о к у м е н т а № 1 7 1

от 12.10.1952 года

ОТЗЫВ КЕННАНА С ПОСТА ПОСЛА США В СССР

Американская печать уделила большое внимание вопросу об отзыве Кеннана, причем общий тон комментариев отличался крайней враждебностью в отношении Советского Союза; явно заметно было стремление подогреть антисоветскую истерию в стране, представив требование советского правительства как «необоснованное» и «преднамеренно наносящее оскорбление» Соединенным Штатам. Вслед за Ачесоном газеты пытались всячески выгородить Кеннана и переложить вину за дальнейшее ухудшение советско-американских отношений на Советский Союз.

Некоторые члены конгресса США и ряд газет, в первую очередь печать Херста и Скриппс-Говарда, а также газета «Нью-Йорк таймс», потребовали в качестве «ответной меры» отзыва советского посла. Сенатор-республиканец Ноулэнд в телеграмме на имя Ачесона потребовал не только отзыва советского посла, но и разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом. С требованием отзыва советского посла выступили также некоторые реакционные организации: «Польско-американский конгресс», организация офицеров-участников двух мировых войн «Военный орден мировых войн» и др. Ряд газет предлагал «не торопиться» с назначением нового посла вместо Кеннана.

Некоторые органы печати признали, однако, что Кеннан «перешел границы дипломатического приличия», и выразили удивление по поводу того, как мог «столь опытный дипломат дать волю своим чувствам». Газета «Сан-Франциско кроникл» не только выступила против предложения Ноулэнда о разрыве дипломатических отношений, заявляя, что это отвечало бы интересам СССР, а не США, но и против предложения об объявлении советского посла «persona non grata».

Печать выдвигала различного рода предположения о возможных ответных шагах американского правительства. Исключая, как правило, возможность разрыва дипломатических отношений, обозреватели в большинстве случаев сходились на том, что США, возможно, примут «ответные меры», но что вопрос о назначении нового посла в Москву останется открытым по крайней мере до 20 января 1953 года, когда новый президент официально приступит к исполнению своих обязанностей.

Указывая, что Трумэн и Ачесон отклонили предложение сенатора Ноулэнда о разрыве дипломатических отношений, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Известно, что Эйзенхауэр поддерживает это решение. Разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом не произойдет, если Москва сама не проявит в этом инициативы».

Отвечая на вопросы корреспондентов, представитель Госдепартамента Макдермотт заявил на пресс-конференции 14 октября, что США в настоящее время не имеют намерения ставить вопрос об отзыве советского посла.

Следует сказать, что в печати появлялись некоторые имена возможных кандидатов на пост американского посла в СССР. Боннский корреспондент агентства Юнайтед Пресс писал, что некоторые находящиеся в Бонне американские политические советники считают, что «наилучшим выходом из нынешней дилеммы» было бы назначение Кеннана Верховным комиссаром для Германии и назначение Доннелли, занимающего в настоящее время этот пост, послом США в СССР. Коррес-

пандент Стэнфорд писал, что, по общему мнению, в Вашингтоне советник Госдепартамента Чарльз Болен является наиболее подходящим преемником Кеннана, ибо «Болен считается вторым после Кеннана, если не равным ему, экспертом правительства США по вопросам советской политики и русской истории». Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что поскольку США заинтересованы в официальных связях с Советским Союзом, в Москву, «несомненно, будет назначен новый посол», хотя этого не произойдет, пока в США не будет образовано новое правительство.

Журнал «Ньюсуик», указывая, что «Государственный департамент раздражен» поступком Кеннана, писал: «Советский Союз никогда не хотел присутствия Кеннана в Москве. Критики Кеннана заявляют, что вместо того, чтобы быть особенно осторожным, он дал Советскому Союзу хороший предлог как раз накануне важного съезда коммунистической партии».

Жалобы американской печати по поводу того, что требование об отзыве Кеннана было рассчитано на то, чтобы «принизить престиж Америки во всем мире», злобная реакция Ачесона и т.п. свидетельствуют о том, что нота советского правительства от 3 октября явилась серьезным ударом по американской дипломатии...²¹⁰.

Дж.Кеннан в воспоминаниях представляет ситуацию, скорее, в отстраненном духе. Так, он сообщает, что 7 октября встретил жену с семьей в аэропорту Кельна, после чего они направились в Бад Годесберг, где формально прикрепленный к некоей должности в Высокой Комиссии США, он получил инструкцию пребывать до особых указаний. Кеннан откровенно поясняет, что в то время как до президентских выборов 1952 года оставался месяц, Трумэн и Ачесон считали, что возвращение «погорельца» из Москвы, как минимум, не добавило бы очков Демократической партии.

Таким образом, Кеннан вновь оказался в роли «интернированного» и заключенного в «позолоченную клетку» (в данном случае, в отличие от московского Спасо-Хауса, он ее назвал «официальным американским гетто» в Бад Годесберге) без самостоятельного права возвращения на Родину. Но на этот раз его стражниками были уже власти США. Разумеется, это дало ему ясный сигнал о подлинной реакции руководства страны на его приключения в России. Это были уже не формальная нота протеста и аналогичные публичные высказывания Ачесона с целью спасения официального лица Вашингтона (о чем, кстати, Кеннан и не вспомнил). Он признавал, что не был рад той «манере», в которой произошло его «освобождение» из Москвы. Впрочем, теперь во время «относительно счастливой интерлюдии между несчастными месяцами в Москве и чем-то чуть менее ужасным, ждущим меня впереди»²¹¹, он посвятил свободное время, помимо написания очередных антисталинских инвектив, элегическим прогулкам вдоль любимого им Рейна в столь дорогой ему Германии.

²¹⁰ <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72219>.

²¹¹ *Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.169.*

Через несколько дней после выборов, на которых, как и ожидалось, к власти пришли республиканцы во главе с генералом Дуайтом Эйзенхауэром, надобности в дальнейшем удержании Кеннана за границей не было, и он морем отбыл в США. По прибытии в Вашингтон (где у семьи не было квартиры, а потому она вновь поселилась на своей ферме в Пенсильвании), Кеннан сделал «звонки вежливости» уходящим президенту и госсекретарю. Оба в разговоре были «вежливы и сердечны», но при этом не проявили никакого интереса ни к его судьбе, ни к его попытке поделиться с ними мнением о событиях в России. И то, и другое они с «нескрываемым злорадством» относили теперь к ответственности новой администрации²¹².

Кеннан был неплохо знаком и с новым президентом Д.Эйзенхауэром и его будущим госсекретарем Дж.Ф.Даллесом и ждал, что оба они свяжутся с ним до того, как заступят на свои посты с тем, чтобы обсудить проблемы американского дипломатического представительства в Москве в целом, и его личную судьбу, в частности. Однако недели шли одна за другой безо всяких движений с их стороны, а сам «гордый и застенчивый» Кеннан не хотел делать первого шага. Чеки с зарплатой, правда, приходили без задержки.

Хотя и не появляясь в госдепе, Кеннан тем не менее знал, что вопрос о его высылке из России подробно и тщательно изучался тамошними «друзьями и коллегами». В результате он почувствовал, что к нему относятся с «выверенной учтивостью и снисходительностью, которых заслуживает человек, совершивший грубую социальную ошибку, слишком ужасную для того, чтобы ее обсуждать». Но более всего достоинство Кеннана, без сомнения, унижало то, что никто в правительстве не проявлял никакого интереса к обсуждению с ним ситуации в России, «о которой я вроде бы должен был кое-что знать». Получалось так, пишет он, что его объективное суждение об этом оказалось дискредитированным в их глазах вместе с его личной дискредитацией.

Однако именно в это время Кеннан получает приглашение выступить 16 января 1953 года – за четыре дня до официального вступления во власть новой администрации – на годовичном собрании влиятельной юридической ассоциации штата Пенсильвания. Шанс наконец-то высказаться по проблемам России и советско-американских отношений явно его взбодрил, им был подготовлен текст выступления, без проблем получивший необходимое формальное согласование в госдепе, сотрудником которого он все еще числился. В назначенный день выступление состоялось и закончилось очередным громким скандалом, еще больше осложнившим и без того незавидное положение дипломата.

Судя по пересказу Кеннана, в своем выступлении он, отметив фундаментальные разногласия с Советами по идеологическим проблемам, в то

²¹² Ibid. P.170.

же время высказал мнение, что проводимая в свое время политика игнорирования СССР на протяжении более десяти лет прошлой республиканской администрацией (1921–1933), более не представляется возможной. Одновременно он назвал неверной позицию тех его соотечественников, которые верили в добрую волю СССР и доверяли советским властям. В то же время Кеннан отверг и идею войны как форму решения проблемы отношений с нашей страной.

И далее, перейдя к господствовавшей тогда в Вашингтоне идее свержения союзных СССР режимов Восточной Европы и принятия правительством США мер по дезинтеграции советской власти как таковой (заметив при этом, что он был уверен – со временем «тоталитарный деспотизм» этой власти закончится саморазрушением), Кеннан, тем не менее, заявил, что «был бы предельно осторожен, осуществляя любые меры на правительственном уровне, которые бы затрагивали государственную систему другой страны...».

По его словам, это не соответствовало бы международным обязательствам США, ее членством в ООН и поддержанием дипломатических отношений с другими странами. Даже если бы подобные попытки были в какой-то степени успешными, продолжал он, они наложили бы на США тяжелую ответственность. Наконец, заявил он, «перспективы успеха на этом направлении весьма малы, так как задача обеспечения гражданского порядка не является большой проблемой для современных полицейских диктатур»²¹³. Свою речь Кеннан завершил полузабытой цитатой из Квинси Адамса о том, что Америка, от души желая другим народам свободы и независимости, осуществлять все это на практике должна только в своей собственной стране («Не ищи в чужих землях чудовищ, чтобы с ними сразиться», – сказал Адамс. – *Авт.*). И призвал слушателей к единению народа США перед лицом «безудержной антикоммунистической истерии»²¹⁴. Как мы видим, он изложил своим слушателям давно выношенные им идеи.

Их реакция на сказанное нам неизвестна. Но в любом случае скандал разразился уже на следующий день. Ведущая газета «Вашингтон пост» к «величайшему удивлению и ужасу» Кеннана, вышла с размещенной на первой полосе статьей его «доброего друга» Фердинанда Кана под заголовком: «Политика Даллеса “опасна”, говорит Кеннан». Сам он в мемуарах отмечает, что термин «опасность» и имя Даллеса в его речи вообще не упоминались.

В статье говорилось: «Джордж Кеннан, возможно, самый главный правительственный эксперт по России, прошлым вечером высказал предостережение в отношении политики Джона Фостера Даллеса по поддержке освобождения поработанных наций в Европе и Азии. В речи перед юридической ассоциацией штата Пенсильвания... бывший посол в Москве пока-

²¹³ Ibid. P.172–173.

²¹⁴ Ibid.

зал, что не испытывает никаких симпатий в отношении будущего госсекретаря Даллеса.

В то же время Даллес в четверг заявил сенатскому комитету по иностранным делам о том, что правительство должно использовать «моральное давление и силу пропаганды» для ослабления советского влияния на народы стран-«саттелитов». Кеннан, со своей стороны, утверждал, что подобный курс был бы опасен. После цитат из выступления Кеннана, автор статьи делал вывод: «Удар против одного из излюбленных направлений политики Даллеса поднимает новые вопросы в отношении будущего Кеннана в руководимом Даллесом государственным департаменте»²¹⁵.

На следующий день аналогичная публикация появилась в газете «Вашингтон стар». В ней утверждалось, что речь Кеннана показала «открытый разрыв с политикой в отношении России и ее стран-«саттелитов» между будущим государственным секретарем... и ведущим экспертом госдепартамента по внешней политике»²¹⁶.

Все это, как легко можно предположить, зная особенности нашего героя, привело его в состояние шока и свойственной ему при подобных обстоятельствах депрессии. Самое главное, он был потрясен не только неточностью изложения и интерпретации своих мыслей, но тем, что на самом деле, как он утверждал, никаких существенных разногласий в отношении России у него в то время с Джоном Даллесом, оказывается, и не было²¹⁷. А это значит, что он был почти во всем согласен с ним в данном вопросе (для нас в плане понимания идеологии нашего героя это очень существенно, зная, кем был Даллес и как он относился к нашей стране). И при этом Кеннана еще убивала мысль, что в результате он подставил госсекретаря (своего начальника через три дня) перед его вступлением в должность.

Правда, обсуждая единомыслие Кеннана с Даллесом, на котором он настаивал даже в 70–80-е годы при издании и переиздании своих мемуаров, совершенно непонятным становится его же утверждение о том, что Даллес и вообще республиканская администрация полностью исказили смысл его концепции сдерживания (см. об этом ниже). Как напоминает современный американский публицист Уильям Пфафф, «Даллес в ходе кампании по избранию Эйзенхауэра обещал «отбросить» коммунизм в Европе, а не просто «сдержать» его, как призывал Кеннан»²¹⁸.

Тем не менее Кеннан тогда, по его собственным словам, «как обычно, перенервничал, и охваченный ужасом» ринулся в Вашингтон спасать ситуацию (по-нашему это называется «дал труса». – *Авт.*). Не застав Даллеса

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ Ibid. P.174.

²¹⁸ Pfaff W. Wise Men Against the Grain // “The New York Review of Books”. June 9, 2011.

на месте, Кеннан оставил ему, как у нас выражаются, «объяснительную» под общим слоганом «я не виноват». Тем не менее в письме содержалось согласие подать в отставку и уйти в частную жизнь сразу же по достижении возраста, подпадающего под положение об отставке с госслужбы. А до этого он соглашался на любую работу в госдепартаменте, соответствовавшую его дипломатическому рангу. Кроме того, Кеннан предлагал сделать публичное заявление об отсутствии у него каких-либо существенных расхождений с госсекретарем по затронутым в его выступлении вопросам.

Думается лучше, чем предшественник Даллеса на посту госсекретаря Дин Ачесон, знавший Кеннана как облупленного и рекомендовавший его на злополучный пост в Москву, об этом свойственном тому состоянию не сказал никто: «Кеннан напоминает мне старую лошадь моего отца. Когда она переходила деревянные мостки, поднимался страшный шум и скрип, и тогда она останавливалась, напуганная шумом, который сама наделала»²¹⁹.

Ответа на свое обращение он так и не получил (даже был не уверен в том, что до адресата оно дошло), однако через три дня после занятия своей должности во главе ведомства Даллес сделал ему формальный звонок, холодно и безучастно выслушав объяснения дипломата. В тот же день пресс-секретарь госдепа выступил с официальным заявлением в том духе, что пресловутая речь перед юристами была согласована Джорджем Кеннаном в госдепартаменте, доведена до прессы до выступления Даллеса в сенатском комитете и не имела к этому выступлению отношения. В заявлении также говорилось, что госсекретарь считает данный эпизод исчерпанным.

Самое интересное состояло, однако, в том, что в заявлении ни слова не говорилось о будущем ведущего американского дипломата в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Более того, после заявления продолжилась глубоко мучительная и оскорбительная для профессионального и человеческого достоинства Кеннана длительная пауза в его отношениях с официальным Вашингтоном. Недели шли за неделями, прошел февраль 1953 года, наступила ранняя даже для Америки весна, на ферму, где в состоянии необъявленной опалы сидел дипломат, вернулись дикие утки. Потом наступил, по давним приметам самого Кеннана, как правило, несчастливый для него март (кстати, и умер он, в конце концов, именно в марте. – *Авт.*), а Вашингтон – спустя пять месяцев после прекращения Кеннаном какой-либо работы в системе госдепартамента – по-прежнему молчал.

Сам он, только тудясь над своими воспоминаниями, осознал, какую же проблему представлял тогда для своего начальства. Пресса же в то время отнюдь не оставляла его своим вниманием, печатая слухи и предположения о его посольских назначениях в различных странах. Наконец, 13 марта «Нью-

²¹⁹ «Босс». 2005, №5.

Йорк таймс» в полном противоречии со всеми этими историями разместила со ссылкой на «высшие круги администрации» материал о том, что Кеннана ждет отставка.

По его мнению, именно эта публикация вынудила Даллеса в тот же день вызвать его в свой кабинет и безо всяких церемоний объявить, что не он видит для него никакого места в системе его ведомства. Государственный секретарь ссылался при этом на трудности в утверждении конгрессом в случае назначения на приличествовавший его рангу пост, в то же время не видя смысла рисковать в случае утверждения на меньшую по значению должность.

Ошарашенный услышанным, Кеннан согласился уйти в отставку, решившись лишь предупредить госсекретаря, что не сможет скрыть от друзей и общественности факт, что ему вообще не была предложена никакая другая работа. Самое любопытное о нравах высшей американской бюрократии: пытка Кеннана на этом не кончилась. Вновь полетел счет неделям, но Даллес и его контора молчали – ни слова о принятом решении. Можно представить себе степень унижения нашего героя, не способного ответить себе, членам своей семьи, друзьям и коллегам на вопросы о его судьбе. Тем более, что именно в марте в прессе прошло сообщение о согласованном с Москвой назначении и успешном утверждении конгрессом Чарльза Боллена на пост его преемника в роли посла США в СССР.

Всю степень испытываемых Кеннаном мук, на наш взгляд, характеризует и такой факт: в воспоминаниях, переполненных на соответствующих страницах подробными описаниями его переживаний, нет ни слова о фундаментальном событии, радикально изменившим судьбу России, США и всего мира – о смерти 5 марта 1953 года И.В.Сталина, центра внимания Кеннана на протяжении десятилетий. Судя по всему, собственная трагедия затмила тогда для него даже это, и он обратится к данной теме лишь месяцем позже в беседе с Джоном Даллесом, и то не по своей инициативе.

Не выдержав пытки неопределенностью, в начале апреля Кеннан без приглашения поехал в Вашингтон и 7 апреля был принят госсекретарем. Несмотря на более чем исчерпывающее заявление Даллеса в ходе предыдущей встречи и, очевидно, переступая через пределы собственного достоинства, дипломат вновь просил дать ему место на правительственной службе «в какой-либо серьезной должности», даже если это назначение и будет означать какие-то ущемления в личном плане. Хотя он не хотел бы «лишь какого-то» назначения, просто демонстрирующего, что «о нем позаботились».

Думается, что результат этих усилий был для Кеннана с учетом его характера и весьма высоких представлений о самом себе, месте в обществе и жизненном предназначении еще более унижительным, чем можно было предположить. Даллес ему ответил, что о работе в системе госдепартамента не может быть и речи. И тут же предложил ему работать в ЦРУ – как выяснилось, его брат и директор этой ведущей разведки мира Аллен Даллес дав-

но держал там для него должность. Как пишет Кеннан, он уже заранее решил не соглашаться на данное предложение. И дал Джону Даллесу объяснение этого: раз в учреждении, где он вырос как профессионал и к которому десятилетиями принадлежал, он больше не нужен, лучше он вообще уйдет с государственной службы. На этом и порешили.

Тут хотелось бы обратить внимание читателя на следующее. Как вы, наверное, заметили, отклоняя предложение идти работать в ЦРУ, в качестве мотива Кеннан даже в мемуарах не высказал ни слова критики по адресу данной одиозной для всего мира и американской интеллигенции (к которой он, несомненно, принадлежал) организации. Более того, как выяснилось, не менее одиозный шеф ЦРУ Ален Даллес уже давно ждал его в своих пенатах. Конечно же, это не было случайностью. Вся предшествовавшая жизнь и деятельность Джорджа Кеннана, его фундаментальные заслуги на почве неустанной и яростной борьбы против СССР наверняка вызывали у руководителей данной службы твердое убеждение в том, что он «их человек».

В.Л.Мальков цитирует известного американского исследователя Петера Гросса, получившего доступ к архивам, недоступным без специального разрешения и на основании этих новых материалов в книге, изданной только в 2000 году реконструировавшего работу Кеннана во главе отдела планирования госдепартамента. Грос писал: «В то время как критики (Кеннана) что-то блеяли по поводу того, что они считали оборонительной доктриной сдерживания, ее автор трудился, разрабатывая план массивного наступления. После того, как наконец-то были рассекречены дипломатические архивы, оказалось, что архитектором и наиболее результативным участником американской тайной войны против восточноевропейского коммунизма был сам Мг. “Х”, Джордж Кеннан. Материалы этой секретной операции частично стали известны только в середине 90-х годов прошлого века. В перечне различных секретных планов периода “холодной войны” она была известна как “Организованная политическая война” или “Операция отпор”»²²⁰.

А как же «диссидентские» статьи и телеграммы последнего? Видимо, хорошо соображавший Ален Даллес понимал, что такой редкий самородок и интеллектуал, как Кеннан, без доли инакомыслия не был бы самим собой. И заранее готов был с этим смириться, не без оснований рассчитывая, что «плюсов» для ЦРУ в работе с ним будет значительно больше.

Что же касается итогов беседы с госсекретарем, то на следующий день пресс-секретарь госдепартамента огласил официальное коммюнике, составленное в том смысле, что г-н Кеннан собирается уйти в отставку с дипломатической службы и перейти на научную работу (причины данного решения не объяснялись). В коммюнике, однако, говорилось, что Кеннан после отс-

²²⁰ Мальков В.Л. Указ. соч.

тавки «надеется» выступать в роли постоянного консультанта правительства США (ниже мы поясним причину и смысл появления данной последней фразы).

Любопытно в этой связи, что в мемуарах Кеннан напоминает о существовавшем правительственном положении, согласно которому любое лицо в ранге посла, не переназначенное на другой пост в срок более трех месяцев после ухода с предыдущего места работы, подлежало автоматической отставке. Это надо было понимать как способ для новых президентов и госсекретарей избавляться от некомпетентных или ненужных им дипломатов. Причем на практике данное положение ни разу к тому времени не применялось. Кеннан, однако, не сомневался, что если бы он попытался сопротивляться нежеланию Джона Даллеса с ним работать, то стал бы первым, испытывавшим на себе силу закона.

А далее мы погружаемся в мир парадоксов и интриг вашингтонского истеблишмента начала 50-х годов, жертвой и одновременно с этим участником которого оказался наш герой. Во-первых, у Кеннана была своя теория того, почему Джон Фостер Даллес так жестко воспротивился любой возможности его сохранения в своем окружении. По мнению дипломата, Даллес понимал, что поскольку любая серьезная внешняя политика США в то время касалась прежде всего отношений с СССР, без мнения Кеннана как «эксперта №1» в данном вопросе было не обойтись. А потому все, что говорил и решал Даллес, воспринималось бы в Вашингтоне (и прежде всего, правым крылом республиканцев), не как его самостоятельная линия, а результат суфлерских усилий Кеннана. Что для такого самодостаточного и амбициозного политика, как Даллес, было неприемлемо. Можно ли довериться этой версии Кеннана? Думаю, что да, даже учитывая его явное желание тем самым приуменьшить масштаб собственного поражения.

В этой связи он приводит в поддержку своего тяжело раненного эго довольно убедительные статьи прессы того времени, сожалевшей об уходе столь высокого профессионала и видевшего в нем прежде всего жертву межпартийных интриг. Одна из газет напечатала карикатуру, изображавшую Даллеса на слоне, въезжавшего в джунгли международных отношений с маленькой фигуркой Кеннана, оставленной дома. Подпись гласила: «Ну и местечко, чтобы перед поездкой сюда уволить проводника!».

И далее, пытаясь разобраться в своих чувствах, защитить самолюбие и в то же время постараться сохранить объективность, Кеннан описывает всю ситуацию как положение человека, добивавшегося участия в вечеринке, на которую на самом деле не хотел идти. Он признает что, разумеется, хотел бы лучшего завершения своей дипломатической карьеры, чем уход в отставку под угрозой стать первым, уволенным по статье, предусматривавшей возможность избавления страны от некомпетентных послов. С другой стороны (что само по себе характеризует сложное донельзя психо Кеннана!) он

признает в воспоминаниях и то, что «заслуживал наказания за свое глупое поведение в Берлинском аэропорту»²²¹.

И тут же заявляет, что если бы не отказ в его настоятельных просьбах о трудоустройстве, был бы «очень не рад» получить любую должность под руководством Джона Фостера Даллеса – и не только и столько из-за политических с ним разногласий (разумеется, больших, чем с Трумэном и Ачесоном), но прежде всего, по причине «возмутительного» режима внутренней безопасности, установленного в то время в госдепартаменте администрацией США под влиянием маккартистской истерии правых республиканцев.

И – наконец – оптимистический финал: отставка в столь молодом возрасте – скольких бы тяжелых переживаний она ему тогда ни стоила – стала поворотным и самым позитивным моментом в судьбе Кеннана, подарив ему десятилетия для реализации главного его жизненного предназначения (в чем к моменту написания мемуаров и он, и все, кто его знал полностью уверились) – научного творчества.

Судя по его воспоминаниям, избавившись от Кеннана, заработавшего себе устную репутацию человека, способного создавать проблемы себе и другим (что на дипломатической службе, очень похожей на военную, считается в принципе недопустимым), тот же Даллес продолжал его ценить как выдающегося эксперта и был рад взаимодействовать с ним в этом – неофициальном – качестве. В частности, во время того самого разговора 14 марта, в ходе которого он проинформировал Кеннана о завершении его дипломатической карьеры (т.е. об увольнении), госсекретарь сразу вслед за этим поинтересовался его мнением об обстоятельствах смерти И.В.Сталина. И внимательно выслушав ответ, заявил: «Знаете, Вы интересны мне, когда говорите об этих вопросах. Немногие на это способны. Надеюсь, Вы будете появляться здесь время от времени, и давать мне свои оценки происходящего»²²² (отсюда, видимо, фраза в коммюнике госдепартамента о возможности для Кеннана после отставки выступать в качестве консультанта госдепа. – *Авт.*).

В тот же вечер Кеннан так прокомментировал данный эпизод своей жене: «Это то же самое, если бы я заявил тебе, что развожусь с тобой, и ты должна сегодня же собраться и покинуть меня. Но мне нравится, как ты варишь яйца всмятку, и было бы здорово, если бы ты, перед тем как уедешь, приготовила мне пару яичек».

Аналогичным образом вел себя и конгресс. На следующий день после заявления Даллеса о том, что он предвидит большие трудности в случае рассмотрения в сенатском комитете кандидатуры Кеннана на новый дипломатический пост, ему прямо на пенсильванскую ферму позвонил известный тогда сенатор Фергюсон – лидер консервативного крыла республиканцев и

²²¹ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.179.

²²² Idid. P.180.

член сенатского комитета по иностранным делам. Кеннан приехал на беседу, в ходе которой сенатор поинтересовался его мнением о том, стоит ли ему – Фергюсону – голосовать за кандидатуру Чарльза Болена по пост посла в СССР (сам вопрос предполагал высокое доверие сенатора к Кеннану, которое, по всей видимости, отнюдь не было подорвано в его глазах скандалами в Берлине и после выступления дипломата перед юристами). Более того, спросив у Кеннана, что он делает в рабочее время на ферме и узнав, что госдепартамент боится давать ему должность, опасаясь провала при рассмотрении вопроса в сенатском комитете по иностранным делам, Фергюсон ответил: «Что за черт! Да не было бы у Вас никаких проблем при утверждении!»²²³.

Еще одна анекдотическая история, приведенная Кеннаном в понятном желании потешить свое уязвленное самолюбие: как выяснилось, пресс-секретарь госдепа того времени попросил самого Кеннана написать текст процитированного выше официального заявления департамента о его отставке. По словам дипломата, работая над текстом, он сравнивал это занятие с ничем несравнимым ощущением человека, пишущего собственный некролог.

Но далее последовали значительно более серьезные события, подтверждавшие, что не только законодатели и чиновники ведомства, но и новый президент и его администрация отнюдь не списали Кеннана со своих счетов.

Так, Дуайт Эйзенхауэр прислал ему «сердечное» комплиментарное письмо, по словам Кеннана, открыто критиковавшее его за решение уйти в отставку. Но еще до этого он получил от президента указание возглавить одну из трех альтернативных команд аналитиков, которым предписывалось в обстановке абсолютной секретности в рамках проекта «Солариум Эксесайз» разработать предложения по концепции политики США в отношении СССР. Проработав со своими людьми летние месяцы 1953 года в подвальном этаже того самого Военного колледжа, где ранее преподавал, Кеннан (что для нас совсем неудивительно) представил предложения, признанные Эйзенхауэром лучшими.

Мнение автора состоит в том, что объяснить происшедшую коллизацию увереннее всего можно военной биографией Эйзенхауэра, естественно, опиравшегося при формировании своей политики президента, включая кадровую политику, на свой военный опыт и мнение близких к нему военных кадров. А многие из них проходили курсы как раз в том самом Военном колледже (недаром именно туда Эйзенхауэр направил Кеннана и его команду работать над проектом), где тот, как мы помним, с таким триумфом и разве что не под гром оваций раскрывал перед данной специфической аудиторией теорию и практику «холодной войны» против СССР и его союзников. Эй-

²²³ Ibid. P.181.

зенхауэр наверняка был адресатом и пристально изучал «Длинную телеграмму» Кеннана из Москвы, потом его статьи в «Форин афферс»... Он не мог не стать таким же его поклонником, как покойный министр обороны и министр ВМФ Джеймс Форрестол. Он не мог не прийти к выводу, что такими золотыми кадрами не разбрасываются, и в этом плане его возврат в центр практической политики оказался практически неминуем.

Понятны чувства, с которыми наш герой описывает сцену, когда в конце лета в Белом доме он брифинговал весь кабинет министров и других высших официальных лиц о своем проекте, согласно принятому решению президента, положенном к тому времени в основу американской политики в отношении нашей страны (видимо, здесь не нужны комментарии по поводу того, насколько «дружественными» в отношении наших интересов могли быть эти предложения, получившие поддержку администрации в один из самых лютых периодов «холодной войны»). Однако для Кеннана в то время было не менее важно другое: его фактическая реабилитация, возвращение к статусу эксперта №1 по России. Он с наслаждением описывает мину, с которой Джон Фостер Даллес (всего несколько месяцев назад от него с триумфом избавившийся), сидя в первом ряду, с почтением и тщанием первого ученика внимал докладу только что уволенного им из своего ведомства дипломата.

Кстати, вот ключевой вывод автора этой книги: что бы ни писал и не говорил Кеннан, в какие бы странные истории ни попадал, он никогда не оказывался в США под подозрением в нелояльности и недостаточной патриотичности. И военные, и цэрэушники, и фэбээровцы, и сотрудники госдепа, и самые бесноватые ястребы в конгрессе и в прессе никогда не ставили под сомнение политическую лояльность и незапятнанность нашего героя. Причина все та же: его нескрываемая и неиссякаемая ненависть к СССР и коммунизму. И, конечно же, большие способности и старания в разработке и реализации соответствующей политики США.

Одним из бесчисленных примеров тому является суждение о лютом враге нашей страны и одном из ключевых архитекторов «холодной войны» госсекретаре Джоне Фостере Даллесе, которое Кеннан представил читателям при переиздании своих мемуаров в 1983 году. Он пишет о том, что не знает никого, кто бы больше заслуживал назначения на эту должность исходя из уровня своих знаний и накопленного опыта, чем Даллес. По мнению Кеннана, внешняя политика США при нем находилась «под несравненным по уровню квалификации руководством»²²⁴. Кеннан открыто признавал, что расхождения Даллеса с затеявшей «холодную войну» демократической администрацией Гарри Трумэна в большей степени наблюдались в «риторике и в стиле», а не в содержании. И хотя ни риторика, ни стиль Даллеса ему не

²²⁴ Ibid. P.182–183.

нравились, расхождений у Кеннана с содержанием проводимой им внешней политики было не больше, чем с его предшественником Дином Ачесоном²²⁵.

Кеннановское несогласие касалось проблемы ядерного оружия, германского вопроса и Японии, а также поведения США в ходе Суэцкого кризиса 1956 года и во время вооруженного мятежа в Венгрии в том же году. Характерно, что применительно к двум последним международным событиям Кеннан выступал со значительно более ястребиных, непримиримых и агрессивных в отношении СССР позиций, чем Эйзенхауэр и Даллес (к вопросу об «ястребиности» Кеннана или наоборот, мы еще вернемся). Кстати, президенту Эйзенхауэру Кеннан дает в мемуарах также очень взвешенную и уважительную характеристику.

Все это делается для того, чтобы доказать читателю: тяжело пережитое им увольнение с занявшей 27 лет его жизни службы в госдепартаменте не повлияло на в целом позитивное отношение дипломата к внешней политике администрации и к ее руководителям (более того, он заявляет, что, в конечном счете, «для всех было лучше, что я ушел»). Совсем по-другому Кеннан оценивает тот «кризис сознания», который он пережил в связи с действиями той же администрации в осуществлении политики ужесточения правил «внутренней безопасности». Как отмечает наш автор, «при любом развитии событий я был бы обречен на отставку в знак протеста против мер, принятых в этом направлении; она лишь скрыла в большей степени, чем разъяснила, расхождения и по вопросам внешней политики, которые разделяли меня в эти годы не только с конкретными правительствами, но и со всем правящим американской политикой истеблишментом»²²⁶.

КЕННАН И «ОХОТА НА ВЕДЬМ»

Для углубленного изучения такой многогранной личности, как Джордж Кеннан, и такого крайне сложного и опасного периода в американской политической и общественной жизни, как конец 40-х–первая половина 50-х годов, чрезвычайно важно понять отношение Кеннана к феномену возникшего в этот период маккартизма (он его охарактеризовал как «волну политического мщения и массовой истерии»).

²²⁵ Ibid. P.184.

²²⁶ Ibid. P.187.

Коротко пересказывая его изложенную в мемуарах позицию (а он уделит этой проблеме целую главу), можно сказать следующее: Кеннан считал, что под воздействием «великой депрессии», соответствующего роста левых настроений в стране и влияния Компартии США, в 1937–1940 годах в американских госучреждениях, включая структуры госдепартамента, действительно имело место «коммунистическое проникновение», имея в виду появление там лиц, исповедовавших леволиберальные и даже открыто коммунистические взгляды, открыто симпатизировавших опыту и политике СССР, идеям социализма. Он пишет, что в эти годы сталкивался с этими людьми и с этими настроениями даже в среде сотрудников посольства США в Москве. Зная о взглядах и убеждениях Кеннана, легко понять, что он подобные явления и веяния резко осуждал.

К счастью, отмечает он далее, просоветские настроения в США значительно ослабли под влиянием негативной реакции в Америке на пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между СССР и Германией. Однако военный союз США с СССР в 1941–1945 годах вновь и с еще большей силой возродил волну симпатий и уважения к Советскому Союзу, что вновь усилило интенсивность «коммунистического проникновения» в госучреждения. Тем не менее, отмечает он, хотя это в то время чувствовалось и в госдепартаменте, указанное влияние в данном учреждении не было сильным или опасным, и уж тем более оно никогда не доходило до прямого воздействия на формирование внешней политики США²²⁷.

В любом случае, придя на работу непосредственно в аппарат госдепартамента в 1947 году, Кеннан уже ни с чем подобным не встретился: в условиях начавшейся «холодной войны» бывшие симпатизанты СССР среди дипломатов быстренько пересмотрели свои взгляды или уволились. В то время служба в госдепе при позитивном отношении к СССР стала невозможной – одно исключало другое. В кадровой политике там были резко ужесточены стандарты безопасности (читатель должен знать, что соответствующие требования к кадрам в госдепартаменте в целом давно уже стали аналогичны нормам, существующим в Пентагоне и в спецслужбах США. Этот порядок существует там до сих пор).

В этой ситуации Кеннан с возрастающей тревогой наблюдал, как руководство госдепа, да и других американских госучреждений стало в 1948–1949 годах подвергаться все более и более резким атакам с обвинениями в отсутствии бдительности и непримиримости к людям и явлениям, к тому времени уже испарившимся, – речь шла все о том же «коммунистическом проникновении» и «коммунистических агентах», якобы окопавшихся в правительственных офисах. И прежде всего обвинениям в отсутствии лояльно-

²²⁷ Ibid. P.192.

сти и даже в предательстве стали подвергаться люди, ни сном, ни духом к этому не причастные²²⁸.

По свидетельству Кеннана, в развитии этих процессов стимулирующую роль сыграло «дело Хисса», за развитием которого он наблюдал с «беспристрастным и скептическим удивлением». Кеннан утверждает, что до развития этого дела лишь дважды мельком встречался с Энджером Хиссом, причем первый раз, когда тот находился в Москве и в американском посольстве проездом в Ялту в составе делегации США в ранге старшего советника государственного секретаря; разумеется, Кеннан при этом не преминул заметить, что был тогда отнюдь не в восторге от того факта, что человек безо всякого опыта и знания России отправился в таком значимом качестве на историческую встречу «тройки» мировых лидеров, а его самого оставили заниматься рутинной дипломатической работой в посольстве.

Тем не менее Кеннан утверждал в мемуарах, что ни ему, ни его коллегам, ни публике не было предъявлено никаких существенных фактов, которые бы подтверждали выдвинутые в то время обвинения в том, что Хисс, как «коммунистический агент», якобы оказывал сколько-нибудь значимое влияние на руководство США в Ялте при формировании американских подходов к политике на Дальнем Востоке. Более того, Кеннан утверждает, что и через 20 лет после указанных событий так и не появилось никаких серьезных доказательств вовлечения Хисса в коммунистическую деятельность в середине 30-х годов (которое он сам отрицал), и тем более выдвинутых против него обвинений в хищении неких секретных документов в более поздний период.

В то же время это «мистическое», по словам Кеннана, дело, подлило тогда масла в разжигание антикоммунистической истерии в стране, за что он возлагал основную ответственность на администрацию Трумэна, оказавшуюся неспособной в то время ни подтвердить, ни опровергнуть выдвинутые против Хисса и руководства госдепартамента обвинения в антигосударственной деятельности на скандальных процессах (слушаниях в возглавляемой сенатором Маккарти комиссии верхней палаты конгресса). Впрочем, напоминает он, и сама комиссия тогда (в самом конце 40-х годов) тоже не смогла толком ничего доказать.

Тем не менее события продолжали бурно развиваться, и во время командировки в Южную Америку зимой–весной 1950 года Кеннан обнаружил в пресс-бюллетене одного из американских посольств изложение радиообращения Джозефа Маккарти, в котором тот утверждал, что якобы у него «на руках» имеются доказательства присутствия в действующих кадрах госдепартамента свыше 200 членов Компартии США. Кеннан пишет, что тогда прочитал об этом даже с некоей долей удовлетворения: наконец-то,

²²⁸ Ibid. P.193.

подумал он, Маккарти вынужден будет доказать свои обвинения, и всему этому делу будет положен конец.

Наш герой вынужден был признаться, что оказался более чем наивен в своих предположениях. Маккарти так и не предъявил обществу ни одного реального доказательства в пользу своих обвинений; тем не менее «миллионы достойных людей», по словам Кеннана, и годы спустя после этого продолжали твердить, хоть и осуждая методы Маккарти, что сенатор «делал то, что оказалось необходимым и заслуживает за это глубокой признательности». В это трудно поверить, пишет Кеннан, но это было именно так. Причем особое значение все это приобрело для дипломата из-за вовлечения в эти гнилые процессы его доверенного сотрудника по госдепартаменту, а потом и его самого²²⁹.

Однако, приступая к изложению этой новой эпопеи, как и других проявлений маккартизма в Америке, автор воспоминаний счел необходимым еще раз сформулировать свое отношение к самой теме «проникновения коммунизма» в жизнь американского общества. Тем более, что в бытность в Принстоне весной 1951 года Кеннан был номинирован на весьма почетную должность Alumni Trustee (попечителя выпускников) этого университета и, как следствие, получил письмо от одного из выпускников с просьбой-требованием с учетом обстоятельств военного времени (имелась в виду война в Корее) сформулировать его «отношение к коммунизму» в случае избрания.

Кеннан счел этот обращенный к нему вопрос с учетом обстоятельств того времени оправданным и подробно ответил на него в письме от 16 мая 1951 года, суть которого чуть позднее изложил в воскресном приложении к газете «Нью-Йорк таймс»²³⁰. При этом автор, само собой, исходил из собственного опыта взаимоотношений с «чудищем обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» под названием «советский коммунизм». Нашему читателю, разумеется, понятно, что суть его ответа была и не могла не быть основана на искреннем и ярком антикоммунизме и антисоветизме, отражавшем саму суть его мировоззрения и жизненного опыта, а с другой стороны, в не меньшей степени, на свойственном ему либерализме.

Свой ответ Кеннан сделал триединым. Говоря о Компартии США того периода, он назвал ее «сталинистской организацией под жестким советским контролем», не имевшей тогда серьезной альтернативы среди радикально-социалистических групп в стране. Поэтому он полагал, что вообще-то «мы были бы правы с моральной и политической точки зрения, пойдя на запрет» этой организации. Кеннан, однако, сомневался в том, что такой шаг был бы «мудрым и целесообразным». «Лучше было бы сохранять ее функционирующей с тем, чтобы она была видна, а ее деятельность находилась под на-

²²⁹ Ibid. P.197.

²³⁰ “The New York Times Magazine”. May 27, 1951.

блюдением с тем, чтобы сама ее свобода действий показывала, как мало мы ее боимся, и в то же время демонстрировала бы каждому ее экстремизм и отчужденность от американских идеалов, степень ее принадлежности к циничным и высокомерным зарубежным хозяевам»²³¹.

Что же касается попутчиков Компартии то, по мнению Кеннана, отношение к ним государства представляло проблему. С одной стороны, он был уверен, что по различным причинам было «неразумным» держать их на ответственных или «деликатных» государственных должностях. Но, писал он, не допуская или удаляя их с таких постов, «мы обязаны проявлять осторожность с тем, чтобы не навредить их репутации или их шансам на трудоустройство» на другие должности. Ибо они – «не преступники»; их подходы в ряде случаев носили преходящий характер и со временем могли корректироваться. Поэтому чего они по отношению к себе требовали, так это «некоей терпимости и твердого интеллектуального сопротивления..., а не публичного унижения и позорящего человека отвержения». Ибо более важно помочь им стать «полезными гражданами», чем превращать в «озлобленных изгоев».

Без сомнения, Кеннан перевернулся бы в гробу от этого сравнения, но, читая вышеприведенное, автору невозможно избавиться от ощущения deja-vu: примерно так же высказывался в 30-е годы И.В.Сталин в отношении судьбы руководящих и рядовых бывших деятелей оппозиции в СССР; другое дело, чем потом закончилась для многих из них (кстати, далеко не для всех) эта провозглашенная им тогда терпимость. Впрочем, самим Кеннаном далее будет показано, что ничем хорошим не закончились в эпоху маккартизма и его призывы к умеренности в отношении сторонников и попутчиков американской компартии.

«Особую проблему», по мнению Кеннана, представляло тогда присутствие людей с «сильными просоветскими и промарксистскими симпатиями» в образовательных учреждениях США. Он решительно осуждал присутствие в американских школах и вузах людей, «приверженных советской идеологии», так как, по его мнению, они не могли быть одновременно привержены «костной догме» и «тотальной интеллектуальной дисциплине» с одной стороны, и свободе мышления в поиске объективной истины, с другой (возникает лишь вопрос, что Кеннан предлагал делать с теми свободными искателями истины которые, в конце концов, находили ее именно в коммунистической идеологии? – *Авт.*).

Впрочем, далее он отмечал, что другого подхода заслуживали «несвященные обязательствами» симпатизанты левых идей. В их случае решать вопрос о приеме или увольнении следовало исходя из каждого индивидуального случая на основе «здорового смысла и человеческих отношений». В лю-

²³¹ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.198.

бом случае, разъяснял свою позицию Кеннан, «нашей» целью было не ограждать молодежь от «деструктивных и гнилых идей» (в том, что именно таковой является коммунистическая идеология, он не сомневался), но научить ее сопротивляться этим идеям и помогать в этом другим²³².

Другими словами, Кеннан предлагал «мягкий» подход к политическим чисткам (позднее названным маккартизмом), да и то лишь в тех случаях, когда речь не шла о коммунистах, которые по его убеждению, не должны были иметь в Америке права голоса и вообще каких-либо прав. Тот исторический факт, что коммунистическая идея и ее теоретическая основа – марксизм – явилась прямым результатом развития свободной мысли на Западе и западных освободительных идей, то, что коммунистами на Западе были в его время выдающиеся деятели науки и культуры, в том числе и в США (например, знаменитый писатель Джон Рид, муж журналистки Луизы Брайант, вышедшей после его смерти замуж за первого посла США в Москве Уильяма Буллита), наконец, то, что Компартия была основана в США еще в 1919 году и легально действовала там уже несколько десятилетий, Кеннана нисколько не смущало. Фактически он предлагал те же чистки, против которых в их «грубой» форме, как мы увидим далее, так решительно выступал. Не забудем, что выступая против марксизма и марксистов, сам он этого учения не знал, не изучал, в чем и признавался (см. об этом ранее в нашей работе).

Тем не менее Кеннан настаивал на том, что главный смысл его открытого письма состоял в другом – в борьбе с побочным эффектом указанного ранее противодействия коммунистам, сторонникам СССР и марксистской идеологии – «преувеличенным и истеричным антикоммунизмом». Поскольку следовало избежать крупнейшей опасности – искушения свести все проблемы Америки того времени к этой одной причине. Он считал, что речь шла не просто о политической опасности неправильной оценки степени «коммунистического проникновения» в жизнь американского общества, но о чем-то даже еще более важном.

В своей статье Кеннан настаивал, что его согражданам было необходимо продемонстрировать способность эффективно справиться с многочисленными тяжелыми проблемами того времени, не имевшими ничего общего с «коммунизмом», ибо даже если каждый член и симпатизант Компартии завтра будет экстрадирован из страны, эти проблемы никуда не денутся²³³.

«Более того, – настаивал тогда Кеннан, – если мы дадим волю своим эмоциям, то перестанем быть гражданами Америки, ради которых была в свое время основана эта Республика, а станем «представителями той самой силы, с которой мы пытаемся бороться: нетерпимой, засекреченной, подозри-

²³² Ibid. P.199.

²³³ Ibid. P.199–200.

тельной, жестокой и затерроризированной внутренними распрями... Худшее, что могут сделать с нами коммунисты, то, чего мы в наибольшей степени должны опасаться, это превращение нас в некое их подобие»²³⁴.

В еще большей степени Кеннан боялся тогда искушения общества поддаться «массовым эмоциям и ненависти», допустить, чтобы они превращали отдельных граждан, «запутавшихся» и «временно дезориентированных» (т.е. тех же «попутчиков» и симпатизантов марксизма и СССР) в козлов отпущения в глазах населения за все переживаемые страной трудности и разочарования.

Однако самой болезненной стала тогда для него личная вовлеченность в проблему «внутренней безопасности», вернее, в паранойю в США вокруг этой проблемы. Она оказалась связанной для Кеннана с целым рядом ранее знакомых ему жертв «охоты на ведьм», самой главной из которых стал Джон Пэтон Дэвис младший – его давний коллега по работе в посольстве в Москве в 1944–1946 годах, а позднее в Отделе планирования политики госдепартамента (директором которого, как мы помним, был Кеннан).

С другой стороны, печальная история об этом, изложенная в мемуарах Кеннана, позволяет нам понять, что его вовлеченность в темные и гадкие процессы, связанные с маккартистской истерией, которую он так истово осуждал, была лишь производной из его личной, причем инициативной вовлеченности в разработку и организацию теории и практики «холодной войны» и соответствующих тайных операций в рамках этой войны против Советского Союза и наших тогдашних союзников.

Да, судя по свидетельству Кеннана, претензии к Дэвису, основанные на недоверии к его политической лояльности, подозрении в симпатиях и даже сотрудничестве с китайскими коммунистами в бытность его работы в американском посольстве в Пекине (сам Кеннан все эти подозрения отвергал как необоснованные), восходили еще к 1942–1944 годам. Однако, по словам Кеннана, эти ранние нападки на Дэвиса были ничтожны в сравнении с тем, что обрушилось на него же в начале 50-х годов, и за что сам Кеннан брал на себя немалую долю ответственности.

Изложение этой истории заставило Кеннана раскрыть в мемуарах еще одну, более чем неприглядную страницу своей жизни (хотя сам он ее таковой, как мы увидим, до определенного момента отнюдь не считал). Впрочем, мы об этой главе его биографии уже знаем с подачи историка Петера Гросса. По признанию же самого Кеннана в его мемуарах, в 1948–1949 годах, раздумывая над тем, как предотвратить «коммунистические попытки проникновения и подрывной деятельности в правительственных органах в Западной Европе и на других континентах, некоторые из нас в правительстве США, включая меня, моего друга, покойного Алена Даллеса, позднее ставшего за-

²³⁴ Ibid. P.200.

местителем директора, а затем директором Центрального разведывательного управления, и некоторых наших сотрудников, пришли к заключению, что правительство нуждалось в создании некоей структуры, посредством которой оно могло бы время от времени организовывать операции на международной арене, заниматься которыми было бы негоже любым обычным правительственным подразделением... Другими словами, **мы нуждались в создании агентства по проведению секретных операций**²³⁵ (выделено мною. – *Авт.*).

То есть – переводим мы на язык интересов национальной безопасности СССР/России – подрывных мероприятий против нашего государства. Кроме того, отметим для себя еще раз, что сакраментально известного у нас Алена Даллеса Джордж Кеннан числил не кем-нибудь, а своим личным другом.

Последующее изложение полностью подтверждает данный тезис. Кеннан утверждает, что указанный проект имел все права на существование. Ибо «речь не шла о создании того, что позднее получило наименование «департамента грязных трюков»²³⁶. Интересное утверждение с учетом того, что несколькими строками ниже сам Кеннан подтверждает, что именно в подобного рода заведение его задумка и превратилась. Правда, сначала он пишет, что речь шла о «создании структуры, предназначенной для придания большей гибкости операциям, проводимым правительством, вовлеченным в глобальную «холодную войну», чье традиционное предназначение для ассигнования и использования бюджетных средств совершенно не подходило для подобной роли в мировых делах». В то же время нужда в подобной структуре была реальной, утверждает Кеннан, и многие акции, проведенные в ее рамках, оказались «конструктивными и эффективными»²³⁷. Остается только догадываться, какие мерзости, совершенные против нашей Родины имел он под этим в виду.

Далее начинается самое интересное. Кеннан пишет о том, что с самого начала реализацию его идеи сопровождали некие «трудности». Речь шла о том, что «высшие правительственные круги» США настаивали: указанная инициатива должна была быть скоординирована с военными операциями, которые сами военные именовали «черной пропагандой» (специальный термин в отношении подрывных психологических акций против противника, примененных в двух предшествующих «горячих» мировых войнах и возрожденных американцами к жизни уже против своего бывшего союзника России/СССР во время «холодной войны»).

В мемуарах, обозревая все эти моменты с временной дистанции, Кеннан признает, что тогда «должен был решительно отклонить» объединение подобных двух форм подрывной деятельности даже ценой свертывания пред-

²³⁵ Ibid. P.202.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Ibid. P.203.

ложенного им проекта секретных операций (при этом так и не объясняя, чем он был «белее» черной пропаганды Пентагона). Однако, каялся он, в таких делах все сильны задним умом, а тогда в стремлении быть «кооперативным» он согласился на предлагаемое объединение усилий. Их координацией занялся специально созданный комитет. Из-за занятости сам Кеннан не ходил на все его заседания, а посылал вместо себя, среди прочих, Дэвиса. При этом имелось в виду, что деятельность комитета и само его существование были засекречены, и никому и в голову не приходило, что информация о нем и его работе «утечет» за рамки узкого круга посвященных лиц.

Однако в результате стечения различного рода «несчастных» для Дэвиса обстоятельств, а самое главное, в обстановке разрастающейся в стране истерии шпиономании и заговоров, он на несколько лет попал в психологическую пыточную камеру расследований, допросов и «слушаний» в том числе в комиссии сенатора Маккарти. С учетом невозможности для него в свою защиту делиться во время всех этих процедур абсолютно засекреченными фактами проводимых по инициативе того же Кеннана подрывных операций, в которые он был вовлечен (в частности, против народного Китая), и при отсутствии обоснованных фактов его вины перед США, тем не менее к Дэвису был публично прилеплен ярлык лжесвидетельства под присягой. Детально описывавший все это дело Кеннан был особо возмущен тем, что его сотрудник, яро и самоотверженно борющийся с «коммунистической угрозой», сам же был практически обвинен в деятельности по «инfiltrации подрывных коммунистических элементов» в систему государственной власти США, и прежде всего в госдепартамент. Кстати, по требованию властей в госдепе при Джоне Фостере Даллесе была создана своя собственная комиссия по проверке лояльности служащих (Security Hearing Board), которая, заслушав дело Дэвиса и не имея никаких фактов против него, тем не менее уволила его с работы с лишением пенсии.

Изучив достаточно детально особенности личности Кеннана, мы не имеем оснований сомневаться в его искренности, когда в мемуарах он пишет о том, как активно пытался защитить своего бывшего сотрудника, сначала в закрытых письмах и обращениях и в госдеп, и в различные органы власти, а потом, когда скандал с Дэвисом вышел на страницы большой прессы, включая «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнэл», в своих напечатанных там письмах. Интересно, что отвечая на направленные ему отчаянные призывы Дэвиса о помощи, такие письма Кеннану пришлось писать и из России, где он тогда занимал пост посла (понятно, это добавило ему тогда малоприятных занятий в Москве). Однако, по его словам, все его усилия по спасению Дэвиса оказались бесполезны. Более того, дело кончилось тем, что его самого, причем повесткой с обязательной явкой, после высылки из СССР и по возвращении в Штаты, 13 января 1953 года вызвали в подкомитет по внутренней безопасности сенатского комитета по юридическим делам (так называемый комитет Маккарена).

Эксперимент участия в этих слушаниях (впрочем, закончившихся для него без последствий, их бы его друг Аллен Даллес не допустил), он называет для себя в мемуарах не просто «травматическим». Он считает его «кавказским» с учетом того, что вызов на слушания произошел за три дня до его скандальной речи в юридической ассоциации и за неделю до прихода к власти новой республиканской администрации. Мы же полагаем, что сравнение с образами Кафки здесь больше подходит с той точки зрения, что повесткой в подкомитет по расследованию «подрывной коммунистической деятельности» вызвали главного теоретика и практика антикоммунизма своего времени, инициатора и организатора подрывной деятельности (правда, против нашей страны). Думается, что эта «травма» была для Кеннана заслуженной – он заслужил ее, принимая деятельное участие в создании подходящего теоретического и практического обоснования для той самой истерии, о которой вспоминал впоследствии с таким ужасом и отвращением.

Кеннан, конечно же, делает из рассказанного им совсем другой, хотя по-своему правильный вывод. Он отмечает, что в данном эпизоде госдеп, которому он посвятил 25 лет безупречной службы, и пальцем не пошевелил, чтобы его защитить. Это же касалось высших чинов правительства. И заключает: «Нетрудно понять, что желание дальше служить правительству, в котором могут твориться такие вещи... отнюдь не усилилось». И продолжает в том духе, что подобные проведенные над ним «унизительные эксперименты» явились тогда для него своего рода ответом на вопрос, стоит ли продолжать борьбу за должность в правительственных структурах, где так относятся к своим сотрудникам, или же пассивно согласиться с уходом оттуда²³⁸.

При этом он подчеркивает, что дело Дэвиса было лишь одним в серии политических расследований в отношении других американцев, подозреваемых в «нелояльности» и связанных при этом лично с ним. Так, ему пришлось помимо слушаний других его бывших сотрудников, связанных ранее с секретными операциями созданного им в госдепе «подрывного» подразделения, выступать на панели, на которой рассматривался вопрос о том, достаточно ли лоялен доктор Роберт Оппенгеймер для того, чтобы быть консультантом Комиссии по атомной энергии США. Он вспоминал утро этих слушаний в апреле 1954 года как «печальный и трагический эксперимент», что и неудивительно, учитывая его понимание значимости фундаментальной фигуры Оппенгеймера для американской науки и в создании ядерного оружия, его решающей роли в приглашении самого Кеннана в Принстон.

Обобщая приведенные им случаи, он приходит к важным выводам, позволяющим интересующимся новейшей историей США лучше понять феномен маккартизма, а заодно точнее осознать особенности политической

²³⁸ Ibid. P.210, 214.

философии и психологии самого Кеннана. Он пишет, что «ни на минуту не сомневался в том, что все эти случаи были частью более широкого круга ошибок и нарушений законности, распространившихся тогда по всей стране и тем или иным образом влиявших на мировоззрение, поведение и жизненный опыт огромного числа людей. В это время репутации везде подвергались нападкам и ущербу. Были подготовлены черные списки. Невинные люди удалялись или лишались доступа к должностям, которые отвечали их квалификации. Вполне благонадежные граждане, в обычной жизни человечные и порядочные люди, занимались чисткой библиотек и просмотром учебников в поисках признаков коммунистического влияния. Биографии и анкеты преподавателей прочесывались фанатиками, искавшими проявления былой ереси; яростные усилия предпринимались для уверенности в том, что лекторские кафедры не будут предоставлены никому, кто мог быть заподозрен в том, что являлся коварным агентом или же бессознательной жертвой обмана «коммунистической конспирации». Тысячи хороших людей закладывали друг друга тем или иным способом, так же, как существовал большой сегмент прессы, обеспечивавший этот свирепый энтузиазм. И как всегда в случае подобной массовой истерии, эта свора возглавлялась открытыми перебежчиками с другой стороны, ренегатами, боявшимися этой охоты на ведьм, теми, кто утверждал, что был близок с дьяволом и знает о способах его действий – в данном случае, на словах реформированными и раскаявшимися бывшими коммунистами».

Я не сомневаюсь в том, что мои русские читатели, с измальства привыкшие примерять все, что бы ни было сказано про другие народы, к собственной стране, конечно же, подумали о том, как все это похоже на «сталинские чистки» и сопровождавшую их психологию масс, на те же «советы чести» в советских госучреждениях во время борьбы с космополитизмом в том же самом начале 50-х годов, феномен тех же перевертышей – бывших троцкистов, правых и т.п. Полагаю, что о том же думал и Кеннан, и это сравнение было для него мучительным, невыносимым, разрушающим первооснову его политического сознания.

Поэтому я думаю, что для предотвращения самой возможности подобных сравнений Кеннан далее указывает на решающее отличие. Специально для «европейцев», как он пишет, неправильно интерпретирующих феномен маккартизма, он указывает, что «у Маккарти не было полицейских формирований. Американские суды оставались им полностью незатронутыми. Кто бы ни выносил свое дело на рассмотрение в суд, был в целом уверен, что встретит там уровень правосудия не меньший, чем в любое другое время недавней американской истории. И на самом деле феномен маккартизма, если всмотреться в него с временной дистанции, был подчеркнута ненасильственным»²³⁹.

²³⁹ Ibid. P.220.

Здесь мы вынуждены заметить, что вышеприведенное утверждение Кеннана опять не соответствует историческим фактам. И поскольку почти невозможно себе представить, чтобы он, как современник и участник данных событий, об этих фактах не знал, позволительно предположить, что для решения, видимо, поставленной им для себя задачи отмежевать американский опыт политических репрессий от советского (тем более нацистского) и обелить историю США, пошел на заведомое замалчивание мешавших ему фактов. А они были следующими.

Более 140 руководителей легально работавшей Компартии США в период маккартизма были привлечены к суду по обвинению в нарушении «Акта Смита». В 1948 году было арестовано несколько лидеров Компартии, включая ее председателя Уильяма Фостера и генерального секретаря Юджина Денниса. Обвинение, предъявленное им, состояло в том, что они «как Коммунистическая партия устроили заговор... с целью пропаганды и обучения принципам марксизма-ленинизма», а также «с целью публикации и распространения книг, статей, журналов и газет, защищающих принципы марксизма-ленинизма». «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, «Государство и революция» Ленина и «Основы ленинизма» Сталина были представлены в качестве улик их деятельности.

На процессе в Нью-Йорке в здании суда на Фоли-сквер на скамье подсудимых сидели 11 лидеров Компартии, включая Гила Грина, Юджина Денниса, Генри Уинстона, Джона Гейтса, Гэса Холла. Уильям Фостер по причине слабого здоровья не был привлечен к процессу. Процесс длился 9 месяцев. По его окончании 10 обвиняемых были приговорены к пяти годам тюремного заключения и штрафу в 10000 долларов, 11-й обвиняемый, Роберт Томпсон, был приговорён к трём годам тюрьмы. В 1949 году, во время хода процесса, все защитники обвиняемых, включая будущего конгрессмена Джорджа Уильяма Крокетта, были приговорены к тюремному заключению за «неуважение к суду». Осуждённые коммунисты пытались опротестовать это решение, однако Верховный суд США в 1951 году поддержал вердикт шестью голосами судей против двух при двух воздержавшихся. Не помогли и протесты прогрессивной интеллигенции, включая великого певца Поля Робсона.

В 1951 году были арестованы ещё 23 лидера американской компартии, включая Элизабет Гэрли Флинн, одну из основателей Американского союза защиты гражданских свобод.

Только в 1957 году после нескольких решений Верховного суда США преследования по «Акту Смита» прекратились. Наиболее важными были решения по делам «Йетс против Соединенных Штатов»²⁴⁰ и «Уоткинс против Соединенных Штатов»²⁴¹. Согласно решению Верховного суда по делу

²⁴⁰ Yates v. United States, 354 U.S. 298.

²⁴¹ Watkins v. United States, 354 U.S. 178.

Йетса многочисленные вердикты членам Компартии, осужденным на процессе 1951 года, были признаны неконституционными. Это решение определяло различие между пропагандой с целью подстрекательства и обучением идеям, как абстрактным концепциям. В решении по делу Уоткинса говорилось, что подсудимые имели возможность использовать Первую поправку против «злоупотреблений в ходе судебного процесса»²⁴².

Таким образом, американская карательная система в лице ФБР и судебная, включая Верховный суд США, на самом деле арестовывали, судили и сажали жертв политических репрессий периода маккартизма. А то, что в 1957 году они были реабилитированы, а сами судебные приговоры признаны неконституционными, во-первых, подтверждает сами факты политических судебных расправ в США над невиновными. А во-вторых, и в СССР к 1957 году были уже осуждены незаконные репрессии, имевшие место в нашей стране, а их жертвы также начали реабилитироваться, причем в массовом порядке. С этой точки зрения, «лекции» о преимуществах американской демократии и обличавшие порядки в СССР, были с учетом всех этих фактов более чем несправедливы и неуместны.

С учетом эмоциональной натуры Кеннана его ненависть к коммунистической идеологии в очередной, и как мы знаем, далеко не в первый раз, подвела его в ущерб истине. Более того, автор полагает, что эта ненависть даже в момент написания мемуаров достигала в его сознании такой интенсивности, что он, по-видимому, дегуманизировал и демонизировал коммунистов до такой степени, что просто не считал за людей и тем более граждан своей страны, обладавших какими-то свободами и правами. И поэтому их судебные преследования и посадки, наверное, просто не являлись для него примерами, достойными упоминания. Хотелось бы ошибиться, но скорее всего, дело обстояло именно так.

Однако именно с учетом непререкаемого и никогда никем не ставившегося под сомнение антикоммунизма Кеннана его свидетельства и оценки в отношении грубейших нарушений демократии и прав других американцев (даже при отрицании их полицейских и судебных преследований) выглядят особенно убедительными не только для человека вроде автора этой книги, априори скептически относящегося к тому, как на практике осуществлялись и осуществляются эти провозглашенные в «Билле о правах» принципы в США, но и для типично западной либеральной публики.

Так, он констатировал, что жертвой маккартизма стала целая каста – интеллектуалов, профессоров, правительственных служащих, исполнительных директоров различных фондов и прочих, кто в то время мог подвергнуться жестокому наказанию, сокрушавшему их репутацию, «а их возможности

²⁴² <http://russianrevolution.narod.ru/su/scharaschka3.htm>.

найти работу были уменьшены до такой степени, как будто они оказались в заключении»²⁴³. Как подчеркивал Кеннан, речь шла о людях, чья возможность успешно работать в избранной ими области зависела от определенного минимума общественного доверия и уважения.

Кеннан писал, что «если маккартизм и не был формой фашизма, через которую прошли европейцы, то имелись несколько аспектов этого явления, которых хватило для того, чтобы вызвать у меня глубокие душевные страдания и сильно повлиять на мое отношение к собственной стране»²⁴⁴. Главным в этой связи и губительным итогом «охоты за ведьмами» в США он считал широко распространившийся а общественном мнении в то время тезис о том, что главные послевоенные проблемы США, к которым сам Кеннан и многие другие его соотечественники относили появление коммунистических правительств в странах Восточной Европы и в Китае, были не просто следствием итогов Второй мировой войны (он ничего не пишет об этом, но, разумеется, имеются в виду освобождение народов Восточной Европы от фашизма Красной армией и роль коммунистов в движении Сопротивления, победа компартии Китая при поддержке СССР в гражданской войне и в войне с Японией), а результатом «не очень серьезных, и относительно невинных и объяснимых человеческих ошибок».

Нет, пишет Кеннан, по тогдашнему мнению «не только Маккарти и его сторонников, но и многих уважаемых публицистов, политиков и выдающихся граждан», эти проблемы стали результатом «инфильтрации в правительственные структуры страны коммунистических агентов». В этой связи Кеннан признает в мемуарах свою неудачу в попытке внушить американской публике реалистичное понимание причин и сути послевоенного международного положения США²⁴⁵.

Тут справедливости ради надо заметить, что попытки взвалить всю ответственность за политические провалы на границу и оплачиваемые за границей подрывные элементы, на протяжении всемирной истории сотни раз совершались и совершаются сегодня в других странах, в том числе в нашей стране. И хотя на самом деле этот фактор нередко реально существовал и существует, причем нередко носит более чем опасный для безопасности разных стран характер, чаще всего его значимость искусственно раздувается до размеров общественной паранойи и шпиономании, когда «подрывными» представляются обычное несогласие, законная оппозиция и здоровая патриотическая критика провалов собственного правительства, направленная на улучшение положения дел. В любом случае, Кеннан был прав, когда в речи, произнесенной в мае 1950 года в штате Милуоки на заседании Ин-

²⁴³ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.220.

²⁴⁴ Ibid. P.221.

²⁴⁵ Ibid. P.221–222.

ститута внешней политики США, призвал своих слушателей «учиться признавать подлинные причины наших трудностей»²⁴⁶.

По свидетельству Кеннана, не менее важными последствиями маккартизма были осложнения в американском обществе культурного и духовного порядка; и хотя их труднее было уловить, они также носили чрезвычайно тревожный характер. Политическая непримиримость сопровождалась тем же в других областях жизни, а именно: ростом антиинтеллектуализма, недоверия к думающим и вообще образованным людям, подозрением к контактам с иностранцами и иностранному влиянию на конкретных личностей, требованиями единообразия в мышлении и поведении в рамках «дешевого провинциального шовинизма»²⁴⁷.

Надо отдать должное Кеннану: эти и другие критические мысли по поводу сложившейся в стране обстановки он излагал не потом, когда маккартизм сошел на нет и был фактически осужден; он делал это а разгар «охоты на ведьм». В этом смысле после выступления в Милуоки еще большее значение как своей «самой сильной антимаккартистской речи за всю мою карьеру» Кеннан придавал выступлению в университете Нотр-Дам (штат Индиана), куда он был приглашен в мае 1953 года для получения ученой степени и по случаю открытия нового Центра изобразительных искусств. Там он открыто осудил силы, препятствовавшие культурным обменам с зарубежными странами, изображавшими Америку как страну, способную продвигаться вперед без этих контактов, «смотрящих с подозрением и на источники интеллектуальной и культурной активности в этой стране, и на импульсы такого рода, исходящие из-за границы». По его мнению, эти силы пытались создать в Америке тот же самый «железный занавес», который США осуждали применительно к действиям «наших коммунистических противников»²⁴⁸.

«Бешеный антикоммунизм приводит нас – ради спасения от коммунизма – к такому ходу мыслей и к таким действиям, которые чрезвычайно обрадуют наших противников из коммунистического лагеря, – сказал тогда Кеннан. – Я имею в виду, в частности, требование к американцам доказывать свою лояльность, понося коммунизм. Я десять лет прожил в тоталитарных странах, и я знаю, куда заводят такие вещи. Тот, кто предъявляет подобные требования, совершает самое грубое и циничное нарушение доверия и душевного равновесия своих соотечественников»²⁴⁹.

По мнению автора этой книги, данное заявление Кеннана особенно важно, поскольку подтверждает мою уверенность: провозглашая в Фултоне в присутствии Трумэна тезис о «железном занавесе», Черчилль на самом де-

²⁴⁶ Ibid. P.223.

²⁴⁷ Ibid. P.223.

²⁴⁸ Ibid. P.224.

²⁴⁹ <http://www.svobodanews.ru/content/Article/392034.html#ixzz0wqmamw4C>.

ле предлагал Западу соорудить такой «занавес» вокруг СССР и стран Восточной Европы и одновременно наглухо отгородить от их культурного влияния и правды о преимуществах социализма население западных стран. Ведь факты доказывают, что в то время в нашей стране и в европейских соцстранах в кинотеатрах шли сотни американских и других западных фильмов, в театрах – десятки пьес западных авторов, издавалось огромное количество не только классической, но и современной западной художественной литературы, молодежь слушала западные радиостанции, американский джаз, танцевала рок-н-ролл и т.п. А на Западе, особенно в США, форточка с Востока была задрена наглухо. И только начиная с 1956 года, особенно в период так называемой оттепели, начался наш культурный прорыв на Запад, производивший там тогда форменный фурор.

Именно в этой связи в мемуарах Кеннана содержится еще один тезис о феномене маккартизма и его последствиях для американского общества, касающийся позорной роли в предотвращении и прекращении данного явления одного из главных институтов демократии – законодательной власти, а также власти исполнительной, президентов США. Его предельно пессимистический вывод состоял в том, что в тот критически опасный для судьбы демократии момент американской истории созданные гением отцов-основателей Америки ключевые институты разделения властей оказались практически недееспособными.

По словам Кеннана, на Капиталийском холме многие законодатели были в тот момент «настолько вовлечены в ритуалы и семантику антикоммунизма, пытаясь или сами извлечь из этого политический капитал, или же боясь противостоять ему в страхе предстать не в том свете перед своими избирателями, что оказались не в состоянии противостоять даже таким выходкам сенатора от Висконсина (Джеймса Маккарти. – *Авт.*), которые унижали их лично и дискредитировали законодательную власть, к которой они принадлежали». Кеннан отмечает, что во всей верхней палате конгресса тогда нашлось всего три сенатора, нашедших в себе мужество прямо выступить против этого деятеля. А так кругом происходило только унижительное увиливание от высказывания собственного мнения, причем важно, что когда поведение Маккарти, в конце концов, вообще вышло за рамки приличия и что-то надо было с этим делать, от него отделались отнюдь не прямым образом – он был дискредитирован по не имевшим отношения к главному малозначимым поводам. Как пишет Кеннан, сенат в целом так и не нашел в себе сил осудить его за то в его поведении, что действительно нанесло огромной силы удар по обществу.

При этом, по его свидетельству, исполнительная власть проявила себя в данном случае ничуть не лучше (тут он опять напомнил о трусливом поведении госдепартамента, не только отказавшегося выступить в защиту своих сотрудников, но и уволивших их с работы без средств к существованию).

Неадекватным угрозой называет он и поведение находившихся в то время президентов: демократа Гарри Трумэна и республиканца Дуайта Эйзенхауэра. Другими словами, феномен маккартизма, противоречивший первоосновам демократии и Конституции США, «так никогда и не был решительно отвергнут политическим истеблишментом страны»²⁵⁰. Кеннан отмечает, что Маккарти, в конце концов, сам себя дискредитировал в глазах народа при помощи телевизионных камер; но не было дискредитировано то движение, которое он возглавил. Оно просто постепенно и частично спало с течением времени. Но имело продолжительное влияние на политическую жизнь Америки.

Два заключения, которые Кеннан делает по поводу этой более чем печальной (но в смысле «охоты на ведьм» отнюдь не исключительной, как мы знаем) главы американской истории, тоже заслуживают внимания.

Первое состоит в том, что ему в сравнении со многими другими соотечественниками «повезло выжить» в это время без ущерба репутации и жизненным устоям. Как пишет Кеннан, «на меня подчас нападали, подчас даже называли “социалистом” (какой кошмар! – *Авт.*) или “марксистом” (еще хуже!), но эти атаки производили незначительный эффект». Мы уже высказывали читателю наше мнение о подлинных причинах этого отнюдь не неожиданного «везения» нашего героя.

Второе его замечание более существенно. «В моем случае, – пишет он, – феномен маккартизма внедрил в мое сознание продолжающееся до сих пор сомнение в адекватности нашей политической системы и в уровне общественного понимания... роли великой державы в современный период. Мне кажется, что политическая система и общественное мнение, которые могут быть так легко дезориентированы подобного рода вызовами в одну эпоху, могут быть в не меньшей степени уязвимы и подвержены такой же угрозе в другую. После подобных экспериментов в конце 40-х–начале 50-х годов, я уже никогда не восстановлю в себе ту же веру в американскую государственную систему и в традиционные американские воззрения, которые когда-то испытывал...»²⁵¹ (выделено мною. – *Авт.*).

К этому очень важному с точки зрения эволюции мировоззрения Кенна на заявлению можно лишь добавить, что прошедшее после первой публикации мемуаров (1972) время лишь подтвердило тогдашний его вывод. Потом были грандиозный скандал «Уотергейт» с президентом Никсоном и позорная история с обманом под присягой президентом Клинтоном независимого прокурора в скандале с Моникой Левински... Перед уходом в мир иной Кеннан стал свидетелем циничной лжи и промывки мозгов американцам и всему миру президентом Бушем-младшим и другими высшими должност-

²⁵⁰ Kennan G.F. Memoirs 1950–1963. Pantheon Books. N.Y., 1972. P.227.

²⁵¹ Ibid. P.228.

ными лицами США в отношении якобы наличествовавшего у правительства Ирака во главе с Саддамом Хусейном оружия массового уничтожения. Однако и после публичного признания самим Вашингтоном лживости этих утверждений, вооруженная агрессия США в эту страну продолжилась ценой жизни тысяч американцев и сотен тысяч (до миллиона!) иракцев, а сам Хусейн был варварски казнен на глазах всего мира. И это только некоторые из примеров.

ПРИНСТОН: ДРУГАЯ ЖИЗНЬ, ДРУГОЙ КЕННАН

А тогда, в середине 50-х годов, период как замечает В.Л.Мальков, «очень плодотворных, академически спокойных размышлений... в абсолютно комфортных условиях Института перспективных исследований» Принстона, способствовал дальнейшей эволюции политических взглядов Кеннана и зачастую полному переосмыслению им ключевых моментов недавней истории. Так, он резко оппонирует отсюда все тому же Буллитту, утверждавшему, что США были якобы в состоянии самостоятельно, без участия СССР (т.е., по его мнению, не запятнав себя союзом с «порочной» страной) одержать верх над Гитлером. Буллит твердил о «непростительной ошибке» Рузвельта и Черчилля, вошедших в военный альянс с СССР и тем самым «позволивших Советам присвоить себе честь могильщика фашизма».

Кстати, Мальков очень к месту приводит высказывания Солженицына, бывшего, по оценке этого американиста, «отчаянным хулителем Кеннана» (что само по себе крайне интересно и важно). Солженицын с его лютой, испепеляющей ненавистью к СССР и вообще левым и даже либеральным идеям, был в этом смысле стопроцентно точным индикатором, кто есть кто в мире политики и идеологии. Так вот он пришел к его негативным выводам касательно Кеннана почти наверняка исходя из высказываний последнего с середины 50-х годов и позднее. Что же касается темы военно-политического союза западных демократий с Советским Союзом, данный писатель сказал, как отрезал в своей статье 1980 года: «При бесстрашной преданности принципу всеобщей, универсальной свободы, он (Запад) не должен был получать ленд-лизом помощь кровавого Сталина, укреплять его господство над народами, ищущими своей свободы. Запад должен был открывать независимый фронт против Гитлера – и сокрушить Гитлера своими собственными силами...»²⁵².

²⁵² Idid.

Мнение Кеннана в письме 1956 года: «Во время второй мировой войны западные демократии были слишком немощными, чтобы без помощи Советского Союза нанести Гитлеру такое тотальное поражение, о котором они мечтали»²⁵³.

Как отмечает Мальков, в отличие от предыдущих лет, когда Кеннан жестко критиковал «просоветизм» политики Рузвельта, теперь он был крайне встревожен разговорами в Вашингтоне о превентивной войне против СССР. По его мнению того периода, военная угроза могла только замедлить или отодвинуть движение России в сторону демократизации как следствие преимущественного «спонтанного внутривосточного процесса»²⁵⁴.

Кстати, тут автору книги приходит в голову мысль о том, что возможно, если не Горбачеву, то уж А.Н.Яковлеву точно дали изучить цитатник Кеннана. Уж слишком соответствует кеннановскому учению очередность шагов этих «реформаторов»: сначала посредством сдачи всех переговорных позиций и промывки мозгов средствами СМИ снизить почти до нуля в глазах советского населения фактор военной угрозы Запада, а уж потом, на этом расширенном поле, «демократизировать» страну вплоть до ее развала.

По словам Малькова, «после своего скандального разрыва со страной, чья драматическая судьба так тесно переплелась с его карьерой, Кеннан занимает последовательно критическую позицию в отношении нагнетания военного психоза, сторонники которого прибегали к истертому доводу о намерении Советского Союза военным путем сокрушить Запад. Как бы продолжая давний диспут с Липпманом, упрекавшим его в недооценке дипломатии и переговорного процесса в контактах с Россией, Кеннан берет реванш, выдвигая идею урегулирования разногласий с Москвой по вопросу об атомном оружии даже на базе несовершенной системы международного контроля, достигнутой путем компромисса»²⁵⁵.

Целую главу мемуаров с детальным пересказом событий посвятил Кеннан своим лекциям, прочитанным им в Лондоне осенью 1957 года в программе англоязычной службы Би-би-си. Причины такого его внимания к этому эпизоду своей длинной жизни дипломата, публичного политика и ученого, в общем понятны. Во-первых, лекции вызвали небывалый интерес широкой публики, специалистов в области международных отношений и политиков первого уровня в Западной Европе и в США. Во-вторых, это было именно то, в чем тогда остро нуждался Кеннан для удовлетворения своего уязвленного эго после удаления (а он был именно удален, а не сам ушел) из правительственных структур.

²⁵³ Idid.

²⁵⁴ Idid.

²⁵⁵ Idid.

Ему почти одновременно пришло сразу два приглашения в Англию. Оксфордский университет попросил его провести семестр с лекциями о внешней политике России, по свидетельству автора мемуаров вызвавшими большой интерес студентов и специалистов (в 1961 году текст этих лекций вошел в известную книгу Кеннана «Россия и Запад при Ленине и Сталине»). Почти одновременно «домашняя» (т.е. британская) служба радио Би-би-си пригласила Кеннана прочитать 6 следующих одна за другой каждое воскресенье полчасовых лекций в прайм-тайм по избранной им самим тематике. Понятно, что оба приглашения были более чем лестные и отражали высокий авторитет Кеннана как дипломата и ученого. В частности, до него в той же программе лекций на том же радио (Reith Lectures) среди прочих выступали такие интеллектуальные звезды Запада, как Берtrand Рассел, Арнольд Тойнби и Роберт Оппенгеймер. Вполне достойная компания.

Кеннан подробно описывает, «каким кошмаром» для него и его находившейся с ним в Оксфорде семьи оказалась практически одновременная подготовка в письменном виде занимавших многие сотни страниц текстов лекций для последующего прочтения в университете и на радио (это легко себе представить, зная предельную требовательность их автора к себе). Но результат превзошел все его ожидания. После передачи по каналам Би-би-си с последовавшей ретрансляцией в Канаде и США, а также бурной дискуссии, ими вызванной, в «большой» прессе по всему Западу, его лекции по радио получили самую большую аудиторию из всех, которые когда-либо до этого получали такого рода программы. Так что авторское самолюбие их автора было полностью удовлетворено. Как и в 40-х годах, он опять, хоть и на короткое время, стал «властителем дум» политизированной западной публики. При этом, как он считал, находясь тогда в опале, будучи отстраненным от практической политики человеком.

В подтверждение Кеннан приводит тщательно хранимые им вырезки из ведущих изданий. Лондонская «Дейли телеграф»: «Это была одна из привлекавших наибольшее внимание интеллектуальных гонок за всю историю радиовещания». Журнал «Лайф»: «Неофициальные заявления отставного американского дипломата превратились в важнейший политический вопрос для всего западного мира». «Вашингтон пост и таймс геральд»: «Еще никогда в истории британской радиовещательной корпорации какие-либо лекции не привлекали подобного мирового внимания... Они изучаются правительствами и обсуждаются во многих странах...». «Чикаго сан-таймс»: «То, что Кеннан сказал о Советском Союзе и его отношениях с Западом, привлекло значительно больший интерес и вызвало значительно большую полемику в Британии, Франции и Западной Германии, чем что-либо, что сказали за последнее время и президент Эйзенхауэр, и госсекретарь Даллес...».

Думается, что для подобного политического фурора в то время имелись два серьезных основания. Первое – и главное – это, разумеется, наша страна,

СССР. Кто бы и как бы к ней ни относился на Западе, практически никто не мог не понимать ее решающей роли в мировой политике и вообще в находившемся тогда в самом разгаре грандиозном сражении за умы и сердца человечества между двумя системами ценностей. Причем, в это время – конец 50-х годов – и у наших союзников (а их только на Западе были многие миллионы) и у не меньшего числа противников возникало тогда явное впечатление, что в отличие от всех предсказаний пессимистов, скептиков и недругов (в их первый ряды был, как мы знаем, Кеннан) складывалось явное впечатление, что в происходившей эпической гонке за мировое лидерство СССР выигрывал одну позицию за другой.

К тому времени наша страна полностью восстановила народное хозяйство после войны и давно превзошла довоенный уровень ВВП, поражая мир высочайшими темпами развития экономики. Мы создали ядерное и водородное оружие, построили первую в мире атомную электростанцию, первыми обеспечили средство доставки ядерных боеголовок в виде межконтинентальной ракеты (таким образом опередив США в атомной гонке) и произвели запуск первого в мире искусственного спутника Земли (кстати, это потрясшее тогда америкацев и весь Запад событие произошло буквально накануне начала чтения Кеннаном его лекций).

Во-вторых, с точки зрения западной публики, Кеннан с учетом его биографии и компетенции, был именно тем человеком, который с наибольшей полнотой мог ответить на вопросы о том, что означает для мира этот беспрецедентный успех СССР и его системы, и прежде всего с точки зрения главного волнующего и пугающего всех там вопроса: что будет с безопасностью Запада, может ли Россия стать агрессором и инициатором мировой термоядерной войны. Кровно интересовала эту публику и более конкретная проблема европейской безопасности. И надо сказать, что Кеннан свою аудиторию не разочаровал. Он проявил себя не только человеком многознающим, но самое главное, нетривиально, нестандартно мыслящим. Отсюда восторг одних и резкое несогласие других.

По свидетельству Кеннана, с этой точки зрения наиболее бурную реакцию на Западе вызвали его третья и четвертая лекции. Как выяснилось, в них обнаружилась подлинно «взрывная» субстанция. В третьей лекции рассматривались так называемая германская проблема и идея Кеннана постараться преодолеть раскол между двумя частями Германии и Западной Европой. В четвертой – проблемы гонки ядерных вооружений и вообще военные проблемы Европы.

Острота обсуждаемых вопросов, по словам самого Кеннана подчеркивалась тем, что перед этим ФРГ была принята в НАТО (он пишет, что сам был этим сильно недоволен). Сразу после этого начала осуществляться судорожная кампания по ремилитаризации Западной Германии. Причем одновременно в верхних эшелонах власти на Западе обсуждалась дилемма: долж-

ны ли вооруженные силы НАТО, включающие теперь и ФРГ, быть оснащены как минимум тактическим ядерным оружием, или же монопольными обладателями этого оружия на Западе должны оставаться США и Великобритания.

По этому поводу Кеннан (как мы знаем, остававшийся резким оппонентом гонки ядерных вооружений в принципе) высказал в своей лекции мнение, что любые переговоры с СССР о снижении уровня военного, прежде всего ядерного противостояния в Европе, будут сильно затруднены, если в них должны будут принимать участие не только три великие державы, а все страны-члены НАТО-обладатели этого оружия. Одновременно Кеннан привел недавнее заявление Н.С.Хрущева о том, что при условии сохранения неядерного статуса ФРГ СССР мог бы рассмотреть вопрос постепенного вывода войск двух блоков из Европы, и предложение министра иностранных дел Польши Адама Рапацкого о создании зоны, свободной от ядерного оружия на территории двух Германий и Польши. Надо полагать, что Кеннан представил эти предложения как подтверждение готовности Москвы к переговорам. Буквально он сказал следующее: «Значительно предпочтительнее вывести советские войска и вооружения из Центральной и Восточной Европы, чем культивировать новую германскую армию с целью противостоять им, когда они здесь останутся»²⁵⁶.

В своих лекциях Кеннан наговорил еще много из того, что своей новизной и миролюбием поразило и привлекло множество его напуганных угрозой новой опустошительной войны в Европе западных слушателей. Как он сам подчеркивает, в лекциях содержалось многое из того, что огромное количество людей очень хорошо понимало и принимало, но что полностью противоречило политике их правительств. И «наказания не пришлось долго ждать». Ведь помимо прочего, сказанное им бросило вызов всем лидерам НАТО того времени.

Так, Джон Фостер Даллес лишь незадолго до этого подчеркнул важность перевооружения Западной Германии. Дин Ачесон с гордостью называл себя самим автором этой идеи. А Кеннан предложил ровно противоположное. В результате против него оказались ведущие политики и демократической, и республиканской партий. Канцлер ФРГ Кондрат Аденауэр на встрече стран-членов НАТО в мае 1957 года особо подчеркнул, что воссоединение Германии не может произойти ценой ее нейтрализации. А Кеннан выступил именно за это. Министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд на той же встрече заявил: «Мы правы, основывая всю нашу оборону на ядерном устрашении». Кеннан говорил на эту тему ровно противоположное²⁵⁷.

Само собой, указанные и другие натовские персонажи отреагировали на лекции Кеннана крайне отрицательно. Так, Дин Ачесон опубликовал пере-

²⁵⁶ Ibid. P.243.

²⁵⁷ Ibid. P.249–250.

полненное возмущением заявление, в котором обвинил его в том, что он «никогда не понимал реальностей взаимоотношений держав», а вместо этого придерживался «скорее, мистического к ним подхода». Особо жесткого выговора Кеннан удостоился от Ачесона за его замечания касательно проблем обороны Западной Европы. По сообщениям прессы, на некоем закрытом совещании министр иностранных дел Германии Брентано вообще заявил: «Тот, кто говорит подобные вещи, – не друг немецкого народа» (это германofil Кеннан не друг?! – *Авт.*). Джон Даллес под градом вопросов репортеров о том, слышал ли он о высказываниях Кеннана, сухо отрезал в том смысле, что было бы трудно их не услышать. В Нью-Йорке 11 экспертов по Германии, среди которых было немало бывших единомышленников Кеннана, опубликовали резкое заявление о том, что как бы они ни ценили его прежние заслуги, но глубоко сожалеют о занятых им теперь позициях²⁵⁸.

Резкая критика прозвучала по его адресу и со страниц ведущих органов американской и западноевропейской печати. Сам Кеннан считал, что в значительной мере она была основана на недоразумениях или заведомых искажениях им сказанного. Однако наибольшее впечатление произвела на него реакция двух знаменитостей того времени – все того же вечного его оппонента Уолтера Липпмана и французского философа Раймона Арона. Общий смысл их критики состоял в том, что как бы привлекательна не была сама по себе идея вывода оккупационных сил из Европы и преодоления раздела континента, она нереалистична: ни Запад, ни Восток к ней не готовы. Та же причина касается преодоления раздела Германии. Как говорил тогда Арон, существующее положение было неудовлетворительным и опасным, но его изменение грозило дестабилизировать даже ту хрупкую основу, на которой строился тогда баланс сил в Европе.

Как и следовало ожидать, реакция в западном мире на его лекции явилась для Кеннана, во-первых, неожиданной (по-видимому, соглашаясь на эти выступления, он совершенно не собирался так будоражить публику); во-вторых, как всегда с ним происходило в подобных случаях, «чрезвычайно травматической» вплоть до того, что он много лет, вплоть до написания мемуаров, не мог заставить себя прочитать всю критику в прессе того времени. Но такова уж была его судьба.

Тем не менее, как подчеркивает В.Л.Мальков на основании изученных им документов личного архива Кеннана в Принстоне, критика по адресу ученого все же вынудила его еще более четко сформулировать свои аргументы против «доктрины освобождения» Даллеса, выдвинутой в противовес его концепции сдерживания. Кеннан в это время настолько активно выступает в пользу мирного урегулирования спорных вопросов с СССР, что пресса и общественность начинают представлять его в новом качестве – умеренного политика.

²⁵⁸ Ibid. P.250.

В связи с запросом из Белого дома (Кеннана там не забывали) о его точке зрения на очередное обострение международной обстановки в конце 1958 года в записке от 4 декабря он высказывает качественно иную (вернее – противоположную. – *Авт.*) позицию на линию «советского поведения», чем изложенную им в «Длинной телеграмме» и соответствующей статье в «Форин афферс». В записке он заявляет, что правительство СССР, оказывается, не было инициатором гонки ядерных и других видов вооружений массового поражения. Более того, по Кеннану-1958, победу марксистских принципов оно связывало не с вооружениями, а с действием объективных «законов социальных изменений». Отсюда у Кеннана следовал главный вывод: «Советские руководители не вынашивали планов третьей мировой войны и не имели никаких намерений ее начинать...». По словам автора записки, кремлевские руководители не планировали нападать на Западную Европу, а утверждающая обратное западная пропаганда – продукт сознательного искажения намерений советских лидеров.

«Я полагаю, – заключал Кеннан записку от 4 декабря, – Черчилль был абсолютно не прав, когда говорил (если я точно воспроизвожу его слова), что только американская монополия на атомную бомбу помешала им напасть на Западную Европу в 1945–1949 годах. В другой, последовавшей вслед за первой, записке (от 16 декабря) Кеннан писал, что военная тревога апреля 1948 года (Берлинский кризис) была, в сущности, инспирирована американским генералом Люшиусом Клеем. Понятно, что обе эти записки ждала в Белом доме та же судьба, что и все другие здравые идеи и выводы Кеннана – гробовое молчание.

Впоследствии он сам пришел к выводу, что причина подобной реакции (или ее отсутствия вообще) состояла в том, что указанные идеи были высказаны им то ли слишком поздно, то ли слишком рано, но в любом случае не вовремя. Как мы раньше выражались в СССР, «миролюбивой общественности» они понравились, а правительства США и стран НАТО их отвергло. В этом было коренное отличие судьбы этих идей от того, что было сконструировано Кеннаном в его «Длинной телеграмме» и последовавших статьях. И в этом трагедия этого человека: реально востребованными, да еще и реализованными до такой степени, что сам Кеннан приходил от этого в ужас, на протяжении всей жизни были лишь наиболее реакционные и потенциально разрушительные его идеи. А по-настоящему новаторские и миролюбивые предложения и предупреждения, основанные на тех же его выдающихся аналитических, креативных, прогностических способностях, оставались предметом академических дискуссий и в лучшем случае оценочных статей в «большой» прессе.

Из этого вывода можно и нужно сделать лишь одно, правда, очень значимое исключение. И касается оно такой знаменитости, как президент Соединенных Штатов Джон Фитцджеральд Кеннеди. Хотя, с другой стороны,

как нам представляется, судьба этого человека является лишь подтверждением того, что американская политика востребует или посредственностей, людей заурядного склада ума, или же, изредка, по-настоящему выдающихся, нетривиально мыслящих личностей, но лишь до тех пор, пока они своим талантом и энергией удовлетворяют интересы правящего класса, особенно в кризисные для страны периоды, когда обычные подходы не срабатывают. Но как только кризис преодолен, ситуация поменялась, а указанная личность продолжает предлагать и делать нечто такое, что взрывает покой, рутинный ход вещей и мыслей, а самое главное – начинает мешать и вредить интересам правящей верхушки, от такого человека избавляются. В случае с Кеннаном это было сделано в мягкой форме, в случае с Кеннеди через Даллас, штат Техас.

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ» ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Мастерски описанная Кеннаном в заключительных главах мемуаров югославская история не просто знаменательна. Она идеально работает как своего рода калька американской внешней и внутренней политики, приложив которую к событиям конца прошлого–начала нового века можно легко понять, что происходит в ней сегодня (а происходит примерно то же самое).

Казалось, эти два политика в полном смысле слова нашли друг друга. Кеннан вроде бы должен был окончательно свыкнуться с участью опального отставника дипслужбы и, продолжая зализывать раны былых боев (последнего после появления перед микрофонами Би-би-си), все больше входил во вкус академической жизни. Тем более, что эта вторая часть его жизни развивалась прекрасно, бескризисно и со всеобщим признанием, о чем в частности свидетельствовали приглашения проводить семестры в лучших университетах не только Европы, но и «плющевой лиги» США.

И вот однажды, в январе 1961 года, как раз тогда, когда победившая на выборах новая команда демократа Кеннеди занимала Белый дом, Кеннан, находясь с учебной миссией в Йельском университете, зашел в почтовое отделение, где дежурный студент дрожащими от волнения руками передал ему трубку телефона со словами: «А Вам как раз звонит президент Соединенных Штатов». Из разговора выяснилось, что Кеннеди предложил ему на выбор должность посла в Польше или Югославии. После короткого размышления Кеннан выбрал Белград (думается, не случайно. Югославия, как

известно, была диссидентствующей социалистической страной, одно время находившейся в остром конфликте с Москвой, а ее лидер Иосип Броз Тито считался героем противостояния со Сталиным. Учитывая известные нам чувства, которые Кеннан испытывал и к СССР и особенно к Сталину, возможность поиграть в американских интересах с этой ситуацией могла казаться ему привлекательной).

Впрочем, в мемуарах Кеннан упоминает о двух других соображениях, которыми он руководствовался, вновь принимая пост посла. Первое – он продолжал болезненно переживать то, что с ним произошло на дипломатической службе ранее, особенно памятуя ту на грани оскорбления форму, в которой он был уволен с этой службы в 1953 году. Понимая, что позиция в Белграде – это не та звездная должность, на которую он мог бы претендовать исходя из собственного понимания своей значимости, тем не менее она давала ему возможность как бы реабилитироваться, а кроме того по окончании срока службы получить все те знаки признания и привилегии, которые полагались каждому нормальному американскому послу.

Второе – Кеннан счел необходимым упомянуть о тех серьезных расхождениях с вашингтонским политическим истеблишментом, которые особо отчетливо проявились в его лекциях и статьях последних лет по коренным проблемам американской и мировой безопасности. При этом мы понимаем, что прежним республиканским администрациям (тем же Ачесону и Даллесу) и в голову бы не пришло его приглашать – за ним тянулся шлейф некоего пришельца с опасными фантазиями. Но времена изменились. И при новой власти, как ему казалось, он мог бы чувствовать себя комфортнее, тем более на такой периферийной, не привлекавшей к себе особого внимания в Вашингтоне дипломатической площадке (позднее мы узнаем, что тут он опять ошибся).

Кеннан не скрывает, что предложение президента хоть и стало для него сюрпризом, но не было первым случаем их контактов. Впервые Джон Кеннеди написал ему «доброе и умное письмо» еще в преддверии своей избирательной кампании в феврале 1958 года с отзывом на его прочитанные им в полной версии лекции на Би-би-си. Год спустя он же прислал ему новый отзыв о прочитанной им в журнале «Форин афферс» статье Кеннана с развитием главных идей этих лекций и ответом их критикам. В нем будущий президент отметил, что ее автор «с большой эффективностью обнажил предельную закостенелость позиции г-на Ачесона, и при этом без своего рода несуразностей *ad hominem* (рассчитанных на чувства, а не на разум – *лат.*), в которые г-н Ачесон, к сожалению, впадал в прошлом году».

Третье послание Кеннан получил от Кеннеди через год с Ямайки, где тот проводил короткий отпуск перед вселением в Белый дом. В нем президент хвалил его за прочитанное им интервью Би-би-си, данное через год после знаменитых лекций, данное с позиции «беспристрастного здравого смысла». Кеннеди писал, что особо заинтересовался идеями Кеннана не

только по ограничению испытаний ядерного оружия, но и по самой его ликвидации (и действительно, 5 августа 1963 года в Москве был подписан Договор о запрете ядерных испытаний в трех средах. Покушение в Далласе оставило навсегда открытым вопрос о том, собирался ли Кеннеди, особенно после уроков Карибского кризиса, вместе с советскими партнерами довести до ума и идею полной ликвидации ядерных вооружений).

Далее в мемуарах их автор с удовольствием вспоминает, как хорошо и любо было ему жить и работать в Югославии, рисуя прямо-таки пасторальные картинки этой страны. И тут его можно легко понять. С точки зрения природы и климата Югославия была красивейшей, комфортной для иностранцев страной. И тут все его сравнения были, конечно, не в пользу прежнего пребывания в СССР (мы помним кеннановские заметки во время его путешествия по Сибири, в которых он писал о «народе, жить которому предназначено на земле, способной кого угодно повергнуть в отчаяние»). Еще более разительным был для Кеннана контраст от общения с официальными югославскими лицами, начиная с Йосифа Броз Тито. По его отзывам, все они проявляли видимую симпатию к американцам, вели себя раскованно и непринужденно, с удовольствием приглашали их к себе домой и на совместный отдых, т.д. Опять же все это сравнивалось с памятными нам картинками «ужасов», которые он испытывал от общения с советскими «товарищами», особенно в канун его высылки из страны.

Разумеется, в своей пасторали Кеннан делает необходимые политкорректные оговорки, напоминая американским читателям, что хотя его югославские партнеры и делились на людей просто приятных и приятных во всех отношениях (заимствование из Гоголя мое. – *Авт.*), тем не менее они были все-таки коммунистами, хоть и иного замеса, чем в СССР, а потому говорили ему не все и хранили от него в тайне некие свои «партийные секреты».

Однако коренное отличие от пребывания и образа жизни и деятельности Кеннана в Москве и в Белграде состояло, тем не менее, в том, что в нашем случае он ощущал себя лазутчиком в логове врага и вел себя соответствующим образом. А именно, занимался поиском и обработкой негативной информации о политике страны пребывания и самое главное – созданием концепции ее сокрушения. В Белграде же он наслаждался (вернее – жаждал насладиться) жизнью и, по всей видимости, мало анализировал внутренние проблемы страны, целиком сосредоточившись на любимой им теме конфликта и разногласий Тито с СССР, том, как это можно наилучшим образом использовать в американских интересах.

А ведь если бы в Белграде, как до этого в Москве, Кеннан сосредоточился на прогностических исследованиях, то наверняка понял, что приятная для него как западника жизнь в этой стране является во многом глянцевой обложкой для туристов и иностранцев, за которой кроются опаснейшие и растущие проблемы межнациональных отношений, экономики, идеологии

и т.п. Он бы, возможно, осознал, что, как и в случае с СССР, самым роковым явится для судьбы и самого существования этого государства уход из жизни его выдающегося лидера Броз Тито, ибо после этого ни адекватной замены ему, ни новой модели работающей государственности найдено не будет. Тем более, что начавшиеся в конце 80-х годов на территории развалившейся Югославии кровавые, лютые по своей жесточенности и количеству жертв межнациональные и религиозные войны стали возможными не только в результате накопившихся внутренних проблем, но прежде всего под влиянием организованного Горбачевым–Яковлевым развала мировой социалистической системы, частью которой при всем своем своеобразии все же являлась СФРЮ, находясь как бы под невидимым геополитическим зонтиком защиты со стороны СССР и Варшавского договора.

Кстати говоря, в своих изданных в 70-е годы мемуарах Кеннан с удовлетворением писал о том, что мол, пример Югославии оказался заразительным и вот, теперь, и Румыния тоже пошла по «независимому» пути. Тут для него, конечно же, главным и решающим позитивом опять же была та головная боль, которую эта политика доставляла Москве. Что творилось при этом в самой Румынии, как жил, вернее существовал, народ этой страны, его нисколько не интересовало. А если бы заинтересовало, то для него и его начальников в госдепе не стали бы неожиданностью будущие кровавые события и в этой стране, зверская кровавая публичная расправа над ее долго заигрывавшим с США лидером Николае Чаушеску и его женой, брошенными и преданными и горбачевской Москвой, и Вашингтоном.

Впрочем, заключительные «югославские» главы мемуаров Кеннана важны для нас сегодня не только как ценное историческое свидетельство, тем более в региональном разрезе, но как пример анализа американской политики, которая по главным своим составляющим не меняется десятилетиями, если не столетиями. А значит, предельно актуальны сегодня для понимания внутренней и внешней политики США, в том числе в отношении современной России и основных мировых геополитических конфликтов, попыток прогноза развития этой политики в обозримом будущем.

Как мы уже писали, отправляясь в Белград, Кеннан надеялся на приятное времяпровождение и спокойную работу. Все так и оказалось с белградского конца, если бы не Вашингтон. Именно с учетом этого фактора пребывание в должности посла опять обернулось для него серией непрерывных огорчений и конфликтов, а закончилось очередным фиаско.

Во-первых, Кеннан убедился в том, что в отличие от него американские сенаторы и конгрессмены не знали и не хотели знать никакой нюансировки в формах «жесткого» и «мягкого» коммунизма в Москве и в Белграде и были не в состоянии понять смысл и логику разыгрывания Вашингтоном белградской карты против Москвы. Для абсолютного большинства из них одно только название «Союз коммунистов Югославии» и должность Тито как

лидера этой партии производили впечатление красной тряпки на быков. Тут, прежде всего, проявлялось их почти абсолютное невежество в политическом и историческом образовании, общий климат бушевавшей тогда «холодной войны» и остаточные последствия не знавшей никаких нюансов антикоммунистической «охоты на ведьм» в самих США. Плюс к этому, к моменту прибытия Кеннана в Белград началось постепенное сближение между СФРЮ и СССР, включая различные демонстрации советско-югославской дружбы, что имело соответствующее негативное воздействие на американских законодателей.

Во-вторых, те же сидевшие на Капиталийском холме люди считали для себя абсолютным императивом не просто вмешиваться, а руководить внешней политикой страны, за что вообще-то отвечали президент с его аппаратом, госдепартамент и другие правительственные агентства, в которых работали образованные и подготовленные сотрудники. Причем «руководить», основываясь на смеси беспредельных амбиций, невежества и хамства.

В-третьих, законодателей обеих палат интересовали почти исключительно личные интересы в плане перспектив переизбрания на следующий срок и до бесконечности, или еще большие карьерные перспективы. Все это в огромной степени зависело от электората и спонсоров предвыборных кампаний, а среди них в США присутствовало немало натурализованных представителей национальных меньшинств Югославии. Многие из них: а) предельно негативно относились к югославскому правительству и партии чисто по политическим причинам, в том числе в 1941–1945 годах воюя против народно-освободительной армии Югославии во главе с Тито на стороне профашистских соединений, отрядов четников и др.; б) были лютыми националистами или религиозными экстремистами, ненавидевшими белградский режим как якобы узурпаторов власти сербами, православными и т.п.

В-четвертых, подобная позиция конгресса наносила большой ущерб национальным интересам США, как их представлял себе Кеннан. Так, он указывает, что, будучи по численности и боеготовности третьей в Европе, югославская армия, оснащенная в основном натовским оружием и обученная по натовским стандартам, занимая исключительное по стратегической важности пространство на Балканах, объективно играла на руку американским интересам мировой безопасности и баланса сил, как их понимали в Вашингтоне. Однако, делал вывод Кеннан, все это было недоступно пониманию конгрессменов и сенаторов.

В-пятых, вопреки его надеждам, и администрация Кеннеди оказалась «не бойцом» в спорах о приоритете исполнительной власти над законодательной в осуществлении внешней политики. Все это проявилось в тех конфликтных ситуациях, которые не замедлили проявиться с появлением Кеннана на посту посла, в конце концов, окончательно отравив все приятности его там пребывания.

Кеннан подробно рассказывает читателям, что к моменту его появления в Белграде носившая чисто политический характер американская техническая, экономическая и военная помощь Югославии, начавшая поступать в момент резкого конфликта Тито со Сталиным и последовавшего вслед за этим полного разрыва отношений с Москвой, постепенно сошла на нет и экономические отношения двух стран приняли нормальный характер взаимовыгодных торговых сделок, за которые югославы всегда вовремя расплачивались. Причем, Белград был даже рад прекращению этой помощи, ставившей их в двусмысленное положение обязанной Вашингтону и зависимой от него страны (тем более, что в это время Тито возглавил Движение неприсоединения). Кеннану казалось, что это должно полностью устраивать и Вашингтон, избавившийся от лишнего нахлебника и в то же время сохранивший с Белградом привилегированные отношения. Но не тут-то было.

По ранее изложенным причинам конгресс считал Югославию коммунистической страной (т.е. «дьяволом во плоти»), которой по каким-то крайне подозрительным основаниям госдепартамент продолжает оказывать помощь за счет американских налогоплательщиков. Попытки Кеннана изменить эту установку наткнулись в конгрессе на непробиваемую стену. Для характеристики особенностей психологии и сознания законодателей этой страны (которые до настоящего времени нимало не изменились, с чем сегодня сталкивается уже Россия), интересна приводимая им сценка его диалога с «одним уважаемым членом палаты представителей со Среднего Запада». На реплику Кеннана о том, что Югославия не является членом Варшавского договора, тот выразил ему полное недоверие («Да ладно Вам!»). Когда же Кеннан заверил его в том, что Белград порвал с Москвой еще 14 лет назад, тот в гневе прорычал: «Так какого же черта госдепартамент нам об этом ничего не говорит?».

Кеннан вскоре убедился, что в конгрессе преобладает крайне отрицательное отношение к Югославии. Это приводило его в неистовство: «Выглядит просто потрясающим, что отношение к стране, не принадлежавшей к коммунистическому блоку, проводившей политику нейтралитета и подходившей к нам с позиций сравнительно большей терпимости и дружелюбия в двусторонних отношениях по сравнению с любой из контролируемых Москвой стран, столкнется в конгрессе с большей враждебностью, чем эти страны»²⁵⁹.

Одной из главных причин такого положения, как уже указывалось, являлась деятельность ненавидевших сербов и правительство Тито в целом харватских националистов. Ярким примером того, как процветали эти люди в Штатах, является описанная Кеннаном жизнь и деятельность там бывшего министра внутренних дел фашистского режима этой республики, союзной

²⁵⁹ Ibid. P.286.

во время войны гитлеровской Германии, Андрия Артуковича. Требования югославских властей выдать его для привлечения к уголовной ответственности за массовые казни и другие преступления военного периода, так никогда и не были услышаны в Вашингтоне.

К этому от себя нам следует добавить, что точно такой же «гуманизм» проявляли американцы и к укрывшимся в США после войны главарям украинских фашистских националистов, в частности, из УНА-УНСО, ответственных за массовые экзекуции (речь шла о десятках тысяч невинных жертв) гражданского населения, прежде всего евреев, на Украине. Более того, эти националисты (тоже активнейший электорат и лоббисты американских законодателей) сочинили и надиктовали им несколько принятых конгрессом и с удовольствием подписанных президентами США законов, десятилетиями отравлявших отношения Америки с СССР и государствами Восточной Европы. Более того, они пользовались в Штатах особым уважением: их принимал президент, они всегда были желанными гостями на Капитолийском холме и т.п. Об этом по понятным нам причинам Кеннан ничего не пишет, но так было!

Зато он подробно развивает не менее значимую для нас (и тоже уже упомянутую) тему бесноватого американского антикоммунизма как еще одного фактора его проблем как посла. Он отмечает, со времен Маккарти в политике страны продолжала доминировать «антикоммунистическая установка». В результате «надменный и свирепый антикоммунизм превратился в обязательный ритуал для огромного числа американских политиков, со стандартным применением шовинистической риторики, с помощью которой они демонстрировали своим «folks» (т.е. избирателям. – *Авт.*), что во всех без исключения случаях остаются стопроцентными американцами, преданными подлинным американским ценностям – не то, что эти, в госдепартаменте – бесхребетные жертвы обмана врагом, стоящим у ворот»²⁶⁰.

Сказано точно и здорово, только если при этом не забывать, кто же был главным создателем и вдохновителем того общественного климата в Штатах, который и востребовал к жизни такого рода политиков. Но то был Кеннан середины и конца сороковых годов.

А совсем другой Кеннан периода работы над вторым томом мемуаров приводит ценнейшее для нас и наших нынешних политиков наблюдение провидческого характера, ясно объясняющее, почему антикоммуниста Путина и его «вертикаль», всю модель своей экономики построивших на худших американских примерах и советах, в Вашингтоне и законодательная, и исполнительная власть третируют, что называется, за гранью фола, а к независимому коммунистическому Китаю и его руководителям относятся с трепетным уважением.

²⁶⁰ Ibid. P.288.

Та же кеннановская формула дает ответ и на до смерти обидный для Кремля вопрос о том, почему в период брежневской «разрядки» и даже после нее американские политики предельно уважительно и выверено формулировали свои заявления относительно СССР и особенно советских лидеров, даже когда их критиковали. Разве можно это сравнить с той полухамской манерой, с которой разглагольствуют о путинской России и самом Путине в Вашингтоне сегодня!

Прислушаемся к Кеннану: **«С развитием советского потенциала ядерных ракет дальнего радиуса действия и с общим признанием американским общественным мнением деликатности и сложности советско-американских отношений, каждый должен был быть теперь очень осторожен, говоря о Советском Союзе»**²⁶¹ (выделено мною. – *Авт.*). Вот за что, а не за Гулаг, Кеннан так ненавидел Сталина. За то, что тот создал систему, заставлявшую даже худших врагов бояться и уважать нашу страну.

А что касается титовской Югославии 60-х годов, то с учетом ее безобидности и уязвимости (ведь безопасность и достоинство этой страны СССР не защищал так, как своих союзников по Варшавскому договору), на ней американские конгрессмены и сенаторы могли безбоязненно отыграться, превратив в девочку для битья.

Тем более, что ее руководители упорно называли себя коммунистами, а Кеннан убедился в том, что в правящей элите и в целом в общественном мнении его страны никто не оказался в состоянии понять разницу между «плохими» и «хорошими» коммунистами, что оказалось там такой же неразрешимой задачей, как создать образ «позитивного дьявола». Более того, ему говорили, что сама эта попытка чрезвычайно опасна, так как разбивает монолитность убеждения нации в том, кто есть друг, а кто враг. Тем более, что это убеждение строилось на позитивных или негативных «семантических символах», а не на стоящих за ними реальностях²⁶².

Все это нагромождение невежества и предвзятости в головах законодателей превратило миссию Кеннана в Белграде в бесконечную серию неразрешимых проблем, что с учетом его характера производило на него мучительное впечатление. Так, югославы закупили в США партию истребителей. Американцы за доллары прислали Белграду самолеты давно устаревшего типа, не используемые в ВВС США со времен корейской войны. И при этом в отсутствие электронной компоненты, без которой аппараты были вообще не операбельны. Однако в этот момент один из «бойцов с коммунизмом» – сенатор Джон Тауэр из Техаса, выяснил, что в его штате происходит подготовка нескольких югославских летчиков для пилотирования этими истребителями. Разразился оглушительный политический скандал, после которого о

²⁶¹ Ibid. P.288.

²⁶² Ibid. P.289.

поставке опять же заранее оплаченных югославами компонентов и речи быть не могло. В результате Кеннан доложил госдепу о том, что в сложившейся ситуации американская сторона выглядит вором – деньги заплачены, но товаром воспользоваться нельзя...

А теперь интересная информация для сегодняшних российских чиновников и предпринимателей, имеющих дело с США. В разгар того скандала Кеннану было разъяснено, что оплаченных поставок не будет, пока через конгресс не пройдет законопроект о военной помощи зарубежным странам на очередной финансовый год. Посол пытался доказать, что ни о какой помощи в данном случае и речи не шло. На что ему ответили, что все равно любые военные поставки за границу проходят только по статье «военная помощь». Отсюда замечательный вывод-послание Кеннана на будущее всем желающим торговать с США:

«Многие люди в конгрессе, судя по всему, оказались вообще неспособны понять разницу между двумя концепциями – торговлей и помощью. По их мнению, **торговля с нами (американцами. – Авт.) даже на приемлемых для нас условиях и даже если мы получали доллар к доллару всю стоимость поставляемого товара, – должна была рассматриваться как некая привилегия, предоставляемая нами другой стороне, и, соответственно, должна была вызывать у нее чувство такой благодарности, как будто то бы мы позволили ей приложиться к нашей ручке. Суть этой удивительной точки зрения всегда меня мистифицировала... но она пользовалась тогда, я уверен в этом до сих пор, большой популярностью среди законодателей. Подобная позиция объяснима лишь верой в то, что мы в чем-то настолько прекрасны и исключительны, что покупать что-то у нас или продавать нам – это огромная честь, которую мы предоставляем нашему торговому партнеру, за что он, соответственно, должен быть нам по гроб жизни благодарен»²⁶³ (выделено мною. – Авт.).**

Вскоре выяснилось, что история с «помощью» – это были только цветочки. Первой «ягодкой» стала значительно более тяжелая проблема, порожденная все тем же параноидальным антикоммунизмом и русофобией, а конкретно – вышеописанными эмигрантскими группами, конгрессом и предшествующей республиканской администрацией Эйзенхауэра–Даллеса. При них, как уже ранее указывалось, в 1959 году была принята печально известная «Резолюция о поработанных нациях». Этот документ, надиктованный охваченным «законодательной истерией» (Кеннан) конгрессменам и сенаторам профашистскими украинскими националистами из УНА–УНСО и быстро подписанный президентом Эйзенхауэром, представлял собой бредовую бумагу, по сути, означавшую, что Россия насильственно захватила в

²⁶³ Ibid. P.291.

рабство собственно народы, издавна жившие на территории Российской империи, а затем СССР (включая территорию РСФСР).

Народы стран Восточной Европы, характеризовались, соответственно, как «порабощенные» Советами, а с другой стороны – «марионеточными коммунистическими режимами». Понятно, что резолюция требовала их «освобождения», причем любыми средствами. В перечень «порабощенных наций» были при этом включены некие никому не известные и в природе не существовавшие этносы и национальные анклав типа «Казакии» и т.п. (что лишней раз подтверждает вывод о вопиющем невежестве не только американских законодателей, но и госдеповцев, через которых этот документ попал на подпись президенту). Кстати говоря, стоявший во главе этого учреждения Джон Даллес и его брат Аллен Даллес – директор ЦРУ, о котором с таким пиететом отзывался ранее Кеннан, были, что называется, отцами посаженными всего этого безобразия.

Помимо прочего, резолюция обязывала президента США ежегодно в июне проводить так называемую неделю порабощенных наций – читателю понятно, в какой шабаш все это превращалось. Кеннан указывает, что республиканец Эйзенхауэр с удовольствием проводил подобные «недели», но, отправляясь в мае 1961 года послом в Белград (а Югославия, что в нашем контексте самое главное, также числилась в резолюции в числе порабощенных), он получил заверения в демократической администрации, а именно, от близкого к Кеннеди Макджорджа Банди, что при новой власти в Вашингтоне про подобные мероприятия применительно к Белграду как бы «забудут». Иначе, аргументировал свою позицию в Белом доме и в госдепартаменте вновь назначенный посол, я что же, как официальный посланник президента США при правительстве маршала Тито, одновременно буду отвечать и за его свержение?? Прибыв на место новой работы, Кеннан не преминул сообщить об этом решении Белого дома югославским властям, что вызвало у них вздох облегчения.

Тем не менее в начале июня он получил из Вашингтона сообщение, дававшее понять, что Кеннеди пересмотрел свое решение и «неделя» все же будет проведена. Кто выкрутил президенту руки, неизвестно до сих пор, писал Кеннан, но ясно, что положение посла после этого, выражаясь опять по-гоголевски, стало хуже губернаторского: «Внутренняя политика однозначно и драматично вновь одержала триумф над политикой внешней»²⁶⁴. Однако трудности вновь пребывавшего с этого только начались.

Настоящий кризис отношений США с Югославией произошел годом позже, в июне 1962 года, когда сенат и палата представителей начали рассматривать законопроекты об иностранной помощи и расширению Закона о

²⁶⁴ Ibid. P.293.

торговле. В том месяце Кеннан был потрясен, получив информацию о том, что сенатор Уильям Проксмайер из Висконсина только что внес поправку в упомянутый выше билль об иностранной помощи, запрещающий продление любой помощи Югославии. При этом по сведениям посла, никто в Администрации по иностранной помощи и в госдепартаменте даже не был об этом предупрежден. В результате поправка вошла в законопроект за исключением излишков пшеницы, на чем настояли сенаторы из сельскохозяйственных штатов. Но даже эти поставки в соответствии с положениями данного билля могли осуществляться только при условии официального заверения президента, что они соответствуют интересам национальной безопасности США и что получающая их страна «не участвует ни прямо, ни косвенно в любой политике или программах коммунистического захвата мира» и что она «не контролируется любой страной, способствующей коммунистическому захвату мира»²⁶⁵.

И это было не все. Через неделю последовал новый удар. Бюджетный комитет палаты представителей, действуя с очевидного благословения, если вообще не по инициативе его председателя Уилбура Миллза из штата Арканзас, внес в билль о расширении торговли поправку, требующую от исполнительной власти отменить для Югославии и Польши продление статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговле.

Далее Кеннан объясняет, что означали политически для него как посла и для отношений его страны с Югославией эти поправки. Для него было очевидно, что запрет помощи Югославии был и не нужен, и не желателен. Не нужен, потому что все виды американской помощи этой стране с согласия обеих сторон и так были в то время в процессе окончательного свертывания. А не желателен, потому что, во-первых, это нельзя было не рассматривать как ничем не оправданное и преднамеренное оскорбление правительства небольшой страны, в отношении с которой у США не было никаких серьезных поводов для недовольства. Кроме того, Кеннан предполагал, что при каких-то обстоятельствах помощь Югославии может все-таки вновь понадобиться (хотя бы, чтобы она не впала в слишком большую зависимость от Москвы, подчеркивает он), а билль полностью лишил правительство США возможности проявления какой-либо гибкости в данном вопросе²⁶⁶.

Но, по мнению Кеннана, еще хуже по возможным последствиям была попытка лишить Югославию статуса наиболее благоприятствуемой страны в торговле (вернее, в таможенных сборах и платежах за поставляемые в США товары), который у этой страны был предшествующие 18 лет. Наши читатели знают, что СССР был такого статуса лишен достославной поправкой Джексона-Веника в 1974 году, продержавшейся на плаву почти 40 лет,

²⁶⁵ Ibid. P.294.

²⁶⁶ Ibid. P.294–295.

хотя оба его инициатора, как и сам СССР, давно уже отдали богу души. Знают они и то, что на самом деле указанный статус не дает никаких преимуществ в сравнении с другими странами, абсолютное большинство которых в торговле с США им обладают. Однако, как уже ранее указывалось, сама эта придумка появилась и существует в американском законодательстве для того, чтобы иностранные правительства постоянно чувствовали себя облагодетельствованными США и испытывали в отношении их безмерную признательность за то, что те с ними вообще торгуют; чтобы сами США, держа все эти страны на коротком поводке, имели возможность их казнить и миловать в зависимости от поведения последних.

С другой стороны, применительно к стране пребывания Кеннана предложенная мера имела тяжелые последствия. Он указывает, что она означала бы увеличение ввозных пошлин югославских товаров в США на 300, а некоторых вообще до 700%. Что, в частности, резко сокращало возможности правительства Тито выплачивать свой долг США вырученными от экспорта долларами. Ну и, разумеется, это было еще одним оскорблением югославам.

Все это дало возможность Кеннану еще раз критически пофилософствовать в мемуарах на тему о том, достаточна ли мудра установившаяся в США практика разделения властей, когда власть законодательная по разного рода причинам и соображениям часто связывает руки американской дипломатии, лишая ее гибкости и способности хотя бы к ситуативным маневрам, т.е. эффективности как инструмента внешней политики.

Возвращаясь к событиям лета 1962 года, он признает, что Белый дом и госдеп все-таки пытались как-то сгладить ситуацию. Так, в открытом письме, опубликованном в «Нью-Йорк таймс», Макджордж Банди довольно резко раскритиковал поправку сенатора Проксмайера. Сам Кеннан, посетив Вашингтон в июле, встретился с президентом и в госдепартаменте. Ему было сказано, что вопрос о статусе наиболее благоприятствуемой нации они постараются уладить сами в частном порядке, а вот в вопросе о помощи ему надо проявить максимум активности как в общении на Капитолийском холме, так и в прессе. Кеннан ринулся в бой. Общение принесло ему новые яркие впечатления о людях, с которыми он беседовал как бы на разных языках и в разных измерениях. Так, он описывает разговор с одним «скептическим законодателем», который после кеннановских попыток объяснить ему проблему с истребителями, которые совсем не были «помощью» США, а были проданы югославам, и деньги за это получены, ответил так: «Ну что же, г-н посол, вы возможно правы; но мне до сих пор так и не понятно, почему мы должны предоставлять помощь этой массе проклятых коммунистов»²⁶⁷.

²⁶⁷ Ibid. P.300.

Затраченная администрацией и послом энергия на этом направлении, тем не менее не прошла зря – поправка была значительно смягчена, хотя за отсутствием самой помощи югославов это не слишком-то волновало. Судьба второй поправки была для них несравнимо важнее.

Тем временем Кеннан, вернувшись в Белград, мирно сидел там, наслаждаясь жизнью, и как он пишет «наивно полагая», что за отсутствием иных сообщений из Вашингтона, и вторая проблема будет решена столь же успешно. «Бомба рванула» после обеда 27 сентября 1962 года. Ему по открытой международной телефонной линии позвонил помощник госсекретаря по связям с конгрессом Фридерик Даттон и сообщил плохую новость: согласительный комитет сената и палаты представителей только что принял поправку о лишении Югославии статуса наиболее благоприятствуемой нации. Теперь поправка пойдет на голосование пленарных заседаний обеих палат, и если не предпринять чрезвычайных усилий, будет, несомненно, одобрена. Эти усилия могут быть успешны только в случае личного вмешательства президента, которому послу и надо самому об этом сказать.

При этом Даттон по неясным для Кеннона причинам произнес все это по незащищенной от прослушки линии, хотя дипломат должен был знать, что практически все правительства мира мониторят подобного рода звонки в иностранные посольства на своей территории. Это значило, сделал для себя вывод Кеннан, что власти Югославии узнали, что все теперь зависело от него, и что если они не узнают, что он обратился к президенту, следовательно, он и будет в их глазах нести всю ответственность за последствия.

Действовать надо было немедленно. Кеннан попросил своего помощника также по открытой для прослушивания линии соединить его с президентом. К его удивлению, Кеннеди ответил немедленно. Но выслушав его, сказал: «Вам надо поговорить об этом с г-ном Уилбуром Миллсом (председателем бюджетного комитета нижней палаты. – *Авт.*), и я сейчас попробую Вас с ним соединить». Как ни странно, и Миллс ответил немедленно. Как выяснилось, у предусмотрительного Кеннана уже было заготовленное в письменном виде обращение в его адрес, которое он ему и зачитал, передав впоследствии текст в госдепартамент. В нем посол предупреждал конгрессмена о последствиях принятия его поправки, которая должна была ударить по национальным интересам США и была бы воспринята и в Югославии, и во всем мире как проявление «мелкотравчатого и мстительного настроения, недостойного страны нашего уровня и ответственности». Ответ Миллса по воспоминаниям посла был поверхностным, негативным и не давал надежды на пересмотр его позиции²⁶⁸. 4 октября 1962 года законопроект с указанной поправкой был принят и несколькими днями позже подписан президентом.

²⁶⁸ Ibid. P.305.

Для Кеннана эта была очередная и последняя катастрофа в его дипломатической карьере. Несмотря на весь огромный опыт в этой сфере и личные привилегированные отношения с президентом, о которых знали и госдепартамент, и югославы, он на их глазах потерпел поражение в критически важном для отношений двух стран и авторитета посла вопросе международной политики от человека (Миллса), вообще не бывшего ни разу за границей.

Автор мемуаров описывает, как остаток того дня провел в одиночестве, гуляя по пригородам Белграда и размышляя о том, какие все это может иметь для него последствия. Вывод был однозначен: после происшедшего он не сможет достойно представлять страну за рубежом. Надо подавать в отставку.

Не желая нового скандала ни для себя, ни для по-прежнему уважаемого им Кеннеди, он провел в должности еще год и ушел только осенью 1963 года. При этом Кеннан описывает, что югославы и Тито лично оценили его порыв и сохранили к нему симпатию и уважение. В марте 1963 года президент пригласил его на беседу в свою резиденцию на острове Бриони. Перед отъездом посла на родину в июле Тито позвал его и его семью туда же еще раз. Эта встреча произошла несмотря на то, что за несколько дней до того произошло страшное землетрясение в г. Скопье с многочисленными жертвами.

Эта встреча оказалась не последней. Кеннан весьма скептически и ядовито описывает, как еще перед отлетом из Белграда он узнал о планах госдепартамента пригласить президента Тито с официальным визитом в США. Как выяснилось, еще в марте госсекретарь Дин Раск посетил Белград с визитом, цели которого для посла были «также малопонятны, как и сама идея приглашения Тито, которая, возможно, и была его (Раска) инициативой». В любом случае, хотя Кеннан об этом и не пишет, тот факт, что госдеп инициировал и начал готовить такое важное мероприятие, даже не посоветовавшись с послом и не привлекая его к этой подготовке (правда, имея заявление об его отставке) без сомнения, было для него еще одним унижением.

В любом случае Кеннан не считал эту идею оправданной – для визита отсутствовала благоприятная почва. Во-первых, только что произошли описанные выше неприятности во взаимных отношениях. Во-вторых, для успеха визита не было создано нормальных условий в самих Соединенных Штатах.

Тем не менее в середине октября 1963 года Иосип Броз и мадам Тито прибыли в США. Вновь назначенного американского посла в Белграде еще не было, и президент Кеннеди, тем более зная о хороших личных отношениях семейства Тито с Кеннаном и ценя его, попросил последнего помочь в сопровождении гостей. Далее произошла невиданная в дипломатической практике процедура – официальные гости президента первоначально прибыли не в Вашингтон, а в кукольный городок Вильямсбург, в трех часах езды от Вашингтона. Автор этих строк был там неоднократно, городок был восстановлен в стиле колониальной Америки на деньги фонда Рокфеллера, он восхитителен, но почему именно там тот же Кеннан со своим семейством

должен был приветствовать высоких гостей? Ответ заключался в том, что администрация президента США и все госведомства страны были не в состоянии организовать должный прием Тито в столице из-за неспособности предотвратить там буйные демонстрации хорватских и иных националистов.

В конце концов, семейство Тито и сопровождающих его официальных лиц на вертолете доставили из Вильямсбурга прямо на лужайку Белого дома, но и там во время официальной церемонии встречи с президентом и на торжественном приеме были отчетливо слышны истошные оскорбительные крики многочисленных протестантов, собравшихся на Пенсильвания-авеню и боковых к Белому дому улицах, часть из которых была одета в нацистскую форму с гитлеровскими наградами. Особенно постыдной для хозяев и оскорбительной для гостей оказалась запланированная в официальной программе визита поездка югославского лидера в Нью-Йорк. Там демонстрации у отеля, где жила делегация, носили вообще погромный характер, причем нацистские громилы проникли даже в ресторан, где завтракали жены сопровождавших лидера Югославии соратников, которые сами имели славную биографию участия в партизанской борьбе против нацистских оккупантов и их пособников, оравших теперь им в Нью-Йорке прямо в лицо: «Проститутки!». При этом нью-йоркская полиция, по словам находившегося при сем Кеннана, проявляла к погромщикам «толерантность и явную симпатию»²⁶⁹.

Он задается вопросом в своих мемуарах, каким же это образом поставлено в Америке дело, что она не в состоянии оградить официальных гостей президента, находящихся на ее территории, от унижений и оскорблений (тем более, что сам Кеннан помнил: путешествуя в ранге посла США по Югославии, он ничего кроме гостеприимства и радушия никогда там не испытывал). Это действительно хороший вопрос. И думается, что у нас есть на него ответ. Помните исторический визит Н.С.Хрущева в Америку в 1959 году, когда там было полно белоэмигрантов, недобитых власовцев, бандеровцев и далее по списку? Тем не менее, несмотря на известные сложности во время визита, ничего близкого к вышеописанному тогда не происходило и не могло произойти. Почему? Вспомним ранее приведенную ремарку Кеннана по поводу магического воздействия на американцев советских межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками. То же можно сказать и про визиты в эту страну Л.И.Брежнева, которые с точки зрения безопасности гостей и поведения американцев проходили почти как по маслу.

И, тем не менее, закончить «югославскую» главу истории своей жизни Кеннан, конечно же, не мог, не сказав добрых слов о Джоне Кеннеди. Он вспоминает, что воспользовавшись поводом – только что закончившимся визитом Тито – написал от руки личное письмо президенту. Он приводит в

²⁶⁹ Ibid. P.314.

своей книге текст этого письма. В нем Кеннан выразил «восхищение как историка и человека с дипломатическим опытом тем, как Вы относитесь к проблемам внешней политики... Я не думаю, что в нынешнем веке мы были свидетелями более высокого стандарта государственного руководства в Белом доме»²⁷⁰.

Тут Кеннан, на наш взгляд, проявил себя как сущий дипломат. Как мы знаем, в XX веке в Америке был великий президент, осуществлявший государственное и мировое руководство, вместе с двумя другими лидерами того же класса, на уровне высочайших стандартов. Звали его Франклин Д.Рузвельт. Правда, Кеннан его не любил. Кроме того, сам он подробно поведал читателям, что югославская политика США при президенте Кеннеди была провалена. А начало им войны во Вьетнаме, которую так яростно критиковал Кеннан? А попытка вторжения на Кубу? Хотя слов нет, это тоже был выдающийся президент, да еще и с трагической судьбой.

Кеннеди ответил 28 октября 1963 года, впервые обратившись к адресату «Дорогой Джордж» и сказав, что будет держать его письмо под рукой как эталон и подкрепление в трудные дни. «У меня, – писал президент, – вызывает большое воодушевление получить поддержку дипломата и историка Вашего уровня»²⁷¹. До злосчастной поездки Кеннеди в Даллас, штат Техас, оставалось три недели.

А «дорогой Джордж» тем временем, как он сам отмечает в эпилоге своих мемуаров, на этот раз окончательно завершив дипломатическую карьеру, перешел к «нормальной жизни человека, которого можно назвать полугосударственной фигурой в США и за их пределами: пишущей письма, выполняющей обязанности приглашенного профессора, произносящей речи, посещающей конференции, в чем кто-то мог бы усмотреть некую пользу; автор уж точно на это неспособен»²⁷².

Перечитав написанное, Кеннан счел, что все им изложенное о своей жизни дипломата в целом может произвести на читателя «депрессивное впечатление». В заключение он попытался внести некие коррективы в это понимание, но вряд ли у него это получилось. Тем более, что далее он откровенно излагает, что именно негативно влияло не только на его конкретно миссию дипломата, но делает внешнюю политику США в целом малоудачной. По его мнению, главная причина этого состоит в том, что решающую роль в Америке играет политика внутренняя, и именно внутривнутриполитическим соображениям полностью подчиняется логика мышления и действий американских политиков. При этом действуют они часто мало профессионально, не зная и не учитывая нюансов и законов ведения иностранных дел, особенно-

²⁷⁰ Ibid. P.317.

²⁷¹ Ibid. P.318.

²⁷² Ibid. P.319.

стей стран-партнеров и стран-противников, национальной психологии другой стороны и т.п.

Что тут можно сказать? С одной стороны, мы прекрасно знаем, что во всех странах мира во все эпохи внешняя политика играла обслуживающую по отношению к внутренним задачам и положению государства роль. Так было и так будет. Хотя, возможно, Кеннану, половину своей профессиональной жизни проведшему в системе госдепартамента и за пределами США, эта истина была не до конца понятна. Тем более, что в своих высказываниях о собственной стране (они приводились нами ранее и еще будут приводиться), он не скрывал, что очень многое в американской жизни ему непонятно и не нравится, со многим он вообще категорически не согласен. В данном случае для нас не важно, прав он был или нет в своем отрицании многого в Америке, в своем отчуждении от нее. Хотя мы знаем, что нередко он в своих непростых размышлениях и эмоциях по поводу своей страны находился недалеко от правды.

Но с другой стороны, он абсолютно прав в том, что большинство (не все!) американских политиков, прежде всего в законодательной ветви власти, но многие и в исполнительной, очень часто невежественны в проблемах внешней политики и дипломатии, ведя себя в этой деликатной сфере, как самодуры, слоны в посудной лавке. Не зная почти ничего конкретно и точно об окружающем их мире и пользуясь в принятии важных, а иногда просто судьбоносных решений примитивными стереотипами и сугубо личными или групповыми интересами, они вдохновляются образом Америки как «хрустального храма на вершине горы», сидя в котором, им якобы по праву рождения принадлежит роль повелевать другими народами и учить их жить.

Но здесь мы, расставаясь с Кеннаном как дипломатом, должны заметить: выводы, к которым он пришел в результате многолетнего опыта, нередко заставлявшие его остро критически воспринимать действия и законодательной, и исполнительной власти своей страны в области внешней политики (и президента, и госсекретаря, и других чиновников), совершенно по-разному в разные периоды проявлялись для него на дипломатических постах в Москве и в Белграде.

Сидя в Москве на разных должностях в посольстве, он длительное время был не согласен с тем, что делала администрация Рузвельта для развития позитивных отношений с нашей страной. И самого Рузвельта не любил именно по этой причине. Потом, как мы помним, наступил краткий, но предельно разрушительный для обеих стран период полного слияния душ в отношении России между ним и Вашингтоном (правда, Кеннан утверждал, что начальство его послы поняло тогда неправильно – «коммунизм» в России надо было крушить не военными, а подрывными мероприятиями). На пост посла в СССР он возвращался переполненный откровенно критическим отношением то ли к «русской» политике Вашингтона, то ли к ее от-

сутствию вообще, и в Москве это его настроение только усилилось. Все это не мешало ему чувствовать себя у нас пришельцем с другой планеты во враждебной среде.

А в Белграде Кеннан наслаждался страной пребывания и негодовал по поводу того, как плохо в Вашингтоне относятся к полюбившейся ему «марксистско-ленинской» Югославии. В чем тут причина? То ли климат в Белграде ему подходил больше, то ли политика Тито, то ли сказывался приобретенный методом проб и ошибок новый уровень мудрости? Трудно сказать. Но в любом случае, критика критике была рознь.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КЕННАНА: НАУКА

Итак, Кеннан вновь оказался в Принстоне и с головой окунулся именно в тот образ жизни, который сам же и описал в вышеприведенном отрывке из его мемуаров. Понятно, что в 1963 году он и представить себе не мог, что эта вторая половина жизненного пути продлится у него еще 40 лет! Однако можно быть уверенным в том, что уже тогда Кеннан (которого никак нельзя было обвинить в недооценке собственной значимости) не сомневался: достойное место в американской и мировой иконографии «бессмертных», как когда-то именовали членов французской Академии, он себе обеспечит не только как дипломат и политик, но как политолог и историк. Более того, оба эти занятия, в общей сложности обеспечившие ему «занятость» как минимум лет на 80, переплелись в его жизни самым теснейшим и органичным образом.

Для их «смычки», обоснования именно так сложившейся для него жизни Кеннан выработал железную формулу, разысканную и приведенную госсекретарем США и профессором Стэнфордского университета Кандолизой Райс: «Посол Кеннан считал, что для эффективной работы политики должны понимать, что политические события – это поверхностный слой, под которым действуют тектонические силы истории». Лучше и не скажешь.

Правда, тут следует заметить, что для самой Райс и американских политиков нового поколения заветы Кеннана, к сожалению, пошли явно не в прок: вопреки всем урокам истории, вернее, при их полном игнорировании, при ее активнейшем участии США вторглись в Ирак (что успел осудить сам Кеннан), резко деградировали отношения США с постсоветской Россией...

В очередной раз сработало давно выявленное нами трагическое правило: все здравые и мудрые сентенции и советы Кеннана или отвергались, или игнорировались действующими руководителями США. Другое дело,

что раньше идеи Кеннана при этом еще и подвергались язвительной критике. Так, известно, что зам. госсекретаря в администрации президента Линдона Джонсона Юджин Ростоу за глаза называл дипломата «импрессионистом, поэтом, человеком не от мира сего», Дин Ачесон обвинял в «непонимании силовых взаимоотношений» в мировой политике, а потому восхищался интеллектом Кеннана, но не доверял его оценкам» и т.д. и т.п.²⁷³.

А когда даже еще при жизни его имя стало, что называется, покрываться исторической патиной и пришло время возводить его в пантеон американских героев, дипломатические чины начали Кеннана славословить, на практике продолжая делать все наоборот. Та же К.Райс в уже цитированном специальном заявлении по поводу смерти Кеннана назвала его «одним из величайших стратегов в истории американской внешней политики...». «От своей знаменитой “Длинной телеграммы” до своего вклада в план Маршалла, – говорилось в заявлении, – посол Кеннан помогал создавать интеллектуальный контекст, в котором американская дипломатия времен “холодной войны” успешно действовала более полувека. Его многочисленные книги и мемуары, его преданность изучению России и Советского Союза в Соединенных Штатах внесли долговечный вклад в науку»²⁷⁴.

Даже из контекста данного заявления ясно вытекает, что именно из наследия Кеннана Кандолиза Райс брала в свой багаж, а на что просто не обращала внимания. А ведь стоило ей вчитаться в те же упомянутые ею кеннановские мемуары, статьи, интервью, и можно было извлечь уроки из описанных им в деталях чудовищных провалов американской политики, дипломатии и вооруженных сил в Корее и Вьетнаме, чтобы не повторять то же самое в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии...

О развитии историософских взглядов Кеннана мы еще поговорим. Но здесь хочется подчеркнуть, что навсегда вернувшись в Принстон, сначала на должность профессора Школы исторических исследований Института перспективных исследований, а потом, будучи там же почетным профессором, он подтвердил свою уверенность в решающем значении истории для анализа и развития стратегических подходов в современной политике и дипломатии, опубликовав 26 книг и бесчисленное количество статей и интервью.

Кстати, его увлечение историческими сюжетами проявилось еще в молодости, в период работы в Риге, а затем и на дипломатической работе, о чем свидетельствуют и опубликованные, и рукописные материалы, хранящиеся в его архиве. Но подлинно плодотворными стали для него уже годы первых принстонских «отсидок» (1950–1952, 1953–1961). Их плодом стал, прежде всего, 1-й том исследования «Россия выходит из войны» двухтомника «Со-

²⁷³ “Los Angeles Times”. March 21, 2005.

²⁷⁴ Распространено Бюро международных информационных программ Государственного департамента США. Веб-сайт: <http://usinfo.state.gov/rusски/>.

ветско-американские отношения, 1917–1920». За него в 1956 году он получил высшую награду в США для ученых-гуманитариев и журналистов – Пулитцеровскую премию по разделу «история», и за нее же другую престижную награду – Национальную литературную премию. Она свидетельствовала о высокой оценке и литературной стороны творчества ученого.

Кстати, второй том дуэлогии Кеннана посвящен не менее важной и не без умысла забытой сейчас у нас и у них печальной и поучительной странице истории отношений наших двух стран. Название этого тома «Решение вмешаться» (речь в нем идет об интервенции США и других стран Антанты в Советскую Россию в 1918–1922 годах).

Вторую Пулитцеровскую премию Кеннан получил за первый том своих мемуаров (1925–1950). Получение обеих наград сопровождалось широким и в целом доброжелательным освещением в научной печати и в крупнейших либеральных СМИ. И этим далеко не исчерпывались знаки его признания со стороны интеллектуальной Америки и не только ее. Так, он получает почетные степени «золотой пятерки» элитарной плющевой лиги – Оксфордского, Гарвардского, Йельского и Принстонского университетов. А в 1981 году удостоивается Премии Мира имени Альберта Эйнштейна (внешне кажущееся парадоксальным решение, учитывая открытую симпатию великого физика к СССР и социализму, было связано с активной в то время борьбой Кеннана против гонки ядерных вооружений). Более того, в те же 80-е годы Кеннан становится сопредседателем вполне либерального и в целом кооперативно расположенного в отношении СССР Американского комитета за согласие между Востоком и Западом.

Однако главным фронтом его усилий является в этот продолжительный период жизни научное творчество. Вот названия лишь главнейших из опубликованных им работ: «Американская дипломатия, 1900–1950»; «Реалии американской внешней политики»; «Россия, атом и Запад»; «Советская внешняя политика, 1917–1941»; «Россия и Запад при Ленине и Сталине»; «Как вести дела с коммунистическим миром»; «Из Праги после Мюнхена: дипломатические документы 1938–1940»; «Демократия и студенческое левое движение»; «Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”»; «Тень тревоги: нынешние реалии американской внешней политики»; «Упадок европейского порядка Бисмарка»; «Ядерная иллюзия»...

Анализ этих и других исторических и политологических работ Кеннана не входит в задачу автора при написании данной книги; хотя в будущем мы рассчитываем специально этим заняться, особо интересуясь, разумеется, трудами, посвященными России/СССР и отношениям наших двух стран. Однако уже сейчас следует отметить, что в целом они свидетельствуют о серьезнейшем сдвиге в позициях автора от аристократизма, консерватизма, русофобии и яростного антисоветизма автора, характерных для него в 20-е – самое начало 50-х годов до мудрого понимания реалий современного мира,

основанных на том историческом фундаменте, который никому не подвластно изменить.

Разумеется, Кеннан при этом не стал и не мог стать хотя бы доброжелателем нашей страны, тем более, когда речь шла об СССР. Для возможного движения в этом направлении ему потребовались бы еще годы и десятилетия, но в 2005 году завершилась его и так невероятно длинная и плодотворная жизнь, а за 16 лет до этого не стало и самого СССР. В то же время три примера, на наш взгляд, подтверждают наш тезис о позитивной, хотя и не законченной эволюции взглядов Кеннана.

В работе, посвященной книге маркиза де Кюстина – бывшей библией для русофобов полторы сотни лет, в том числе в России в перестройку и при Ельцине, – Кеннан в 1971 году признает, что это произведение имеет ограниченную полезность, ибо содержит немало искажений и домыслов о нашей стране (правда, тут же он делает оговорку, что оно, оказывается, является превосходным пособием «по России эпохи Иосифа Сталина») ²⁷⁵.

В 60-е–начале 70-х годов в работах о демократии и студенческом левом движении в Америке он, солидаризируясь с прокатившимися по стране в это время бурными антивоенными протестами молодежи (и принимая в них участие!) признает левых легитимной и необходимой частью демократического спектра страны. Для Кеннана это был грандиозный сдвиг сознания – вспомним его доносы в госдепартамент на левых антивоенных, антиядерных интеллектуалов после лекций в Калифорнии во второй половине 40-х годов.

В результате в произведениях Кеннана начинает проявляться все более скептическое отношение к современному американскому обществу. В эпилоге к одной из его последних работ «Наброски о моей жизни», он писал: «Я с удивлением обнаруживаю, насколько мрачное впечатление производит моя Родина. На мой взгляд, в эти последние годы XX века положение в Соединенных Штатах, по сути, выглядит трагически – страна обладает гигантскими природными ресурсами, которые она быстро разбазаривает и истощает, и чрезвычайно талантливой и оригинальной научной и художественной интеллигенцией, которую преобладающие в стране политические силы плохо понимают и не уважают. Ее, как правило, заставляют замолчать или перекрикивают коммерческие СМИ. Возможно, она навеки обречена, подобно русской интеллигенции XIX века, беспомощно наблюдать за тревожным направлением, которое приобретает развитие страны» ²⁷⁶.

В той же статье «Лос-Анджелес таймс», появившейся в связи с уходом из жизни ученого в марте 2005 года, содержится, на наш взгляд, в целом справедливая оценка его исторической роли: «Трудно назвать другого американского исследователя, который оказывал бы такое же стимулирующее

²⁷⁵ Мальков В.Л. Указ. соч.

²⁷⁶ “Los Angeles Times”. March 21, 2005.

воздействие на интеллектуальный процесс в течение столь долгого времени, чьи идеи по величайшим проблемам ядерного века привлекали бы столь пристальное внимание».

Там же можно найти и внешний портрет Кеннана, соответствовавший этому образу: «Даже в последние годы жизни Кеннан выглядел как типичный дипломат: высокий, стройный, прямой, лысоватый, с небольшими усиками. Вид у него был слегка аскетичный, что, в сочетании с некоторой стеснительностью, часто производило впечатление надменности и даже властности»²⁷⁷.

ДЖОРДЖ ФРОСТ КЕННАН: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Наш герой был невероятно живуч и писуч. Как писала та же калифорнийская газета, «несмотря на слабое здоровье и болезни, мучавшие его с детства, Джорджу Кеннану посчастливилось дожить до предсказанной им перестройки и даже обсудить ее с Горбачевым» (другое дело, что сложившуюся в результате мировую обстановку и политику США как оставшейся единственной сверхдержавы он оценивал безо всякого энтузиазма).

В конце концов, бушевавшая в нем всегда жизненная и творческая энергия стала гаснуть. По словам очевидцев, в свои последние несколько лет (а скончался он в своем доме в Принстоне 17 марта 2005 года на 102-м году жизни), Кеннан окончательно отложил в сторону незаконченный том своих очередных исторических изысканий, лишь урывками заполнял личный дневник переполненными пессимизмом записями и давал редкие интервью.

Однако еще задолго до конца Кеннан начал готовиться к нему со свойственной ему фундаментальностью и обстоятельностью, особое внимание уделяя сбору и систематизации беспрецедентного по объему и ценности архива своих рукописей (к этому мы еще вернемся). Думаю, что вряд ли неожиданностью стало для него и все возрастающее внимание, которое его наследию и его судьбе давно уже начали уделять многочисленные журналисты и ученые, в том числе зарубежные (как например, тот же В.Л.Мальков).

Тогда же Кеннан понял, что этот процесс опасно, нельзя сохранять неуправляемым: слишком противоречиво было само его наследство и чересчур отличались от желаемого ему направления намерения, способности и чувство ответственности различных авторов. Поэтому он начал пытаться за-

²⁷⁷ Ibid.

ранее подбирать и отсеивать исследователей своего творчества – журналистов, аспирантов, стажеров и т.д. Более того, он предпринял особые усилия по нахождению и ориентации в должном духе автора своей будущей фундаментальной биографии (насколько удачными оказались эти усилия, мы увидим позже).

Другими словами, Кеннан, не страдавший, как мы знаем, недооценкой собственных талантов и роли в политике и в науке, тщательно готовился к не менее ответственному этапу в формировании своего исторического облика – к жизни после смерти. Но думаю, даже он не ожидал, что эта жизнь окажется такой бурной и противоречивой, ничуть не менее боевой, чем в долгие годы его биологического существования. Страсти вокруг его имени, его поступков и идей разворачиваются не шуточные...

Причин этому несколько. Разумеется, эта сама личность нашего героя при всех его способностях и противоречиях. Даже в богатом на таланты XX веке Кеннан был особой фигурой, а уж в наше время всемирного интеллектуального обвала он вообще представляется экспонатом вымирающего вида хомо сапиенс, чудом захватившим кромку века XXI (кстати, надо отдать должное Кеннану: он никогда не был сторонником нашего русско-советского пиетета перед прогрессом – убежденности в том, что завтра будет по-какому-то обязательно лучше, чем сегодня и вчера).

Эта сама история его прорывов и провалов, его находки и невероятные озарения, сбывшиеся во многом пророчества. Но самое главное – это невероятная актуальность того, о чем он говорил и писал для понимания сути, направленности и возможных последствий нынешнего политического процесса и происходящих на наших глазах событий мировой, американской и российской политики.

НАСЛЕДИЕ КЕННАНА: БОРЕНИЕ СТРАСТЕЙ. ЦЕНТРИСТЫ И ПРАВОЦЕНТРИСТЫ

Из опубликованных в США и за рубежом до и после смерти Кеннана десятках монографий и сотен научных статей, посвященных его жизни и различным сторонам его деятельности, наибольшую научную и политическую сенсацию произвела вышедшая из печати в конце 2011 года самая фундаментальная из всех ранее выпущенных биографий нашего героя пера его близкого на протяжении многих лет соратника, избранного самим Кенна-

ном на роль своего эксклюзивного биографа, профессора истории и стратегии Йельского университета Джона Льюиса Гэддиса²⁷⁸.

В марте 2012 года книга Гэддиса получила наибольшее признание в США – ее автор за эту работу получил Пулитцеровскую премию. А поскольку рецензенты тут же справедливо заметили, что Гэддис, несмотря на огромный объем книги, при ее подготовке был так переполнен самими кеннановскими мыслями и высказываниями, что на собственный анализ и комментарии у него осталось не так уж много места, можно сказать, что с ее страниц вновь заговорил во многом неизвестный доселе Кеннан. Поэтому как минимум можно сказать, что Кеннан разделил с Гэддисом эту награду, после смерти фактически получил третьего Пулитцера.

«Нелегко быть Джорджем Кеннаном», – пишет сосед дипломата в Принстоне и его биограф Джон Гэддис. И на самом деле, нелегко. Кеннан был ворчун, слишком старым для его возраста даже во время учебы в школе (в ежегоднике которой приводилось его прозвище: «Вселенная»). Еще не достигнув 40 лет, он уже рассматривал себя как оторванного от своего времени. А ведь жить ему тогда оставалось еще более 60 лет, отмечается в максимально сбалансированной (политкорректной) рецензии на книгу Гэддиса Дэвида С.Ингермана, профессора истории университета Брандейса (Бостон, штат Массачусетс), опубликованной в научном журнале «Хроника высшего образования»²⁷⁹.

Нелегко быть и его биографом, замечает Гэддис. Многотомные автобиографические писания Кеннана – это обоюдоострый меч, невероятно богатый по содержанию источник, в то же время переполненный сознательными усилиями самого Кеннана разочаровать тех, кто пытается проанализировать его работу и жизнь. И даже поэма из 15 строф, которую он зачитал по случаю 40-й годовщины своего бракосочетания, по словам Гэддиса, была написана им «исключительно для того, чтобы унизить будущих своих биографов».

И хотя быть биографом Кеннана действительно непросто, пишет Ингерман, это отнюдь не останавливает исследователей. Настоящая индустрия по изучению наследия Кеннана стартовала в начале 70-х годов и достигла бума в конце 80-х–начале 90-х, в то время, когда Кеннан был еще не только жив-здоров, но препятствовал исследователям, ограничив доступ к своим личным документам, хранящимся в Принстонском университете. Однако его вмешательство вряд ли замедлило поток публикуемых о нем исследований. Библиография 1997 года содержала уже 180 публикаций о Кеннани и его работах. С тех пор ученые подготовили еще 18 диссертаций и десятки новых статей и книг, освещающих те или иные страницы его длинной жизни.

²⁷⁸ An American Life by John Lewis Gaddis. Illustrated. The Penguin Press, 2011.

²⁷⁹ The Kennan Industry. John Lewis Gaddis's Life Of Mr. X. The Chronicle Of Higher Education November 20, 2011. <http://chronicle.com>.

И если последняя вспышка спроса на личные бумаги Кеннана о чем-то говорит, то можно ждать появления многих новых публикаций.

Все это противоречит многим публичным заявлениям самого Кеннана о том, что он считает свое влияние на реальную политику весьма ограниченным, ибо главные его рекомендации в этой области властями страны игнорировались или искажались. Он рассматривал свой вклад в государственные дела столь ограниченным, что когда президент Джордж Буш-старший в 1989 году наградил его высшей наградой США – Медалью Свободы, он заметил в своем дневнике, что, возможно, она была присуждена ему «в качестве признания не моих успехов, а поражений».

На самом деле власти США не зря так высоко оценили заслуги Кеннана. Буш в своей речи на церемонии говорил об его «уникальном вкладе в национальную безопасность» США. Двадцать лет спустя та же награда за то же самое была вручена тем же Бушем Михаилу Горбачеву. Такое сочетание вполне логично. Именно Кеннан разработал теорию и стратегию подрыва изнутри единства и государственного суверенитета главного стратегического противника Америки – СССР – путем ослабления, прежде всего, роли и значения правящей и государствообразующей партии страны. Именно Горбачев осуществил эту задачу на деле.

Знаменитой шифровке – «Длинной телеграмме» Кеннана из Москвы был присвоен госдепартаментом №511. Телеграмма, по словам Ингермана, «диагностировала советскую политику как основанную на столетних русских характеристиках, которым коммунистическая идеология предоставляла фиговый листок моральной и интеллектуальной респектабельности». Она же представляла собой и рецепт: поскольку советским лидерам была «недоступна логика разума», но в то же время они были «чрезвычайно чувствительны к логике силы», задачей Америки должно было стать обладание существенной военной силой и подчеркивание «возможностей ее использования».

Та же логика с очевидностью просматривается и в идее сдерживания, изложенной дипломатом в его следующем историческом документе – статье за подписью «X». Кеннан впоследствии неоднократно пытался утверждать, что данная концепция носила у него отчетливо невоенный характер, и отрицал свою ответственность за придание ей милитаризированной интерпретации. Однако Гэддис доказывает и в своих ранних работах, и в последней биографии, что хотя сдерживание, возможно, и было политической стратегией, оно требовало возможности применения военной силы.

Ингерман отмечает, что два года проработав начальником мозгового треста – Отдела планирования госдепартамента, Кеннан создал за это время «впечатляющую коллекцию докладов, посвященных долгосрочным американским интересам, потенциальным угрозам и политическим возможностям по всему миру». И хотя они, по мнению Гэддиса, носили «космополитический» и долгосрочный характер, в то же время были «жестко солипсически-

ми» по своему содержанию, т.е. основанными на уверенности их автора в правильности своего индивидуального взгляда на мир, отвергающего при этом объективную реальность. Все доклады были адресованы лишь одному человеку – его начальнику и госсекретарю США в то время – Джорджу Маршаллу. Как оценивает эти документы Гэддис, они были «впечатляющими и (за одним исключением) проигнорированы всеми, кроме историков».

Ингерман отмечает, что роль Кеннана в формировании политики «холодной войны» не может полностью объяснить продолжающееся внимание ученых к изучению его наследия. Ведь другие фигуры, при этом значительно менее исследованные, имели несравненно большее влияние на американскую политику.

Взять, к примеру, кеннановского друга Пола Нитце, не соглашавшегося, пожалуй, со всем, что предлагал Кеннан. Именно Нитце авторизировал печально знаменитый документ Совета национальной безопасности NSC-68, призывавший к милитаризации американской оборонной политики периода «холодной войны», которой Кеннан не смог успешно оппонировать. Нитце служил при десяти президентах от Франклина Рузвельта до Джорджа Буша-старшего и участвовал во всех важнейших моментах сотворения политики «холодной войны». В то же время настроение Кеннана менялось в точном соответствии с 4-летним циклом американского президентства. После каждых выборов он тщетно ожидал призыва на госслужбу, после чего впадал в отчаяние от политической системы, не находившей для него места.

Однако если измерять значимость политической или научной личности количеством опубликованных о ней книг, то получается, что Нитце никак не может соревноваться в области библиографии с Кеннаном: он заслужил всего две книги о себе до выхода из печати еще одной, посвященной ему и другому дипломату. Причем автором этой книги под названием «Ястреб и Голубь» оказался один из его внуков – Николас Томпсон, также не избежавший «гравитационного поля» Кеннана²⁸⁰.

Кстати, на книгу Томпсона обратила внимание и «Нью-Йорк таймс». В рецензии Марка Этвуда Лоуренса²⁸¹ говорилось, что завершение «холодной войны» принесло облегчение, даже радость большинству американцев. С крушением Восточного блока в 1989 году более чем четыре десятилетия тревог для них, казалось, завершились. Но ко всеобщему удивлению, один из нескольких несогласных с этим выводом голосов прозвучал от Джорджа Кеннана... «Я думал, что все это должно было произойти раньше, – причитал он менее чем через месяц после того, как немцы начали крушить Бер-

²⁸⁰ The Hawk and the Dove. Paul Nitze, George Kennan, and the History of the Cold War by Nicholas Thompson. Henry Holt & Company, 2009.

²⁸¹ “The New York Times”. September 13, 2009.

линскую стену. – Если бы мы только не настаивали на милитаризации противника...» (т.е. Советского Союза. – *Авт.*).

Кеннан так и не уточнил, кто же был ответственным за то, что «холодная война» оказалась более долгой и опасной, чем должна была бы быть. Но Пол Нитце, одно время коллега Кеннана по госдепартаменту, помогавший формированию внешней политики всех президентов от Рузвельта до первого Буша, наверняка стоял на одном из первых мест в его списке виноватых.

Ведь именно Нитце с наибольшей настойчивостью требовал резкого усиления американской военной мощи. И именно Нитце часто брал на себя ответственность за то, чтобы Пентагон увеличивал свои арсеналы. Однако, оглядываясь назад, в историю, становится ясно, что **прежде его оценки американского управления «холодной войной» вряд ли сильно отличались от кеннановских** (выделено мною. – *Авт.*). «Я пришел к заключению, что тогда мы все делали славу богу правильно», – хвастался Нитце.

«Кто же был прав? – задается вопросом автор. – Что, Соединенные Штаты вкладывали слишком много в свои военные приготовления, без нужды антагонизируя Советы и в то же время гарантируя, что соперничество Востока с Западом будет происходить именно в той единственной области, в которой Москва могла соревноваться? Или же американцы действовали разумно в ответ на очевидную и реально существовавшую угрозу советской агрессии?». Николас Томпсон утверждает в своей двойной биографии Нитце и Кеннана, что у обоих были убедительные основания для своей позиции.

«Каждый из них был глубоко прав при одних обстоятельствах, и глубоко неправ при других, – приходит к заключению Томпсон, исследуя их длинные, взаимопереплетающиеся карьеры государственных деятелей, политиков и публичных интеллектуалов. Эти два человека «каждый тянул в свою сторону», но при этом они «дополняли друг друга» и, утверждает Томпсон, «каждый по-особому внесли вклад в американскую победу в “холодной войне”». Они даже смогли остаться друзьями, несмотря на свои разногласия.

Говоря об этих разногласиях, автор книги отмечает, что, по мнению Кеннана, «Советский Союз, каким бы отвратительным он ни был», представлял незначительную военную угрозу для Запада, и призывает к тому, чтобы США для противодействия советской экспансии в большей степени полагались на экономические и политические средства воздействия. Другие (американские) официальные лица, и прежде всего Нитце, унаследовавший место Кеннана в качестве руководителя Отдела планирования госдепартамента, особенно после начала корейской войны в 1950 году, смотрели на ситуацию по-другому.

С сожалением взирал Кеннан на то, как Соединенные Штаты вкладывали невероятные по объему ресурсы в вооружения и военные базы. С другой стороны, «мрачно оценивая» советские намерения, Нитце безудержно выступал за то, чтобы США «обеспечивали достаточный уровень вооружений

для отражения нападения или, в худшем случае, победы в войне». В начале 50-х годов это означало поддержку создания американцами водородного оружия. В кризисные 60-е – расширение американских арсеналов для противодействия вызовам, исходящим от советских вооружений. Последствия вьетнамской войны (вернее сказать, поражения США в этой войне. – *Авт.*) означали для Нитце надобность выступать с предостережениями по поводу предполагаемой американской «пассивности».

По мнению автора «Нью-Йорк таймс», Томпсон оказался особенно хорош в привязывании позиций своих героев к особенностям их личностей. Так, сомнения Кеннана в отношении военного выхода из кризисных ситуаций отталкивались от его глубокого пессимизма в отношении возможностей технологического решения человеческих проблем и способности своих соотечественников мудро использовать американскую силу. Политические предпочтения Нитце, напротив, вытекали из его несравненно более оптимистичного взгляда на мир, что хорошо знакомый с его биографией и характером внук Томпсон частично относит к значительно более счастливому детству, чем у Кеннана. Нитце, по его словам, исповедовал неограниченную веру в материальный прогресс и уверенность в способность Америки влиять на конструктивные изменения за ее рубежами.

В то же время Лоуренс справедливо отмечает, что применительно к таким сложным и противоречивым персонажам, как герои книги Томпсона, слишком облегченная формула размежевания «ястреб–голубь» работает посредственно, убедительно не объясняет ключевых разногласий между ними. Так, хотя Кеннан и опасался ядерного оружия, он отнюдь не был «голубем», когда речь шла об оценке сталинской России в 40-е годы. Со своей стороны, Нитце подчас действовал значительно мягче, чем «ястреб». Как и Кеннан, он был против американской интервенции во Вьетнам и в 1982 году шокировал своих коллег, в предварительном порядке согласившись со своим советским партнером по переговорам об уничтожении целой категории ядерных вооружений – сделкой настолько «голубиной» для своего времени, что она была быстро отвергнута и Вашингтоном, и Москвой.

Автору статьи также трудно принять «слишком вовремя» появившийся аргумент Томпсона о том, что соперники достигли продуктивного симбиоза, который помог окончанию «холодной войны». Кеннан – обеспечив основную стратегию, а Нитце – помощь в принятии тактических решений, принесших победу. Подобный вывод вызывает естественную необходимость дискуссии касаясь решений, принимаемых и советской стороной. Провоцировала ли гонка вооружений в США Москву, что беспокоило Кеннана, или наоборот, сдерживала, отпугивала ее, как это утверждал Нитце? Могли ли Советы позитивно ответить на иной поворот в американской политике? Без ответов на эти вопросы любое утверждение по поводу влияния Кеннана и Нитце, по мнению автора, носит чисто спекулятивный характер.

Марку Лоуренсу, видимо, просто не приходит в голову, что навязанная нам американцами гонка вооружений и не провоцировала, и не отпугивала советское руководство. Она лишь заставляла СССР в целях обеспечения безопасности страны и всеобщего мира тратить баснословные материальные и человеческие ресурсы на ВПК. Потом выяснилось, что задача «доворужить большевиков до смерти» и была главным ноу хау Вашингтона.

Ингерман считает, что существуют три причины продолжающегося бума «кеннановской индустрии» в американской исторической и политологической науке, и все они ясно вытекают из биографии пера Гэддиса. Во-первых, собственная жизнь Кеннана была переполнена парадоксами, привлекающими внимание, особенно ученых, ставящих под вопрос его политические взгляды. В лучшем случае он был интеллектуальным политиком. В худшем – просто одним из интеллектуалов в море политики и власти, но именно это, возможно, в наибольшей степени и подкупает в нем исследователей.

Во-вторых, Кеннан тешит самолюбие авторов, избравших карьеру историков. Немногие из американских историков дипломатии, писавших о нем, работали в области, прямо приближавшей их к миру политики. Словами Андерса Стефансона, автора книги «Кеннан и искусство внешней политики»²⁸² его коллеги по профессии «считали чуть ли не гражданской обязанностью делать выводы с точки зрения как бы советника по национальной безопасности». А тут как раз дипломат, да еще с бесспорным авторитетом, ставший историком.

И наконец, вера Кеннана в его историческое предназначение, возникшая задолго до критического десятилетия 40-х годов, представляет для исследователя источник редкого масштаба и глубины.

Как подробно доказывается в работе Гэддиса, Кеннан прожил жизнь, переполненную иронией и парадоксами. Начнем со времени и места. Для человека, призванного определять американскую внешнюю политику на протяжении большей части XX века, Кеннан мало знал свою собственную страну и заботился о ней в еще меньшей степени. Порицание им американской жизни отдавало разочарованием и даже страхом. Не удивительно, что Кеннан был вполне в курсе этой своей особенности. Как он признавался в письме своей сестре еще в 1935 году: «Я ненавижу демократию... я ненавижу прессу... я ненавижу “народ”; я стал настоящим “антиамериканцем”».

Не более комфортно, чем в своей стране, чувствовал он себя в своем времени. Во многих отношениях Кеннан оставался человеком с присущей XVIII веку чувствительностью, с возрастающей периодичностью выступал он против индустриализации, коммерциализации жизни и массовой культуры, которые, по его мнению, разрушали Соединенные Штаты.

²⁸² *Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy. Harvard University Press, 1989.*

Подобные его настроения отчетливо проявились, к примеру, во время поездки на родину в штат Милуоки в 1938 году. Так, возмущение у него вызвал замеченный им рост числа автомобилей (что ассоциировалось у него с «досадным климатом индивидуализма») и снижением «духа товарищества» среди его соотечественников. На первый взгляд, кажется удивительным, что господствовавший в то время в СССР, где он тогда жил и работал, тот самый дух товарищества, братства и коллективизма, о котором он ностальгировал применительно к США, не говоря уж о мизерном количестве у нас в то время личных автомобилей (что свидетельствовало не только об отставании от США в этой области, но о принципиальном курсе в стране на коллективизм и социальное равенство), не вызывал у Кеннана никаких позитивных эмоций. Наша страна была для него абсолютным врагом, и в отличие даже от гитлеровской Германии он в принципе был неспособен замечать в ней почти ничего положительного.

Вскорости после того, как Кеннан отчеканил свой термин «сдерживание», его заявление о приеме на работу было жестко отклонено Полом Нитце (унаследовавшим от него должность руководителя Отдела планирования госдепартамента) и другими, оставившими за ним имя «архитектора» политики, которую тот сам теперь рассматривал как бельмо на глазу. Чем больше последующие президенты США использовали понятие сдерживания, тем более яростно Кеннан на него нападал. В 1966 году его показания в конгрессе против все более глубокого вовлечения Америки в войну во Вьетнаме было самым первым и сильным отходом от политики президента Джонсона. Правда, антивоенно настроенные либералы, так горячо воспринявшие заявление Кеннана, не поняли тогда главного в его позиции: по его мнению, США должны были уйти из Вьетнама потому, что эта страна просто не стоила американских трудов и забот, а ее жители не были готовы к демократии (неужели Кеннан так никогда и не понял, что реальной причиной бесконечных вторжений и войн США по всему миру меньше всего была забота об установлении в странах-жертвах их агрессии демократии? А может быть, понял? – *Авт.*).

Его активная оппозиция гонке ядерных вооружений в 70-х и 80-х годах, когда к нему присоединились в этом либеральные группы и католические епископы, сблизила его с либералами ровно в той пропорции, в какой он был в то время отчужден от влиятельных консерваторов. Как считает Ингерман, Кеннан был настолько консервативен в духе восемнадцатого века, что его политические идеи часто соотносились с идеологией американских либералов века двадцатого.

Придя на работу в Институт перспективных исследований, Кеннан со всей серьезностью воспринял посыл о том, что должен стать ученым. Он совершил там то, что один из историков назвал «пилигримским походом к Клио», причем с несомненным успехом. Его двухтомная история американско-

российских отношений была блестяще сделанной по замыслу и исполнению работой, основанной на интенсивных архивных изысканиях, а также личном знании предмета.

Вторая Пулитцеровская премия говорит нам о важнейшей причине, почему Кеннан стал такой неотразимой фигурой в области исторической науки: он посвятил большую часть жизни изложению своей предшествовавшей биографии. Так, он написал первые (неопубликованные до сих пор) мемуары в возрасте 34 лет, занимая в то время пост дипломата среднего по рангу уровня в посольстве США в Москве еще до того, как добился чего-то существенного в своей жизни. В рукописи под названием «Приятного дня и пока!» (цитата из одной из пьес Шекспира на историческую тему), Кеннан с нажимом и пафосом осуждал русский национальный характер и русскую историю, заканчивая ее таким заключением в конце той своей командировки в нашу страну: (русский народ) «освободился от оков западной цивилизации, с которой без сомнения потерял все связи».

Сверху этой рукописи, хранящейся среди прочих его бумаг в библиотеке Принстонского университета, Кеннан написал записку будущим историкам по поводу содержащихся в ней выводов. В этой «небольшой и деликатной» записке он напоминает читателям о своем возрасте во время создания данной рукописи (она была написана в 1938 году) и том факте, что она была «перекрыта» получившими премию Пулитцера мемуарами, написанными 30 годами спустя.

В то же время Ингерман справедливо считает и те, и другие мемуары богатым историческим источником, включая и неопубликованные, ибо первые выявляют «чувствительную материю» отношения Кеннана к России, а вторые, опубликованные, показывают, как Кеннан позднее понимал свои собственные идеи и собственную значимость.

В то же время для объективного понимания многогранных особенностей личности и политических взглядов нашего автора, а также его более чем сложного характера важен еще один эпизод из той же серии «бумаг Кеннана». Вскоре после того, как в 1970 году он дал разрешение Принстонскому университету на открытие для исследователей его бумаг, Кеннан, по словам Ингермана, был шокирован тем, что молодой историк С.Бен Райт обратил особо пристальное внимание на черновой вариант его эссе 30-х годов под названием «Предпосылки».

В эссе содержались призывы к «авторитарному государству», лишаящему права голоса тех, кто не сможет «правильно» им воспользоваться, а именно, эмигрантов, женщин и черных. Обожавший Кеннана Бен Райт подробно процитировал «Предпосылки» в своей диссертации. Помимо этого, Райт имел смелость предположить, что кеннановская версия сдерживания, помимо прочего, могла содержать в себе и военный компонент (в подтверждение чего приводил его письма и черновики выступлений периода 40-х го-

дов). Кеннан пришел в ярость, пытаясь оспорить, как он считал, оскорбительные для него цитаты из работы Райта, и согласно Гэддису, в конечном счете, вообще призывая изгнать его за это из профессии историка. Неприятные для Кеннана документы были удалены из его бумаг, а фотокопирование остающейся коллекции вообще запрещено.

Однако не все его усилия, направленные на «чистку» собственной биографии сводились к сокрытию неудобных для него фактов и документов. Когда весьма резвый принстонский аспирант опубликовал диссертацию, представлявшую из себя попытку воссоздать философию Кеннана из рассеянных по разным источникам опубликованных и неопубликованных работ, тот ответил собственным философским эссе, вышедшим из печати под заголовком «Вокруг крутого холма» (1993). Выражаясь современным языком, Кеннан пытался контролировать содержание собственных намного ранее выпущенных в свет трудов.

С выходом новой обширной биографии Гэддиса, Кеннан продолжает контролировать это содержание, уже находясь в могиле. Усилия на этом направлении были предприняты после того, как Кеннан и Гэддис в начале 80-х годов пришли к соглашению о том, что историк получит эксклюзивный допуск к груде материалов, которые Кеннан еще не депозитировал тогда в принстонской библиотеке. В обмен стороны молчаливо согласились в том, что книга Гэддиса выйдет только после смерти Кеннана. Гэддис интенсивно использовал материалы, недоступные для других исследователей; в частности, речь идет о многочисленных, хранившихся доселе в тайне томах кеннановских дневников. Кеннан запасал материалы о своей собственной жизни вплоть до 80-х годов, он даже держал специального помощника, собиравшего эти материалы по всему миру.

Самая богатая их подборка досталась Гэддису. Дэвид Ингерман считает его «одним из наиболее уважаемых и плодовитых историков дипломатии своего поколения; тем, кто разделял (для уверенности скажем, в малых дозах. – *Авт.*) озабоченности Кеннана в отношении вызовов в осуществлении эффективной внешней политики в условиях демократии».

Однако даже историк с опытом Гэддиса был тем не менее перегружен количеством и богатством обрушившегося на него материала. Его так много что, по словам Ингермана, у самого автора биографии осталось не так уж много возможностей для собственного анализа и рассуждений: Кеннан за свою жизнь написал так много и по такому большому кругу вопросов, что в биографии Гэддиса говорит в основном сам ее герой. Говорит в том числе и об интимных сторонах его жизни: исследователям, впечатленным его 70-летним браком с одной и той же женщиной, он сообщает, в скольких любовных аферах участвовал за это время. Дело доходило до того, что в начале 40-х его супруга вынуждена была отправиться в нацистскую Германию, где в то время работал в посольстве ее муж, спасая их брак от его очередного романа.

Изучив фолиант Гэддиса, Дэвид Ингерман приходит и к другому, значительно более важному выводу: эта биография, при всей грандиозности привлеченного материала, ничего существенно не меняет в уже устоявшемся в исторической науке образе Кеннана как дипломата и политика, лишь дополняет и оттеняет этот образ. Впрочем, сейчас архив Принстонского университета впервые предоставил доступ исследователям к новым сотням коробок с кеннановскими материалами, включая дневники, ранее содержавшиеся в тайне по настоянию их автора. Более того, архив начал реализацию проекта под руководством коллеги Гэддиса по истории дипломатии Фрэнка Костиглиолы из университета штата Коннектикут, по публикации этих дневников отдельным изданием (об этом чуть ниже).

Как пишет Ингерман, сочетание Кеннаном жесткой самооценки и изысканных ответов его критикам (будь то политики или историки) создают впечатление, что он пытался создать монополию на критику самого себя. Будучи уверенным в том, что даже такие систематически изучающие его и симпатизирующие ему историки как Гэддис рано или поздно все равно начнут с ним не соглашаться, Кеннан защитил себя, сделав так, чтобы эта биография не появилась при его жизни. Как считает Ингерман, в то время как некоторые исследования своим исчерпывающим содержанием кладут конец изучению самого предмета, в данном случае выглядит более вероятным другой вариант: монументальная работа Гэддиса означает только начало настоящего погружения в тему. Уже сейчас мы воспринимаем Кеннана не только с точки зрения его сильного, и в то же время скоротечного влияния на внешнюю политику, но социального и психологического восприятия жизни одним из наиболее склонных к самоанализу деятелей современной Америки.

Одним из важных признаний значимости не только этой книги, но самое главное – ее героя стала статья одного из самых маститых американских дипломатов – Генри Киссинджера в «Нью-Йорк таймс»²⁸³. Сам факт, что такой политический мастодонт (последний, по сути, живой и активный из числа самых выдающихся дипломатов XX века) откликнулся сегодня на имя Кеннана в главной американской газете, свидетельствует: серьезные аналитики и практики признают значимость переосмысления кеннановского наследия для понимания нынешнего кризисного состояния американской и мировой политики, российско-американских отношений и составления прогнозов на будущее. Понимают они и значительность его фигуры в истории науки, политики и дипломатии США.

При этом Киссинджер начинает свою статью с результатов проведенного им самим экспресс-опроса нескольких молодых американцев на тему о том, что для них значит Джордж Кеннан. Выяснилось, что практически все

²⁸³ “The New York Times”. Nov. 10, 2011.

из них оказались, по существу, не в курсе, кем же был этот человек и какова была его роль в формировании американской внешней политики. Для нынешнего поколения американцев, констатирует автор, Кеннан стал частью смутного, неясного времени их родителей. А ведь именно тогда он стал создателем концепции сдерживания, «именем которой, – утверждает Киссинджер, – велась и была выиграна “холодная война”», хотя он же почти одновременно с этим подверг самой беспощадной критике то, каким образом порожденная Кеннаном теория была претворена в жизнь.

Генри Киссинджера, до сих пор погруженного в переживания того времени, подобное беспамятство молодых американцев, по признанию самого политика и дипломата, наводит на меланхолические размышления относительно актуальности истории в эпоху Интернета и в условиях 24-часового информационного прессинга. Тем не менее авторитетная в глазах Киссинджера новая работа Джона Гэддиса вновь вводит и его, и других читателей в мир дилемм и стремлений тех решающих десятилетий XX века. Он считает данную работу наиболее приближенной из всего ранее опубликованного к пониманию этого «самого значимого, сложного, волнующего, вызывающего и несносного из всех американских государственных деятелей».

По свидетельству Киссинджера, идеи Кеннана почти полвека господствовали в американской внешней политике по обе стороны разделяющих ее интеллектуальных и идеологических различий (автор статьи, видимо, имеет в виду либеральные и консервативные направления в политике США. – *Авт.*).

Киссинджер называет его блестящим аналитиком долгосрочных тенденций мирового развития и одновременно одаренным литературным стилистом. По его воспоминаниям, будучи властной вплоть до противоречивости личностью, Кеннан был аскетичен и суров, в то же время мог быть и вполне компанейским парнем, играя на гитаре на посольских вечеринках. Благочестивый, и в то же время склонный к любовным интрижкам (по организации которых он впоследствии подробно, в письменном виде, инструктировал своего сына), Кеннан одновременно был бесконечно погружен в себя и удален ото всех. По словам одного из его критиков, он был «импрессионистом, поэтом и вообще не от мира сего» (мы помним, что это говорил Дин Ачесон. – *Авт.*).

При всем том – а возможно, именно поэтому, Кеннан, по утверждению Киссинджера, «никогда не снисходил до реальной возможности выразить свои точные и провидческие представления о политике на высшем государственном уровне». Мы знаем, что это не так. И в 1952–1953 годах после своего московского фиаско, неоднократно до и после этого он буквально рвался к руководителям страны, чтобы его там услышали. Но далеко не всегда ему это удавалось.

Киссинджер продолжает: «Кеннан практически разрушил карьеру в правительстве склонностью отшатываться от воплощения в жизнь своих собственных идей». Разумеется, автор статьи имеет в виду всю ту же кон-

цепцию сдерживания. Мы помним, что Кеннан почти с самого начала был против интерпретации его концепции как повода для массированного военного нажима на СССР, включая гонку ядерных вооружений (он предпочитал другого рода подрывные мероприятия против нашей страны).

«Когда его яркий аналитический талант был вознагражден посольскими назначениями в СССР, а затем в Югославию, – продолжает Киссинджер, – Кеннан собственноручно разрушил их, проигнорировав выработанные им самим принципы поведения дипломата». И тут автор статьи в отношении работы послом в Москве прав только частично (в отношении того, как и почему Кеннан этой работы лишился). То же, что этим назначением он был «вознагражден», опровергается воспоминаниями Кеннана о том, с какой стеной равнодушия он столкнулся в Вашингтоне, пытаясь получить напутствия и инструкции для своей работы в СССР. Отсутствие этих инструкций даже заставило его отказаться от запроса на встречу со Сталиным, хотя большинство его предшественников встречались и беседовали с вождем советского народа. Как помнит читатель, Кеннан вообще считал, что Трумэн и Даллес отправили его тогда в Москву просто «греть место» для вновь назначенного американского посланника после президентских выборов.

Автор проницательного анализа «болезненной советской чувствительности к малейшим проявлениям неуважительности и склонности Кремля к синтаксической разборке буквально каждого слова американских дипломатов», – продолжает Киссинджер, – Кеннан через несколько месяцев после назначения буквально торпедировал свою миссию в Москву скандальными высказываниями в западноберлинском аэропорту Темпельхоф, став единственным в истории американским послом в России, объявленным персоной нон грата.

Аналогичным образом десять лет спустя, утверждает Киссинджер, – Кеннан, как на личное оскорбление, прореагировал на декларацию нейтралитета главы Югославии Иосипа Броз Тито по вопросу о советских действиях во время берлинского кризиса 1962 года. А при этом, напоминает он, Тито как политик был самым воплощением нейтралистского балансирования, которое было так блестяще проанализировано самим Кеннаном (правда, в том случае, когда оно было направлено против интересов СССР). Сразу же после последовавшего за этим своего конфликта с правительством Югославии, по версии Киссинджера, он ушел в отставку с поста посла.

Любопытно, что в мемуарах Кеннана ни слова не говорится об этом его конфликте с правительством Тито (с которым у посла были красочно описанные в мемуарах прекрасные отношения), зато много и подробно рассказывается о конфликте с конгрессом США, действиями которого в отношении Югославии, согласно мемуарам, и был обусловлен его уход в отставку.

И, тем не менее, пишет Киссинджер, ни один другой сотрудник внешнеполитической службы США не повлиял на международную политику своей страны столь же решительным образом и не сделал так много для

развития дискуссии о роли Америки в мире, как он. Это, прежде всего, касалось отношений США с СССР. Киссинджер справедливо указывает, что Кеннан отверг предположение об объективном и естественном характере гармоничных советско-американских отношений с самого момента появления этой идеи и последовательно критиковал то, что он считал чрезмерно уступчивым подходом Вашингтона к территориальным приобретениям СССР по результатам Второй мировой войны.

По мнению Киссинджера, квинтэссенция «Длинной телеграммы» Кеннана, выражавшей его политическую философию в отношении СССР, состояла в убеждении, что Сталин, отнюдь не намеренный менять после войны суть советской политики, фактически воплощал в жизнь ее «предельно жесткую версию традиционно русского разлива. Она коренилась в русской стратегической культуре и в дрящемся столетии недоверии к окружающему миру, в которое большевики вживили безжалостную революционную доктрину глобальной чистки».

Оценивая следующий знаменитый манускрипт Кеннана – статью в «Форин афферс» за подписью «мистера Икс», Киссинджер сравнивает разработанную Кеннаном стратегию сдерживания советской мощи с доктриной равновесия, задуманной британским министром иностранных дел Джорджем Каннингом в XIX веке в качестве ответа на растущую враждебную силу (хотя британец, в отличие от Кеннана, предпочел тогда воздержаться от предсказаний конечного результата претворения этой доктрины в жизнь).

«Драматическое качество» статье «мистера Х», по мнению Киссинджера, придала его попытка предложить сложение усилий – с одной стороны, сдерживание советской мощи, а с другой – реализацию американской исторической мечты – полное превращение противника в свою противоположность. Исходя из этой задумки Кеннана, победа над противником в лице СССР должна была произойти не на поле боя и даже не посредством дипломатических усилий, а в результате взрыва советской системы изнутри.

Тогда же Кеннан, подчеркивает Киссинджер, подобрал и ключ к решению этой задачи. **«Если будет поколеблено единство и снижена эффективность партии как политического инструмента... советская Россия изменится в одночасье от одного из сильнейших к одному из слабейших и жалких национальных обществ»**, – с явным удовольствием приводит он цитату из кеннановской статьи. **И добавляет: «Ни один другой документ с такой степенью точности не предсказал то, что фактически произошло при Михаиле Горбачеве»** (выделено мною. – *Авт.*).

Однако практическое претворение этих предсказаний в жизнь, потребовавшее огромных усилий со стороны Запада, по свидетельству Киссинджера происходило безо всякого участия самого Кеннана. Этим занимались Джордж Маршалл, Дин Ачесон, Джон Фостер Даллес и др., наполнив политику сдерживания чисто военным содержанием, окружив СССР системой

военных альянсов по всей протяженности советских границ на двух континентах. Но при этом, признает Киссинджер, несмотря на атомную послевоенную монополию США и огромные материальные и людские потери СССР, фактический баланс сил между двумя державами так и не изменился вплоть до завершения «холодной войны» (он не упоминает, какими огромными советскими достижениями, усилиями и жертвами в военной, экономической и социальной сферах жизни народа этот баланс обеспечивался с нашей стороны).

На дипломатическом фронте американские успехи все эти десятилетия были совсем не очевидны. Более того, СССР неоднократно осуществлял здесь серьезные прорывные инициативы, что вызывало резкую реакцию Черчилля, неоднократно настаивавшего в те годы на дипломатической конфронтации с Советами.

На этом фоне Кеннан, по словам Киссинджера, проявлял все меньше сдержанности в оценке практической интерпретации Вашингтоном его стратегических идей. Более того, иногда он при этом, по Киссинджеру, «перехватывал лишку», к примеру, утверждая, что в мире существовали регионы, «где вы вполне могли позволить людям стать жертвами тоталитарного доминирования безо всяких в общем-то трагических последствий для всеобщего мира». **«Мы не можем принудить Советы к покорности бомбежками, – утверждал Кеннан, – не можем мы и заставить их видеть мир нашими глазами; фактически, у нас нет прямых средств воздействия на изменение советского режима»** (выделено мною. – *Авт.*). Вместо этого надо ждать возникновения некоей неопределенной ситуации и время от времени приближать ее методами дипломатии, настаивал он.

Теперь мы знаем, что с точки зрения основополагающих целей США в отношении СССР, Кеннан оказался прав. В то же время это не мешает Киссинджеру полагать, что он подчас так яростно отвергал реально достижимые цели внешней политики, что тем самым исключал свою собственную полезность в реализации задач повседневной дипломатической работы. «Это превратило его жизнь в своего рода трагедию». До глубокой старости он избегал роли государственного служащего, куда вознесли его талант и способность долгосрочного видения, но которая постоянно отвергала его за отказ менять свой перфекционизм – стремление добиваться полного совершенства в реализации своих идей.

Важнейшим элементом этого отказа, по Киссинджеру, была растущая антипатия Кеннана к перспективе ядерной войны. В свое время он отверг разработанную Ачесоном стратегию ядерного устрашения и на каком-то этапе даже пытался организовать призыв США к отказу от первого ядерного удара, более того, в одном из интервью допустил, что даже советское доминирование над Западной Европой предпочтительнее ядерного уничтожения человечества. Такое совершенно очевидное с точки зрения здравого смысла решение и сегодня явно вызывает у Киссинджера желание как минимум удивиться свойственным Кеннану «странностям».

В то же время он отмечает, что хотя, «оперируя философскими категориями, Кеннан проявлял тенденцию приходить к эмоциональным и абстрактным заключениям» (видимо, в ранее приведенных Киссинджером случаях), под воздействием конкретных обстоятельств он мог перевоплощаться в роль упорного сторонника силовой политики. Так, после наступления сил народно-освободительной армии Китая в 1950 на р. Янцзы он, преодолев свое отвращение к милитаристской политике Ачесона, призвал его отказаться от любых попыток дипломатического решения проблем с коммунистическим миром и вместо этого принять черчиллевскую позицию открытого вызова ему. Аналогичным образом в 1968 году его многолетняя поддержка идеи сокращения вооружений и вооруженных сил в Европе не удержала Кеннана от призыва к президенту Л.Б.Джонсону ответить на ввод советских войск в Чехословакию посылкой на континент дополнительных 100000 американских войск.

Киссинджер полагает большим своим везением то, что ему довелось вблизи наблюдать Дина Ачесона и Джорджа Кеннана в расцвете их интеллектуальных сил. Он считает Ачесона величайшим госсекретарем США послевоенного периода. Именно Ачесон, по мнению Киссинджера, разработал и осуществил претворение в жизнь концепций Кеннана. И в этой связи, по его мнению, «растущее отчуждение между этими двумя гигантами американской внешней политики был настолько же печальным, насколько и неминуемым. Ачесон был незаменим в разработке архитектуры первого послевоенного десятилетия; кеннановское видение затрагивало более отдаленное будущее. Ачесон рассматривал роль Кеннана как более значимую для науки, чем для реальной политики и считал его абсолютно непрактичным человеком (ясно, что приключения последнего в должности посла в Москве и Белграде лишь утвердили государственного секретаря в этом мнении. – *Авт.*). Реакцией Кеннана была неудовлетворенность в связи с растущей невостребованностью в политике и неспособностью довести до руководства страны его долгосрочные прогнозы.

Знаменательно, что и здесь Киссинджер счел нужным заявить о том, что в проблемах первого послевоенного десятилетия он по-прежнему на стороне Ачесона, а не Кеннана. По его убеждению, в обеспечении безопасности Западной Европы у Америки не было выбора между тем, чтобы отложить проведение разделительных линий с Востоком или начать дипломатический процесс для выяснения вопроса о том, нужны ли эти линии вообще. В этом контексте, по Киссинджеру, практическая реализация развивавшейся в то время теории Кеннана непосредственно в послевоенные десятилетия (и в частности, его оппозиция НАТО, критика доктрины Трумэна и призыв к переговорам по выводу американских сил из Европы) лишь усилила бы тревожность обстановки, на чем и настаивал тогда Ачесон.

В то же время, по мнению Киссинджера, Кеннан заслуживает признания за то, что вообще затронул в тот период ключевые проблемы долгосрочной

перспективы. Уже тогда, по словам автора статьи, он предвидел время, когда Америка может перенапрячь свои внутренние резервы в достижении целей, находящихся за пределами физических и психологических возможностей «даже самого исключительного по уровню развития общества» (Киссинджер здесь явно намекает на нынешние времена, когда Штаты со всей очевидностью не справляются со всеми взятыми на себя в мире обузами, что с наибольшей очевидностью проявилось в Ираке и Афганистане).

По мнению Киссинджера, Кеннан был вполне убедителен, подчеркивая недолговечность деления мира на военные блоки и необходимость, в конце концов, преодоления этого деления посредством дипломатии. Однако по убеждению Киссинджера, он предлагал средства, которые были тогда или преждевременны с учетом состояния исторического процесса или временами слишком абстрактны. Иногда он пренебрегал необходимостью все делать в свое время. Джон Гэддис цитирует его, признававшегося, что у него были проблемы с последовательностью действий: «У меня есть привычка видеть две противоположные стороны проблемы, причем в обоих случаях неправильно, а затем еще и преувеличивать значимость этого видения, в результате чего я начинаю казаться противоречивым и непоследовательным».

В турбулентную эпоху, отмечает Киссинджер, постоянными темами для Кеннана были баланс и сдержанность. И этим он отличался от большинства своих современников. В частности, исходя из этих своих принципов, он выступал против участия США во вьетнамской войне.

С течением времени Кеннан удалился в историческую науку. Но занимался ею меньше чем историк, а больше как наставник политиков, в надежде научить Америку важности умеренности в выработке целей внешней политики и сдержанности в использовании силы. В качестве примера он использовал крах европейского порядка, приведший к Первой мировой войне. Он выпустил две книги, по мнению Киссинджера, образцового научного уровня и притом элегантно написанные: «Россия выходит из войны» и «Решение вмешаться». Он опубликовал сборник своих лекций и эссе о проблемах формирования американской внешней политики в первой половине XX века «Американская дипломатия: 1900–1950», который, по мнению Киссинджера, является лучшим кратким изложением этой темы.

При всем этом Кеннан, по свидетельству Киссинджера и других его коллег, отнюдь не испытывал восторга от погружения в неполитический мир чистой науки. Его частично добровольное изгнание в этот мир сопровождалось постоянной ностальгией по активной политике и ожиданиями нового призыва на службу. Все это перемежалось с уязвленным самолюбием, досадой от того, что его способности и возможности как действующего политика и дипломата не получали должной оценки. Так, в своем дневнике он педантично записывал все комплименты, высказанные по его адресу поверенным в делах США в СССР на приеме в посольстве в Москве в 1981 году,

отмечая при этом, что аналогичного внимания и уважения к нему никогда не проявлял ни один из госсекретарей.

Однако для этого были свои причины. Действующие политики, даже искренне его почитающие, избегали приглашения Кеннана на службу, поскольку размах, изгибы и повороты его политического видения были для них одновременно и некомфортны (даже если были оправданы), и выходили за рамки их непосредственных тактических задач. А что касается различных протестных движений, бравших на вооружение некоторые из его идей, то будучи политически весьма консервативным человеком, их внимание к нему лишь усиливало его чувство дискомфорта.

Киссинджер приводит афоризм Ачесона о том, что уход с государственной службы напоминает конец большой любви. Речь о пустоте в душе, остающейся после исчезновения особой восприимчивости и сосредоточенности, присущих людям, находящимся на таких постах. В судьбе Кеннана самым мучительным было то, что его расставание со службой произошло до того, как он достиг вершины жизни. Ее остаток он провел в роли наблюдателя за границами политического влияния, ограниченный тем, что он называл «ничем не нарушенным одиночеством чистой науки и писательства».

«Хотя он и дожил до 101 года и стал свидетелем воплощения в жизнь многих из его предсказаний, – пишет Киссинджер, – даже крушение Советского Союза не дало ему чувства эйфории от подтверждения своих прогнозов. Скорее, оно обозначило в сознании Кеннана конец его призвания как ученого. Потребность в его влиянии на политику была безвозвратно утеряна. «Примири себя с неминуемым, – доверялся он своему дневнику, – с тем, что тебе уже никогда на протяжении оставшегося тебе короткого жизненного времени не будет дозволено сделать ничего существенного». Он отложил незаконченный третий том своей истории дипломатии перед Первой мировой войной. У него не осталось больше уроков, чтобы преподать их своей стране».

Киссинджер считает, что Америка должна быть благодарна Джону Льюису Гэддису за то, что он вновь подарил ей Кеннана – «умного, человеческого, целеустремленного, противоречивого, вдохновляющего – постоянного импульса, каким и должно быть человеческое сознание». Результат мастерской исследовательской работы, основательно документированная, вызывающая большой интерес книга Гэддиса представляет нам фигуру, «быть современником которой, при всех различиях в деталях, являлось честью».

В начале своей карьеры Кеннан писал, что был обречен на «одинокое удовольствие человека, стоящего на древней, холодной и негостеприимной вершине, где мало кто был до него, куда мало кто взойдет и мало кто согласится, что вообще там был». По мнению Киссинджера, Гэддис проявил необходимую проницательность для того, чтобы отправиться за Кеннаном в его мучительные поиски и убедить нас в том, что «тот действительно достиг своей вершины».

НАСЛЕДИЕ КЕННАНА:
БОРЕНИЕ СТРАСТЕЙ. ЛЕВЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

Очевидно, что при очевидном интеллектуальном качестве оценок Ингермана, Томпсона и особенно Киссинджера, они представляют собою консервативную, правоцентристскую интерпретацию его судьбы и его идей в целом соответствующую, кстати, идеологии и задумке самой книги профессора Гэддиса. Думается, что та же Кандолиза Райс – внешнеполитический ястреб республиканцев – с подобными подходами была бы в основном согласна.

Но к счастью, Кеннан был слишком велик или слишком неоднозначен для таких односторонних оценок. И к счастью, в Америке еще не перевелись ученые и публицисты левых или леволиберальных взглядов, которые видят Кеннана и его наследие совсем в другом ракурсе.

В апреле 2012 года в старейшем нью-йоркском левом политическом еженедельнике «Нейшн» появилась подтверждающая это статья Эрика Альтермана «Кеннан в интерпретации Гэддиса: стратегия недооценки»²⁸⁴.

Автор сразу же обращает внимание на то, что Гэддис в 2005 году был награжден президентом Джорджем Бушем-младшим Национальной Гуманитарной Медалью за особые заслуги в области гуманитарных наук (не забудем, что герой его биографии Джордж Кеннан получил Большую Медаль Свободы от Буша-отца. Кстати, Конди Райс была советником по национальной безопасности, а затем госсекретарем именно при младшем Буше).

В 2012 году Гэддис получил Премию американских критиков «за наибольшее влияние в реальном мире», чем в научном сообществе. Альтерман в этой связи отмечает, что для получения указанных наград надо получить одобрение консервативных кругов. А поскольку Гэддис представляет традиционно либеральную в США Академию (т.е. научное сообщество), ему чтобы заслужить одобрение таких ультраконсерваторов, как семейство Бушей и им подобных, надо было сильно постараться. Впрочем, мы знаем, что 16 апреля 2012 года, уже после выхода из печати статьи Альтермана, Гэддис за свою книгу получил еще и Пулитцеровскую премию.

Этот автор оказался в первых рядах американских историков «холодной войны» еще 40 лет назад, опубликовав тогда работу «США и происхождение “холодной войны”. 1941–1947». В этой книге, опубликованной как ответ на идеологический вызов «ревизионистских» историков, которые подчеркивали, что глобальные амбиции США, а не простое советское вероломство явились основной причиной конфликта, Гэддис утверждал, что «демо-

²⁸⁴ *Alterman E. Gaddis's Kennan: Strategy of Disparagement // "The Nation". April 2, 2012.*

кратическая система Америки оправдывает поведение ее государственных деятелей. В конце концов, диктатор Иосиф Сталин мог творить все, что хотел, а американцы были ограничены в своем поведении предстоящими честными выборами». Спросим от себя: от чего и как эти честные выборы оградили Америку и особенно многочисленные страны, куда она вторгалась и которые бомбила?

По словам Альтермана, в последующие десятилетия взгляды Гэддиса еще более сдвинулись вправо и достигли того, что вся ответственность за «холодную войну» стала возлагаться им на одного человека – Сталина. Причинно-следственная связь, приведшая США и СССР к 1945 году, по мнению Гэддиса, имела множественный характер. Однако «потребовался один человек, – писал он, – предсказуемо отвечавший его собственным авторитарным, параноидальным и нарциссистским склонностям для того, чтобы породить этот конфликт» (имеется в виду начало «холодной войны»).

Можно категорически утверждать, что подобного рода взгляды – это воззрение меньшинства, уверен Альтерман. «Большинство историков, отмечает Мелвин Лефлер, недавно бывший одним из редакторов трехтомной «Кембриджской истории “холодной войны”», исходят из намного, намного более сложной концепции происхождения “холодной войны”, чем это делает Джон». Но Лефлер помимо этого отмечает и то, что аргументация Гэддиса резонирует «с триумфализмом, который пронизывает нашу современную культуру».

Несомненно, что Джордж Ф.Кеннан за 101 год своей жизни принял целый ряд ошибочных решений, но возможно, наихудшим из них стала поддержка ходатайства о том, чтобы Гэддису было дозволено стать его официальным биографом, – утверждает Альтерман. В 1982 году Кеннан без сомнения чувствовал себя польщенным, когда Гэддис в своей «Стратегии сдерживания» утверждал, что эта кеннановская теория являлась «краеугольным камнем послевоенной национальной политики безопасности», причем не только для Трумэна, но и для всех последующих администраций. А ведь до этого Кеннан чувствовал себя проигнорированным как бывшими коллегами по правительству, так и самим ходом истории.

Уже задолго до этого он дезавуировал метод, которым были воплощены в практическую политику его идеи, и теперь мог быть наконец-то удовлетворен тем, что был поставлен Гэддисом в интеллектуальный центр дебатов наиболее влиятельных американских историков «холодной войны».

Если бы Кеннан не прожил так долго, то Гэддис, возможно, сделал бы полезное дело, подготовив его биографию, замечает автор «Нейшн». Но поскольку Кеннан, несмотря на то, что оставался старомодным консерватором в традициях Уолтера Липпмана и Ганса Моргентау, в дебатах по внешней политике все активнее продвигался в направлении «голубинового» крыла, его биограф ринулся в противоположном направлении. К примеру, Кеннан же-

стко оппозиционно отнесся к авантюре президента Буша в Ираке, в то время как Гэддис звучал в этот период «наподобие Дика Чейни на стероидах». Предостерегая демократов от рассмотрения этого вопроса с интеллектуальных позиций, подрывающих внешнюю политику Буша, Гэддис утверждал: «Ныне мир должен быть безопасен для демократии, и сейчас это уже не идеалистический вопрос; это вопрос обеспечения нашей собственной безопасности». А позднее он добавлял: «Глобальная приверженность к избавлению от остающихся в мире тиранов должна завершить процесс, который начали американцы 232 года тому назад» (сходство с предвыборной риторикой республиканского кандидата Митта Ромни и его соратников по выборной гонке 2012 года разительное! – *Авт.*).

К сожалению, пишет Альтерман, результатом такого подхода явилась биография Кеннана пера Гэддиса, в которой ее автор не только эмоционально и интеллектуально становится по одну сторону с противниками героя его книги, но во многих случаях он даже не пытается честно и объективно рассмотреть его аргументы. В содержащем неожиданные откровения обзрении в «Нью-Йорк ревью оф букс» Франк Костиглиола, издающий дневники Кеннана, приводит множество примеров отказа Гэддиса упоминать аргументы Кеннана против американских «опосредованных войн» – войн чужими руками – и политики наращивания ядерных вооружений (мы подробно изучим это обозрение. – *Авт.*).

Эти вопросы были в основном обойдены и в ходе комичного часового интервью, переданного недавно телеканалом «Си-Спэн», указывается в статье. Гэддис сказал издателю журнала «Форин полиси» Сьюзен Глэссер: «Просто потрясающе, как мало критики было (по поводу его биографии Кеннана), как она удовлетворила людей (по обе стороны баррикады). Я думаю, величайшим событием для меня стало, когда в один и тот же день вышли «Уикли стэндарт» и «Нью Рипаблик». В обоих номерах были восторженные рецензии – думаю, это было потрясающе».

Все это печально, отмечает Альтерман. Гэддису должно быть хорошо известно, что не только эти два журнала исповедуют исключительно неоконсервативную ориентацию в области внешней политики, но ее также придерживаются многие из авторов рецензий (хотя он так и не заставил себя признать это, когда Глэссер вежливо напомнила ему, что «Нью Рипаблик» намного ближе к «Уикли стэндарт», чем обычно полагают). Еще более странно то, что Гэддис настаивал на том, что он «ожидал жесткую критику и артиллерию, но в большинстве случаев ее не последовало. Вы знаете, мои коллеги-историки не снизошли до этого, поскольку у них написание рецензий отнимает много времени». При этом Гэддис не мог не знать о рецензии Костиглиолы; невозможно предположить, что он не рассматривает его в качестве «коллеги-историка». Что, однако, возможно – это то, что Гэддису просто все равно. Он излагает версию, резонирующую с самодоволь-

ной американской мифологией «холодной войны», а она просто не оставляет места для такого убежденного инакомыслящего как Джордж Кеннан и для неудобной правды, которую бы сделала достоянием гласности более сбалансированная история о его жизни.

Жаль, что Кеннан никогда уже не дождется биографии, которой он так давно заслужил, – на такой печальной ноте заканчивается публикация в «Нейшн».

Хотелось бы надеяться на лучшее в будущем, но что касается настоящего, то на наш взгляд, Фрэнк Костиглиола в культовом американском левом издании «Нью-Йорк ревью оф букс» подверг творение Гэддиса жесткой и фондированной критике, прямо начиная с названия статьи «И это Джордж Кеннан?»²⁸⁵. Весомость публикации прежде всего в том факте, что ее автор лично работает с архивом ученого, и уж кому-кому, как не ему, определять соответствие оценок Гэддиса реальности, а не определенному идеологическому и политическому заказу людей, стремящихся приспособить Кеннана к своим нынешним деяниям, отсекая при этом из истории его жизни и деятельности все им не соответствующее и тем более противоречащее.

Как пишет Костиглиола, вначале это выглядело идеальным сочетанием. В конце 70-х годов Джон Льюис Гэддис был умным и симпатичным, мечтавшим написать кеннановскую биографию. Сам Джордж Кеннан обожал тогда Гэддиса как, возможно, «лучшего из молодых историков американской политики послевоенного периода». При этом он был крайне уязвим в отношении всего, что рассматривал как недооценку или умаление своей значимости и заслуг. Стремясь к тому, чтобы его голос и мнение были услышаны будущими поколениями, Кеннан тревожился по поводу того, что «слабые и поверхностные» биографии могли исказить его послание потомкам и саму его жизнь.

Интеллектуальное смятение 60–70-х годов в Америке еще более усилило эту его озабоченность. Некоторые молодые историки, подстегнутые их отвращением к вьетнамской войне и идеологией «новых левых», заняли критическую позицию в отношении истеблишмента американской внешней политики, включая Кеннана, хотя тот с жаром выступал против конфликта в Юго-Восточной Азии. Так, кеннановская «Американская дипломатия», получившая всеобщее одобрение после ее публикации в 1951 году, теперь была отвергнута левыми антивоенными активистами как «обскурантистская и вводящая в заблуждение», сообщил обозреватель на страницах «Нью-Йорк бук ревью» в августе 1968 года.

В противоположность этому, Гэддис возносил мудрость и необходимость доктрины Кеннана, утверждая, что единственно верным подходом в

²⁸⁵ Costigliola F. Is This George Kennan? // “The New York Review of Books”. December 8, 2011.

отношении СССР, по мнению ее автора, было именно «сдерживание», а не агрессивные военные действия. В своей широко известной «Стратегии сдерживания» Гэддис восхвалял Кеннана как блестящего «великого стратега» конца 40-х годов, дальновидно оценивавшего проблемы и рекомендовавшего правильное сочетание подходов к их решению. В 1977 году журнал «Форин афферс» опубликовал ретроспективное эссе Гэддиса – панегирик кеннановскому дару предвидения, последовательности и осторожности в отношении использования вооруженных сил.

Когда два молодых тогда американских историка, цитируя незадолго до этого рассекреченные документы, в 1978 году стали утверждать, что доктрина сдерживания носила опасно общий, расплывчатый характер и что в действительности Кеннан в 1948–1949 годах рекомендовал военную интервенцию как форму решения политических кризисов вокруг Италии и Тайваня, Гэддис публично их высмеял за раздувание подобной «ерунды». Кеннану понравилась такая защита, он признался Гэддису, что «потрясен неспособностью многих американских ученых внимательно вчитываться в содержание официальных документов и ставить их в правильный контекст... И хотя у меня нет никакого желания ввязываться в полемику с теми, чье мнение я не слишком высоко оцениваю, в то же время Ваше мнение я ценю», – писал Кэннан Гэддису в том же году.

Осенью 1981 года Гэддис предложил Кэннану, которому тогда должно было исполниться 78 лет, рассмотреть возможность написания им его биографии с опубликованием ее после смерти. Он попросил об эксклюзивном доступе к кеннановским дневникам, письмам и другим бумагам, до сих пор закрытым для других исследователей. Он также хотел получить право на беседы с ним о прошлом. Кеннан с готовностью согласился: «Мне просто не приходится в голову кто-то еще, кто... был бы лучше подготовлен, чем Вы». И добавил: «Я особо ценю именно Ваш вклад, ибо столько всякого вздора было наговорено в отношении “сдерживания”».

Тем не менее вскоре между ними возник намек на разногласия, который вызвал у пожилого человека определенные душевные страдания. По мнению Костиглиолы, «хотя Гэддис и восхвалял кеннановскую “великую стратегию” 1946–1948 годов в сдерживании Советского Союза, он в основном не испытывал каких-либо симпатий к усилиям Кеннана в последующие сорок лет предложить изменение отношений с Советами, которые посредством переговоров привели бы к ослаблению “холодной войны”». Кеннан неоднократно пытался объяснить эту свою позицию Гэддису. Он всегда рассматривал «успешное сдерживание не как самоцель, но предпосылку к подлинному переговорному процессу». С 1948 года он рассматривал раскол Европы на советскую и американскую сферы влияния как опасную «геополитическую аномалию». Создание НАТО и организации Варшавского договора, армии, противостоявшие друг другу вдоль границы между Западной и Восто-

чной Германией и смертоносное оружие в высокой степени боеготовности – все это ужасало Кеннана, который все более опасался ядерной войны.

В своих письмах Гэддису и в других документах он проклинал свою неспособность, особенно в период 1948–1958 годов, убедить Вашингтон и его союзников в Западной Европе обменять американскую «политику с позиции силы» на вывод советских войск из Восточной Европы, сокращение ядерных вооружений и воссоединение разделенной Германии и Европы. Кеннан никогда не утверждал, что подобные переговоры будут успешными. Скорее, он в многочисленных статьях и речах убеждал в том, что ужасы ядерной войны делают безрассудной даже попытку ее начать.

Гэддис, рассматривавший «холодную войну» в качестве безопасного «длительного мира» и с 70-х годов перешедший к более общепринятым жестко-консервативным взглядам, не разделял ни кеннановских опасений, ни его анализа. Хотя их отношения и оставались сердечными, письма и дневники Кеннана показывают, что этот стареющий человек был озабочен их разногласиями. Было бы оправдано, если бы эти разногласия вызвали некоторую отсрочку в завершении Гэддисом его труда, считает автор статьи.

В 2000 году Кеннан, которому тогда было уже 96 лет, в отчаянии писал в своем дневнике, что Гэддис «понятия не имел, что именно было поставлено на карту... в длительной битве, которую я веду... против практически полной милитаризации западной политики в отношении России». Оглядываясь на ядерный холокост, которого еле удалось избежать во время кубинского и берлинского кризиса между 1958 и 1961 годами, а также дорогостоящие косвенные войны, ведомые во Вьетнаме и повсюду, он полагал, что «если бы мои усилия были успешными... они помогли бы избежать огромных расходов, опасностей и искажения точки зрения на последующую “холодную войну”».

Ниже, возможно, раздумывая над временем и верой, потраченными им на своего хроникера, Кеннан вздыхал: «То, что эта битва не станет очевидным событием даже для наиболее серьезных из моих посмертных биографов, означает, что наиважнейшие усилия первой половины моей карьеры – а именно, добиться разумного разрешения европейских проблем в послевоенный период – так и не найдут своего историка. Все это очень тяжело».

Подходя в возрасте 101 года к концу своей жизни, Кеннан пришел к выводу, что «наиболее значительные усилия» в его карьере заключались не в содействии формулированию политики сдерживания Советского Союза, а скорее, в его последующим призыве к Вашингтону установить рабочие отношения с Москвой. Помимо прочего, он предсказал в своей статье за подписью «Мистер Х», что советский коммунизм сам подойдет к своему концу, и его правота была доказана, пишет Костиглиола.

Автор обозрения все же считает, что, несмотря на «проблемы с перспективой и сбалансированностью», книга Гэддиса остается «монументальной

и увлекательной работой. Его проза элегантна и жива». Хотя Кеннан как фигура, скорее всего, привлечет и других биографов, никто из них не будет способен обеспечить подобный же размах исследовательской работы. Гэддис не только тщательно изучил кеннановский дневник в две тысячи страниц, отдельный от него «дневник мечты» с его размышлениями и 300 с лишним коробок других бумаг Кеннана, ныне открытых для исследователей в Принстоне, но кроме того, провел множество интервью с бывшим дипломатом и его сотрудниками. Большинство этих людей ныне уже нет на свете. Как ранее указывалось, Гэддис имел эксклюзивный доступ к семейным документам, до сих пор хранимых в собственности дочери Кеннана. Сердечная переписка и дискуссии между «Джорджем» и «Джоном» составляют три коробки рукописей.

Гэддис провел интенсивные изыскания и в других американских архивах. В его работе приводятся британские и даже несколько русских документов. Часто он пишет перспективно, искренне и размышляюще. И он заслуженно горд тем, что Джордж и его жена Аннелиза на протяжении двух десятилетий были его «компаньонами».

Тем не менее, убежден автор статьи, политические пристрастия Гэддиса – как об этом свидетельствует его энтузиазм в отношении Кеннана как воителя «холодной войны» в 1946–1948 годах – определяют эту биографию. В основном Гэддис заодно с критиками Кеннана, такими, как госсекретарь Дин Ачесон, в напряженных дебатах в отношении поддержки Кеннаном в 1957–1958 годах «отказа» США от участия в «холодной войне» в Европе. И в самом деле, широко цитируя злобную атаку Ачесона на Кеннана в его статье в «Форин афферс», Гэддис лишь упоминает, но не цитирует кеннановское опровержение этих нападок, опубликованное в том же журнале.

В 1966–1968 годах Кеннан сформулировал ряд убедительных, пророческих идей и политических оценок в ответ на вьетнамскую войну и на другие происходившие в мире изменения. Участие бывшего воителя придало респектабельность оппозиции войне во Вьетнаме. Однако его биограф Гэддис отводит лишь один параграф изложению содержания показаний Кеннана на заседании Комитета по иностранным делам сената под председательством Уильяма Фулбрайта. Убедительные показания Кеннана в январе 1967 года об обреченности этой войны в момент ее превращения в острейший национальный вопрос, в биографии вообще не упомянуты. Еще более удивительно то, что в книге даже не упоминается ранняя и влиятельная поддержка Кеннаном сенатора Юджина Маккарти на демократических президентских праймериз в 1968 году, причиной которой была оппозиция войне со стороны сенатора.

Биография, по мнению Костиглиолы, страдает от игнорирования ее автором важных вопросов жизни и деятельности ее героя. Под перекрестным огнем на слушаниях в сенате Кеннан изложил важнейшие принципы, базировавшиеся на уроках истории. Он предложил стратегию, если и не вели-

кую, то, по крайней мере, мудрую: пристального изучения старых идей и необдуманных подходов, настаивая на том, что цели нации должны отвечать ее возможностям и предостерегая одновременно и против излишней вовлеченности в мировые конфликты, и против робости. Он доказывал, что большая часть китайской яростной риторики проистекала из прошлых унижений этого народа со стороны Запада. Он считал, что «новое поколение китайских руководителей», скорее всего, улучшит отношения с США. Он также пророчески предупреждал за год до того, как Советы сокрушили «пражскую весну», что подобное восстание побудит СССР к действиям, точно так же, «как это бы сделало царское правительство» (вот где сработал интерес Кеннана к исторической матрице современной политики! – *Авт.*).

Точно так же в 50-х годах Кеннан был встревожен военной напряженностью вдоль границы между двумя Германиями. Для него, серьезная опасность состояла не в далеком Вьетнаме, но скорее в гонке ядерных вооружений. Как он был убежден, **первостепенным вызовом для Вашингтона была «реальная возможность для истинного... захватывающего и конструктивного итогового взаимопонимания между русским и нашим народами»** (выделено мною. – *Авт.*). Этот давний любитель русской культуры отмечал: «Если бы я не верил в такую возможность, то не вел бы подобную жизнь на протяжении последних сорока лет».

Что же касается Вьетнама, где эскалация вела лишь к тупику, Кеннан призывал к сохранению подконтрольных анклавов на юге этой страны, прекращению военных наступлений и бомбежек, к началу переговоров. Он хотел видеть вывод американских войск, но никак не стремительный и унижительный их уход. На глазах миллионов сидящих у телевизоров американцев, на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам Кеннан утверждал, что американцы не должны забывать, что «мы – великий народ», способный вынести потерю Южного Вьетнама, и в то же время не обманываться «иллюзиями непобедимости». Американцы легко поддавались манипуляциям. «Практически любой, кто хотел в мире получить от нас помощь, заверял, что хочет ее во имя свободы». Вне зависимости от военных аргументов, «лицезрение американцев», атакующих «бедных и незащищенных людей, и в особенности людей другой расы и цвета кожи» наносило «психологический урон» глобальному образу Америки. Кеннан подчеркивал, что «мы бы завоевали большее уважение... пойдя на решительный и полный отказ от ошибочных, необоснованных подходов, чем упрямым преследованием экстравагантных или бескомпромиссных целей».

Ссылаясь на тщетные попытки президента Вудро Вильсона понудить Россию провести выборы в 1918–1919 годах, Кеннан утверждал, что подобные же пустые ритуалы не смогут стабилизировать Южный Вьетнам. В целом, «для иностранцев очень, очень трудно вникнуть в ситуацию» – ситуацию в любой зарубежной стране – и «добиться положительных результа-

тов». Более того, «в результате нашего вмешательства» в периферийные проблемы «мы иницилируем вопросы о престиже (США) которые не должны подниматься». Значительно лучше «обеспечить наше влияние... силою примера нашей цивилизации здесь, дома». Он закончил свои показания цитатой из известной речи президента Джона Квинси Адамса от 4 июля 1821 года, когда тот был еще госсекретарем: хотя Америка выступает «как сторонник свободы и независимости для всех», она должна быть «чемпионом и защитником только самой себя».

Подобная хорошо аргументированная позиция не получила адекватного внимания в хронике Гэддиса, отмечает автор обзора. Точно так же, когда он не упоминает о том, как 29 февраля 1968 года – в период между известным наступлением народно-освободительной армии Вьетнама против южновьетнамской армии и армии США 31 января и президентскими демократическими праймериз в штате Нью-Гемпшир 12 марта – Кеннан, как создатель доктрины сдерживания, якобы узаконивавшей вьетнамскую войну, выступил перед демонстрантами в городе Ньюарке, штат Нью-Джерси.

В своей речи он атаковал войну как «до прискорбля ошибочное предприятие», которое инвестировало огромные средства на «единичный второстепенный театр мировых событий». В то же время эскалация военных действий угрожала ядерным конфликтом с Китаем или Россией. Мрачность событий напоминала ему «первые месяцы 1942 года». Война вызвала отчуждение молодежи Америки и большей части мира от официального Вашингтона. Кеннан выразил свое презрение администрации Джонсона за то, что она забыла о том, что такая страна, как США, ранее заслужила «искреннее уважение человечества». Его речь дошла до разрушительной критики «великой стратегии» администрации.

Кеннан закончил ее решительной поддержкой претендента на пост президента от демократов Юджина Маккарти, заслужившего «наше восхищение, нашу симпатию и нашу поддержку». Вначале леволиберальная, антивоенная кампания Маккарти производила впечатление донкихотской затеи, замеченной лишь благодаря энтузиазму его молодых сторонников. Но когда сам Кеннан выступил в поддержку Маккарти (чей высокий результат на голосовании в Нью-Гемпшире убедил президента Джонсона отказаться от переизбрания), это стало примечательным моментом в американской истории. Трудно понять, почему Гэддис его проигнорировал, замечает автор.

В 60–80-е годы, когда гонка ядерных вооружений казалась неостановимой, Кеннан впал почти что в неистовство в отношении казавшегося ему неминуемым холокоста. «Единственное, что мне осталось в жизни, – говорил он известному историку Артуру Шлезингеру-младшему, – это делать все, на что я способен, чтобы остановить эту войну». Пришедший в смятение от чудовищной гонки вооружений, развязанной Рональдом Рейганом и его риторики об «империи зла», Кеннан поносил тогдашнюю администра-

цию как «невежественную, неумную, самодовольную и надменную; хуже того, до сих пор остается фактом, что она поверхностна и безрассудна».

Даже тогда, когда Рейган изменил свой курс и начал серьезные переговоры с Горбачевым о сокращениях вооружений, Кеннан продолжал скептически оценивать этого президента. Но Гэддис, наоборот, восхищается Рейганом за то, что тот был «как и Франклин Д.Рузвельт... инстинктивным великим стратегом», считая, что кеннановский к нему подход «граничит с оскорблением». Однако в то время многие высококвалифицированные специалисты в США использовали именно такие выражения в отношении требований Рейгана по продвижению в принципе неосуществимого и безмерно расточительного проекта «звездных войн».

В 1981 году, заключив соглашение с Гэддисом, Кеннан писал, что хотя он и считал его наиболее подготовленным историком, «тем не менее политико-интеллектуальная часть биографии вызывает озабоченность». Он не был убежден в правильности понимания Гэддисом его личной жизни. Гэддис на это справедливо заметил, что персональная сфера жизни не может быть отделена от политической. То, что Кеннан пытался контролировать свои эмоции, было очевидно не только для его биографа, но и для других близких ему наблюдателей.

Знавший Кеннана с начала 30-х годов его преемник на посту посла в Москве Чарльз Болен отмечал, что его друг не всегда «отделял свои внутренние чувства от его знаний фактологической стороны дела». Сам Кеннан отмечал важность «психологического измерения» в его жизни. Он говорил Гэддису, что «внутренняя эмоциональная жизнь любого человека, как это выявил Фрейд – страшный хаос. Во всех нас присутствуют рудименты животного начала». Следовательно, «хорошая форма», включает ли она в себя дипломатические церемонии или ограничения, налагаемые браком, «это действительно вещь, ради которой стоит жить». Он продолжал, цитируя на библейском иврите известную заповедь: «Не возжелай жену ближнего своего. Бог мой, на протяжении жизни я возжелал их десятками тысяч и продолжаю это делать даже в возрасте 80 лет. Все это то, с чем надо бороться. Однако главное – это стараться порядочно играть свою роль».

Автор статьи полагает, что Гэддис поступает с политическими последствиями особенностей личного характера Кеннана двояким образом. Характеризуя Кеннана как холодного последователя Клаузевица в 1946–1947 годах, он не придает значения тому чувству разочарования, даже отчаяния, которое Кеннан испытывал в России – эмоциональному состоянию, которое нашло отражение в его поддержке сдерживания и помогло сделать язык «Длинной телеграммы» и статьи «Мистера Х» таким выразительным и убедительным. Совершенно другим является способ, которым Гэддис подчеркивает эмоциональную озабоченность войной, которая предположительно определяла стратегическое мышление Кеннана в середине 50-х годов, когда

он добивался переговоров с тем, чтобы воспрепятствовать ядерной конфронтации в Европе, а затем вновь в 70–80-х годах, когда он выражал тревогу по поводу бешеной гонки ядерных вооружений.

Хотя и охватывая в биографии многосложность своего героя, отображение Кеннана в целом в работе Гэддиса, по мнению Костиглиолы, все же носит усеченный и сглаженный характер. Возможно, проблема состоит в попытке автора втиснуть в рамки «Американской жизни», как об этом гласит подзаголовок книги, изложение биографии человека, который размышлял над тем, что даже его друзья «не знают глубины моего отчуждения, отвержения ценностей, которыми жила» Америка. Как пишет автор статьи, «в сравнении с портретом, обрисованным в биографии, личность Кеннана, выявляемая в его дневниках и письмах, и даже его фигура, проступающая из стенограмм интервью с ним того же Гэддиса, более непочтительна в отношении коллег, более глубоко идентифицирована с русской культурой для только что оперившегося дипломата, более амбивалентна в отношении супружеской верности, более отчуждена от американской жизни, более предрасположена к скрытности и более истерзана ограничениями пожилого возраста».

Кеннан, как это вытекает из его писем и дневников, значительно менее зауряден, более сложен и труден для понимания, чем та личность, которая описывается в биографии Гэддиса.

В своем заключении Гэддис характеризует Кеннана как своего учителя, используя определение, которое принадлежит самому Кеннану, и это несомненно соответствует истине. Но Кеннан также говорил, что он был... «пророком. Это именно то, во имя чего я был рожден». По мнению Костиглиолы, Гэддис извлек мало выводов из этого самоопределения. Пророки, провидцы – люди более содержательные, глубокие и более склонные к горьким сетованиям, чем простые вузовские преподаватели. Кеннан, возможно, беспочвенно относительно пригодности Гэддиса для определения его характера, заметил ему: «Люди несколько необычного склада, – относящиеся к богеме, – лучше меня понимают, чем ординарные личности».

Однако и Гэддис, и покойная Аннелиза Соренсен Кеннан, которой была посвящена биография, были людьми, честно говоря, явно не богемного склада. Автор биографии признает, что «Аннелиза имела особое отношение к работе с этой книгой». Она призывала его писать о личных, так же, как и профессиональных сторонах жизни ее мужа, включая и забавные случаи из этой жизни. Она подчеркивала, как и признавал сам Кеннан, что он имел тенденцию делать записи в своем дневнике, находясь в мрачном расположении духа, и редко делал это, чувствуя себя по-иному. По всем признакам Аннелиза была супругой строгих правил. Они были близки с мужем, и их брак длился 73 года. Тем не менее Кеннан однажды вышел из себя и сказал, что она была не слишком-то «интеллектуальной» женщиной. Она не всегда сопереживала ему в его настроениях и озабоченностях. Возможно, как след-

ствии этого он подчас не доверял ей. Когда Гэддис спросил Аннелизу, что она помнит о недовольстве политикой США, которое подвигнуло Кеннана написать «Длинную телеграмму», Аннелиза засвидетельствовала: «Я не уверена, что восприняла (это недовольство ее мужа) настолько серьезно... Я не думаю, что была в курсе того, что он был так разочарован».

За утешением и удовлетворением иных нужд Кеннан обращался к другим женщинам. Как нам рассказывает Кеннан, у него была серия романов, флиртов и «фантазий». Он даже написал разделы дневника, включающие некоторые вставки по поводу других своих женщин, по-русски – в какой-то момент тем самым напоминая себе, что он должен был совершенствовать искусство ничего не скрывать от своей жены, кроме по-настоящему серьезных вещей. Аннелиза его «приземляла». Как выражается Гэддис, она осаживала и «усредняла» его.

В своей книге Гэддис делает с Кеннаном то же самое. Такой упор на обычность, общепринятость упускает из виду некоторые отличительные особенности, важные для кеннановского мышления. Этот стареющий человек однажды описал Гэддису свою привычку, берущую начало в детстве, собирать внешне никак не связанные знаки, звуки и другие стимулы и потом воссоединять их вместе с другими элементами в своем опыте создания концепции, которая была бы однозначно только его собственной. На протяжении своей жизни он «смешивал все виды мистерий и прелестей и другие вещи с пейзажами и пространствами, а также с музыкой». Он чувствовал то, к чему было неспособно большинство других людей. «Каждый город, который я посетил, имел не только другую атмосферу, но и другой тип музыки и интонацию... Я был весьма чувствителен и отзывчив к разнице в атмосфере городов».

В возрасте 70 лет Кеннан пытался описать свою почти что болезненную остроту зрения. При посещении Стокгольма «что-то в свете, в солнечном свете, в поздний северный вечер вдруг позволило мне осознать, что... Латвия и Эстония... находились неподалеку... и я вдруг полностью преисполнился какой-то ностальгией по... внутренней прелести и выразительности этого равнинного балтийского пейзажа и окружавших его вод. Для меня это значило невероятно много». И добавил: «Я просто не могу всего этого объяснить». Гэддис по понятным причинам и не пытается этого сделать, подобные непонятные автору биографии размышления его героя просто не появляются в его книге.

Тем не менее кеннановские признания помогают объяснить главный элемент его политического мышления: интуитивные и к тому же часто резкие, колкие, но переполненные сопереживанием, чуткие описания внутреннего мира русского народа и советского режима, основанные одновременно на его энциклопедических знаниях России и воображаемых догадках. К постоянному разочарованию Кеннана, предписываемая кремлевской политикой изоляция дипломатов сделала для него невозможными откровенные разго-

воры с высшими советскими чинами и с большинством рядовых русских. Кеннан компенсировал себе это типом мышления, аналогичным его восприятию и ощущению «внутренней прелести и выразительности» Балтики. Гэддис цитирует раскрывающие особенности психологического метода Кеннана наблюдения американского эксперта по Китаю Джона Пэтона Дэвиса, работавшего с ним в посольстве в Москве:

«Было наслаждением наблюдать за ним, изучавшим какое-то сфинксоподобное заявление в «Правде» и то, что было в нем и за ним, вспоминавшего какой-то малоизвестный случай в большевистской истории или личностной конфликт внутри партии, приводившего высказывание Достоевского о русском характере или ссылавшегося на параллель во внешней политике царизма. Его утонченный интеллект охватывал и просеивал вереницу возможностей, как радар, настроенный на невидимое».

Кеннан был настроен на видимое и невидимое. Он мог сказать аудитории: «Я могу вас заверить» по поводу какого-то аспекта советской идеологии, в отношении которого у него было мало свидетельств. Кеннановские элегантные выражения и неповторимый уровень экспертизы создали ему невероятный авторитет, особенно тогда, когда он предупреждал о советской угрозе в 1946 и 1947 годах. Он стал значительно менее авторитетен, когда «холодная война» заматерела, но и тогда его не могли игнорировать, когда он доказывал, что не было необходимости переходить к политике «умиротворения» или же к войне, как ее альтернативе.

Осенью 2002 года, когда администрация Буша готовилась к войне с Ираком, Кеннан, которому тогда было 98 лет, беседовал с репортерами в последний раз. Он в это время находился в вашингтонском доме своего старого союзника, бывшего сенатора Юджина Маккарти. Бичуя политику администрации по организации «упреждающей» войны и ее намерения добиться отставки Саддама Хусейна, он предупреждал: «История американской дипломатии... показывает, что война начинает приобретать свою собственную логику развития и уносит вас прочь от всех продуманных намерений». Он выглядел резким и убедительным, когда набросал стратегию для XXI века. Принижая драму и мудрость последних публичных заявлений Кеннана, Гэддис упоминает этот случай лишь тремя краткими строчками, с досадой отмечает автор рецензии в «Нью-Йорк ревью оф букс». Он проявил бы себя честнее в отношении предмета своего исследования, если бы принял во внимание точку зрения Кеннана, которую тот изложил на страницах этого же издания в 1999 году: «Склонность видеть себя центром политического просвещения и учителями большей части мира поражает меня непродуманностью, хвастливостью и несурзностью. Если вы считаете, что наша жизнь здесь имеет похвальные аспекты, заслуживающие подражания людьми по всему свету, лучшим способом это им рекомендовать является, как это утверждал Джон Куинси Адамс, не поучать других и не читать им проповеди, а убеждать своим примером. Лучше и не скажешь».

А ЧТО ГОВОРИТ САМ ГЭДДИС?

С учетом высказанных выше «про» и «контра» в отношении биографии пэра Гэддиса (в которых, на наш взгляд, при всей противоположности подходов, содержится масса немаловажных наблюдений, умозаключений и просто информации для размышления о сути Кеннана как политического философа, историка и человека), немалый интерес представляет то, как сам Гэддис уже после выхода своего труда, оценивает эти вопросы. В феврале 2012 года он дал интервью русской службе «Голоса Америки», и хотя понятно, что в нем попытался учесть особенности восприятия темы его потенциальной аудиторией, тем не менее высказал ряд положений, во многом подтверждающих суждения о нем своих критиков как наблюдателя «справа» за своим героем. Наблюдателя, слишком перегруженном собственными политическими фобиями, чтобы быть объективным (впрочем, сам Кеннан и его соратник Лукаш и так давно пришли к выводу, что никакого «чистого», незамутненного, заранее непредопределенного предвзятостью подхода к предмету исследования, у историка в принципе быть не может).

Впрочем, интервью Гэддиса начинается и заканчивается ссылкой на уже известную нам любовь его героя к творчеству Чехова, которая в воображении Кеннана доходила вплоть до его духовного слияния с главным персонажем так любимой этим американцем повести «Степь». В Чехове Кеннан, по его признанию своему биографу, видел отражение русского национального характера и даже стратегию поведения русского человека. По мнению Гэддиса, длившаяся большую часть жизни Кеннана его связь с Чеховым и его творчеством (хотя в момент смерти писателя Кеннану исполнилось всего три месяца) была сильнее свойственной ему артистичности и сентиментальности – она носила «мистический характер».

И действительно, мы помним, как в один из самых тягостных отрезков своей жизни – в краткосрочный момент пребывания в Москве в качестве посла в начале 50-х годов, – дипломат скрашивал свое полное отчуждение от окружающей его действительности, посещая Ясную Поляну и спектакль «Дядя Ваня» во МХАТе. Хотя теперь мы знаем и то, что не меньшее отчуждение он испытывал в отношении действительности американской... При этом нам неизвестно, чтобы он скрашивал его посещением бродвейских мюзиклов.

В этой связи в своем интервью Гэддис пытается развить идею кеннановского понимания русского национального характера, усвоенную через классическую литературу и распространить ее на якобы отторжение нашим народом и марксизма, и ленинизма со сталинизмом как органически чуждых этому характеру. Он утверждает (в полном соответствии с доктриной Кеннана), что тот предсказывал: «марксизм-ленинизм не пустит корней в русской системе».

Тут, правда, его интервьюер с «Голоса Америки» все-таки задал ему вопрос о том, не являлась ли политика Сталина вполне удавшейся попыткой воссоединить в политике и идеологии советской власти идеи научного социализма и русские национальные ценности и традиции (я уж не говорю о том, что сам по себе социализм с его социальными гарантиями и коллективизмом полностью отражал вековые чаяния русских). Но не тут-то было! Понимая, что даже частичное согласие с этим тезисом подрывает фундаментальную основу и его, и Кеннана антикоммунизма, Гэддис, конечно же, ответил, что данная политика Сталина была лишь хитрым маневром, направленным на мобилизацию народа в годы «горячей» и «холодной» войны.

А ведь можно было бы задать живому Гэддису и Кеннану на том свете и еще один вопрос: а как насчет нынешней системы капитализма, созданной в России на развалинах социализма и советской власти во многом по американским рецептам, – как насчет ее жизнеспособности? Мы знаем, что уходя в иной мир, старик Кеннан был более, чем озабочен ситуацией в постсоветской России, и в Америке, и в целом на планете после крушения СССР.

Далее в интервью Гэддис затрагивает решающе важный для всей политической биографии Кеннана вопрос о том, в чем тот видел смысл своей идеи сдерживания и чем она отличалась от реально проводимой Вашингтоном под зонтиком «сдерживания» политики «умиротворения» – т.е. ядерного устрашения, наращивания вооружений и превращения, по сути, всего мира в площадку тотального противостояния СССР. И вот здесь Гэддис сказал именно то, что и было причиной острой критики его работы со стороны левых либералов. То есть сказал чистую неправду: «Думаю, что, в конечном счете, американское руководство поняло идею Кеннана. Если посмотреть на американскую политику по отношению к СССР с 1947 по 1989 год, то именно этим мы и занимались. Мы ждали, когда внутренние противоречия советского общества приведут к его саморазрушению».

Из курса новейшей истории и из признаний самого Кеннана, о которых мы писали и еще напишем, ясно видно, что при всей ценности признания Гэддиса о том, как страстно в Америке ждали нашего саморазрушения, у властей США не хватало ни ума, ни терпения, ни ответственности для того, чтобы просто ждать реализации кеннановских пророчеств. Помимо всего прочего, такой пассивности не мог позволить себе ни один президент страны, реальную власть в которой осуществляет финансовая олигархия и ВПК, о чудовищной алчности и опасности которых, уходя с должности, предупреждал еще Дуайт Эйзенхауэр.

Я уж не говорю о прошлых и настоящих американских ультраправых, чокнутых на почве собственной ущербной идеологии и русофобии. Поэтому, как мы знаем, в полной мере воспользовавшись концепцией Кеннана, вся эта компания извратила ее до неузнаваемости, что стало личной трагедией и самого этого мыслителя. Вспомним только заклинания Рейгана «До-

вооружим русских до смерти!» или признания Бжезинского о том, как он в качестве советника по национальной безопасности при президенте Картере настоял на проведении американской спецоперации в Афганистане с целью заманить туда советские войска, что и превратилось в одну из кровавых ран, ставших причиной развала нашего государства. Вспомним десятки и сотни других, направленных на ту же цель – уничтожить русских и обогатиться – американских действий по всему миру, не раз и не два ставивших мир на грань ядерной катастрофы.

При этом нам нельзя, конечно, допускать идеализации нашего героя. При всем том, что было сказано, Кеннан, как мы знаем, был инициатором и автором многих американских спецопераций против нашей страны и ее союзников, даже создателем соответствующих структур по проведению подрывных мероприятий, он оправдывал многие военные авантюры США. По этому поводу Гэддис в интервью выразился так: Кеннан «был удивлен стремительностью, с которой это все (крушение советского государства. – *Авт.*) происходило». По его словам, ученый был также обеспокоен, что изменения в России и в мире во время и после крушения СССР «могли привести к хаосу, к гражданской войне, а может быть, и к большой войне... Кеннан был убежден: не надо раскачивать лодку». Ни Гэддис, ни его интервьюер никак не комментируют обоснованность этих опасений. И извините за трюизм – им было чего опасаться, если бы они признали обоснованность этих тревог по каналам финансируемой правительством США пропагандистской радиостанции.

Ведь что такое, как не гражданская война, происходила на просторах СССР в конце 80-х, в 90-е и нулевые годы в условиях «кровавого развода» советских республик и народов, расстрела Ельциным российского парламента и его защитников, серии организованных при прямом участии США «цветных революций» в бывших национальных республиках, невиданного разгула там и в самой России терроризма, бандитизма, преступности и коррупции, искусственной деиндустриализации и обнищания народов ранее единой страны? И самое для американцев главное – укрепилась ли их и мировая безопасность после конца СССР, включая ядерную безопасность, или все произошло с точностью до наоборот?

Мы знаем, что и Кеннан, когда был еще жив, и другие ведущие американские специалисты по российской и мировой политике (включая, к примеру, известного советолога и руссолога, профессора Нью-Йоркского университета Стивена Коэна) не раз указывали, что после ликвидации такой решающей сдерживающей и балансирующей мировой силы, как СССР, американские власти во главе НАТО фактически начали осуществлять второе издание «холодной войны», но в значительно более опасном варианте. Это касается судьбы Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и, наконец, самой России, окруженной почти по всему периметру своих границ американскими марионеточными режимами, базами и системами ПРО, полыхающими «цвет-

ными революциями». Не удивительно, что очередное изобретение американской внешнеполитической пропаганды – «перезагрузка» отношений между СССР и США – в середине второго десятилетия нового века практически приказала долго жить, и отношения между двумя странами и их народов друг к другу отброшены сейчас где-то на «андроповско-рейгановскую» временную параллель. Так, согласно опросу агентства Гэллап, в 2014 году мнение американцев о Путине и России достигло самого низкого уровня с начала проведения таких опросов в 1994 году (63% американских респондентов выступают против Путина и 60% – против России)²⁸⁶.

МУДРЕЦЫ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

В другом американском либеральном издании «Нью-Йорк бук ревью» под этим заголовком в июне 2011 года появилась заслуживающая не меньшего внимания статья Уильяма Пфаффа²⁸⁷. В ней рецензируются изданные незадолго перед этим ценные исторические источники – два сборника переписки Джорджа Кеннана и Джона Лукаша. Один из них был опубликован издательством университета штата Пенсильвания, а другой – издательством университета штата Миссури.

Статья предваряется выдержкой из письма Кеннана Лукашу, написанного в июле 1984 года: «Чьи-либо отношения со своей страной, так же, как и отношения с друзьями, всегда сложны; однако я воображаю себе, что люблю мою собственную страну... Я ныне склоняюсь к тому, чтобы видеть ее примерно так же, как вижу Россию (в историческом смысле): а именно, как политически неуспешную и трагическую, однако время от времени способную рождать выдающуюся литературную, артистическую и музыкальную интеллигенцию, политически беспомощную и всегда беззащитную, подверженную насилию со стороны доминирующих в это время сил».

Таким образом, получается, что как это вытекало и из ряда ранее рассмотренных нами его высказываний, в конце концов, Кеннан распространил свой исторический пессимизм с России на Америку; а если справедливо принятое нами (и не только нами) наделение Кеннана способностями пророка, то Америке грозит судьба неуспешная и трагическая?

²⁸⁶ См. RIA Novosti. Feb. 13, 2014.

²⁸⁷ Pfaff W. Wise Men Against the Grain // “The New York Review of Books”. June 9, 2011.

Так кто же такой Джон Лукаш (John Lukacs)?

Лукаш родился в Венгрии в 1924 году и жил там до Второй мировой войны. В 1946 году переехал в США. Его переписка с Кеннаном началась, когда ему было 28 лет, он был тогда ассистентом профессора в небольшом католическом колледже в Филадельфии. Лукаш написал статью о «России и Америке в холодной войне» и решился послать ее на отзыв Кеннану, которого госсекретарь Дин Ачесон только что номинировал тогда на пост посла США в Москве.

Но вскоре с Кеннаном произошла там описанная нами катастрофа. Уильям Пфафф считает, что, провозгласив его персоной нон-грата, советское правительство «несомненно, было радо избавиться от официально аккредитованного американца, знавшего слишком много о СССР и его лидерах». У нас несколько иная точка зрения на это. Мы полагаем, что хотя в глазах тогдашнего советского руководства, знавшего Кеннана, как облупленного, и полностью отдававшего себе отчет в том, с каким врагом СССР в его лице имело дело, «избавление» от него действительно не было большой трагедией, тем не менее никакого страха и трепета перед ним оно ранее не испытывало. Тем более понимало, что в той обстановке на смену одному врагу пришлют другого (что и произошло). Другое дело, что только теперь стала до конца понятна трагическая роль этого человека, за десятилетия предсказавшего распад нашей Родины и так много сделавшего для приближения этого распада.

Оказавшись вновь в Принстоне, Кеннан нашел время на ответ Лукашу на его статью. Их ныне опубликованная переписка возобновилась на следующий год. Как мы помним, Кеннана пригласили выступить в университете Нотр-Дам, наиболее известном американском католическом вузе в то время, когда поддержка католиками сенатора Джозефа Маккарти достигла своего апогея (как и в целом в стране, в это время опросы констатировали как минимум 50% поддержку сенатора). Как пишет Пфафф, в этой обстановке президент Эйзенхауэр предпочитал не высказываться критически о Маккарти, члены его администрации, сенаторы и конгрессмены были в основном запуганы или как минимум, считали неосмотрительным выступать против сенатора.

А Кеннан это сделал, назвав США в своей речи «жертвой вздыбленного и растревоженного антикоммунизма, причем совершенно особого типа, несущего в себе отпечаток взбудораженного, распаленного открытия и даже права собственности на него, как будто бы никто ранее и не подозревал о существовании коммунистической опасности, как будто бы никто не думал о ней и не предпринимал соответствующих мер, как будто бы все это началось только в 1945 году, и эти люди только тогда впервые об этом услышали...

Они порождают боязливость вместо смелости; страх вместо спокойствия; подозрительность вместо уверенности и великодушия. Таким путем они принуждают нас – во имя спасения от опасностей коммунизма – ко

многим особенностям мышления и действий, которые наши советские противники, я в этом уверен, больше всего хотели бы, чтобы мы у них переняли, и которые они в течение 35 лет безуспешно пытались насадить у нас посредством деятельности их Коммунистической партии».

От себя добавим, что стилистика речи Кеннана была выдержана в духе места и времени ее произнесения. И, разумеется, соответствовала глубинным убеждениям оратора. Более того, он явно имел в виду себя, когда упоминал об авторских правах на предупреждения о «коммунистической опасности», которыми неустанно бомбардировал Вашингтон из Москвы до 1945 года, т.е. в период, когда наши две страны были военно-политическими союзниками. В то же время понятно, что под прикрытием этой стилистики Кеннан сказал про маккартизм и маккартистов то, что не решался тогда сказать практически никто из американского истеблишмента, к которому он относился. При этом он был тогда по-прежнему той величиной, голос которого трудно было не услышать.

Лукаш написал Кеннану, охарактеризовав его речь как «благородную», упомянув, что попросил всех своих студентов в колледже ее прочесть. Кеннан вновь ему ответил с «великодушием и удивительной откровенностью». Он указал в своем письме, что личное положение (Кеннану тогда еще только через месяц предстояло официально уйти в отставку со службы в госдепартаменте) не позволяло ему критиковать американскую внешнюю политику. Он писал, что был озабочен тем, что если бы на это решился, то это выглядело бы как «атака и подрыв позиций людей, с которыми я был связан и в отношении которых испытываю узы личных обязательств и лояльности, несмотря на всю нашу разницу во мнениях».

В поисках причин, побудивших дипломата на эту речь (да и на многие другие его публичные заявления, несопадающие или противоречащие линии Вашингтона и в целом консервативному консенсусу общества), Уильям Пфафф объясняет это тем, что «Кеннан на протяжении многих лет был объектом значительных противоречий из-за недопонимания того, что рассматривалось как его основанная на соображениях морали оппозиция внешней политике США. Его заявленная позиция, имеющая даже большее отношение к насыщенной религиозными мотивами нашей сегодняшней политике, состояла в следующем: “Подлинная любовь к стране, предполагающая, как это и есть на самом деле, осознание трагедии народа, так же, как его достоинства и достижения, это одно; романтический национализм и иллюзии превосходства, это совсем другое. Христианский бог, в противоположность, как я полагаю, еврейскому богу, не признает отличий между нациями, а только лишь один человеческий дух. И призывы миллионов возбужденных людей ко Всевышнему благословить их в двух ужасных войнах этого века, конечно же, сами по себе были святотатством...”²⁸⁸.

²⁸⁸ Ibid.

Религиозные мотивы использовались и Джоном Лукашом для выработки своей позиции в переписке с Кеннаном. И касался он ставшего для обоих участников переписки главным вопроса: определения роли и места истории в политике, объективности и субъективности исторического познания. В 1966 году в своем письме Кеннану, он сделал самый фундаментальный для себя вывод о том, что история – это не вопрос установления фактов, а метод познания: «Я думаю, Вы согласитесь с выводом Святого Августина в том смысле, что Бог не создал время в том понимании, что оно предшествовало миру, но он создал время и мир одновременно, из чего мы можем заключить, что мы не просто “создания” времени, мы и его “создатели”».

Таков был ответ Лукаша на полученное им днями ранее письмо Кеннана, который утверждал, что «история всегда является результатом взаимодействия двух субъектов – судимого и судящего... Не существует никакой исторической правды – как минимум... в том смысле, который так выгоден для нас – т.е. независимой от взгляда и позиции наблюдателя. Любой исторический трактат представляет собою не реконструкцию некоей беспристрастной, абстрактной исторической правды, но, скорее, способ взглянуть на нечто прошедшее во времени; и существуют столько способов взглянуть на это “что-то”, сколько существует историков, точно так же, как в области изобразительных искусств существуют столько методов видения и передачи (изображения) объекта, сколько насчитывается художников».

Как видно из богатой истории переписки двух ученых, их духовная связь была сильна и помогала взаимообогащению. Поэтому можно полагать, что высказываемые Лукашом в письмах, книгах и статьях подходы и научные обобщения разделялись его старшим коллегой. Вот почему они интересны и для нас в контексте настоящего исследования.

В своей автобиографии Лукаш пишет о необходимости учитывать устойчивость национальных характеристик; взаимоотношения между воображением и памятью и уж, разумеется, между «эволюцией» и историей; необходимость признания неминуемого участия историка и его объекта исследования, т.е. «наблюдателя» и «наблюдаемого».., на основании чего к концу нового времени декартовский и ньютоновский взгляды на человека и вселенную должны были быть пересмотрены.

Лукаш обнаружил очевидное подтверждение научной эквивалентности того, что он предлагал в качестве метода познания с утверждениями физика Вернера Хейзенберга о том, что «идеал объективности, – зависимый от декартовского отделения субъекта от объекта, – доказал свое несовершенство даже в самом исследовании данного вопроса, когда человеческий акт наблюдения не может быть отделен от объекта наблюдения, ибо они пересекаются и сталкиваются». Лукаш отмечает, что он добрался до лекций Хейзенберга в 1958 году – через три года после того, как начал работать над своей книгой «Историческое сознание», и в то время как был рад обнару-

жить форму подтверждения своих взглядов в такой неожиданной для него области науки, «одновременно убедился, что моя задача оказалась более сложной, чем я представлял ее ранее, ибо лицом к лицу столкнулся с задачей предоставить разумное объяснение историческому признанию существования исключительно важного и относительно недавнего развития западной мысли.

По его мнению, знание приобретается через историю исследуемого предмета, без сомнения, наиболее важного источника знания с тех пор, как история вообще обрела свое нынешнее существование, хотя историческое знание часто неполно или неточно. Лукаш говорит, что «сама цель исторического познания даже не в максимальной его точности, а в определенной форме понимания: историческое знание – это знание человека о других людях, а это отличается от знаний, которое люди имеют об окружающей их природе». Или, можно к этому добавить, о материальных объектах. История «не заимствует и не может заимствовать ее методы у естественных наук. Помимо самой непредсказуемости истории имеется множество других «причин», одна из них состоит в том, что исторические жертвы совершенно отличны от категории научных жертв. Здесь может быть уместен следующий трюизм: в то время как науки, включая и так называемые социальные, принципиально (хотя и не единственно) имеют дело с тем, что является типичным и рутинным, история прежде всего (хотя не только) обращается к тому, что уникально и исключительно».

В книге «Историческое сознание: памятное прошлое», опубликованной в 1968 году, которую Лукаш рассматривал как свою наиболее важную работу, он излагает убеждение (причем тогда, когда исторические исследования в США подвергались все более сильным нападкам и игнорированию) в том, что история превратилась в наиболее ценное средство для понимания подлинного характера личностей, народов и самого человеческого общества, поскольку этот их нынешний характер вытекает из его создания под воздействием того же прошлого. «История – это знание человечества о самом себе», – цитирует Лукаш известного немецкого историка XIX века Йогана Густава Дройзена.

В ходе своих размышлений, в значительной мере отраженных в переписке с Кеннаном, Лукаш пришел к выводу, что человеческие стремления не могут быть полностью (или удовлетворительно) объяснены текущим обзором событий, характеристиками или продекларированными устремлениями, а только лишь историей человеческого обретения этих характеристик и формулирования именно этих устремлений.

В 1979 году Лукаш отдавал должное Кеннану: «Вы пишете об Америке с уникальным сочетанием сентиментализма и реализма; люди могут увидеть в Ваших работах ностальгию чувствительного и консервативного мыслителя; но в них значительно больше, чем только это... (В них) озабочен-

ность в отношении национального характера. Эта озабоченность простирается в прошлое, когда она у вас не менее отчетлива и ясна, чем тогда, когда адресована в настоящее. Ваш сложный подход не состоит из ностальгии в отношении прошлого наряду с озабоченностью применительно к настоящему. Он проистекает из глубоко прочувствованного исторического смысла в том понимании, что прошлое не мертво; из того, что в то время, как смерть неотменяема, прошлое – совсем даже нет; и что в то время, как смерть и прошлое это не одно и то же, жизнь и настоящее также не то же самое».

Одно из последних кеннановских писем Лукашу включает копию письма племяннику Кеннана, написанного им 19 февраля 2003 года, когда Совет Безопасности ООН отклонил резолюцию в поддержку американо-британского вторжения в Ирак. В отношении неминуемого вторжения он писал: «Я чрезвычайно мрачно смотрю на все это... Что было совершено сегодня в отношении нашей страны, с уверенностью можно сказать, это нечто такое, после чего мы никогда не сможем восстановить ту страну, которую знали и ты, и я».

Разумеется, это настроение разделялось многими, отмечает Уильям Пфафф. История требует к себе уважения и те, кто несет и будет нести на себе ее последствия, предпринимают усилия к тому, чтобы полностью понять, что же случилось с американской политической цивилизацией и с американским сознанием за те полвека, на которые ссылается Кеннан.

От себя отметим, что пессимизм ученого не был результатом плохого самочувствия и настроения в предчувствии неминуемой смерти. В конце концов, Кеннан не мог не понимать, что этот естественный физиологический исход неминуем и не может определять его историческое мышление и взгляд на настоящее и будущее Америки. Его пессимизм был связан с глубоким переосмыслением американской и мировой истории – как того небольшого отрезка этой истории, свидетелем и активным участником которой он был сам, так и изученного им как ученым всемирного и американского исторического процесса. Проблема была в том, что, как выяснилось в 2003 году, уроки этой истории ни в какой мере не были учтены политиками США точно так же, как они не сделали этого ни в 1950 году, начиная войну в Корее, ни в 1963 году – войну во Вьетнаме.

Обозревая американскую внешнюю политику со времени ухода Кеннана и до сего дня, мы видим все то же – самоуверенность, надменность, чванливость и драчливость самозванных «мастеров мира», основанные на историческом невежестве и нежелании взглянуть в лицо реальности. Сказанное подтверждает и очевидная готовность Нобелевского лауреата мира президента Б.Обамы осенью 2013 года вопреки гарантированному вето России и Китая в Совбезе ООН нанести военный удар по Сирии с более, чем вероятной после этого войной на Ближнем Востоке с участием Ирана и Израиля, что грозило мировым вооруженным конфликтом. Впрочем, то самое внутреннее и

внешнее ослабление США, о котором говорил и писал Кеннан в последние свои годы, активное нежелание населения и конгресса страны повторения предыдущих провальных сценариев американских агрессий и отступление в последний момент ближайшего союзника – Британии наряду с личной не решительностью и слабостью Обамы как политика, по крайней мере, временно предотвратили тогда развитие этого катастрофического сценария.

ЭПИЛОГ

Нет оснований сомневаться в том, что Джордж Фрост Кеннан – одна из ключевых фигур мировой политики и дипломатии XX века, в истории советско-американских отношений. Эта констатация сама по себе не является ни отрицательной, ни положительной. И Наполеон, и Рузвельт, и Сталин, и Черчилль, и Гитлер были и навсегда останутся ключевыми историческими деятелями с точки зрения влияния на судьбу человечества при всей диаметрально противоположной оценке их роли и их личностей.

Что же касается Кеннана, то он заинтересовал автора прежде всего как предельно противоречивая фигура. Мне кажется, что это касается не только его деятельности и его влияния на политические события в США и в мире, в том числе в нашей стране. Эти противоречия пронизывают саму его личность. Его жизнь – это постоянный процесс познания самого себя, споров с самим собой, отрицания самого себя и, в конце концов, выражаясь философским языком, отрицания отрицания.

В мировой мемуарной литературе, за исключением Льва Толстого, Вольтера и еще нескольких исторических деятелей, мало можно найти людей с подобной же способностью к жестокой самокритике и переоценке ранее сделанного.

Получается, что вся вторая половина длинной жизни Кеннана была посвящена в основном именно этому – критике и переоценке сделанного в первой половине.

Трагической особенностью судьбы Кеннана было его интеллектуальное одиночество («Не с кем поговорить». – *В. Путин*). Его чаще всего не понимали, не слышали, или понимали неправильно, или использовали его идеи и предположения совсем не так, как он этого хотел и с противоположным результатом. При этом поразительно, что это одиночество он испытывал в эпоху, переполненную талантами и умницами высшего разбора. Правда, за

исключением Роберта Оппенгеймера, жизнь его с ними не свела (например, не удалось ему поговорить с тем же Махатмой Ганди в ернической интерпретации Путина), а от уникальных шансов свидеться с некоторыми из них он отказался по собственной воле. В частности, от запроса на беседу с Иосифом Сталиным в бытность послом в Москве (мне кажется, он этой вполне вероятной встрече просто испугался). В то же время с восхищением Кеннан в своих мемуарах оценивал калибр таких личностей, как братья Даллесы и Трумэн. Что здесь – дипломатниченье даже в отставке? Выделение их как выдающихся на фоне серости остального круга своего профессионального общения? Искреннее уважение?

Можно себе представить настроение Кеннана, если бы пик его карьеры пришелся на век нынешний, для политического и научного наполнения элиты которого Ачесон, Маршалл, братья Даллесы в США или Молотов и Вышинский в СССР – недосягаемые вершины.

Вопрос лишь в том, не внес ли сам Кеннан свой и немалый вклад в формирование сегодняшнего мира в той примитивно-опасной форме, в которой он пребывает?

Так же, как Александр Яковлев именуется «архитектором перестройки» (в смысле, гробовщиком СССР), Джордж Кеннан, несомненно, принципиальный дизайнер «холодной войны», предсказанная им победа в которой США и поражение СССР привели к нынешней мировой ситуации, опасной для самого существования и смысла существования не только России и бывших советских республик, но и тех же Штатов и остального человечества. Пришедшиеся на активную часть жизни Кеннана 30–80-е годы прошлого века стали вершиной экономического, научного и культурного развития США и СССР, их друзей и союзников. А в то же время победоносно отпразднованное на Западе окончание «холодной войны» обозначило переход к длительному, продолжающемуся и сейчас периоду общей деградации и у нас, и у них.

Мне кажется, что Кеннан, помимо прочих выдающихся талантов обладавший даром предвидения, в какой-то момент начал понимать и чувствовать, что сброшенный им на Россию аваланш проблем потенциально погребет и Запад. Вспомним, что не только и не столько по причине настроений преклонного возраста, он безо всякого энтузиазма, с настороженностью и большой тревогой воспринял распад СССР и начавшиеся после этого международные авантюры США в Афганистане и Ираке.

Попытка Кеннана в своих научных и публицистических трудах второй половины жизни исправить то, что он сделал в первой, как мы знаем, в принципе не могла изменить нынешний трагический тренд развития мировой истории и политики в США, России и в большей части стран мира. Как уже отмечалось в нашей работе, трагедия Кеннана (и не только его), заключалась в том, что самые разрушительные его идеи не только доводились до крайности, но и делались смертельно опасными для человечества. Ибо вопреки и

без того предельно опасному и реакционному замыслу самого автора доктрины сокрушения СССР, этому процессу, помимо невоенных подрывных действий (ныне называемых «мягкой силой»), вашингтонские ястребы придали еще и военную составляющую, которая обрекла человечество на десятилетия гонки ядерных и обычных вооружений.

Все его протесты по этому поводу не просто отклонялись – их никто в правящей американской элите не желал слушать. В результате получилось, что Кеннан действительно превратился в трагическую фигуру Франкенштейна XX века, по собственной воле и вопреки ей сотворившего Молоха, десятилетиями собиравшего неисчислимые человеческие жертвы, главной из которых стали народы СССР, но далеко не только они. В наше время развертывания нового мирового экономического кризиса и кризиса мирового капитализма (рано отпраздновавшего «конец истории» как свидетельство вечного якобы торжества либеральной идеологии) последствия всего этого становятся ясны, как никогда.

Из опубликованных поздних заявлений и дневниковых записей Кеннана очевидно, что он вполне осознавал трагедийность заданного во многом благодаря его усилиям направления развития мировой истории после 1991 года. Оставшись в мире единственной сверхдержавой, без сдержек и противовесов, созданных Советским Союзом, Соединенные Штаты стали проводить политику, которую иначе как политикой мирового бандита и хулигана не назовешь. Конечно, позывы такого рода и соответствующие действия присутствовали в политике США и раньше – вспомним ту же войну во Вьетнаме, решительным противником которой был Кеннан. Но такого вопиющего нарушения самой сути системы международного права, как насильственное смещение правительств Сербии, Ирака, Ливии и убийства их законных лидеров, власти США в период существования СССР, конечно же, себе не позволяли. Это Кеннан, несомненно, осознавал и потому с такой обреченной решимостью и тихой яростью в конце своей жизни осуждал.

Как помнит читатель, в это время он с удивлением обнаружил, какое мрачное впечатление производит его Родина. По его словам, в последние годы XX века положение в Соединенных Штатах выглядело трагически... Более того, по свидетельству Генри Киссинджера, Кеннан предвидел время, когда Америка может исчерпать свои внутренние резервы, физиологические и психологические возможности для продолжения прежнего имперского курса, мировой гегемонии. Мы знаем, что и здесь он не ошибся в своем предвидении – в первом и в начале–середине второго десятилетия XXI века сирийский кризис, другие провалы на Ближнем Востоке, кризис доверия в отношениях со странами Латинской Америки, фактическое возвращение к состоянию «холодной войны» в отношениях с Россией и затяжной финансово-экономический и социальный кризис это показали более, чем ясно.

Впрочем, как не раз происходило с ним раньше, трагические предчувствия Кеннана и в отношении Америки, и в отношении России разделяло мизерное количество людей в политических элитах обеих стран. Наоборот, и там и там преобладали настроения триумфализма. Хорошо помню государственный визит президента Бориса Ельцина в США в июне 1992 года. В качестве сотрудника российского посольства в Вашингтоне я стал свидетелем его выступления на специально созванном по этому поводу 17 июня совместном заседании обеих палат конгресса (редчайший случай в практике американских законодателей применительно к гостям из-за рубежа).

По внешнему виду Ельцина, появившегося в зале под гром оваций и покинувшего его с еще большим триумфом со словами: «Бог благослови Америку и Россию», было видно, что это его выступление он рассматривал как вершину своей политической карьеры и явно наслаждался моментом славы. Его относительно короткая речь 22 раза прерывалась «бурными, продолжительными аплодисментами» и вставаниями американских законодателей, которым было от чего придти в восторг. Ельцин тогда заявил им, что «мир может вздохнуть свободно» ибо «коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул., коммунизм не имеет человеческого облика».

Там же Ельцин прокаркал, что развалил СССР, чтобы «75-летний кошмар не повторился вновь», и выразил Америке «искреннюю благодарность и признательность» за «неоценимую моральную поддержку» этого своего преступления²⁸⁹. Конгресс и американская пресса тогда буквально стонали от упоения своей победой и лицемерия поверженного и клянущегося в верности бывшего врага №1 – кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

Аналогичным образом реагировали на происходящее американские политологи. Ведущий из них Збигнев Бжезинский вообще провозгласил Россию в 1997 году «черной дырой» Евразии, одновременно восславив «уникальность» США как мировой державы, их динамизм как залог «главенствующей роли в мире»²⁹⁰.

Как мы уже знаем, человек по фамилии Джордж Кеннан, внесший наибольший вклад в саму возможность хода исторических событий, символизируемых подобным появлением главы России на Капиталийском холме и больше всего напоминавшем приход русских князей в Орду за ярлыком на владение уделом, в это время меньше всего чувствовал себя триумфатором и, наоборот, был обьят мрачными предчувствиями. И оказался, как всегда,

²⁸⁹ См. стенограмму выступления по записи американской телекомпании Си-СПЭН.

²⁹⁰ См. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010. С.35, 109.

прав. Так и вижу соответствующее выражение лица у Кеннана при просмотре им репортажа из конгресса 17 июня 1992 года.

Что касается России, то согласно опросам Левада-центра, в 2006 году негативно оценивали фигуру Ельцина и результаты его правления 70% граждан нашей страны (положительно – 8%)²⁹¹. Вряд ли это отношение изменилось в лучшую сторону сегодня.

Что касается Америки, то согласно опросам, 70% граждан этой страны встречали 2014 год с преимущественно негативным взглядом на их правительство, систему правления и крайне ограниченной надеждой на то, что избранные ими политики смогут справиться с крупнейшими проблемами страны²⁹². Что касается популярности президента Обамы, то его положительный рейтинг в конце 2013 года составлял 43% опрошенных, а отрицательный – 55%. В результате рейтинг Обамы в конце пятого года его правления был ниже, чем почти у всех его предшественников, отсидевших в Белом доме два срока, включая такую абсолютную бездарность, как Дж.Буш-младший, и был чуть выше, чем у Ричарда Никсона во время Уотергейтского скандала²⁹³.

В то же время большинство американцев в 2013 году считали конгресс США худшим в истории. 60% опрошенных не доверяли ни одному члену конгресса, а более половины вообще выступали за его роспуск²⁹⁴.

Что же касается Бжезинского, то характерно заключение сенатора Джона Керри (вскорости ставшего госсекретарем США) на выводы книги последнего, вышедшей в 2012 году: «Времена меняются, мир становится многополярным – и если США не пересмотрят свою концепцию глобальной роли “Богом избранного гегемона в мировой политике”, то их ждет точно такой же системный кризис, какой погубил в свое время СССР»²⁹⁵.

Как мы знаем, нынешний президент Обама не прислушался к мнению собственного госсекретаря по этому вопросу, в 2013 году в очередной раз заявив об американской «исключительности», за что и получил «отлуп» от Президента Путина на страницах «Нью-Йорк таймс». Но Обама не слушает не только Москву. «Мне в самом деле не нужен Джордж Кеннан», – самоуверенно провозгласил он недавно, при этом не выведя Америку ни из одного доставшегося ему в наследство внешнеполитического кризиса и попадая во все новые волчьи ямы (последние по времени кризисы – вокруг Сирии и Украины). А зря! Уже известный нам профессор Фрэнк Костиглиола справедливо отмечает на страницах той же газеты, что президенту США сейчас самое бы время прислушаться к кеннановскому мнению, хоть и с того света²⁹⁶.

²⁹¹ См. «Ведомости». 2007, 24 апреля.

²⁹² “Associated Press”. Jan. 4, 2014.

²⁹³ <http://www.kasparov.ru/note.php?id=462DB6CB930BC>.

²⁹⁴ <http://newsland.com/news/detail/id/1260959/>.

²⁹⁵ См. *Бжезинский 36*. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М., 2012.

²⁹⁶ *Costigliola F.* What Would Kennan Say to Obama? // “New York Times”. Feb. 27, 2014.

Ф.Костиглиола как исследователь дневников Кеннана утверждает на основании содержащихся в них суждений, что вызовы, с которыми сталкиваются сегодня США, включают в себя не только «враждебные страны и угрожающие идеологии», но и собственно американские непомерные амбиции и самодовольные притязания на свое преимущество. Автор статьи напоминает, что Кеннан в конце жизни считал: попытки насильственного распространения демократии посредством военной силы «это то, чего отцы-основатели этой страны никогда не намечали и никогда бы не одобрили».

Дипломатия, направленная на капитуляцию другой стороны, а не на компромисс, отмечал Кеннан, это глупость, поскольку основанное на несправедливости решение будет неминуемо подорвано ее открытым или скрытым сопротивлением. Сказано как будто про сегодняшний день – спланированный и профинансированный США и ЕС и направленный против коренных интересов национальной безопасности России бандеровский путч в Киеве в феврале 2014 года – только один из примеров такого рода. Но, как давно известно, уроки истории для многих нужны лишь для того, чтобы их забывать.

Основываясь на письменном наследии Кеннана, профессор Костиглиола напоминает о том, что после развала СССР Кеннан яростно протестовал против экспансии НАТО на Восток и других мер, направленных на использование тогдашней слабости России. Сегодня Штаты в полной мере пожинают плоды своего поведения, сталкиваясь с резким ростом антиамериканских настроений в нашей стране и с мерами открытого противодействия со стороны Путина, будь то предоставление политического убежища перебежчику из АНБ США Эдварду Сноудэну, политика в защиту сирийского режима Башара Асада или присоединение к России Крыма.

Как пишет в этой связи Костиглиола касательно роли США в мире в целом, Кеннан, основываясь на опыте новейшей американской истории и собственном опыте, хотел, чтобы США прекратили свои изнурительные для страны усилия играть роль мирового полицейского. И приводит завет этого дипломата и ученого: «Величайшей услугой, которую эта страна могла бы оказать остальному миру, было бы приведение в порядок собственного дома и превращение американской цивилизации в пример благопристойности, человечности и социального успеха, из чего другие страны могли бы извлечь то, что они сочтут полезным для своих собственных нужд»²⁹⁷. Как мы знаем, США сегодня, как небо от Земли, далеки от этого идеала.

В нашей работе мы постарались изложить и обсудить вторую часть жизни Кеннана, время существования и активной творческой деятельности его alter ego – не просто второго я, а альтернативной преждему Кеннану фи-

²⁹⁷ Ibid.

гуры с иной, иногда до противоположности иной политической философией, в то же время сохранившей преемственность с первой. Эта вторая, посвященная науке часть его жизни нами не достаточно исследована. В частности, в глубоком и подробном анализе нуждаются его многочисленные исторические труды.

Был ли «первый» Кеннан ярким антисоветчиком и врагом нашей страны, врагом не только СССР, но и России как радикально иного в отличие от Запада социального, геополитического и цивилизационного явления? Несомненно. Вспомним, что согласно открытым в середине 90-х годов архивам, он являлся не только архитектором, но и активнейшим участником тайной войны США против СССР (или «организованной политической войны» в рамках предложенного им «агентства по проведению секретных операций»), а в открытой публикации начала 50-х годов всерьез рассматривал в отношении нашей страны вариант войны «горячей» (т.е. ядерной?). Не забудем, что в мемуарах он же называл лютого ненавистника нашего государства, одиозного директора ЦРУ Алена Даллеса своим другом, совершенно не случайно приглашавшим его на работу в собственное ведомство.

Но как тогда понять искреннюю его любовь к Толстому и Чехову, дневниковую запись о том, что Россию надо оставить русским и не мешать ей жить отлично от Запада, так, как хочет ее народ? Как понять призыв к русским в той самой абсолютно антисоветской статье 1950 года сохранить при формировании нового государства после крушения СССР все позитивное, существовавшее в советском проекте и не копировать слепо западный опыт?

И, наконец, самое трудное, мучительно трудное для нас в его наследии – кеннановское пророчество конца Советского Союза и объяснение его причин. Ведь, по сути, он считал, что СССР распадется сам собою, даже без особых усилий к этому со стороны США и их союзников, тем более, военных усилий. Просто вследствие заложенных в его основание серьезных структурных дефектов, частично унаследованных от царской России, частично благоприобретенных при советской власти. Главными из которых являлись авторитарный характер государства, отсутствие конкурентной политической демократии и реальных политических свобод граждан, разделения законодательной, исполнительной и судебной власти и самое главное – обеспечения регулярного законного и мирного характера сменяемости первых лиц на основании народного волеизъявления. От себя добавим (этого не было и не могло быть у Кеннана, не знавшего и не понимавшего научного социализма), что все это могло и должно было быть в социалистическом Советском Союзе, тогда мы и сейчас счастливо жили бы в этой замечательной стране.

Самое же трагичное состоит в том, что нынешняя Россия не только унаследовала те же коренные дефекты политического устройства, но и усугубила их, ликвидировав великие экономические, социальные, культурные завоевания и преимущества социализма и Советской власти. Рискуя, таким образом,

катастрофой значительно худшей, чем та, которая случилась с нами двадцать с лишним лет назад. Вот и получается, что познавая Кеннана, мы познаем не только Америку с ее достижениями и пороками, не только взлеты и падения отдельного выдающегося индивида, но жизнь и судьбу нашего Отечества, извлекая из наследия этого американца ценные уроки для себя, как ее граждан. Дай-то бог, чтобы эти уроки были уяснены и использованы во благо и спасение нашей многострадальной, великой и любимой Родины, которой на роду написано быть победительницей, а не побежденной!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Философия и дипломатия Кеннана – начало пути	9
Россия как судьба? Сначала не признавать, потом вредить	18
Кеннан и война	41
Кеннан и зарождение «холодной войны»: звездный час дипломата? ..	83
Посол в Москве	156
Погорелец	203
Кеннан и «охота на ведьм»	226
Принстон: другая жизнь, другой Кеннан	243
«Последнее прости» дипломатической работе	250
Вторая жизнь Кеннана: наука	267
Джордж Фрост Кеннан: жизнь после смерти	271
Наследие Кеннана: борение страстей. Центристы и правоцентристы ...	272
Наследие Кеннана: борение страстей. Левые либералы	290
Мудрецы против течения	305
Эпилог	312

Л.Н. ДОБРОХОТОВ

Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи

Проект «Аргументы истины»

Научное издание

Подписано в печать 17.03.2014

Формат 70x100^{1/16}

Объем 21,2 уч.-изд. л.; 20 усл.п.л.

Тираж 1000 экз.

119991, Москва, Ленинский пр., 32А

8(495) 938 19 10